

Этническая политика в странах Балтии

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
N.N. MIKLOUHO-MACLAY
INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

Ethnic Policies in the Baltic States

**Файл данной книги только для рецензентов.
Не для свободного распространения!**

Editors-in-Chief:

V.V. POLESHCHUK, V.V. STEPANOV

MOSCOW NAUKA 2013

Этническая политика в странах Балтии

Ответственные редакторы:

В.В. ПОЛЕЩУК, В.В. СТЕПАНОВ

МОСКВА НАУКА 2013

**Файл данной книги только для рецензентов.
Не для свободного распространения!**

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-01-16036

Рецензенты:

доктор исторических наук *С.В. Соколовский*,
профессор Латвийского университета *Ю. Розенвалдс*

Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука. – 2013. – 407 с. – ISBN 978-5-02-038044-8 (в пер.).

В книге представлены важнейшие проблемы этнической политики современных государств Балтии. Изучено влияние на нее событий советского периода истории, факторов текущей балтийской политики реституции и политики исторической памяти. На основе данных переписей населения и официальной статистики представлен обзор демографических изменений, касающихся русского населения стран региона. Особое внимание уделено влиянию на балтийскую этнополитику деятельности органов Евросоюза и Совета Европы, представлены основные подходы к оценке этой политики российскими и западными учеными.

Коллектив авторов включает специалистов по балтийской этнополитике из России, Эстонии, Латвии и Литвы, а также из стран Запада.

Для ученых в области гуманитарных исследований, политиков, специалистов сферы социального управления, преподавателей и студентов вузов, общественных деятелей.

ISBN 978-5-02-038044-8

© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: европейские меньшинства и политизированные мифы в балтийском контексте (<i>В.А. Тишков, В.В. Степанов</i>).....	9
<i>В.В. Полещук</i> Русские в балтийском общественно-политическом дискурсе	24
<i>П. Ярве</i> Советское наследие и современная этнополитика стран Балтии	39
<i>В.В. Полещук, А.С. Димитров</i> Континуитет как основа государственности и этнополитики в Латвии и Эстонии.....	64
<i>И.В. Никифоров</i> Политика исторической памяти в странах Балтии. Опыт и современное состояние	92
<i>И.В. Никифоров, В.В. Полещук</i> Демография русского населения Эстонии в XX веке	155
<i>В.В. Волков</i> Демография русского населения Латвии в XX–XXI веках	177
<i>А. Марцинкявичюс</i> Русские в независимой и советской Литве: демография, социальное положение, идентичность	197
<i>Е.К. Хелемяэ</i> Социально-экономические трансформации в Эстонии	219
<i>Т.Б. Богусевич</i> Протестная мобилизация русскоязычного меньшинства в Латвии....	236
<i>Т.В. Агарин</i> Из одного союза в другой: западная наука о балтийской этнополитике в преддверии вступления в ЕС.....	258
<i>Д.В. Коченов</i> Европейский союз и этнополитика: пример Латвии и Эстонии.....	294
<i>Б.Л. Цилевич</i> Влияние органов Совета Европы на этнополитику в Латвии, Литве и Эстонии	323

<i>Б. Зена</i>	
Дискурс формирования политики иммиграции в Латвии.....	343
<i>А.П. Бердников, Д.А. Ханов</i>	
Российская наука об этнополитике стран Балтии	359
Заключение (<i>В.В. Полещук</i>)	376
Summary	386
Краткие сведения об авторах	404

CONTENTS

Opening Remarks: European Minorities and Politicised Myths in the Baltic Context (<i>Valery A. Tishkov, Valery V. Stepanov</i>)	9
<i>Vadim Poleshchuk</i>	
Russians in the Baltic Political Discourse	24
<i>Priit Jdrve</i>	
Soviet Legacies and Ethnopolitics of the Baltic States	39
<i>Vadim Poleshchuk, Aleksejs Dimitrovs</i>	
Continuity as a Basis for Statehood and Ethnic Policies in Estonia and Latvia	64
<i>Ilja Nikiforov</i>	
Historical Memory Policies in the Baltics: Experiences of the Past and the Current State of Affairs	92
<i>Ilja Nikiforov, Vadim Poleshchuk</i>	
The Demography of Estonian Russian Population in the 20 th Century	155
<i>Vladislav Volkov</i>	
Demographic composition of the Russian Population in Latvia in the 20 th –21 st centuries	177
<i>Andrius Marcinkevičius</i>	
Ethnic Russians in Independent and Soviet Lithuania: Demography, Social Status and Identity	197
<i>Jelena Helemäe</i>	
Social-economic Transformations in Estonia	219
<i>Tatyana Bogushevitch</i>	
Protest Mobilisation of the Russian-speaking Minority in Latvia	236
<i>Timofey Agarin</i>	
From One Union to Another: Western Academia on Baltic Ethnic Policies on the Threshold of the EU	258
<i>Dimitry Kochenov</i>	
The EU and Ethnic Policies: the Case of Latvia and Estonia	294

<i>Boriss Cilevics</i>	
Impact of the Council of Europe on Ethnopolitical Issues in Latvia, Lithuania and Estonia	323
<i>Brigita Zepa</i>	
Discourse of Formation of the Migration Policies in Latvia	343
<i>Andrey Berdnikov, Deniss Hanovs</i>	
Academic Discourse in Russia on Ethnic Politics in the Baltic States...	359
Conclusion (<i>Vadim Poleshchuk</i>).....	376
Summary.....	386
Authors	404

ВВЕДЕНИЕ

ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И ПОЛИТИЗИРОВАННЫЕ МИФЫ В БАЛТИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Казалось бы, для современной Европы проблема меньшинств по политическим взглядам и нормам политкорректности уже давно приобрела законченную форму. После Второй мировой войны было четко определено (и закреплено в международном и национальных законодательствах), где именно есть этнические (языковые, религиозные) меньшинства, сколько их, какие они и какие права им необходимо предоставлять. При этом количество меньшинств было очень небольшим – на то они и «меньшинства». В Австрии законом защищены права меньшинств из числа словенцев и хорватов, имеющих собственные традиционные территории, а также венгров, чехов, словаков, рома и синти. В Бельгии меньшинством признано малочисленное германоязычное население, не защищенное территориальной автономией, но наделенное правом решать проблемы культуры и школьного образования. В Германии общее число людей, официально причисленных к меньшинствам, крайне невелико и их права признаны на ограниченных территориях, а в понятие «меньшинство» не включены так называемые новые меньшинства, в частности, турки. Подписывая Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств, Германия декларировала, что поскольку конвенция не содержит определения понятия «национальное меньшинство», ее положения на территории Германии будут применяться в отношении датчан, сорбов, фризов и цыган (синти и рома). При этом федеральная конституция Германии не зафиксировала каких-либо специальных указаний в отношении защиты меньшинств, такие указания есть лишь в конституциях германских земель, где проживают эти меньшинства. Список меньшинств был установлен в Польше и в других государствах.

С наступлением XXI в. возникла потребность в новом понимании того, кто «может» быть меньшинством и интересы каких

групп следует принимать во внимание. Сознвая, что жизнь не стоит на месте, западноевропейский политический истеблишмент сохранил в неизменном виде старые принципы политики в отношении меньшинств, но в течение нескольких десятилетий предпринял впечатляющие по своим масштабам попытки внедрить параллельную доктрину о новых меньшинствах, впрочем, не признавая их таковыми. Политика получила название мультикультурализма. Казалось, до последнего времени она действовала более или менее успешно, но в 1990-е годы ускорился процесс объединения Европы (политическая и экономическая интеграция, свобода трансграничных перемещений) и возросли общеевропейские риски финансово-экономического, а следовательно, и политического кризисов. Если прежде ксенофобская риторика была уделом лишь маргиналов от политики, то сегодня даже в государствах признанной европейской демократии высокопоставленные чиновники один за другим признаются в нелюбви к возросшему культурному разнообразию. Выяснилось, что политика мультикультуранности плохо совместима с политикой меньшинств, а обе они не только не дополняют друг друга, но даже порождают специфические формы дискриминации, уделяя разным группам населения внимание в зависимости от их национальности, этнической принадлежности, расы, языка и религии. Если в какой-либо стране Евросоюза определенная группа, например цыгане, наделены меньшинственным статусом (Германия, Польша и др.), то в других европейских странах отсутствие аналогичного статуса (Франция, Греция) не компенсируется политикой мультикультуранности, и данная группа даже подвергается со стороны властей открытой дискриминации.

Оказалось, что в условиях единой Европы разные государства стремятся к разной политике меньшинств и мультикультуранности. В масштабах объединенной Европы по-прежнему нет надлежащего внимания ни к «старым» (списочным) меньшинствам, ни, тем более, к «новым» (непризнаваемым). Даже на уровне государств остается проблематичным выполнение международных норм о защите меньшинств и близких к ним по положению групп. Во многих странах Европы ущемляются цыгане. Не привлекают достаточного внимания властей многие культурно-отличительные группы (далее перечень заведомо неполный) – венгры в Чехии, Словакии, Румынии, российские немцы в Германии, русские в Финляндии, сардинцы и тирольцы в Италии, бретонцы и корсиканцы во Франции, баски и каталонцы в Испании, ирландцы, расовые и миграционные меньшинства в Великобритании. Особого внимания требует проблема массового нарушения прав

культурно-отличительных групп на территории бывшей Югославии, особенно в Косово¹.

Геополитические вызовы конца прошлого столетия внесли еще больший разлад в европейское восприятие меньшинств. После распада СССР и в связи с крушением всей социалистической системы европейское содружество государств пополнилось новыми членами, и возросло количество меньшинственных и мультикультурных ситуаций. Появились государства, где русские и другие русскоязычные на территории своего постоянного проживания и рождения были названы нацменьшинствами, но при этом не только не получили поддержки, но и оказались в статусе апатридов – лиц без гражданства. В Латвии они составили половину, в Эстонии – треть населения, а в Риге – большинство жителей. Открытая дискриминационная политика имела целью вызвать отъезд русских в Россию. Но русские в своем подавляющем большинстве остались в странах Балтии. Ныне они поставлены перед необходимостью жесткой борьбы за достижение статуса равноправия и за сохранение своей культурной идентичности перед вызовом мощной и последовательной политики ассимиляции. Жесткое ассимиляторство уж точно не вписывалось в европейские стандарты относительно меньшинств и мультикультуранности, но такую политику объединенная Европа в целом поддержала, а некоторые политические силы взяли «опыт» Эстонии и Латвии себе на заметку.

Напомним, что русское население проживает на территории Латвии и Эстонии с древних времен. В Российской империи Латвия была одним из важнейших центров православного старообрядчества, в период независимого существования между двумя мировыми войнами это была территория русско-немецко-латышского трехязычия, а в советский период – республикой с русско-латышским двуязычием². В Эстонии было широко распространено эстонско-русское двуязычие. В обеих республиках позиции национальных языков были очень сильными: языковой ассимиляции в пользу русского среди латышей и эстонцев фактически не было (исключение – «сибирские» латыши, вернувшиеся из сталинской ссылки), в поздний советский период на национальных языках получили развитие печать и телевидение, энциклопедические издания, театр, литература, музыкально-певческая культура. Русский язык и национальные языки в советское время существовали как средства коммуникации параллельно существующих языковых сообществ³. По мнению авторитетных ученых, в советский период миграционная политика не преследовала цель намеренной русификации, а тем более «этнических чисток,

колонизации или других мер геноцида», как это представляют местные политики и ученые в рамках «особой балтийской теории жертвы»⁴. Социально-культурная ситуация резко изменилась после исчезновения СССР. В течение всех последующих лет в Латвии и Эстонии проводилась борьба с русским языком и с русским культурно-историческим наследием.

Бывший Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макс ван дер Стул однажды заявил, что он не знает, что собой представляют национальные меньшинства, но зато может точно сказать, существует или нет проблема меньшинств в той или иной стране, где ему приходится бывать. Он также утверждал, что с его точки зрения вопрос существования меньшинств – это вопрос факта, а не права⁵. Когда Совет Европы принял Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, ряд государств-членов ее ратифицировали и каждый год предоставляют отчеты о выполнении конвенции, а специальный Консультативный комитет в Страсбурге наблюдает за ее исполнением. Но уже понятно, что необходима ревизия так называемой политики меньшинств и одного из порождений этой политики в виде этой конвенции. Прежде всего следует избавляться от ангажированности, предвзятости и двойных стандартов, во многом связанных с расплывчатыми формулировками самой конвенции. Доктрина меньшинств с момента ее рождения в начале XX в. была крайне политизированной, а с научной точки зрения – уязвимой. Рождение и существование теории меньшинств и основанной на ней политико-правовой практики было связано с проблемой существования разных форм неравенства людей, основанных на этнических, религиозных, расовых и языковых различиях. Но желание государств компенсировать эти формы неравенства оказалось в сильной зависимости от политических предпочтений. На основе предпочтений, а не действительной ситуации, составлялись перечни так называемых признанных меньшинств.

Главный недостаток европейской конвенции – это дальнейшее закрепление несостоятельной идеологии и бытовых представлений о существовании твердо установленных групп меньшинств. Инспектирующие соблюдение конвенции лица настаивают на необходимости иметь в стране список меньшинств и сокрушаются, когда такого списка нет. В докладе по России говорится: «Консультативный комитет отмечает, что Российская Федерация не установила перечень национальных меньшинств и что она не занимает четкой позиции в отношении того, на какие группы будет распространяться Рамочная конвенция или какое определение следует дать термину “национальное меньшинство”»⁶. Собственно

говоря, за всем этим скрывается латентная полемика между Россией и Западной Европой, которая сводится к тому, что Россия готова распространять деятельность конвенции на все недоминирующие группы: от вынужденных мигрантов до представителей коренных малочисленных народов Севера. Но тогда, при пересмотре подходов, и в самой Европе в категорию меньшинств должны попадать не группы по твердому списку, а те, которые действительно находятся в ущемленном положении.

Однако в условиях европейского разделения политики на меньшинственную и мультикультурную, и тем более на нынешнем этапе, когда с высоких трибун уже высказаны сомнения в целесообразности мультикультурализма как такового, новый подход поставил бы в трудное положение западноевропейские страны. И конечно, этот подход осложнил бы деятельность правительств некоторых стран бывшего СССР – Латвии и Эстонии. Они хитрой казуистикой вывели часть населения, принимавшего участие в создании новых государств, из категории граждан, попытавшись тем самым снять с себя ответственность за исполнение мер по поддержке и защите культуры и языка, а также по политическому представительству этой части населения. Руководство Литвы, однако, оказалось мудрее и не стало прибегать к таким приемам. Европа в свое время дала добро на акцию выведения из гражданства до половины населения двух постсоветских государств, а позднейшие усилия Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств, по понятным причинам, не принесли ощутимых результатов.

Другим отступлением европейцев от мировой нормы стала измененная формулировка субъекта конвенции: им стали не лица, принадлежащие к языковым, этническим, религиозным и расовым меньшинствам, а лица, принадлежащие к «национальным меньшинствам». Почему «национальным»? Только в восточно-европейской и советской традиции термин «национальный» было принято использовать в этническом смысле. Поскольку территориальные контуры этнонаций не совпадают с государственными границами, то «национальными меньшинствами» считались и до сих пор считаются люди, проживающие за пределами государств основного расселения этнически родственного населения (венгры за пределами Венгрии, поляки за пределами Польши и т.д.).

Что имели в виду ОБСЕ, создавая пост Верховного комиссара, или Совет Европы, принимая Рамочную конвенцию, не очень ясно. Однако предложения представителей Венгрии и Турции, озабоченных «разделенностью наций», были приняты. Вместо

этнических, языковых и религиозных появились «национальные меньшинства». Это позволяло канализировать внимание и деятельность ОБСЕ и Совета Европы в направлении тех стран, где признана данная дефиниция и данная категория населения. Поскольку в Великобритании, Испании, Франции или Финляндии «национальных меньшинств» нет, то и делать ОБСЕ в этих странах «нечего». Потому верховный комиссар Ван дер Стул занимался все годы своей службы Венгрией и Югославией, Латвией и Эстонией, а также Украиной (Крымом).

Впрочем, в Балтийских государствах «нацменьшинства» возникли не в результате европейской политической доктрины, а на осколках советской идеологии. Возникновение новых государств после распада СССР, а применительно к странам Балтии используют и понятие «восстановление старой государственности», создало 15 сложных и непохожих друг на друга ситуаций в сфере нациестроительства и этнической политики. Однако есть некоторое общее для новых стран сходство. Это – доктрина и практика этнического национализма советского образца, породившая так называемые «национально-освободительные проекты» под лозунгом о праве наций на самоопределение. Поскольку «социалистическими нациями» в СССР были названы титульные этнические общности в рамках соответствующих союзных республик, то именно эти этнические элиты возглавили движение за дезинтеграцию советского государства и создание новых государств вместо бывших союзных республик.

Никаких теоретических новаций для сецессии на этнонациональной основе не требовалось – распад произошел как реализация старого советского лозунга о праве наций на самоопределение. Если в иных новых независимых государствах конституционная формула заключала в себе откровенный этнонационализм, то в странах Балтии вместо этнонаций был взят за основу государственности принцип «восстановленного гражданства» в «восстановленном государстве». Этот принцип обернулся грандиозной привилегией именно для этнических латышей, эстонцев и частично литовцев. Нужно отдать должное политической изощренности балтийских политиков по части исключения из состава нации значительной части населения и нераспространения на изгоев даже категории защищаемых международными нормами меньшинств.

Не все и не сразу осознали суть и последствия балтийского постсоветского проекта. Впрочем, было бы грешно жаловаться на недостаток внимания со стороны ученых к ситуации в странах Балтии. Норвежский историк Пол Колстое, американский социолог Дэвид Лейтон, российские политологи и этнологи Д. Фурман, М. Устинова, С. Рыжакова и многие другие – каждый со своих дисциплинарных позиций и идеологических воззрений изучали ситуацию и делали выводы⁷. Но все равно доминирующей осталась первоначальная популистская позиция, сложившаяся в период горбачевской либерализации и исходившая из того, что имело место «восстание наций» против «советской империи», что якобы постколониализм как парадигма лучше всего объясняет суть распада СССР и произошедших в его пределах последствий. Следует сказать, что большое число собственно балтийских исследователей создали мощный пласт научной и публицистической литературы, этнонационалистической по своей сути, амбициозной и надменной по своей стилистике, но не лишенной профессионализма по части сделанного выбора и методов нациестроительства.

Собственно говоря, ни о каком строительстве постсоветских наций в странах Балтии, как правило, не задумывались. Речь шла об устранении «угроз», которые несла «малым нациям» Балтии «большая нация» в лице русского населения. Многоэтническая природа новых балтийских наций была сразу же отвергнута как невозможная. Допустимым признавался только один вариант – культурно-языковая ассимиляция русскоязычного или польскоязычного населения в этнических средах латышей, литовцев, эстонцев. Для его осуществления ключевым моментом представлялось радикальное уменьшение численности нетитульного населения через систему косвенного насилия и принуждения к эмиграции, а для оставшихся – жесткая политика в сфере образования и языкового регулирования.

Только спустя десять с лишним лет у экспертного сообщества и части политического класса стран Балтии стало формироваться осознание невозможности обеспечить развитие трех балтийских наций на моноэтнической основе. Но трудность отказа от этнонационализма настолько велика, что, несмотря на опасность, которую он представляет для самих государств, этнонационализм по-прежнему лежит в основе государственного управления. Отказ русскоязычному населению в гражданских правах был продиктован наивной и корыстной целью исправить демографический баланс в пользу титульных этнонаций и сделать их привилегированными распорядителями материальных благ. Этнонационализм в Латвии и Эстонии настолько глубоко укоренился в новой государственности и массовом менталитете, что в нынешних условиях даже постановка вполне разумных вопросов о возврате к принципу «нулевого гражданства» и к провозглашению офи-

диального двуязычия кажется «невероятной». Между тем национальные культуры этих двух стран достаточно сильны, и им не угрожает присутствие русского языка и культуры, хотя русский язык является родным для огромной части местного населения. Кроме многокультурности и формирования мультиэтнических наций других безболезненных альтернатив развития у стран Балтии нет. Есть, однако, массовые фобии о русском засилье, есть и построенная на подобных фобиях политика массового принуждения к ассимиляции.

Сецессия Латвии, Эстонии и Литвы была принята международным сообществом как восстановление независимой государственности, которой обладали эти территории до 1940 г. Главный смысл такого варианта самоопределения в Латвии и Эстонии заключался в том, чтобы лишить статуса гражданства русское и другое нетитульное население, вынудив его уехать в Россию или ассимилироваться. Как заявила бывший президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, «проблема русских в Латвии в том, что их слишком много». Поскольку массовый исход русскоязычного населения не состоялся, государственные машины Латвии и Эстонии через политику ассимиляции попытались уменьшить численность русских в своих странах. В какой-то мере это удалось сделать, и нынешняя демографическая оценка уже перевела русских в разряд численно сокращающегося меньшинства, а титульное население – в положение уверенного большинства, тогда как к моменту распада СССР русские составляли до трети населения.

В любом государстве имеется категория лиц, по тем или иным причинам не имеющих никакого гражданства. Но лишь в постсоветской Латвии и постсоветской Эстонии в политических целях власти создали беспрецедентные условия, при которых отсутствие гражданства стало массовым. Русскоязычные СМИ этих стран, представители русских общин постоянно говорят о том, что ситуация с массовым безгражданством является не стихийным, а целенаправленным результатом деятельности властей; эта ситуация должна рассматриваться международным сообществом именно как акция лишения политических прав значительной части населения соответствующих стран, а не как вынужденная проблема, возникшая в результате переселений. В настоящее время на указанном «основании» не имеют какого-либо гражданства более 13% постоянных жителей Латвии, а это свыше 300 тыс. человек, и 6,7% жителей Эстонии – 91 тыс. человек⁸.

Лица, не имеющие гражданства, не имеют всей полноты политических и гражданских прав (хотя в полном объеме подвергаются государственному налогообложению). В Совете Европы

в связи с проблемой массового безгражданства уже многократно заявлено, что наличие гражданства служит необходимой предпосылкой для полноценного пользования остальными правами человека. Неграждане не имеют права участвовать в общегосударственных выборах – у них нет права голоса и нет права быть кандидатами. Если в Эстонии неграждане хотя бы могут участвовать в муниципальных выборах, то в Латвии им запрещено избирать даже депутатов тех самоуправлений, где они платят налоги. При этом гражданин любой другой страны Евросоюза, приехавший на жительство в Латвию, уже по прошествии короткого срока получает право участвовать в выборах в органы самоуправления. Неграждане не могут работать на государственной службе и на некоторых других должностях.

В обеих республиках вместо паспорта гражданина апатридам выдается другой документ – паспорт иностранца (*alien's passport*). От сокращения слова «неграждане» на русском языке распространилось бытовое наименование «негры», которым с иронией называют себя лишённые прав люди. Для вхождения в гражданство им предложена процедура «натурализации», которая значительной частью населения воспринята как несправедливая и унижительная. В среде местных русских можно услышать: «Полвека живу в Латвии, полжизни проработал инженером на рижском заводе, знаю латышский язык, отстаивая получение Латвией независимости, пострадал как защитник баррикад в 1991 г., но гражданство путем натурализации не хочу брать из принципа». Или: «Я в Латвии с 1958 г., дочь родилась здесь, она латышский знает, но “натурализоваться” не хочет, а я в свои 77 лет экзамены просто не сдам»⁹. Живущий в Эстонии известный историк-египтолог С. Стадников, переводчик на эстонский, популярный автор колонок в эстоноязычных СМИ является гражданином России. Его позиция в отношении натурализации как человека, всю жизнь прожившего в Эстонии и боровшегося за эстонскую независимость, воспринимается как укор местному истеблишменту.

Местные общественные активисты высказывают точку зрения, которая уже давно стала предметом массового дискурса: «Свое нежелание натурализоваться объясняю принципиальными соображениями. Меня лишили гражданских прав фактически силой и, натурализуясь, я признаю тем самым правоту насильников. К этому, кстати, многие [европейские] эксперты относятся с пониманием, они считают разделение латвийского населения на граждан и неграждан ошибочным. Это иллюзия, что после всеобщей натурализации здесь будет полная идиллия. Не будет, потому что государственной идеологией в 1991 г. выбрали русофобию»;

«Я родился в Латвии и был лишен новыми властями гражданских прав. Натурализовался в 2006 г., но считаю институт безгражданства Латвии явлением постыдным. Развиваться, двигаться вперед стране поможет только сплочение народа, единение русских и латышей. Но латвийские руководители действуют строго наоборот... Русские, вытесненные государством на обочину, привыкли выживать в одиночку и придерживаются этой модели»¹⁰.

Известно и мнение людей, которые, обладая гражданством, поддерживают неграждан, тем более, что во множестве случаев разделение проходит прямо по семьям и родственникам: «Разделение на граждан и неграждан очень разобщает наше общество. Вот получают все право голоса, и тогда все изменится. Главное – люди будут друг к другу лучше относиться! А потенциал-то какой у неграждан, сколько среди них умных, талантливых, знающих людей! Они должны идти в Думу и Сейм, чтобы поднимать нашу экономику!»¹¹.

Насколько простые люди – латыши и эстонцы – поддерживают в своих странах режим разделения, сказать сложно, хотя по этому вопросу проводилось немалое количество исследований. Власти Латвии и Эстонии утверждают о полном «гражданском» консенсусе, а общественные деятели из русскоязычной среды указывают на неточность такого заявления. Они подчеркивают, что старшее поколение латышей и эстонцев в большинстве осознает несправедливость разделения населения, а молодежь, воспитанная в новых условиях, считает, что неграждане в их стране есть лишь потому, что те не хотят пройти законом установленную процедуру натурализации¹².

Не имеют гражданства не только взрослые, но и дети. Остроту этой проблемы не единожды подчеркивали международные организации. Рекомендации Совета Европы гласят, что Эстонии следует изменить законодательство, чтобы дети неграждан с момента рождения проходили автоматическую натурализацию. Комиссар Совета Европы указал, что в Эстонии на начало 2013 г. детей и подростков, не имеющих гражданства, свыше 1,2 тыс. человек. Отмечено уменьшение количества детей, получающих гражданство через механизм натурализации: в 2011 г. – 605 человек, в 2012 г. 469¹³. Хотя еще в 2002 г., до вступления Латвии в Евросоюз, Парламентская ассамблея Совета Европы оценила политическую ситуацию в этой стране как «долговременный дефицит демократии». Ситуация с «дефицитом» остается без изменений. При этом в 2015 г. Латвия будет председательствовать в ЕС.

Многие международные структуры относятся отрицательно к системе массового безгражданства в Латвии и Эстонии, усматри-

вая в ней этнический (т.е. дискриминационный) характер проблемы. Однако позиция международных структур по этому поводу не является активной. Они заявляют о «невозможности» оказывать давление на внутреннюю политику этих стран. Между тем очевидно, что международные структуры учитывают не только факт массового несоблюдения прав человека в двух Балтийских государствах, но и подмечают «геополитический интерес» России, которая якобы заинтересована в том, чтобы зарубежные русские и русскоговорящие получили в Балтийских странах гражданство. При этом как бы упускается из виду, что на протяжении двух постсоветских десятилетий Россия как раз приветствовала переход соотечественников в российское гражданство, и значительная часть населения в обеих балтийских республиках российское гражданство получила. В докладе международной правозащитной организации Amnesty International, обнародованном в 2013 г., со ссылкой на Управление Верховного комиссара по беженцам ООН, указывается, что 300 тыс. «неграждан Латвии» в основном русского происхождения, хотя и обладают в сравнении с другими ситуациями безгражданства в мире «несколько большими правами и защитой закона», тем не менее лишены политических прав¹⁴. Благодаря указанию на «российское мигрантское происхождение» и «лучшие», чем у апатридов в других странах, права проблема балтийских неграждан не воспринимается европейскими экспертами и чиновниками как острая. В суждениях сказывается и недостаточная осведомленность международных структур о ситуации в Балтийских странах. В 2012 г. в Нью-Йорке глава офиса по правам человека Управления Верховного комиссара по правам человека ООН И. Шимонович обсуждал с общественными представителями Латвии и Эстонии проблему массового безгражданства как проблему «мигрантов»¹⁵.

О том, что Россия могла бы помочь решить проблему массового безгражданства в странах Балтии, говорят общественные деятели и правозащитники из этих стран. Они считают, что не действуют подписанные в 1991 г. с Латвией и Эстонией договоры, в которых гражданство этих стран определялось в результате свободного выбора населения («оптации»), а не в результате получения вида на жительство и обязанности сдавать экзамен на знание языка и конституции/истории страны¹⁶. Однако очевидно, что ответственность за нарушение договоров несет как раз та сторона, которая не предоставила гражданство собственному населению на равных для всех условиях. По неоднократным заявлениям российских политиков, отношение России к ситуации массового безгражданства русского и русскоязычного населения двух Бал-

тийских государств резко отрицательное. Но внешнеполитические действия по преодолению неравноправия ни на каком этапе, вплоть до настоящего времени, не были последовательными.

Находясь фактически один на один с проблемой, общественные структуры из среды русского населения в Латвии и Эстонии стремятся донести до мировой общественности, прежде всего европейской, всю сумму несправедливостей и в связи с массовым безгражданством, и в связи с ограничениями по языку и этнической принадлежности. Уже пришло понимание того, что требуется сплоченность и собственная инициатива, что необходимо «формировать общественное мнение Европы», что это «работа кропотливая» и никто другой ее делать не будет¹⁷. Общественные активисты говорят, что действуют не в интересах какой-либо другой страны, не в интересах России, а в собственных интересах. Все чаще они заявляют, что являются прежде всего патриотами своих государств, что намерены расшевелить европейскую общественность и убедить европейские правовые структуры в том, что допущена историческая несправедливость по отношению к ним, как части жителей объединенной Европы. Высказываются предложения добиться для себя сперва гражданства Евросоюза¹⁸ (которое в настоящее время является лишь производным от гражданства страны-члена ЕС – прим. ред.). Были (и до сих пор не исчезли) надежды на то, что сам факт председательства той или другой балтийской страны в Европейском союзе будет стимулом для избавления от дискриминации¹⁹. Дело дошло даже до того, что, собравшись на форум российских соотечественников, балтийские русские направили коллективное послание американскому президенту Б. Обаме, дабы тот повлиял на латвийские власти²⁰.

В странах Балтии процесс освоения русскими титульных языков идет достаточно энергично – здесь мало шансов противостоять государственной машине. В будущем это может сильно изменить ситуацию не в пользу русского языка. Но не следует верить мифам о том, что русский язык и русская культура в странах Балтии исчезнут вслед за исчезновением СССР. В 2004 г. в Латвии из 2,3 млн населения 1,3 млн активно владели русским языком, в Литве из 3,4 млн активно владели 0,5 млн, в Эстонии из 1,3 млн – 0,5 млн.²¹ Это при том, что русский язык во всех трех странах был жестко определен как один из иностранных языков без каких-либо преференций даже на местном уровне (т.е. там, где проживает наибольшее количество его носителей).

Ситуацию с русским языком выявили результаты социологического опроса, проведенного организациями «Евразийский

монитор» и «Наследие Евразии» через социологическую службу «Циркон» в 2007 г. Картина впечатляет высокой степенью использования русского языка. О владении русским языком половина и более опрошенных жителей стран Балтии ответили утвердительно. Из сферы домашнего общения русский язык вытеснен только в Литве, а в Эстонии и Латвии на русском в семейном кругу говорят до 40%; аналогичные данные получены по языку внесемейного бытового общения. Больше всего языковой дерусификации подверглись государственные учреждения. Но даже в такой репрессивной для русского языка сфере, как образование, русский язык сохраняет значимые позиции и в Эстонии, и в Латвии. Если прессу и книги на русском языке люди читают примерно на таком же уровне, что и использование русского языка дома и на работе, то более доступное русскоязычное телевидение оказывается лидером среди поставщиков информации²².

Сложившаяся за последние десятилетия тенденция свидетельствует о появлении в среднесрочной перспективе массового двуязычия как наиболее приемлемой стратегии. Но при этом в странах Балтии действует энергичная, подчас агрессивная образовательная политика по переводу школьного образования с русского, где он еще сохранился, на государственные языки. Со своей стороны, Россия, руководствуясь международно-правовыми нормами и заботами о русском языке, не должна снимать вопрос об официальном двуязычии либо о мерах специальной защиты и поддержки русского языка в странах Балтии.

Ситуация с массовым безгражданством и культурно-языковым ассимилятором в Латвии и Эстонии выглядит на сегодня как тупиковая. За годы, прошедшие со времени исчезновения СССР и получения Эстонией и Латвией независимости, власти этих государств даже путем репрессивной политики лишения гражданства не смогли полностью выдавить из страны или полностью ассимилировать иноэтническое и иноязычное население. Но они смогли отлучить «этнически нелояльное» население от политических прав и запустить в действие механизмы принудительной языковой и культурной ассимиляции. Со своей стороны, Россия, многократно высказывавшая протесты, не смогла повлиять на эти два государства. Авторитетные же международные структуры проявили к проблеме безгражданства и ассимиляторства терпимость, выказывая двум Балтийским странам лишь отдельные укоры. Что касается самих русских, проживающих в странах Балтии, то их самостоятельная организационная активность по преодолению проблемы безгражданства и утраты языка проявилась только в

последние годы. Будучи запоздалой, эта активность, очевидно, не может принести в скором времени существенные перемены.

Российским политикам и экспертам не следует заблуждаться – в странах Балтии для России русскоязычное сообщество не стало политической опорой и едва ли сможет стать таковой. Местные молодые русские, овладев эстонским, латышским, литовским языками, а также английским, служат в вооруженных силах стран НАТО, поставив свою гражданскую ответственность выше этнокультурной идентичности. Это – мировая практика диаспорального поведения. Но также мировой нормой является и отказ от принудительной ассимиляции балтийских русских в пользу латышей, литовцев и эстонцев. Это драматическое противоречие еще предстоит преодолеть в будущем, ведь власти Балтийских стран, судя по всему, и впредь хотят придерживаться доктрины этнической и языковой однородности своих государств.

Если же общегражданские принципы нациестроительства в странах Балтии смогут взять верх, русская диаспора свою идентичность формировала бы не на конфликтной, а на «конгломератной» основе, например, балто-славянской.

Косвенное и прямое насилие не принесут ни социальной, ни политической стабильности, ибо частные и групповые стратегии граждан сильнее установок балтийских политиков и ученых, мечтающих создать однообщинные государства. Если безнадежность доктрины узкого этнонационализма не будет осознана, внутренний конфликт в Латвии и Эстонии продолжится. Он может обрести резкие формы, когда местные неграждане и граждане с принижением по причине этнического происхождения статусом смогут политически организовать, сформулировать требования и добиваться их исполнения.

¹ См.: Соколовский С.В. Права меньшинств и международное право: проблемы самоопределения и суверенитета. М., 1997; Дрибинс Л. Этнические и национальные меньшинства в Европе. Рига, 2004; Этнические меньшинства в современной Европе / Под ред. А.Н. Кожановского. М., 1997; Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Она же. Косовский узел: этнический фактор. Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. № 204. М., 2008.

² Диманте И.В. Русский язык в Латвии: история и перспективы // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 177–187.

³ Zaslavsky V. The Evolution of Separatism in Soviet Union under Gorbachev / From Union to Commonwealth: Nationalism and Separatism in the Soviet Republics / Eds. G.W. Lapidus, V. Zaslavsky. Cambridge University Press, 1992.

⁴ Wiegandt M.H. The Russian Minority in Estonia // International Journal on Group Rights. 1995. № 3. P. 117.

⁵ Van der Stoel M. "I Will Have to Develop New Methods for My Future Task". Acceptance Speech to the Stockholm Meeting of the Council of Ministers of Foreign Affairs of the CSCE, 15 December 1992, Stockholm, Sweden // Peace and Stability through Human and Minority Rights. Speeches by the OSCE High Commissioner on National Minorities / Eds. M. van der Stoel, W. Zellner and Lange F. Baden-Baden, 1999. P. 32.

⁶ Консультативный комитет Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств. Мнение о Российской Федерации, принято 13 сентября 2002 г., Страсбург, П. 20.

⁷ Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics. L., 1995; *Idem*. Political Constructions Sites: Nation Building in Russia and the Post-Soviet States. L., 2000; Laitin D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Princeton, 1997; Страны Балтии и Россия: общества и государства / Сост. Дм. Фурман. М., 2002.

⁸ Носович А. Русские в Латвии независимо от наличия гражданства остаются русскими (rubaltic.ru); ЕС и ООН: в Эстонии продолжается дискриминация русскоязычного меньшинства (www.mid.ru).

⁹ Александрова Ю. «Негры» Латвии выбрали свой Парламент (Фонд содействия гуманитарному сотрудничеству «Русское единство» // rusedin.ru

¹⁰ Из интервью А. Гапоненко (общественный деятель в Латвии, один из организаторов референдума за русский язык, заместитель спикера самоучрежденного негражданами в 2013 г. «Парламента непредставленных») и А. Гамалева (общественный активист). См.: Слюсарева Е. Есть ли жизнь после референдума? // Русский век. 2012. № 8 (ruvek.ru)

¹¹ Александрова Ю. Указ. соч

¹² Носович А. Указ. соч.

¹³ ЕС и ООН: в Эстонии продолжается дискриминация русскоязычного меньшинства (www.mid.ru).

¹⁴ Amnesty International. Annual Report 2013: Latvia (www.amnesty.org)

¹⁵ Гуцин В. В ООН – о массовом безгражданстве в Латвии и Эстонии (rusedin.ru)

¹⁶ Ткачев В. Русский омбудсмен в Эстонии: Фонд решает вопросы предельно оперативно и проактивно (rus.ruvr.ru)

¹⁷ Об этом см.: Слюсарева Е. Указ. соч.

¹⁸ Об этом см.: Носович А. Указ. соч.

¹⁹ Европарламент: проблема неграждан должна быть решена в Латвии до 2015 года (kongress.lv; pravfond.ru).

²⁰ Обращение принято на 6-й конференции организаций российских соотечественников Латвии в августе 2013 г.

²¹ Орешкина М. Русский язык в правовом пространстве стран СНГ и Балтии // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., С. 186.

²² Русский язык в новых независимых государствах: состояние и перспективы. Аналитический отчет 18.10.2007 (Международное исследовательское агентство «Евразийский Монитор»).

В.А. Тишков, В.В. Степанов

РУССКИЕ В БАЛТИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В.В. Полещук

По переписи населения 1934 г. эстонцы составляли 88,1% всего населения Эстонии. Самой большой группой среди меньшинств были русские (8,2%), $\frac{2}{5}$ которых проживали на землях, ныне входящих в состав Российской Федерации¹. Другими крупными меньшинствами были немцы и шведы, которые массово выехали из Эстонии перед началом и во время Второй мировой войны. По переписи 1989 г. крупнейшими этническими группами были русские (30,3% всего населения), украинцы (3,1%), белорусы (1,8%) и финны (1,1%). Неэстонцы составляли в 1989 г. уже 38,5% всего населения². В Латвии число жителей увеличилось почти до 2 млн к 1935 г., процент этнических меньшинств был сравнительно высоким (24%). В советское время происходила массовая миграция жителей из других республик СССР, в результате которой к 1989 г. доля латышей увеличилась до 48% от общего населения (2,7 млн)³. Литва избежала столь значительных демографических изменений: доля меньшинств здесь, по данным последней советской переписи, не превышала 21%⁴.

В перестроечный период миграционные процессы стали темой политических дебатов в странах Балтии. Например, Народный фронт Эстонии в своей программе подверг критике «великодержавную ассимиляционную политику, приводящую к бессмысленной миграции и механическому смешению людей разной национальности, в том числе навязывание многонациональных коллективов, смешанных детских садов, школ и т.п. Подобная политика искажает патриотические чувства людей и приводит к формированию лишенной корней людской массы»⁵. Местные ученые также подчеркивали, что экономическая модернизация служила советской администрации средством для нивелирования этнических различий⁶. В свою очередь, немецкий исследователь М. Вигандт предположил, что имела место своего рода «особая

балтийская теория жертвы», отвергая как необоснованное обвинение тезис, что миграционная политика «центра» преследовала цели «сознательной политики русификации» или даже «этнических чисток, колонизации или других мер геноцида» с целью изменения демографии Эстонии⁷.

На практике больше претензий касалось, скорее, вопросов использования «местных» языков. Латвийский социолингвист И. Друвиете, одна из идеологов современной языковой политики в странах Балтии, считает, что проводившаяся здесь во времена СССР политика билингвизма должна была привести к смене языков. «Долговременный билингвизм практически невозможен, если имеется доступ к доминирующему языку, причем социально-экономические факторы мотивируют к переходу на доминирующий язык. Некоторыми общими факторами, которые облегчали доступ к доминирующему языку, были: огромный уровень миграции, единая система обучения, экзогамия, обязательная военная служба, СМИ, особенно телевидение, и т.п.»⁸. Для нерусского, считает Друвиете, «единственной имевшейся возможностью была замена родного языка на русский через добровольную ассимиляцию. Временным решением было владение двумя языками: своим и русским»⁹. Правда, Друвиете полагает, что «русификация» балтийских республик не была успешной, однако местные жители изучали русский, что делало жизнь приезжающих сюда русских очень удобной¹⁰.

Действительно, в 1940 г. после 22-летнего перерыва в странах Балтии был восстановлен статус русского языка, будучи де-факто официальным на всей советской территории. Однако Д. Лейтин указывал, что, например, в советской Эстонии в основном на эстонском языке велось преподавание в вузах, издавались правительственные директивы, осуществлялось межрегиональное сотрудничество и даже общение в высших эшелонах власти¹¹. Тем не менее расширяющееся использование русского языка, а также низкий уровень владения «местными языками» среди быстро увеличивающегося «некоренного населения», особенно в Эстонии и Латвии, породил среди «титовых групп» тревогу за судьбу родного языка, который всегда воспринимался как один из важнейших элементов идентичности. Именно защита эстонского и латышского языка и культуры стала, по мнению Н. Мельвина, «центральной аргументом по оправданию политической активности в странах Балтии во время перестройки»¹². Еще в 1997 г., когда социологи попытались выяснить, чем же неэстонцы угрожают эстонцам (с точки зрения последних), одной из бесспорных причин (63%) стало незнание эстонского языка¹³. Эстонские со-

циологи даже рассматривают саму проблему владения неэстонцами эстонским языком как фактор, влияющий на рост взаимодоверия между двумя общинами¹⁴.

В балтийском общественном дискурсе сегодня главенствует убеждение, что русские ныне чувствуют свою ущемленность, так как лишились прежних привилегий в период торжества «исторической справедливости». В свое время даже предпринимались попытки научно обосновать это утверждение. Скажем, А. Кирх в качестве реальной экономической привилегии указывал на возможность быстрого получения русскоязычными квартир в советское время (других примеров он не приводит)¹⁵. Однако норвежский ученый П. Колстое на основе обширного исследования утверждал, что в 1970–1980-е годы этнические русские в союзных республиках «имели во многих местах ограниченные возможности в доступе к политической власти, а в некоторых местах даже в отношении возможности получить образование. Вообще в период после смерти Сталина русские диаспоры имели в республиках культурные и языковые привилегии по отношению к другим нетитульным группам, но не имели никаких особых привилегий по отношению к титульным группам»¹⁶.

На волне политической либерализации эпохи перестройки «титульные группы» стран Балтии пережили успешную этническую мобилизацию и четко выразили свое стремление восстановить независимость страны. В общественных дискуссиях конца 1980-х годов наметилась тенденция идеализировать довоенную государственность, что стало важной предпосылкой для формирования новой идентичности нации¹⁷. Советский период и советская власть (на бытовом языке «русское время», «русская власть») увязывались с этническими русскими и русским языком и стигматизировались как чуждое и неорганичное для стран Балтии явление. Подобные настроения подогревались также осознанием негативных черт советского режима, и в особенности демографическими изменениями в регионе после Второй мировой войны и проблемой плохого владения меньшинствами местными языками. Негативное восприятие советской действительности стало прочным фундаментом идеологии реституции во всех трех странах Балтии

Все начало 1990-х годов прошло под знаменем борьбы балтийских элит, особенно латвийской и эстонской, против признания местных русскоязычных неотъемлемой частью населения – они могли быть оккупантами, колонистами, бывшим гражданским гарнизоном, гастарбайтерами, но не национальными меньшинствами. Категорический отказ местных «мейнстримных» поли-

тиков признать существование лингвистических меньшинств можно рассматривать и как попытку искусственного дробления, ретнификации меньшинственной группы. Ситуация была более спокойной в Литве, где скромная доля меньшинств в общей массе населения не давала поводов для алармистских высказываний и действий.

Споры вокруг того, как будет изменяться идентичность «нетитульных» групп в странах Балтии, продолжают, и, пожалуй, определенного ответа на данный вопрос пока дать невозможно. Например, Д. Лейтин в получившей известность работе «Формирующаяся идентичность» предположил значительный ассимиляционный тренд среди русскоязычных Эстонии¹⁸. Можно сказать, что этот прогноз пока не оправдался. В 2012/13 учебном году в основных школах Эстонии обучались 27 720 учеников, для которых эстонский не был родным языком. Из них подавляющее большинство (77%) предпочли основную школу с русским языком обучения¹⁹. Вопрос о переходе русских гимназий преимущественно на эстонский язык обучения (60% учебной работы) с 2007/08 учебного года оценивается также неоднозначно. По данным исследования «Мониторинг интеграции 2005 г.», более половины неэстонцев высказывали опасения по поводу реформы, полагая, что переход на эстонский язык может привести к утрате русской молодежью своей идентичности, негативно сказаться на уровне владения ею русским языком и на ее связях с русской культурой. Эти опасения были характерны и для молодежи²⁰. Исследование 2005 г., проведенное в Таллине, показало, что свыше половины эстонцев высказались за ассимиляционные модели образования для русскоязычных, а большинство неэстонцев предпочли неассимиляционные модели²¹. Массовый переход русских учеников в эстонские школы не состоялся.

По мнению Р. Брубейкера, институционально поддерживавшееся этнокультурное представление о государственности среди балтийских национальных меньшинств, включая русских, делает их членами «внешней» нации, что затруднит, если вовсе не исключит, их принадлежность к нации-государству, где они проживают и где имеют гражданство²². Вопрос о возможной ориентации меньшинств на «историческую родину» привлекал внимание и других исследователей. На фоне интереса Российского государства к проблеме «соотечественников за рубежом» в российской науке вполне закономерно началась разработка «диаспоральной» тематики, которая и рассматривала вопрос о полной или частичной ориентации русскоязычных меньшинств на Россию.

Н. Космарская (основываясь преимущественно на киргизском материале) выдвинула идею о «диаспорном» и «автохтонном» проектах интеграции русскоязычных ближнего зарубежья, каждый из которых имеет определенный потенциал полной реализации. Она полагает, что это – параллельные (а не сменяющие друг друга) стратегии, осуществляемые разными группами²³. Проводя «тест на “диаспору”», автор пользуется моделью У. Сафрана (William Safran). Подробным образом рассматривается одна из сторон идентичности – восприятие родины. Автор приходит к выводу, что «на уровне “состояния души” русскоязычные пока не могут быть названы сообществом, отвечающим важнейшему критерию диаспоры (отношение к родине)»²⁴. Кроме того, Н. Космарская уделяет внимание особенностям политической и гражданской активности русскоязычных. И снова слишком многое свидетельствует о невозможности признать «диаспорный» проект в качестве ведущего или единственного. Это и заставляет ее дополнительно обратиться к «автохтонному» проекту, который по сути предполагает ориентацию русскоязычных на так называемую новую родину, т.е. на новые независимые государства.

Т. Полоскова видела в Эстонии и других странах Балтии начало формирования диаспоры (под которой понимала «этнокультурный и этнонациональный феномен»), обладающей рядом признаков, прежде всего множественной этнической самоидентификацией, имеющей диаспоральные институты, а также стратегию взаимодействия с госинститутами принимающей страны и «титulyного» государства²⁵. Дискриминацию меньшинств и запрет на создание диаспоральных объединений в странах Балтии Полоскова считала «болезнью роста» молодой государственности, где диаспоральная тематика рассматривается в контексте реальной или мнимой угрозы национальной безопасности²⁶.

Весьма оптимистичен прогноз российского антрополога В. Тишкова, который предположил, что «в Эстонии и Латвии как в граждански более состоявшихся обществах (не без политического и националистического иезуитства), похоже, общегражданские принципы рано или поздно будут брать верх и для местных “некоренных” (т.е. русских диаспор в расширительном смысле), вариант эстонкости, российскости, латвийскости более предпочтителен, а свою этническую идентификацию они могут строить действительно на “конгломератной” основе, как, например, балто-славянскости (этот вариант уже вполне обсуждаем среди диаспорных активистов)»²⁷.

При этом, рассматривая вопрос о нынешнем положении и о будущем русских и других групп меньшинств в странах Балтии, мы

не можем обойти внимания вопрос о доминирующих здесь этнополитических концепциях. Например, в эстонском и латвийском экспертном сообществе, как и на бытовательском уровне признается наличие проблемы разделенного общества. Если находиться в рамках «местной» версии политкорректности, то речь может вестись об эстонцах/латышах и неэстонцах/нелатышах²⁸. Дихотомия литовец/нелитовец часто используется и в Литве. Есть общее понимание, что эти две группы отличаются по национальному (этническому) признаку. Примечательно, что Эстония и Латвия, которые долгие годы были вынуждены защищать свою версию этнополитики на международном уровне, не имеют каких-либо официальных концептуальных документов, посвященных этому вопросу. Исключением в какой-то степени являются несколько документов по проблеме интеграции, которые начали разрабатываться только в конце 1990-х годов. Например, первая подробная интеграционная эстонская программа 2000–2007 гг. была ориентирована на все эстонское общество, хотя основной упор делался «на образовавшуюся в советское время в результате широкомаштабной миграции общину, основным языком общения которой является русский и у многих членов которой нет достаточных связей с эстонским обществом»²⁹. Проблеме общего языка изначально уделялось особое внимание и в латвийских интеграционных документах.

Упоминание основного языка общения неслучайно, ведь он также является демаркационной линией эстонского и латвийского обществ, разделенных на «титulyноязычных» и «иноязычных». Если каких-либо вопросов не возникает в связи с эстонцами и латышами, которые, за редчайшим исключением, говорят на эстонском и латышском как на родном, то на практике наблюдались сложности в отношении определения «иноязычных». Подавляющее большинство неэстонцев и нелатышей, включая представителей нерусских меньшинств, говорит на русском как на родном. Однако термин «русскоязычные» был табуирован в проправительственных экспертных кругах.

Считается, что отказ властей стран Балтии от признания русского лингвистического меньшинства (т.е. русскоязычных как особой группы) связан с нежеланием делать какие-либо уступки русскому языку в публичной сфере. Однако следует учитывать и весьма распространенное в начале 1990-х годов искреннее возмущение в адрес «российских империалистов», которые отказывались признать, что «с точки зрения международного права нет такого меньшинства, как “какое-то язычное” меньшинство. Есть Русские, украинцы, белорусы, евреи, финны, латыши и т.д. и т.п.,

для признания которых меньшинствами имеется целый ряд условий...»³⁰ В официальном дискурсе все годы независимости это оформляется в виде заявлений, что в Эстонии, Латвии или Литве проживают «свыше 100 национальностей».

Во многом именно трепетное отношение к «национальному» не допускает мысли о внешнем или внутреннем объединении меньшинств по какому-либо другому признаку. При этом вопрос о природе национального/этнического в научной или экспертной среде стран Балтии не отрефлексирован. Здесь неизвестны характерные для России дебаты между примордиалистским и конструктивистским подходами к этническим вопросам³¹. Однако нет сомнений, что в экспертной среде господствует именно примордиализм³². Он также популярен среди этнонационалистов, которым, по словам Н. Мельвина, импонирует представление о нации, «которая существовала во тьме веков, задавленная или ждущая “пробуждения”»³³.

Для описания представлений членов «титulyных групп» о самих себе можно перечислить стандартный набор штампов, которые позволяли некоторым западным исследователям говорить о «культурном национализме (cultural nationalism) эстонцев, латышей и литовцев. Так, в масштабах восточноевропейской истории «титulyные группы» существовали почти всегда³⁴ (до 4 тыс. лет), сохраняя свое единство в рамках большого разнообразия языкового («диалекты») или бытового (костюмы, архитектура жилищ) характера. Эстонность, латышскость или литовскость базируются на общей культуре, важнейшим элементом которой является (все-таки общий) язык. И, наконец, у «титulyного населения» наблюдаются особые связи с родной землей, где оно знает название каждого сколько-нибудь значительного географического объекта. Более того, Эстония, Латвия или Литва – единственное место, где представители титulyных групп могут развивать свой язык и культуру, иными словами, видят себя как группу с четкими (некоторые даже с непроницаемыми) границами, отделенную от всего внешнего мира, к которому отнесены и меньшинства.

Балтийские страны мало чем отличаются от других бывших соседей по советской коммунальной квартире. Как отмечал Л. Баррингтон, «изучавших центральную Европу и бывший СССР не удивит, что эстонцы определяют свою нацию в этнических терминах... Некоторые... считают, что нация определяется не по крови, но по культуре. Но даже это не ограничивает этнический характер нации. Некто может стать эстонцем, только приняв эстонский язык и обычаи. Не высказывается и идея включения культурных особенностей неэстонцев в эту нацию культуры или определения “эстонца” на основе лояльности государству»³⁵.

Балтийская версия национализма тесно связана с местными представлениями о «титulyной» нации. По словам Э. Соосаар, «веками у прибалтов было только два выбора: выжить как нациям или раствориться среди больших наций. Можно сказать, что мы решили подсознательно, но коллективно выжить. Поэтому для нас национализм был способом существования... Чтобы выжить, ты должен быть националистом»³⁶. Понятно, что на фоне таких интерпретаций в странах Балтии получил развитие не гражданский, а именно этнический национализм, который «рассматривает нацию как этнокультурную категорию, как общность, имеющую глубокие исторические корни, социально-психологическую или даже генетическую природу»³⁷. Попытки ввести в официальный дискурс рассуждения о гражданском национализме, о гражданской нации во всех трех странах были не особо успешными.

Показателен пример Эстонии, где в интеграционной программе 2000 г. подчеркивалось: «В общественном диалоге все функционирующие в Эстонии культуры равны. Но в отношениях с государством положение эстонской культуры отличается от положения культур национальных меньшинств, поскольку одной из целей эстонской государственности является сохранение и развитие эстонского культурного пространства»³⁸ (данный пассаж базируется на преамбуле эстонской конституции).

Литва, проводившая достаточно либеральную меньшинственную политику в первые годы независимости, не вызывала большого интереса у исследователей. Однако немало внимания уделялось Эстонии и Латвии, где в рамках политики реституции большая часть русских и других меньшинств не были признаны гражданами страны. За последние годы появилось немало работ, в которых доказывалось, что артикулированные или скрытые цели балтийской этнополитики призваны создать определенную (вертикальную) систему отношений между большинством и меньшинством. Политика в области гражданства, языка или даже интеграционная политика лишь задействуют механизмы по обеспечению контроля, доминирования или исключения со стороны этнического большинства. Например, Х. Линц и А. Стефан полагали, что Эстония и Латвия в отношении меньшинств прибегают к стратегии их изоляции от политического процесса через непредоставление политических прав. Это так называемый третий тип созданной ими типологии, который характеризуется, с одной стороны, признанием различий между нацией и демосом (в рамках нациестроительства), но, с другой стороны, исключением меньшинств (в рамках государственного строительства)³⁹.

В свою очередь, Г. Смит и П. Ярве описывали Эстонию и Латвию как «этническую демократию». Смит опирается на более раннюю версию концепции этнической демократии С. Смууха, согласно которой она отличается от других типов демократии тем, что определенная часть населения структурно обладает высшим статусом. За недоминантными группами не признается право предъявлять столь же большие требования к государству, равно как они не считаются вполне лояльными. В отношении Эстонии и Латвии, по мнению Смита, эта модель должна быть модифицирована. «Во-первых, гегемония основной нации была здесь достигнута через ограничение сферы политических прав и законы о языке... Во-вторых, некоторые гражданские и политические права принадлежат всем... Наконец, признаются некоторые коллективные права...»⁴⁰

В доработанной концепции Смууха⁴¹ перечислялись следующие отличительные признаки «этнической демократии»: 1. Этнический национализм ведет к установлению в государстве единственной основной этнонации; 2. Государство разделяет наличие гражданства и членство в единственной основной этнонации; 3. Государство находится в собственности и управляется единственной этнонацией; 4. Государство мобилизует основную этнонацию; 5. Государство предоставляет неосновным группам неполный набор индивидуальных и коллективных прав; 6. Государство позволяет неосновным группам вести парламентскую и внепарламентскую борьбу за перемены; 7. Государство рассматривает неосновные группы как угрозу; 8. Государство устанавливает некоторый контроль над неосновными группами. Согласно выполненному еще в 2000 г. анализу П. Ярве, ситуацию в Эстонии характеризуют (хотя бы частично) все из вышеперечисленных признаков, кроме четвертого⁴². В отношении Латвии С. Дьячкова установила частичное наличие всех основных признаков «этнической демократии»⁴³.

П. Ярве считал также важным проследить, насколько этническая демократия формально институализирована при помощи правовых средств и насколько она базируется на других проявлениях этнического национализма. Исследователь пришел к выводу, что благодаря принципу реституции и специфическому разрешению вопроса о гражданстве не было необходимости открыто закреплять в эстонском законодательстве этнические принципы. Исключением является только преамбула конституции. Этническая небеспристрастность состоящего в основном из этнических эстонцев чиновничества может вести к идеологически мотивированному применению законодательства, в результате чего при-

знаки этнической демократии могут проявиться даже на фоне формального соответствия законов международным стандартам прав человека⁴⁴.

В свою очередь, эстонские ученые В. Петтай и К. Халлик пытались использовать модель Я. Ластика, описывающую «операционализацию» контроля над меньшинствами через механизмы сегментации, зависимости и кооптации. Авторы доказывали следующие тезисы: 1. Решение о гражданстве было важным шагом на пути к сегментации неэстонского меньшинства; 2. Рыночные реформы, как они проводились, изменили экономическую базу эстонской и неэстонской общин, предопределив зависимость второй общины от первой; 3. Эстонская элита прибегала к кооптации ключевых лидеров среди неэстонцев, в том числе и в рамках официальной интеграционной стратегии⁴⁵.

В обеих странах основным механизмом интеграции так или иначе признается изучение неэстонцами и латышами государственного языка. Скажем, в Эстонии программный документ 2008 г. ставит на второе место среди ключевых принципов интеграции эстонский язык в качестве общего языка общения в публичном секторе⁴⁶. В новом латвийском интеграционном документе указывается, что в основе национальной идентичности лежат латышский язык и культурное пространство⁴⁷. «Латышский язык является государственным языком: это язык демократического сотрудничества и средство коммуникации в Латвии, основа для сплоченного общества. Сокращение использования латышского языка будет означать угрозу успешной интеграции общества»⁴⁸. Проблеме балтийской языковой политики посвящена обширная научная литература⁴⁹.

Именно забота о лучшем владении государственным языком представителями меньшинств декларируется в рамках реформы меньшинственных гимназий в Эстонии и Латвии (а с недавнего времени и в Литве). В Латвии переход в старших классах к обучению преимущественно на латышском языке был завершен к 2004 г., в Эстонии на эстонском – к 2011 г. При этом в Латвии это привело к крупнейшим после 1991 г. акциям протеста⁵⁰ и послужило своеобразной мобилизации русскоязычной общины. Отголоском борьбы за сохранение русского языка в рамках полного среднего образования в Латвии можно считать и инициированный с низового уровня референдум, целью которого была придача русскому языку статуса государственного (данное предложение в феврале 2012 г. было поддержано каждым четвертым гражданином Латвии, который участвовал в референдуме)⁵¹.

Хотя реформа школ меньшинств также вызвала сдержанный энтузиазм среди неэстонцев, крупнейшим кризисом в этнических отношениях в Эстонии стали события, связанные с переносом властями в апреле 2007 г. советского памятника погибшим во Второй мировой войне («Бронзовый солдат»). Перенос сопровождался массовыми протестами, а затем и массовыми беспорядками в Таллине и в городах северо-востока страны⁵². Примечательна убежденность половины опрошенных тогда социологами представителей меньшинств, что одной из причин апрельских беспорядков стал «протест против политики эстонского государства в отношении неэстонцев»⁵³.

Важным аспектом анализа выступлений русскоязычных жителей Эстонии и Латвии является увязывание подобной активности с «русским фактором». Например, шеф Полиции безопасности Латвии Я. Рейникс (Janis Reiniks) заявил в эфире национального телеканала, что «русские источники» могли быть среди спонсоров референдума по вопросу о втором государственном языке⁵⁴. В отчете эстонской Полиции безопасности за 2007 г. говорится: «В контексте защиты конституционного строя тесно связанные ключевые слова “Бронзовый солдат” и “массовые беспорядки” вместе с виднеющейся путающей тенью России вошли в историю Департамента полиции безопасности и всей страны»⁵⁵.

Противоречивая этнополитика эстонских и латвийских властей еще в начале 1990-х годов обусловила призывы со стороны русскоязычного населения создать в стране развитую систему защиты прав меньшинств. Этот подход был поддержан рядом международных организаций. Призыв признать культурное разнообразие Эстонии (как и Латвии), социальное и политическое равенство представителей всех этнических групп рассматривается в рамках этого идеологического подхода в качестве неременного условия успешной интеграции общества⁵⁶. Хотя этот подход имел в балтийских условиях незначительное прикладное значение, его поборники могли легко критиковать различные схемы подчинения меньшинств, ссылаясь на всемирно признанные принципы защиты прав человека. Ужесточение этнополитики в Литве в последние годы также наверняка сделает востребованным такой подход.

Как писал Дж. Пакер, «националистический проект «нации-государства» несовместим с уважением прав человека, поскольку ставит в привилегированное положение одно культурное сообщество (одну нацию) по сравнению со всеми другими: режим прав человека в сущности предполагает наличие единого плюралистического государства»⁵⁷. Именно переход от этнического к совре-

менной версии гражданского национализма дает странам Балтии шанс на достижение в будущем социальной стабильности и государственного процветания.

¹ Данные официальной статистики приводятся по: Järve P., Wellmann C. *Minorities and Majorities in Estonia: Problems of Integration at the Threshold of the EU*. Flensburg, 1999. P. 43.

² Statistical Office of Estonia. 2000 Population and Housing Census: Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages II. Tallinn, 2001. Table 8.

³ Данные официальной статистики приводятся по: *How Integrated is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges* / Ed. N. Muižnieks. Riga, 2010. P. 34.

⁴ Sipavičienė A. *Historical of International Migration Development of Lithuania // Lietuvos demografiniai pokyčiai ir gyventojų politika: Demographic Changes and Population Policy in Lithuania* / Ed. V. Stankūnienė. Vilnius, 1995. P. 95.

⁵ Народный фронт Эстонии. Хартия. Программа. Принята Народным конгрессом Народного фронта Эстонии 2 марта 1988 г. Таллин, 1988. Раздел IV («Национальный вопрос»). П. 2.

⁶ Karklins R. *Ethnic Relations in the USSR: The Perspective From Below*. Winchester, 1986; *The Integration of Non-Estonians into Estonian Society: History, Problems and Trends* / Ed. A. Kirch. Tallinn: EAP. 1997.

⁷ Wiegandt M.H. *The Russian Minority in Estonia // International Journal on Group Rights*. 1995. № 3. P. 117.

⁸ Druviete I. *Sociolinguistic Situation and Language Policy in the Baltic States*. Riga, 2000. P. 20–21.

⁹ Ibid. P. 20.

¹⁰ Ibid. P. 24.

¹¹ Laitin D. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad*. Cornell, 1998. P. 71.

¹² Melvin N. *Russians Beyond Russia. The Politics of National Identity*. L., 1995. P. 25.

¹³ Kruusval J. *Usaldus ja usaldamatus rahvussuhetes (Доверие и недоверие в национальных отношениях // Vene küsimus ja Eesti valikud (Русский вопрос и выбор Эстонии))* / Ed. M. Heidmets. Tallinn, 1998. C. 37.

¹⁴ Vihalemm T. *Usage of Language as a Source of Societal Trust // The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia* / Ed. M. Lauristin, M. Heidmets. Tartu, 2002.

¹⁵ Kirch A., Kirch M., Tuisk T. *The Non-Estonian Population Today and Tomorrow: A Sociological Overview*. Tallinn, 1992. P. 5. А. Семенов замечал по поводу этих утверждений А. Кирха, что проблема получения квартиры действительно существовала в Советском Союзе. «С другой стороны, как могли предприятия союзного подчинения приглашать рабочих-мигрантов в Эстонию, не обеспечивая их местом проживания? Кроме того, “хорошее жилье” на деле означало маленькую квартиру в т.н. панельном доме в окраинных районах новостроек. Это вряд ли тянет на “реальные экономические привилегии”. Известно, что большая часть рабочих-мигрантов были шахтерами, докерами, строителями и т.п. Если относить строителей к “привилегированным группам”, то, я полагаю, сама концепция привилегий теряет всякий смысл» (Semjonov A. *Estonia: Nation Building and Integration. Political and Legal Aspects // National Integration*

- and Violent Conflict in Post-Soviet Societies: The Cases of Estonia and Moldova Ed. P. Kolstoe. Lanham; Boulder; N.Y., Oxford, 2002. P. 142.
- ¹⁶ Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics. L., 1995. P. 102.
- ¹⁷ Lagerspetz M. Post-Communism: A Study in the Estonian Social Problem Discourse // Annales Universitatis Turkuensis. Ser. B. T. 214 (1996). Turku, P. 79.
- ¹⁸ Laitin D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Cornell, 1998. P. 363.
- ¹⁹ Письмо Министерства образования и науки от 3 августа 2004 г. № 3.1-3/4172 // Архив автора.
- ²⁰ Proos I. Eestivenelaste keeleoskus ja suhtumine 2007. aasta gümnaasiumireformi (Владение языком эстонорусскими и отношение к реформе гимназии 2007 г.) // Uuringu Integratsiooni monitoring 2005 aruanne (Отчет исследования «Мониторинг интеграции 2005 г.»). Tallinn, 2005. Tabel 7.
- ²¹ Полещук В. Латентный этнический конфликт в Эстонии на примере ситуации в Таллине // Этнополитика. 2005. № 4. С. 24.
- ²² Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // Theory and Society. 1994. N. 23. P. 71–72.
- ²³ Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии. М., 2006 С. 554.
- ²⁴ Там же. С. 526.
- ²⁵ Полоскова Т. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М., 1999. С. 38.
- ²⁶ Там же. С. 53.
- ²⁷ Тишков В. Русский мир (выступление на ученом совете Института этнологии и антропологии РАН 26 июня 2007 г.).
- ²⁸ Эстонские эксперты стали в последнее время отказываться от использовавшегося в 1990-е годы термина «инородец» («muulane»), который имеет негативные коннотации (особенно в русском языке).
- ²⁹ Государственная программа «Интеграция в эстонском обществе 2000–2007 годов», одобрена Правительством Республики 14 марта 2000 г. Таллин, 2000. Пункт 3.1.
- ³⁰ Maruste R. Inimõigused ja ausa õigusemõistmise põhimõtted (Права человека и основы справедливого судопроизводства). Tallinn, 1993. С. 37. Р. Марусте в момент написания этой работы был председателем Верховного суда.
- ³¹ Тишков В. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 10–17.
- ³² О примордиализме в сравнительном аспекте на русском языке см.: Соколовский С. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 16–27. С. Соколовский отмечал, что для примордиалистов «исток происхождения этнических сообществ скрыты в глубине времен и связаны с длительной эволюцией и становлением особых характеристик языка и культуры, выделяющих рассматриваемое сообщество из числа других. То обстоятельство, что для примордиалистов этносы непременно должны быть «многопоколенными, потомственными обществами», обнаруживает такие характеристики этого подхода, как субстанциализм и эссенциализм в трактовке этнических феноменов». Там же. С. 21.
- ³³ Melvin N. Op cit. P. 1.
- ³⁴ Выполняющий просветительские функции Эстонский институт в красочной инфоброшюре для туристов начинает краткий обзор эстонской истории со следующего предложения: «За две тысячи лет до РХ эстонцы (!), которые до этого занимались охотой и собирательством, постепенно стали выращи-

- вать скот и обрабатывать землю» (Estonian Institute. A Dozen Questions about Estonia. Tallinn, [2003]).
- ³⁵ Barrington L.W. Nations, States, and Citizens: An Explanation of the Citizenship Policies in Estonia and Lithuania // 21 Review of Central and East European Law, 1995. №. 2. P. 134.
- ³⁶ Цит. по: Lieven A. The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven; London, 1994. P. 18.
- ³⁷ Тишков В. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 78.
- ³⁸ Государственная программа «Интеграция в эстонском обществе 2000–2007 годах»... Пункт 3.4.
- ³⁹ Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore; London, 1996. P. 428–429, 433.
- ⁴⁰ Smith G. 1996. The Ethnic Democracy Thesis and the Citizenship Question in Estonia and Latvia // Nationalities Papers. Vol. 24 (1996). № 2. P. 200–201.
- ⁴¹ Изложено по: Smooha S. The Model of Ethnic Democracy. Flensburg, 2001.
- ⁴² Järve P. Ethnic Democracy and Estonia: Application of Smooha's Model. Flensburg, 2000. P. 31. Переработанную версию статьи см.: Järve P. Re-independent Estonia // The Fate of Ethnic Democracy in Postcommunist Europe / Eds. S. Smooha, P. Järve. Budapest, 2005.
- ⁴³ Diatchkova S. Ethnic Democracy in Latvia // The Fate of Ethnic Democracy in Postcommunist Europe. P. 113.
- ⁴⁴ Järve P. Ethnic Democracy and Estonia... P. 32–33.
- ⁴⁵ Pettai V., Hallik K. Understanding Processes of Ethnic Control: Segmentation, Dependency and Cooptation in Post-communist Estonia // Nations and Nationalities. Vol. 8 (2002). N 4. P. 506–507.
- ⁴⁶ Estonian Integration Strategy. 2008–2013, Unofficial Translation [Tallinn, 2008]. P. 4.
- ⁴⁷ Guidelines on Policy of National Identity. Civil Society and Integration. Riga, 2012. P. 19.
- ⁴⁸ Ibid. P. 20.
- ⁴⁹ Не претендуя на полноту, приведем список некоторых публикаций, в которых балтийская языковая политика рассматривалась в контексте интеграции общества или вне нее: Agarín T. A Cat's Lick: Democratisation and Minority Communities in the Post-Soviet Baltic. Amsterdam; New York, 2010; Hogan-Brun G., Ozolins U., Ramoniene M., Rannut M. Language Politics and Practices in the Baltic States. Tallinn, 2009; How Integrated is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges / Ed. N. Muiznieks. Riga, 2010; Полещук В. Русский язык в современной Эстонии: политические и правовые аспекты // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция, Москва, 22–23 октября 2007 г. / Ред. А. Деревянко, А. Куделин, В. Тишков, М., 2007; Schmid C. Ethnicity and Language Tensions in Latvia // Language Policy. 2008. № 7(1); Semjonov A. Estonia: Nationbuilding and Integration – Political and Legal Aspects // National Integration and Violent Conflict in Post-Soviet Societies: The Cases of Estonia and Moldova / Ed. P. Kolstoe. Lanham; Boulder, New York; Oxford, 2002; Language Space and Human Capital in the Baltic States // Estonian Human Development Report 2010/2011: Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On / Ed. T.Vihalemm. Tallinn: Estonian Cooperation Assembly, 2011; Thiele C. Selbstbestimmungsrecht und Minderheitenschutz in Estland. Berlin, Heidelberg, 1999.
- ⁵⁰ Подробнее см. статью Т. Богушевич в данной книге.
- ⁵¹ Центральная избирательная комиссия Латвии. 11.09.2012 (<http://www.tn2012.cvk.lv>).

- ⁵² Анализ событий вокруг «Бронзового солдата» см.: *Полицук В.* Война памятников в Эстонии: этнический аспект // *Этнографическое обозрение*. М., 2008. № 3; *Lehti M., Jutila M., Jokisipila M.* Never-Ending Second World War: Public Performances of National Dignity and the Drama of the Bronze Soldier // *Journal of Baltic Studies*. 2008. № 39 (4); *Ehala M.* The Bronze Soldier: Identity Threat and Maintenance in Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2009. № 40 (1).
- ⁵³ *Saar A.* Rahvussuhted ja integratsioonipoliitika väljakutsed pärast pronksõduri kriisi (Национальные отношения и вызовы интеграционной политики после кризиса с «Бронзовым солдатом»). Tallinn, 2007. С. 29.
- ⁵⁴ LTVI. De Facto (телешоу). 19 февраля 2012 г.
- ⁵⁵ *Security Police Board.* Annual Review 2007. Tallinn, 2008. P. 13.
- ⁵⁶ *Open Society Institute, EU Accession Monitoring Program.* Monitoring the EU Accession Process: Minority Protection. Vol. I. An Assessment of Selected Polices in Candidate States. Budapest, 2002. P. 198–199.
- ⁵⁷ *Packer J.* Problems in Defining Minorities // *Minority and Group Rights towards the New Millenium* / Eds. D. Fottrell, B. Bowring. The Hague, 1999. P. 271.

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОПОЛИТИКА СТРАН БАЛТИИ*

П. Ярве

В данной статье мы попытаемся оценить влияние советской национальной политики на решение вопроса о соблюдении странами Балтии – Латвией, Литвой и Эстонией – европейских стандартов защиты прав меньшинств. Эти три страны находились под воздействием советской национальной политики с 1940 по 1991 г., с коротким перерывом в 1941–1944 гг., когда регион был под оккупацией нацистской Германии.

Советская национальная политика была весьма противоречивой. С одной стороны, подобно США, в СССР проводилась политика «плавильного котла» на основе русского языка (иными словами, языковая русификация); с другой – наблюдалось то, что можно назвать позитивной дискриминацией так называемых титульных наций и их культур на их традиционной территории. До второй половины 1930-х годов советская национальная политика пыталась преодолеть наследие Российской империи – «тюрьмы народов», поддерживая языки и образование меньшинств, создавая алфавиты для небольших этнических групп, предоставляя определенную культурную автономию «советским национальностям». В атмосфере сталинских репрессий большая часть такой политики была свернута. На фоне надвигавшейся войны ставка была сделана на нациестроительство в гражданском, а не этническом смысле, когда основной упор был вновь сделан на русский язык, подобно тому, как это было в конце XIX – начале XX в.

Очевидно, что проект создания гражданской нации не был завершен ни до, ни после начала Второй мировой войны. Столкнувшись с вполне реальной угрозой физического уничтожения нацистами, Советский Союз начал использовать примитивную националистическую пропаганду (печально знаменитая статья «Убей немца» Ильи Эренбурга). В Красной Армии были сформированы эстон-

* Автор выражает признательность студентке МГИМО Софии Афанасьевой за помощь в подготовке статьи к печати.

ские, латышские и литовские части. После войны Сталин подчеркивал особую роль русского народа в деле достижения победы. То, как Сталин относился к этничности, наглядно показывают акции по выселению целиком ряда этнических групп, обвиненных в сотрудничестве с врагом, или по соображениям национальной безопасности. Обязательная регистрация «национальности» сохранялась во внутренних паспортах СССР вплоть до его развала.

Когда новый советский глава Никита Хрущев осознал, что в Америке все население говорит на английском языке, он объявил, что чем скорее все народы СССР заговорят по-русски, тем скорее они будут жить при коммунизме. На фоне таких настроений вновь усилились попытки добиться слияния всех этногрупп в единую гражданскую нацию – советский народ, который будет сцементирован русским языком и общим советским гражданством. Очевидно, что миграция носителей русского языка по всей территории страны была важным аспектом этой политики (согласно общепринятым оценкам, в 1991 г. до 25 млн этнических русских оказались на территории союзных республик за пределами Российской Федерации). Но столь активно пропагандируемая новая историческая общность – советский народ – так и не возникла. Во многих местах, в том числе и в нынешних странах Балтии, коренное население, проживавшее на своей традиционной территории, рассматривало вновь прибывших как «других», при том, что позитивная дискриминация «своих», т.е. представителей «титულიной» группы, продолжалась. Согласно официальной доктрине советской культуры («социалистическая по содержанию, но национальная по форме») этническому большинству в Советской Прибалтике было дозволено иметь работавшие на «местных» языках разнообразные культурные и образовательные учреждения (от детских садов до университетов), что позволяло успешно противостоять языковой русификации.

После развала СССР советская национальная политика не исчезла без следа. Она привела к определенным последствиям во всех трех странах Балтии: демографическим (значительная доля меньшинств в населении), культурным (широкое распространение русского языка) и институциональным (культурные, образовательные и прочие учреждения, а также СМИ не только на «местных» языках, но и на русском).

БАЛТИЙСКИЙ ОТВЕТ

Наследие советской национальной политики стало явным препятствием для новых балтийских элит в их цели добиться реституции, восстановления довоенных государств с доминированием этнонаций латышей, литовцев и эстонцев. Для преодоления

этих препятствий уже в начале – середине 1990-х годов принимаются соответствующие законы, проводится вполне определенная политика и порождаются новые дискурсы. На уровне государства проводились мероприятия, которые во многом противостояли (если не напрямую нарушали) европейские стандарты защиты меньшинств, а именно: законодательство о языке и гражданстве ограничивало возможности сотен тысяч человек, прежде всего поселившихся здесь в советское время русскоязычных жителей.

Подобная реакция вызревала еще в советский период на фоне беспокойства «титულიных» групп по поводу последствий советской национальной политики: имели место выступления диссидентов против миграции в республики русскоязычной рабочей силы. Латышские, литовские и эстонские эмигрантские круги на Западе регулярно поднимали публично вопрос перед странами нахождения и перед международными организациями о судьбе балтийских народов. Попытки, пусть и безуспешные, сократить миграцию предпринимались даже некоторыми советскими функционерами в Латвии и Эстонии. В Литве местная советская администрация сумела избежать наплыва мигрантов из других союзных республик: для этого получаемые из «центра» инвестиции направлялись в небольшие города в Литве, где новые рабочие места могли быть заняты местным населением.

Важным элементом стала деятельность диссидентов с целью раскрыть секретные протоколы к так называемому Пакту Молотова–Риббентропа 1939 г. Именно он считался корневой причиной аннексии Балтийских государств Советским Союзом в 1940 г. В августе 1987 г. группа эстонских диссидентов организовала в Таллине митинг с требованием опубликовать пакт и устранить его последствия. Данный митинг спровоцировал горячий отклик международной прессы. Через год секретные протоколы были опубликованы в ежедневной эстонской газете «*Rahva Hääl*», впервые в Советском Союзе. В 1989 г. делегаты из Балтийских стран на Съезде народных депутатов СССР смогли внести в повестку дня вопрос о пакте. Съезд официально объявил секретные протоколы недействительными с момента их подписания. Это стало важной моральной и политической победой стремящихся к независимости прибалтийских республик.

В условиях новой политики гласности и перестройки народные балтийские движения (*Rahvarinne*, *Tautas Fronte* и *Sajūdis*) стремились вырваться из-под опеки Советского Союза, призывая местные советские органы к сотрудничеству. Парадоксальным образом советская национальная политика сыграла здесь важную роль. Данная политика включала в себя продвижение представи-

телей титульных наций на руководящие посты в местных административных единицах (политика коренизации кадров). На фоне углубляющегося экономического кризиса конца 1980-х годов «национальные кадры» местной советской и партийной номенклатуры быстро сменили советские ценности на «местные» интересы. Балтийские страны были лидерами данного движения. Такая «этническая» альтернатива советской власти объясняет не только быструю дезинтеграцию СССР, но и последующую этнополитическую напряженность и недемократические методы правления бывших коммунистических руководителей.

Подготовка к восстановлению независимости началась в 1988 г. внутри балтийской советской администрации и верховных советов, избираемых по установленным компартией правилам. Балтийские народные фронты умело использовали политику перестройки и гласности ради достижения независимости, память о которой все еще была жива. Ближайшей целью балтийских борцов за независимость было вырваться из правовой системы Советского Союза.

Этот процесс начался 16 ноября 1988 г., когда Верховный совет Эстонской ССР принял декларацию «О суверенитете Эстонской ССР», которая привлекла мировое внимание как первый открытый вызов Москве. Декларация провозглашала верховенство законов, принятых Верховным советом Эстонской ССР на территории Эстонии, что было прямым нарушением Конституции СССР. Более того, устанавливалось, что законодательные акты Советского Союза не будут автоматически распространяться на Эстонию; Верховный совет Эстонской ССР может временно приостанавливать или ограничивать их применение. Именно это стало самой весомой поправкой – ведь таким образом Эстония добилась права решать, применять ли советское законодательство на своей территории или нет. Конечно же, это не означало полного выхода Эстонии из советской правовой системы. Однако, с точки зрения законодательства, такие изменения оформили начало пути Эстонии к независимости.

После выборов 1990 г. прибалтийские верховные советы подпали под влияние народных фронтов. Вместе с «национальными кадрами» из местной номенклатуры депутаты стали формировать «новые» республиканские элиты. 2 февраля 1990 г. на встрече депутатов Верховного совета и местных советов Эстонии было принято решение восстановить национальную независимость Эстонской Республики. Заодно с этим, а так же для решения комплекса проблем, накопившихся за последние 50 лет, Верховный совет остановил действие советской конституции на территории

Эстонии. С марта 1990 г. был объявлен переходный к независимости период.

В Латвии события развивались схожим образом. 28 июля 1989 г. Верховный совет принял декларацию «О суверенитете Латвии», в которой говорилось, что Латвийская ССР является независимой союзной республикой и что советские законы будут распространяться на территории Латвии только после их одобрения местным Верховным советом. Вселатвийский конгресс депутатов призвал Верховный совет 21 апреля 1990 г. объявить независимость, и уже 4 мая 1990 г. Верховный совет принял декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики».

Литва была более целеустремленной и сразу принялась за восстановление независимости без всякого переходного периода, который был установлен в Эстонии и Латвии. В марте 1990 г. Верховный совет сменил название на Верховный совет Литовской Республики, вернул межвоенный герб, а затем принял «Акт о восстановлении независимости Литвы». Кроме того, была отменена советская конституция и восстановлена конституция Литвы 1938 г., однако только для подтверждения правовой преемственности с межвоенным государством. Данная конституция была в скором времени заменена временным основным законом. Таким образом, Литва стала первой балтийской республикой, которая официально провозгласила полную независимость от СССР. Выдвинутые благодаря советской национальной политике «титульные кадры» стали разрушителями советской системы¹.

Этот противоречивый период запомнился принятием в Эстонии, Латвии и Литве правовых актов различной направленности, в первую очередь законов о языке 1989 г., с которых началась политика сдерживания русскоязычного населения. Во-вторых, Верховный совет Литвы, исходя из лучших побуждений в отношении местных национальных меньшинств, принял в 1989 г. закон о гражданстве и закон об этнических меньшинствах, а Верховный совет Латвии в 1991 г. – закон о праве меньшинств на культурную автономию. Последние три закона должны были отражать демократизм новых режимов и были вполне благоприятны для национальных меньшинств.

После получения независимости демократическая направленность в отношении национальных меньшинств стала уступать место этническим предпочтениям. Это было характерно не только для балтийских, но и для других посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы того периода.

Национал-консерваторы в Эстонии и Латвии заявляли, что они взяли власть в свои руки не в новых государствах, а в вос-

становленных, которые когда-то по праву руководились их (этно) нацией. Они добивались полного восстановления/реституции (*restitutio ad integrum*) довоенных государств. В то время как практическая реализуемость данного подхода оставалась под вопросом², его политические выгоды были очевидны. Однако в длительной перспективе за все пришлось платить: политика реституции обусловила наличие сильного этнического элемента в обновленных государствах и усложнила защиту национальных меньшинств. Конфликт двух противоположных принципов – этнического и демократического – стал неотъемлемой частью внутренней и внешней политической жизни Эстонии и Латвии.

После принятия Балтийских стран в ЕС и НАТО в 2004 г. они решили, что успешно оправдали все ожидания по поводу защиты национальных меньшинств. Создается впечатление, что после того как Балтийские страны адаптировались к европейским стандартам, настала очередь Европы приспособливаться к особенностям этнополитики этих стран.

НАСЛЕДИЕ

Русскоговорящие меньшинства

Рост численности некоренного населения, особенно в Латвии и Эстонии, выявленный переписями с 1959 по 1989 г. (см. табл. 1) сыграл важную роль в формировании негативного отношения коренного балтийского населения к Советскому Союзу в целом и его национальной политики в частности.

В 1956 г. Карело-Финская ССР была понижена в статусе до автономной советской социалистической республики РСФСР. Причиной тому могло стать то, что «титульная» нация оказалась в Карелии в меньшинстве. Это стало пугающим прецедентом, особенно для Латвии, где к 1989 г. было меньше всего «титульного» населения – всего 52%. Реакция в Латвии на последствия советской национальной политики оказалась самой жесткой, что осложнило ее отношения с региональными и международными институтами по правам национальных меньшинств.

Эстонцы могли проявлять большую сдержанность, составляя в 1989 г. 61,5% всего населения. В Литве 79,6% литовцев могли позволить себе быть даже либеральными в отношении проживающих там меньшинств. Литва предложила им гражданство по регистрации уже с 1989 г. (так называемый нулевой вариант)³.

Несмотря на такие различия, Балтийские страны были единомышленны в одном важном вопросе: они не стали провозглашать

Таблица 1
Этнический состав населения Балтийских стран, %*

Этническое происхождение	Эстония					Латвия					Литва			
	Год переписи населения					Год переписи населения					Год переписи населения			
	1959	1989	2000	2011	2011	1959	1989	2000	2011	2011 (оценка)	1959	1989	2001	2011 (оценка)
«Титульная» группа	74,6	61,5	67,9	68,7	62,0	52,0	57,7	62,1	79,3	79,6	83,5	84,6		
Русские	20,1	30,3	25,6	24,8	26,6	34,0	29,6	26,9	8,5	9,4	6,3	4,8		
Украинцы	1,3	3,1	2,1	2,1	1,4	3,5	2,7	2,2	0,7	1,2	0,7	0,6		
Белорусы	0,9	1,8	1,3	1,1	2,9	4,5	4,1	3,3	1,1	1,7	1,2	1,1		
Поляки	0,2	0,2	0,2	0,1	2,9	2,3	2,5	2,2	8,5	7,0	6,7	6,0		
Другие	2,9	3,1	2,9	3,2	4,2	3,7	3,4	3,3	1,9	1,1	1,6	4,0		
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0		

* Официальные данные переписей населения в Эстонии, Латвии и Литве.

создание новых государств, а возродили довоенные, которые согласно официальной доктрине существовали все советское время де-юре, но де-факто последние 50 лет не функционировали. Эта идея отразилась в конституциях этих государств. Однако главным для Эстонии и Латвии было восстановление корпуса граждан. Только те жители, которые имели гражданство в 1940 г. до аннексии Советским Союзом и их потомки (вне зависимости от этнической принадлежности) стали гражданами автоматически. Поселенцы из СССР должны были пройти процедуру натурализации. На практике это привело к появлению огромного количества людей без гражданства. Более того, почти все эти люди «случайно» оказались не из состава «титульного» населения. Элита оправдывала такие решения тем, что это было необходимо для сохранения коренного населения и исправления ошибок советского прошлого. Однако многие русские интерпретировали это как сигнал от государства: вы здесь чужие, вы не имеете отношения к этой стране⁴.

Важно отметить, что взгляды элиты имели поддержку со стороны населения. Опрос 1993 г. показал, что принцип «гражданство – только для граждан и потомков граждан до 1940 г.» был поддержан 52% латышей, 44% эстонцев и 12% литовцев⁵. Эти цифры тесно связаны с составом населения: чем больше в стране некоренного населения, тем слабее желание давать им гражданство и допускать к участию в политике.

После распада Советского Союза было политически выгодно для международного сообщества признать именно восстановление стран Балтии. Это стало своеобразной компенсацией государствам, общественные и политические деятели которых обвиняли Запад в «предательстве» во время и после Второй мировой войны и в «продаже» их Сталину⁶. В результате эстонская и латвийская политика в сфере гражданства стала применяться на практике, а Запад не проявил особого желания поддерживать по этому поводу критику из России.

Ситуация с языком

Быстрое увеличение носителей русского языка как родного, равно как и изучение русского в эстонских, латвийских и литовских школах в целом изменили языковую ситуацию в Балтийских странах в советское время. Но несмотря на распространенное клише, эстонцы, латыши и литовцы не русифицировались, а сохранили свой родной язык, параллельно изучая и русский. Более того, сами русские не ассимилировались (см. табл. 2). Снизился

Таблица 2

«Титульные» группы и русские в Балтийских странах по родному языку, %*

Этническая группа	«Национальный» язык как родной	Русский как родной язык «титульной» группы и государственный язык как родной язык русских
Латыши в Латвии	95,7	3,5
Русские в Латвии	94,5	4,4
Эстонцы в Эстонии	98,9	1,0
Русские в Эстонии	98,6	1,3
Литовцы в Литве	96,7	0,3
Русские в Литве	89,2	6,3

* Переписи 2000 г. в Эстонии и Латвии, перепись 2001 г. в Литве.

только процент поляков в Литве, утверждавших, что польский их первый язык. Судя по переписям, цифры варьируются от 96,8% в 1959 г. до 80% в 2001 г. По данным переписи 2001 г., 9,5% поляков считают русский своим первым языком, а 7,3% говорят на литовском как на родном.

В Балтийских странах в советское время отсутствовали какие-либо языковые требования в публичном секторе, где было занято много русскоязычных, и балтийские народы начали волноваться насчет перспектив родного языка. Они боялись, что становление двуязычия с доминированием русского языка может привести к вымиранию «титульного» языка. Хотя, по данным последних переписей, люди, говорящие на национальных языках, составляют большую часть жителей всех трех стран, такие страхи не исчезли вовсе, что объясняет то рвение, с которым Балтийские страны защищают свои государственные языки.

Во времена Советского Союза негативные эмоции на языковой основе были присущи многим, ведь одноязычные жители не понимали друг друга даже в бытовых ситуациях (в магазинах, поликлиниках и т.п.). Посредством балтийских законов о языке 1989 г. была предпринята попытка урегулировать эту проблему. Они дали право клиентам и подчиненным выбирать язык общения (на практике – «местный» или русский). Это предполагало, что начальники и обслуживающий персонал владеют двумя языками. Именно с этого началась политика сдерживания русскоязычного населения, которое в массе не владело «местными» языками.

В ходе второй волны законов о языке (1995 г. в Эстонии и Литве, 1999 г. в Латвии), совместно с законами об образовании

и выборах, была продолжена политика сдерживания. В 1992 г. в Латвии внесены поправки в закон о языке 1989 г. – были удалены ссылки на особый статус и роль русского языка. В Эстонии и Литве из законов в 1995 г. были вычеркнуты любые упоминания о статусе русского языка. После этого русский стал просто иностранным языком. Одноязычные русские жители были отстранены от работы в публичном секторе. В Эстонии, Латвии и Литве знание государственного языка «нетитульными» чиновниками (и не только чиновниками) регулярно проверяется специальными языковыми инспекторами, которые имеют право налагать штрафы. Представители меньшинств, естественно, не одобряют сам факт существования «языковой полиции». В апреле 2001 г. Консультативный комитет Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств рекомендовал Эстонии упразднить инспекцию по языку⁷.

Помимо государственных чиновников остается еще большое количество людей со слабым знанием государственного языка или вообще без такового. Дискуссионный вопрос по поводу использования языков меньшинств в контактах с властями возник первоначально в Эстонии и Латвии. Так, в конституции Эстонии говорится: «..в регионах, где эстонский язык не является языком большинства населения, местные самоуправления могут в установленных законом объеме и порядке вести внутреннее делопроизводство на языке большинства постоянного населения этого региона» (ст. 52). Но по закону о языке второй язык можно вводить с разрешения центрального правительства, которое никогда никому его не давало. Эстонская конституция (ст. 51) предоставляет также право писать и получать ответы от властей на языке большинства жителей региона. В некоторых самоуправлениях Эстонии это право было реализовано на практике. Однако, например, в Латвии полностью запрещено использование языка меньшинств как на государственном, так и на местном уровне – вся документация должна быть на латышском.

В 2011 г. тема использования языков меньшинств в публичной сфере резко обозначилась в Литве, негативно сказавшись на ее отношениях с Польшей. Вопрос касался уличных указателей (табличек) на польском языке в местах компактного проживания поляков, а также написания польских имен в официальной документации (в литовском алфавите нет некоторых букв польского алфавита, например, «w»). В 2010 г. литовский парламент отклонил поправку, поддерживаемую даже Государственной языковой комиссией, которая позволила бы использовать написание оригинальных иностранных имен в литовских документах на латини-

це. Все это испортило отношения между Литвой и Польшей. В течение 2012 г. напряженность между Польшей и Литвой, которые являются партнерами по ЕС и НАТО, не спадала. Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств несколько раз совершал визиты в Литву и Польшу, что пока не привело к улучшению ситуации.

В Эстонии и Латвии также имеются проблемы с использованием имен собственных на языке меньшинств, но это не стало причиной ухудшения отношений с другими государствами. В Эстонии граждане славянского происхождения не могут использовать отчество как часть их официального имени, что является прямым нарушением статьи 11 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств⁸. В Латвии все имена должны изменяться по правилам латышского языка. Это послужило причиной жалоб, особенно со стороны женщин, выходящих замуж за иностранцев, которые ссылаются на статью 8 Европейской конвенции о правах человека (право на уважение личной и семейной жизни).

Данные переписи населения 2000 г. в Латвии показывают, что после десятилетия сдерживания употребления русского языка он пока еще остается самым распространенным языком в стране: 81% населения знает русский, и только 79% говорят на латышском. По результатам переписи населения в Эстонии (2000) и Литве (2001) видно, что государственный язык знает больше людей, чем русский. Эти данные также объясняют склонность именно Латвии к жестким мерам по продвижению государственного языка.

Эстонский, латышский и литовский языки лежат в основе идентичности соответствующей группы. Эти языки долго и вполне успешно оберегали от предполагаемой угрозы их замены на русский. Протекционистское отношение к государственным языкам сохранилось и после обретения независимости. Очевидно, что в отношении языков со столь малым числом носителей необходимо прикладывать много усилий, в том числе и в области высоких технологий, чтобы они не исчезли и развивались дальше на фоне таких сильных и популярных языков, как русский и английский. С политической точки зрения, поддержка государственного языка была хорошим способом завоевать голоса на очередных выборах, особенно голоса националистически настроенного избирателя. Недостаточное владение государственным языком среди национальных меньшинств стало поводом для обвинения их в политической нелояльности. Неудивительно, что многие международные рекомендации на языковую тематику долгое время попросту игнорировались в странах Балтии. Это было возможно и потому, что в этой сфере не существует детальных обязывающих

международных стандартов; рекомендации в основном основаны на распространенной практике, и для их выполнения требовалась политическая воля, которая явлена не была.

После восстановления независимости Балтийские страны впервые столкнулись с необходимостью организовывать масштабное обучение своим языкам как иностранным. Здесь сразу стала заметна нехватка методик, кадров и финансов. Особенно ярко это проявилось в Эстонии и Латвии, где система поддерживаемых государством курсов для взрослых сформировалась относительно недавно. Это наводит на мысль, что эстонская и латвийская элиты имели смешанные чувства в отношении изучения государственного языка меньшинствами: рано или поздно эти люди могли стать гражданами и участвовать в выборах.

Для Балтийских государств проблемой стала и Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, которую они не только не ратифицировали, но даже и не подписали. В 2003 г. балтийские эксперты пришли к выводу, что в их странах «не потребуются значительные изменения законодательства, чтобы соответствовать новым международным обязательствам в случае ратификации хартии»⁹. Камнем преткновения здесь был русский фактор – балтийское большинство не могло принять идею, что русский язык должен иметь какой-то специальный статус. Эксперты считали, что он и так занимает сильные позиции в Балтийских странах и не нуждается в дополнительной защите. В Латвии и Эстонии меньшинства справляются и без знания государственного языка, особенно в некоторых регионах.

Параллельные учреждения

Из всех учреждений, функционирующих параллельно на государственном и русском языках, больше всего вопросов вызывали школы. Во-первых, государственный язык там преподавался на явно недостаточном уровне. С такими знаниями выпускники не были конкурентоспособными на рынке труда, где знание государственного языка стало обязательным. Во-вторых, считалось, что школы для национальных меньшинств продолжают учить советским ценностям, что категорически противоречило новой идеологии. Таким образом, реформа образования для национальных меньшинств стала неизбежной.

Эстония изменила законы с тем, чтобы во всех русских гимназиях (старшая школа) 60% всех предметов должны были бы изучаться на государственном языке. Остальные 40% могут преподаваться на иностранных языках. По закону такие школы

Языки обучения в школах Балтийских стран, %*

Страна	Доля «титულიной» группы в 2000 г. (Литва в 2001 г.)	Количество обучающихся на государственном языке Эстония–2001/2002 гг., Латвия–2001/2002 гг., Литва–2000/2001 гг.	Количество обучающихся на других языках Эстония–2001/2002 гг., Латвия–2001/2002 гг., Литва–2000/2001 гг.	Разница в процентном отношении между (3) и (2)
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Эстония	67,9	73,8	26,2	+5,9
Латвия	57,7	68,9	31,1	+11,2
Литва	83,5	89,1	10,9	+5,6

* Переписи 2000 г. в Эстонии и Латвии, перепись 2001 г. в Литве; данные министерств образования (и науки) в Эстонии, Латвии и Литве.

теперь считаются эстоноязычными. При этом само соотношение 60/40 абсолютно произвольное. Однако оно было позаимствовано Латвией. Эстония завершила переход на эстонское обучение в 2011 г., Латвия – в 2004 г. Именно в Латвии эти изменения вызвали серьезное недовольство среди русскоязычного населения, которое было обеспокоено качеством обучения своих детей. Опасения обосновывались ссылками на нехватку учебных материалов и преподавателей, а также на неподготовленность детей к иноязычному обучению. Литва, после принятия нового закона об образовании в 2011 г., также стала двигаться в этом направлении, хотя проблема недостаточного владения меньшинствами литовским там остро не стоит.

Для новой элиты Балтийских государств образовательная статистика должна казаться благоприятной. Во всех трех странах преобладает обучение на государственном языке (см. табл. 3). Это показывает, что некоторые семьи, принадлежащие к языковым меньшинствам, уже отдают своих детей в школы с государственным языком обучения, что приводит к индивидуальной ассимиляции. Однако массовой эта практика явно не стала. Тем не менее возможности для получения образования на языке национальных меньшинств уменьшались на протяжении последних двадцати лет, особенно в высшей школе. Многие русские школы во всех трех странах закрывались либо объединялись с другими из-за недостаточного количества учеников. Нехватка учеников, однако, является проблемой и для многих школ с «титульным» языком обучения.

В Литве ситуация польского меньшинства складывалась несколько иначе. В 1980 г. там было 16 400 обучающихся на поль-

ском. В 1990 г. это число уменьшилось до 11 400. В независимой Литве с 1990 по 2000 г. было в среднем 22 300 учащихся, посещающих польскоязычные школы, но к 2005 г. эта цифра упала до 18 329¹⁰.

Сеть польских школ в Литве, о которой всегда с гордостью говорят литовские власти, является самой крупной вне Польши. Но она же является наследием национальной политики СССР и ее можно сравнивать с сетью русскоязычных школ в Эстонии и Латвии (хотя русские школы существовали там еще до 1940 г.). Относительно небольшие размеры польского меньшинства в Литве, а также нахождение у власти социал-демократических правительств позволяли литовским властям мириться с таким советским наследием в течение длительного времени. Однако когда в Эстонии и Латвии были проведены радикальные реформы, то и национал-консерваторы Литвы решили последовать примеру северных коллег. Во всех трех случаях негативная реакция национальных меньшинств была во многом вызвана осознанием того, что теперь их этническая идентичность под угрозой. У литовских поляков эта реакция еще более болезненна, потому что они подчеркивали свой статус коренных жителей Виленского края, тогда как многие русские поселились в странах Балтии лишь в советское время.

В Латвии местные национал-консерваторы стремятся еще больше ограничить использование русского языка в образовательной системе: в государственных вузах преподавание ведется на государственном языке или «на языках Европейского Союза» (до 20% содержания программ, если они не предназначены для иностранных студентов), что означает запрет преподавания на русском, за исключением изучения языка и культуры¹¹.

Мировое сообщество не может воспрепятствовать реформам русских школ в странах Балтии, поскольку в данной области почти нет обязательных международных стандартов. Оно может только поделиться опытом других многоязычных стран с тем, чтобы призвать Балтийские страны к более конструктивному решению этой проблемы. Например, согласно Гаагским рекомендациям о правах национальных меньшинств на образование 1996 г., «значительная часть учебной программы в средней школе должна преподаваться на языке меньшинства... число предметов, преподаваемых на государственном языке, должно постепенно увеличиваться. Согласно исследованиям, чем более постепенным будет это увеличение, тем лучше для ребенка» (п. 13). Если Латвия следовала бы этим рекомендациям, то, возможно, удалось бы избежать массовых уличных протестов и снизить напряженность в обществе. Однако сегодня эти рекомендации уже не представляют для политиков особого интереса.

Запад осознал, что сотни тысяч русскоговорящих без гражданства были потенциальной угрозой для стабильности Балтийских стран в первые годы их независимости. Поэтому к этой проблеме приобщили ОБСЕ (СБСЕ). ОБСЕ стала первой крупной международной организацией, которая обратила внимание на проблемы различных этнических групп в Балтийском регионе. После ознакомления с ситуацией ОБСЕ (СБСЕ) активизировалась – Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств стал плотно заниматься этим регионом. При робкой поддержке местных правительств были открыты миссии – в Эстонии (февраль 1993 – декабрь 2001) и Латвии (ноябрь 1993 – декабрь 2001). Так как Литва предоставила гражданство еще в 1989–1991 гг. почти 90% тех, кто поселился в стране в советское время, ОБСЕ и Верховный комиссар не посчитали нужным открывать миссию в Вильнюсе.

Мандаты для миссий в Эстонии и Латвии были хорошо продуманы, чтобы избежать явной ссылки на права человека и права меньшинств. В Эстонии целью миссии было «развивать стабильность, диалог и взаимопонимание между сообществами». В Латвии миссия ОБСЕ давала властям советы по данному вопросу. Целью миссий была стабильность, а не права человека или права меньшинств. Это было, скорее, реализацией превентивной дипломатии, которая увенчалась успехом, так как не возникло никаких этнических насильственных конфликтов. Однако что же было основным источником конфликта в Эстонии и Латвии, которого так боялись? Ответ очевиден: политика гражданства, которая оставила многих людей без «права иметь права». Как же повлияла работа миссий на решение этой проблемы?

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, немецкая ученая Ханне-Маргарет Биркенбах изучила в августе 1998 г. действия миссии ОБСЕ в Эстонии и пришла к довольно пессимистичным выводам. Отчеты о работе миссии должны были объективно и по существу информировать мировое сообщество о развитии напряженной ситуации. Однако к 1998 г. отчеты почти не указывали на то, что в Эстонии имеется напряженность, достойная внимания извне. При написании отчетов миссия руководствовалась следующими принципами: ничто в отчетах не должно было увеличивать трения между Эстонией и Россией, усиливая аргументы одной из

сторон. Более того, нельзя было давать официальному Таллину повода для жалоб, а приоритетом пользовалось желание Эстонии улучшить свой имидж в Европе. В целом отчеты должны были рисовать образ страны, готовой присоединиться к Европе благодаря великодушному обращению с негражданами¹². О роли ОБСЕ в Эстонии Биркенбах писала:

«Миссия согласилась с оправданиями Эстонии, что из-за эстонской истории все аспекты социальной жизни требуют особого подхода, и что она поэтому будет игнорировать всеобщий характер прав человека, которые запрещают «этнические оговорки». Посредством миссии в Таллине ОБСЕ делала вид, что Европа якобы обеспокоена ситуацией с русским меньшинством; на самом же деле их волновало только, как удовлетворить эстонское правительство. Мандат был проигнорирован, потому что сотрудничество с людьми было подменено сотрудничеством с правительством. Миссия и не пыталась помочь людям изменить ситуацию, но понуждала их принять дискриминационные правила затеянной правительством игры»¹³.

Биркенбах соглашалась с объяснением Велло Петтай: «Маневренность ОБСЕ была ограничена тем, что международное сообщество приняло эстонскую политику гражданства и принцип, что иммигранты из СССР—неграждане»¹⁴.

Может быть, и не следовало ожидать от ОБСЕ действий, к которым она не была предназначена. ОБСЕ была там не для того, чтобы решить проблему гражданства путем внесения радикальных изменений в эстонское законодательство. Это было невозможно, так как эстонское правительство исключило любую вероятность принятия таких поправок. После того как местные консерваторы выиграли споры о гражданстве и восстановили довоенный закон о гражданстве в 1992 г., другим субъектам международных отношений не оставалось ничего, как помочь Эстонии купировать ущерб. Как-никак ОБСЕ является организацией по безопасности, а принятые в ее рамках обязательства не имеют обязательной юридической силы. Конечно, при ОБСЕ существует Бюро по демократическим институтам и правам человека, но после исследовательской миссии в Эстонии, которая привела к большому количеству рекомендаций по вопросам гражданства и языка, их отношения с миссией в Эстонии так и остались в зачаточном состоянии¹⁵. В итоге после многих лет некоторые рекомендации, как, например, выдача апатридам специальных паспортов иностранца, реализовывались на практике.

Таким образом, хоть у ОБСЕ и не получилось приспособить законодательство к нуждам меньшинств, оно помогло ущемленным русскоязычным группам приспособиться к законодательству Эстонии и Латвии. По большому счету ОБСЕ стала заниматься

делами меньшинств, стараясь не спровоцировать появления новых проблем в эстонско-российских отношениях.

В начале 1990-х годов, когда меньшинства и большинство в Балтийских странах поменялись местами, их взаимное чувство угрозы было сильно. Обе стороны, еще не очень понимая свою новую роль, опасались возможных действий противоположной стороны. Все разговоры о дружеских этнических отношениях, защите меньшинств, уважении к ним и т.д. вызывали раздражение либо пропускались мимо ушей. Основные группы меньшинств в Балтийских странах принадлежали к нациям, чьи «исторические родины» сыграли противоречивую роль в истории балтийских «титულных» групп. После независимости это очень затруднило создание нормальных отношений между государствами как по политическим, так и по чисто психологическим причинам.

Вклад Европейского союза

В июне 1993 г., за два года до принятия Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств, Европейский совет установил, что выполнение так называемых Копенгагенских критериев будет условием для вступления в Европейский союз. Среди прочего эти критерии включали в себя «уважение и защиту национальных меньшинств». Это были совсем простые критерии, особенно «уважение». Но политика реституции в Балтийских странах сделала соответствие данным критериям совершенно невозможным, особенно, когда долго приглушаемая этническая неприязнь стала вдруг публично обсуждаться. Отсутствие этнического насилия уже само по себе считалось большим достижением, а попытки ставить вопрос о терпимости между этногруппами обычно проваливались¹⁶.

Европейский союз имел возможность повлиять на защиту национальных меньшинств в Балтийских странах, потому что они могли использовать опыт ОБСЕ и Совета Европы, например, результаты мониторинга выполнения Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Более того, верхи в Балтийских государствах так стремились вступить в ЕС, что были готовы к компромиссам. Население было не столь единодушно насчет вступления в ЕС, особенно жители Латвии, где сомнения посещали даже многих политиков. А национальные меньшинства, наоборот, сначала поддерживали предполагаемое вступление, так как с нетерпением ждали лучшего качества политики по защите прав меньшинств.

И вот, в своем заключении 1997 г. Еврокомиссия приходит к выводу, что Балтийские страны уже удовлетворяют политическим критериям. До 2003 г., из года в год, Комиссия утверждала, что страны продемонстрировали значительный прогресс в обеспечении демократии, верховенства права, прав человека и уважения и защиты меньшинств. Каждый год утверждалось, что Балтийские страны продолжают удовлетворять Копенгагенским критериям. Весьма сомнительно, что это как-то стимулировало защиту меньшинств в Балтийских странах.

Совет Европы

После того как внимание ОБСЕ ослабло, а вступление в ЕС осталось в прошлом, имеется только один основной инструмент контроля за защитой национальных меньшинств – Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств¹⁷. Ее часто критикуют за мягкость, в ней есть положения, которые можно обойти, и статус многих из них едва ли юридически обязывающий. Может быть, именно мягкость ее положений подтолкнула почти сорок европейских государств, в том числе и Балтийские страны, ратифицировать конвенцию и проходить периодический цикл проверок – ведь статья 25 Конвенции обязывает всех ратифицировавших ее регулярно составлять отчеты о «проделанной работе». Претенденты на вступление в ЕС должны были ратифицировать данную конвенцию: она рассматривалась как часть Копенгагенских критериев 1993 г. и показывала стремление государства к защите меньшинств. По правде говоря, Латвия, которая с особенной неохотой вносит изменения в свое законодательство о меньшинствах, проигнорировала эти требования и ратифицировала Конвенцию только после вступления в ЕС.

Сила Рамочной конвенции – в резолюциях Комитета министров Совета Европы, которые принимаются по отдельным странам на основе мониторинга, проводимого Консультативным комитетом. Комитет – это группа экспертов, которая составляет мнение по вопросу выполнения конвенции каждой страной-участницей. Помимо них черновой проект резолюции пишется специальной группой докладчиков по правам человека – группой экспертов при Комитете министров¹⁸. Эти резолюции могут рассматриваться как инструмент «мягкой силы», созданной для сотрудничества и убеждения стран-участниц вместо оказания на них давления¹⁹.

Мониторинг – это процесс, когда страна раз в пять лет представляет национальный доклад и через два года получает в ответ резолюцию с рекомендациями Комитета министров. Самой слож-

ной частью мониторинга является политический процесс написания чернового варианта резолюции, в течение которого проверяемая страна и kin-states (исторические родины) меньшинств могут предлагать свои поправки. Обычно этот процесс, от мнения до резолюции, занимает около года. Так, в первом круге мониторинга 26 стран из 39 (66%) прошли путь от мнения Консультативного комитета до резолюции Комитета министров менее чем за год; но только 12 стран из 35 (34%) во втором круге мониторинга смогли добиться столь быстрых результатов²⁰.

Тове Маллой указывает, что норма в 12 месяцев с 2006 г. соблюдается с трудом²¹. Однако 2006 г. был не так уж плох для политического процесса. По всем шести странам (Армения, Финляндия, Германия, Норвегия, Российская Федерация, Сан-Марино) было составлено мнение, после чего в течение года была принята резолюция. Но до и после этого, в 2005 и 2007 гг., было принято семь мнений, и дважды только одна страна сумела пройти путь до принятия резолюции менее чем за год²².

Похоже, что этот процесс мог стать длиннее из-за того, что новые члены ЕС стараются не так усердно, как до 2004 г., потому что считают свое вступление в ЕС одобрением их политики в отношении национальных меньшинств. Видимо, еще одной причиной является то, что со временем процесс от мнения до резолюции стал слишком политизированным. Помимо критики международных экспертов, kin-states выражают свое недовольство, а проверяемые страны затеяли борьбу за формулировки, которые бы представляли их страны в более выгодном свете на международной арене, в том числе в глазах потенциальных инвесторов. Таким образом, удлинение пути от мнения до резолюции показывает, что Рамочная конвенция воспринимается странами-участниками даже более серьезно, чем ранее.

В случае с Балтийскими государствами присоединение к Конвенции было мотивировано борьбой за демократические ценности и желанием быть хорошими европейцами. Эстония ратифицировала конвенцию в 1997 г., Литва в 2000 г., а Латвия в 2005 г. Как бы там ни было, к этому времени этнический принцип уже стал основой официальной политики государств. Вследствие этого демократический и этнический принципы столкнулись в самом начале: при ратификации Рамочной конвенции Эстония и Латвия приняли декларации, которые формально вывели неграждан из-под защиты конвенции.

В процедурном плане Эстония справлялась лучше, чем Латвия и Литва. Третью резолюцию Эстония получила через 14 месяцев после принятия мнения, в то время как первые две были

приняты менее чем за год. Латвия справилась с первым кругом, но это заняло у нее более двух с половиной лет (трудности возникли из-за сложных отношений с Россией). Литва хорошо показала себя в первый раз, но второй раз путь от мнения, принятого в феврале 2008 г., до резолюции занял (как утверждает, из-за разногласий с Польшей) более четырех с половиной лет, что просто беспрецедентно. Более того, выработка второй резолюции по Польше (мнение принято в марте 2009 г.) и по Литве – процессы параллельные, и это добавило проблем.

Резолюции по Польше и Литве были приняты лишь 28 ноября 2012 г. Логично предположить, что обе страны очень активно и принципиально участвовали в редактировании текстов резолюций друг друга. Парадоксально, что сам процесс мониторинга, который должен помочь смягчить проблемные моменты, добавил напряжения в отношения между двумя странами.

На самом деле возможности Совета Европы влиять на политику меньшинств в Балтийских странах оказались весьма ограниченными. Они успешно добивались изменений отдельных правовых норм, но не могли модифицировать основополагающие принципы данной политики. Характерное признание исходит от Консультативного комитета Рамочной конвенции. В его втором мнении по Эстонии 2005 г. можно прочесть: «Хотя с момента принятия первого мнения Консультативного комитета Эстония и внесла кое-какие изменения в законодательство о национальных меньшинствах, общая законодательная база для них не изменилась» (п. 8). В данном случае комитет имеет в виду эстонский закон о культурной автономии национальных меньшинств, который так и не был подвергнут необходимым изменениям, несмотря на то что закон в целом является неэффективным²³.

Совет Европы и другие международные партнеры рекомендовали Латвии разрешить негражданам голосовать на местных выборах, как в Эстонии. Однако Латвия не стремится изменять свой основной принцип – «неграждане Латвии» могут быть членами политических партий, но не имеют больше никаких политических прав.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Реакция Балтийских стран на наследие советской национальной политики принесла свои плоды. Демографические показатели изменились в пользу коренных наций, государственные языки и их носители заняли главенствующие позиции в публичной сфере, рыночные силы обуздали параллельную систему русскоязыч-

ных институтов, как, например, печатные медиа и телевидение²⁴, школы для меньшинств подверглись реформе, и теперь основное преподавание в гимназиях ведется на государственном языке. Десятки тысяч членов национальных меньшинств стали гражданами путем натурализации.

Балтийские страны отреагировали на наследие советской национальной политики отнюдь не постепенным включением европейских стандартов защиты меньшинств в зарождающиеся демократические основы вновь независимых государств: Эстонии и Латвии часто приходилось оправдывать отказ от применения определенных стандартов разговорами о реституции, оккупации, гонениях и неповторимости истории этих стран. Эта ситуация привела в замешательство и Западную Европу: неужели после многолетнего сдерживания русских в годы холодной войны она вынуждена теперь защищать права почти миллиона своих бывших противников, которые остались без гражданства в Эстонии и Латвии? В итоге Запад оставил проблемы неграждан тем, кто их создал, т.е. Эстонии и Латвии, наблюдая за развитием ситуации через ОБСЕ. Натурализация, и не только она, привела к постепенному снижению числа неграждан. Балтийские страны вроде довольны этим (более быстрый рост числа новых граждан может нарушить политический баланс, ведь они могут начать голосовать за «неправильные» партии). Международное сообщество же, наоборот, хочет поскорее закрыть эту тему, для чего просит Эстонию и Латвию ускорить процесс натурализации. Россия вопросы темпов натурализации не рассматривает: ее критика в адрес Эстонии и Латвии заключается в указании на само наличие такой категории людей, как апатриды и неграждане, и на несоответствие такой ситуации декларируемым принципам демократии.

Однако, похоже, что сокращающееся число неграждан и натурализация имеют не так много общего. Например, в Эстонии в течение первой половины 2011 г. число апатридов уменьшилось на 900 человек, что снизило общее их количество до 100 тыс., или 7,5% от всего населения. Это число сократилось в результате того, что 41% этих апатридов просто умерли, 17% получили гражданство Эстонии, 41% – гражданство другой страны (в основном, РФ) и 1% имели другие причины²⁵. Таким образом, за шесть месяцев только 17% бывших апатридов из 900 стали гражданами Эстонии путем натурализации. При этом, если молодой русский получает эстонское гражданство, то это, скорее, прагматический выбор, который имеет мало общего с желанием принадлежать к эстонской нации²⁶. И здесь возникает вопрос: идет ли на пользу национальным интересам Эстонии растущее число граждан России?

В Латвии, где негражданин – это специальный статус, их больше, чем в Эстонии. На январь 2011 в Латвии было более 326 тыс. неграждан (14,6% населения), что, конечно, ниже чем 715 тыс. в 1991 г. После того как в 1995 г. начался процесс натурализации, 136 тыс. человек получили гражданство²⁷. Многие годы граждане РФ не были проблемой в Латвии, ведь их число всегда было меньше, чем в Эстонии, где оно колебалось в районе 90–100 тыс. Однако ситуация в Латвии меняется. В 2010 и 2011 гг. было меньше тех, кто натурализовался, чем тех, кто выбрал российское гражданство. Если говорить о цифрах, то это соответственно 2336 и 5768 человек в 2010 г.; 2467 и 2884 – в 2011 г. За последние 15 лет число российских граждан в Латвии выросло с 8 до 40 тыс. человек²⁸. Таким образом, после Эстонии Латвия тоже встала на путь построения российского государства внутри своего со всеми рисками и негативными последствиями, как, например, диаспоризация меньшинств.

Исследования показывают, что правовая и языковая ситуация, в которой оказались русскоговорящие поселенцы из Советского Союза в Эстонии и Латвии после восстановления этими странами независимости, привела к определенным социальным последствиям. Из-за плохого знания государственного языка и его плохого преподавания в школах представители меньшинств не могли справиться с языковыми требованиями на рынке труда, что вызвало высокую безработицу среди них и направило их на путь маргинализации²⁹. Молодые русские в Эстонии теряют по сравнению с эстонцами в образовательном плане, на рынке рабочей силы, в жилищных условиях, в доходе и социальном статусе³⁰. С учетом того, что двадцать лет назад родители этих молодых русских находились «на равных» с эстонцами почти во всех отношениях (уровень образования и жилищные условия были даже выше), то можно сказать, что национальное государство может трансформировать этнические и языковые различия в социальные быстрее, чем за одно поколение.

Исследования второго поколения русских в Эстонии также показали, что «основной фактор влияния на чувства русских в отношении их принадлежности к Эстонии – это развитое чувство страха по поводу сохранения их культурной уникальности... Многие русские реагируют на ассимилятивное давление путем создания сильнейших барьеров между собой и Эстонским государством»³¹. Таким образом, после двадцати лет независимости у части молодых русских развивается противостоящая Эстонии (в том числе ее этнополитике) идентичность из-за опасения потерять свою культурную самобытность. Похожий процесс протекает

сейчас в Литве с польским меньшинством: они тоже боятся утратить свою идентичность. В свое время эстонцы, латыши, и литовцы выработали схожую негативную идентичность по отношению к Советскому Союзу, потому что его национальная политика рассматривалась как угроза малым народам, их языкам и культурам. В истории возможны самые неожиданные повторения!

Ситуация последних двух десятков лет в Балтийских странах показала, что затягивание решения проблем национальных меньшинств имеет свою цену. «Внутренняя» цена – сокращающаяся целостность общества из-за уменьшения межэтнического доверия и даже «бегство» представителей меньшинств в другое гражданство. «Внешняя» цена заключается в испорченных отношениях с «историческими родинками» меньшинств, и это часто оценивается в упущенных торговых и прочих выгодах.

¹ Начало восстановления независимости в Советской Прибалтике оформлялось еще во времена СССР членами верховных советов, которые избирались согласно советскому законодательству и указаниям компартии. Подобные действия советских выборных органов критиковались и бойкотировались национал-консерваторами, которые организовали Эстонский комитет граждан и Конгресс граждан Латвийской Республики в 1989 г. Согласно позиции консерваторов, когда все довоенные учреждения перестали существовать только довоенные граждане Эстонии и Латвии и их потомки могли восстановить независимость путем выборов и референдумов, но без какого-либо участия СССР и советских органов власти. Правда, до обретения независимости национал-консерваторы не смогли заручиться международной поддержкой, если не считать балтийских эмигрантских кругов, и не могли соперничать с влиянием народных фронтов.

² *Müllerson R. International Law, Rights and Politics. Developments in Eastern Europe and the CIS. London; New York, 1994. P. 146.*

³ Баррингтон, делая дальнейшее сравнение политики гражданства в Эстонии и Литве, предположил, что имеется связь между размером меньшинства и восприятием сопутствующих угроз (*Barrington L.W. Nations, States, and Citizens: An Explanation of the Citizenship Policies in Estonia and Lithuania // 21 Review of Central and East European Law. 1995. № 2. P. 119*). С учетом политики гражданства в Латвии представляется, что размер группы меньшинств является ключевым фактором в оформлении национальной политики бывшей Советской Прибалтики.

⁴ *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve. The TIES Study in Estonia. IMISCOE Reports / Eds. R. Vetik, J. Helemäe. Amsterdam, 2011. P. 236.*

⁵ *Rose R., Maley W. Conflict or Compromise in the Baltic States? // RFE/RL Research Report 3 (28), 1994. P. 31–34.*

⁶ Это было признано президентом США Дж. Бушем мл. (G. Bush Jr.), в его выступлении в Риге в мае 2005 г. В августе 2011 г. премьер-министр Швеции попросил прощения за признание советского захвата Балтийских государств в 1945 г.

⁷ Резолюция Комитета министров Совета Европы по Эстонии от 13 июня 2012 г. исползует более мягкий язык, рекомендуя проводить «конструктивный диалог» с представителями меньшинств, в том числе и по поводу функционирования языковой инспекции.

⁸ Власти Эстонии, правда, предлагают регистрировать отчества в качестве второго имени. Однако с учетом эстонского официального документооборота такая рекомендация имеет анекдотичный характер.

⁹ *Poleshchuk V.* Towards Linguistic Diversity Management in the Baltic States. ECMI Report. № 49. Flensburg, 2003. P. 10.

¹⁰ Mercator – Education information, documentation, research. The Polish language education in Lithuania. P. 16. 22.07.2011 (http://www1.faknaw.nl/mercator/regionale_dossiers/PDFs/polish_in_lithuania.pdf).

¹¹ В мае 2001 г. латвийская партия «Все для Латвии» (*Visu Latvijai*) инициировала сбор подписей для проведения референдума для изменения статьи 112 конституции. Там оговаривалось бы, что все государственные школы в Латвии должны работать только на латышском, что стало бы окончанием государственной поддержки образования на языках меньшинств. Однако им не удалось собрать необходимые 153 тыс. подписей. Но амбиции латвийских чиновников не ограничиваются языком. Судя по действиям латвийского министерства культуры, целью интеграции является то, что все должны принять не только латышский язык, но и культуру и ценности Латвии. Эти идеи были подвергнуты критике латвийскими экспертами в области прав человека и были названы ассимиляцией. Русскоязычные жители Латвии смогли инициировать референдум, чтобы русский стал вторым государственным языком Латвии. Он прошел в феврале 2012 г., но 74,8% проголосовало против, и только 24,9% высказались за эту идею. См.: Центральная избирательная комиссия Латвии. 01.09.2012 (www.tn2012.cvk.lv).

¹² *Birckenbach H.-M.* The OSCE Mission to Estonia and its Balance Sheet 1993–1999 // ECMI Working Paper. № 6. 2000. P. 28.

¹³ *Ibid.* P. 65.

¹⁴ *Ibid.* P. 9.

¹⁵ *Ibid.* P. 30.

¹⁶ На самом деле, Еврокомиссия никогда не обсуждала, «уважают» ли в Балтийских странах меньшинства или нет. На практике «уважение меньшинств» – это не только точка зрения или установка, которая в идеале должна характеризовать проживающее в стране большинство. Это должны ощущать и меньшинства. Если же значительная их часть чувствует себя нежелательными, людьми второго сорта, то никто не сможет их убедить, что они уважаемы. «Защита меньшинств» позволяет применять некоторые индикаторы, как, например, принятые законы, ратифицированные конвенции, признанные права меньшинств и т.д. Однако такая формулировка критерия является слишком общей и открытой для своевольной интерпретации. Провал ЕС в области защиты прав меньшинств в Эстонии и Латвии во многом обязан выбору критериев в самом начале процесса. Эти политические критерии не позволяют измерять процесс, а связаны с оценками на основе политических ценностей, которые не поддаются рациональному обоснованию. См.: *Kochenov D.* EU Enlargement and the Failure of Conditionality: Pre-accession Conditionality in the Fields of Democracy and the Rule of Law. The Hague, 2008; *Elsuwege P. van.* From Soviet Republics to EU Member States. Leiden; Boston, 2008.

¹⁷ При всем уважении к действиям Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств эта должность создана для предотвращения конфликтов, что играет существенную роль в местах, где этническая напряженность может перерасти в открытый конфликт. Однако он не может решать ежедневные проблемы всех меньшинств в Европе. Таким образом, на Верховного комиссара можно положиться только в исключительных случаях. Хотя даже в таких случаях правительства не очень охотно выполняют рекомендации

комиссара. См.: *Poleshchuk V.* Advice not welcomed. Recommendations of the OSCE High Commissioner to Estonia and Latvia and the response. *Kieler Schriften zur Friedenswissenschaft.* Bd. 9. Münster, 2001.

¹⁸ *Malloy T.H.* The Re-politicization of European Minority Protection: Six Cases from the FCNM Monitoring Process // ECMI Study. № 7. April. Flensburg, 2012. P. 6.

¹⁹ *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.

²⁰ См.: Совет Европы. 01.08.2012 (http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNDocs/Table_en.asp).

²¹ *Malloy T.H.* *Op. cit.* P. 16.

²² См.: Совет Европы. 01.08.2012 (www.coc.int).

²³ Закон о культурной автономии был принят в 1925 г., следуя рекомендациям Лиги Наций, и считался прогрессивным для своего времени актом. В 1993 г. в Эстонии принимают новый закон о культурной автономии, который должен был свидетельствовать о преемственности с довоенной этнополитикой. Стоит заметить, хотя закон четко обозначает право русских на свою культурную автономию, похоже, что ее воспринимают как политически нежелательную, и перспективы ее создания поэтому туманны. Эстонские газеты уже предупреждали своих читателей, что культурная автономия имеет право открывать частные школы с русским языком обучения. См.: *Eesti Päevaleht* (газета). 2009. 29 дек.

²⁴ Упадок местных русских СМИ доказал, что это палка о двух концах – русскоязычное население переключается на российские каналы и публикации, что вызывает недовольство местных элит из-за существования двух информационных пространств.

²⁵ *Jõesaar T.* Kodakondsuseta inimeste arv langes alla 100 000 (Число лиц без гражданства снизилось до уровня менее, чем сто тыс.) // *Eesti Päevaleht* (газета). 2011. 6 июня.

²⁶ *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve...* P. 236.

²⁷ В порядке натурализации гражданство получили 202 лица // LETA (информационное агентство). 2011. 14 июня.

²⁸ Неграждане выбирают гражданство России, а не Латвии // rus.DELFI.lv (информационный портал). 2012. 31 мая.

²⁹ Статистика показывает, что во всех трех странах за все годы самостоятельности безработица среди меньшинств была выше, чем среди «титовых» национальностей. См., например, статью Е.К. Хелемяэ в данной книге.

³⁰ *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve...*

³¹ *Ibid.* P. 230–231.

КОНТИНУИТЕТ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ЭТНОПОЛИТИКИ В ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

В.В. Полещук, А.С. Димитров

В статье рассмотрено воздействие правовой концепции континуитета (восстановленной государственности) на этнополитику Латвии и Эстонии. Кратко описав юридическое оформление реституционного подхода к государственности, авторы покажут, какие практические последствия имела реституционная политика при решении вопроса о «восстановлении» корпуса довоенного гражданства, при регулировании доступа к гражданству и при определении основ этнополитики в Латвии и Эстонии.

ОФОРМЛЕНИЕ РЕСТИТУЦИОННОГО ПОДХОДА К ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Декларации и решения начала 1990-х годов

Вопрос об официальной трактовке событий советского периода является ключевой для латвийской и эстонской государственности. В самом начале 1990-х годов в ходе борьбы за независимость от СССР лидеры «Поющей революции» в Эстонии и «Третьей Атмоды» в Латвии пришли к консенсусу, что государства Балтии были в 1940 г. противоправно включены в состав СССР. После 1991 г. подобное видение событий властями сомнению уже не подвергалось. Согласно официальному подходу независимые Эстонская Республика и Латвийская Республика существовали в 1940–1991 годах де-юре, но не де-факто.

Подобное толкование предполагало необходимость реституции, возвращения к довоенному положению дел в стране. В Латвии декларация Верховного совета Латвийской Республики от 4 мая 1990 г. «О восстановлении независимости Латвийской Республики»¹ провозгласила противоправной «ликвидацию суверенной государственной власти Латвийской Республики в резуль-

тате военной агрессии СССР», а также восстановила действие Конституции 1922 г.² и признала действующим Рижский мирный договор от 11 августа 1920 г. между большевистской Россией и Латвией. 22 августа 1996 г. Сейм Латвийской Республики также принял декларацию «Об оккупации Латвии»³, в которой заявил, что «СССР 17 июня 1940 г. с помощью военной силы оккупировал Латвию и незаконно аннексировал ее в состав СССР»; «летом 1941 г. Латвия была оккупирована национал-социалистической Германией, а в конце Второй мировой войны СССР возобновил свою оккупацию». Данная трактовка событий была в целом подтверждена Конституционным судом Латвии, согласно решению которого в 1940 г. СССР «совершил агрессию против Латвии», «противоправно оккупировал и аннексировал ее»⁴, что и стало основанием для континуитета Латвийского государства.

В Эстонии 30 марта 1990 г. Верховный совет Эстонской ССР в решении «О статусе эстонской государственности»⁵ провозгласил: «Оккупация Эстонской Республики Союзом ССР 17 июня 1940 г. не прекратила существование Эстонской Республики де-юре. Территория Эстонской Республики оккупирована до сего дня». Далее государственная власть СССР в Эстонии была признана «незаконной с момента установления» и было объявлено «восстановление Эстонской Республики (*restitutio ad integrum*)». Кроме того, Верховный совет объявил «переходный период». Эстонская сторона стала рассматривать и до сих пор рассматривает как действующий Тартуский мирный договор от 2 февраля 1920 г., в котором большевистская Россия признала независимость Эстонии⁶.

Тезис о противоправном включении в состав СССР и континуитете государств Балтии был довольно благосклонно встречен на Западе, но вызвал резкое неприятие в России.

Приведем несколько примеров. Генеральная Ассамблея ООН в 1992 г. в своей резолюции заявила о «восстановлении независимости» Латвии, Литвы и Эстонии⁷. Парламентская ассамблея Совета Европы еще в 1960 г. квалифицировала действия СССР как «оккупацию», «насильственную инкорпорацию» и «противоправную аннексию»⁸. В 1991 г. Европейское сообщество и его члены в совместной декларации приветствовали «восстановление суверенитета и независимости государств Балтии, утраченных в 1940 г.»⁹ Судьи Европейского суда по правам человека в ряде дел восприняли тезис о «противоправности» присоединения государств Балтии к СССР¹⁰. В менее юридически значимых постановлениях о приемлемости даже указывается на «оккупацию» государств Балтии вплоть до 1991 г.¹¹, однако этот тезис пока не получил развития в решениях по существу.

Несмотря на наличие терминологических различий (в части применения терминов «оккупация», «аннексия», «инкорпорация» к событиям 1940 г. и после), противоправность (нарушение норм международного права) и (или) континуитет обычно не ставятся под сомнение в работах как подавляющего большинства балтийских (или эмигрировавших из стран Балтии) юристов¹², так и в трудах их западных коллег¹³. В то же время ряд юристов, в том числе балтийских, считают континуитет фикцией, утверждая, что после пятидесятилетнего перерыва по сути невозможно полноценно восстановить государственность¹⁴. Есть и специалисты, которые вообще полагают, что невозможно дать определенного ответа на вопрос о противоправности вхождения балтийских республик в состав СССР с учетом существовавших в то время международно-правовых норм¹⁵.

Принципиальные различия официального балтийского и российского подходов ведут к тому, что многие важные вопросы, касающиеся балтийского русскоязычного населения, официально оцениваются с прямо противоположенных позиций. Российское государство в лице МИД последовательно не признает интерпретацию событий 1940 г. как противоправных. На этот счет российское внешнеполитическое ведомство высказывалось неоднократно. Например, в мае 2005 г. Департамент информации и печати МИД России заявил, что и ввод дополнительных частей Красной армии, и присоединение Балтийских государств к Советскому Союзу «не вступали в противоречие с нормами действовавшего в то время международного права»¹⁶. Подобную точку зрения разделяют, как правило, и российские исследователи¹⁷.

Тем не менее балтийские политики и эксперты не оставляют надежду объяснить российским коллегам свою позицию. Эстонский политолог Р. Ветик (Таллинский университет) рассматривал в одной из своих работ обстоятельства, при которых Россия извинится перед Эстонией за 1940 г. Главным тезисом его работы стало утверждение, что для извинений необходимо «разбить исторические подходы на ряд событий и мыслительный ряд, т.е. признать, что единой и “правильной” истории не существует. Тем самым Россия должна признать, что у разных народов существуют свои мыслительные ряды и что эстонское понимание истории не является изначально ошибочным»¹⁸.

В свою очередь, российский исследователь Р. Симонян (Институт социологии РАН) указывал, что трактовка событий 1940 г. как оккупации «канонизирована. На ее основе построена вся система правового регулирования гражданских отношений в Эстонии и Латвии. На ней воспитано уже поколение молодых граждан

этих стран, которые “оккупацию” впитали в себя с молоком матери. Слово “оккупация” зацементировалось в головах людей»¹⁹. Р. Симонян отмечает, что у этнического большинства стран Балтии эта проблема «из когнитивной, логической, рациональной сферы давно перетекла в сферу эмоциональную и иррациональную. Поэтому любая попытка рассмотреть данный вопрос спокойно, в академическом ключе оказывается бесполезной, так как вызывает бурную неадекватную реакцию. Это расценивается среди многих латышей, литовцев и эстонцев как покушение на национальную святыню, как кощунство...»²⁰

Оспаривание официальной трактовки событий тех лет в странах Балтии нередко критически оценивается в контексте мероприятий по укреплению государственной безопасности. Например, недавнее интервью Р. Симоняна российским СМИ, в котором он отрицал справедливость концепции советской оккупации, удостоилась особого упоминания в ежегоднике эстонской Полиции безопасности (спецслужба) в разделе «Защита конституционного строя»²¹.

Принципы политики реституции в Латвии и Эстонии

В практическом плане реституция означала максимально возможное возвращение к существовавшим до 1940 г. государствам, восстановление их признаков, включая население, территорию, правительство, способность к вступлению в отношения с другими государствами²². Во-первых, это касалось восстановления основных законов и органов государственной власти. В Латвии декларация Верховного совета Латвийской Республики от 4 мая 1990 г. «О восстановлении независимости Латвийской Республики»²³ восстановила действие Конституции 1922 г.²⁴: сначала в ограниченном объеме (4 статьи), а затем в полном – после начала первого заседания нового Сейма в 1993 г. Было восстановлено действие законов, регулировавших работу тех органов, которых в советский период не было или они существовали в ином виде²⁵.

В Эстонии в 1992 г. на референдуме была утверждена новая Конституция. Однако согласно преамбуле она была принята на основании ст. 1 Конституции 1938 г. Более того, в преамбуле также имелась прямая отсылка к провозглашенной 24 февраля 1918 г. Эстонской Республике²⁶. Ссылки на продолжение государственности (континуитет) можно найти и в решении Верховного совета Эстонской Республики от 20 августа 1991 г. «О государственной независимости Эстонии»²⁷ и в декларации Рийгикогу (парламен-

та) от 7 октября 1992 г. «О восстановлении конституционной государственной власти», в котором было объявлено об окончании начатого в марте 1990 г. «переходного периода»²⁸.

Во-вторых, власти Латвии и Эстонии выразили претензию на восстановление контроля над всеми своими довоенными территориями. Декларация Верховного совета Латвийской Республики от 4 мая 1990 г. «О восстановлении независимости Латвийской Республики»²⁹ признала действующим мирный договор от 11 августа 1920 г. между Россией и Латвией, который, помимо прочего, устанавливал государственную границу (ст. 3). Автоматически возник вопрос города Пыталово (Абрене) и прилегающих к нему территорий, которые были переданы Латвийской ССР в состав РСФСР в 1944 г. После продолжительных споров в марте 2007 г. был подписан, а в декабре 2007 г. вступил в силу Договор о государственной границе Латвии и России³⁰, в соответствии с которым территориальные изменения были подтверждены. Конституционный суд Латвии постановил, что договор соответствует Конституции³¹.

В ст. 122 Конституции Эстонии 1992 г. констатировалось, что «эстонская наземная граница определена Тартуским мирным договором от 2 февраля 1920 г. и другими межгосударственными соглашениями о границе...» По условиям Тартуского мирного договора Эстонии принадлежали ряд территорий, переданных в состав РСФСР в 1944 г. (Печорский край и Занаровье). После долгих переговоров между Эстонией и Россией в мае 2005 г. был заключен новый пограничный договор, который признавал в целом в неизменном виде нынешнюю государственную границу. После подписания договора министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил журналистам, что получил от эстонских коллег заверения, что «никаких односторонних интерпретаций сути договора, линий прохождения границы не делается»³².

Новый договор о границе был ратифицирован Эстонией уже 20 июня 2005 г.³³ Однако в эстонский закон о ратификации были добавлены ссылки на не признаваемый Россией в качестве действующего Тартуский мирный договор, а также на другие эстонские акты, устанавливающие принцип континуитета. Россия, видимо, опасаясь возможности предъявления в будущем территориальных претензий, отозвала свою подпись под договором³⁴. Вопрос о границе между Эстонией и Россией не урегулирован до сих пор. Однако это не означает, что нынешнее эстонское руководство предъявляет России территориальные претензии.

В-третьих, было осуществлено восстановление корпуса граждан (об этом ниже).

В-четвертых, реституция серьезно затронула область частного права: например, в Латвии в 1992 г. было восстановлено действие Гражданского закона 1937 г.³⁵ Серьезным последствием стала реституция собственности – права собственности на объекты недвижимости (землю и строения) возвращались собственникам до 1940 г. и их потомкам³⁶ (сходные процессы одновременно проходили и во многих других государствах Центральной и Восточной Европы, где после Второй мировой войны была проведена массовая национализация³⁷). Субъектами реформ стали не только физические, но и юридические лица³⁸. В Эстонии же «противоправно отчужденное» советскими властями имущество (прежде всего, недвижимость) подлежало возвращению или компенсации³⁹.

И в Латвии, и в Эстонии реституция права на недвижимую собственность породила серьезные социальные проблемы: лица, проживавшие в «возвращенной собственности», по сути лишились возможности приватизировать дома и квартиры, в которых они проживали, за приватизационные ценные бумаги, которые начислялись, за некоторыми исключениями, в зависимости от трудового стажа⁴⁰.

Таким образом, реституция проходила поэтапно, постепенно заменяя, или временно (по умолчанию) признавая, правовые акты советского периода на восстановленные или новые. Например, до сих пор в Латвии с изменениями и дополнениями действуют Кодекс об административных правонарушениях 1984 г.⁴¹, Кодекс об исполнении наказаний 1970 г.⁴² Принцип реституции не принуждал государство в обязательном порядке возвращаться к тому регулированию, которое существовало до утраты независимости, однако для любых изменений доктрина континуитета должна была стать отправной точкой⁴³.

КОНЦЕПЦИЯ РЕСТИТУЦИИ И ЭТНОПОЛИТИКА В ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

Практическое применение идеологии реституции в Латвии и Эстонии имело далеко идущие последствия для меньшинств. Как подчеркивалось политологом П. Ярве, «конституция Эстонии и многие другие законы были приняты для выполнения задач по реституции с тем, чтобы помочь восстановить довоенную республику и не допустить миноризации [эстонской] этнической нации на своей традиционной территории. Следовательно, явной целью этих правовых актов было оправдать этнонационалистические устремления эстонцев – основной группы населения. Кроме того,

имелась и скрытая цель – способствовать реэмиграции русских и других нетитульных групп из Эстонии на их историческую родину»⁴⁴. Но при всех возможных оговорках в странах Балтии в условиях независимости изначально был сделан выбор в пользу формирования режимов либеральной демократии западного типа. При наличии многочисленных групп меньшинств создание фактических привилегий для «коренного населения» возможно лишь через ограничение доступа к политической власти⁴⁵. Эти соображения не могли не повлиять на местную политику в сфере гражданства, одним из важных следствий которой стало массовое безгражданство – специфическая проблема Латвии и Эстонии. Как мы покажем ниже, политика в области гражданства играет важную роль в этнополитике двух Балтийских государств⁴⁶.

Законы о гражданстве

В Латвии 15 октября 1991 г. парламент принял постановление «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и об основных принципах натурализации»⁴⁷, которое восстановило право на гражданство лицам, являвшимся гражданами Латвии на 17 июня 1940 г., а также их потомкам. Для остальных постановление предусматривало натурализацию с проверкой знаний латышского языка и основных положений Конституции. Однако в результате натурализация началась лишь с 1 февраля 1995 г., поскольку Закон о гражданстве⁴⁸ был принят только в 1994 г.

В апреле 1995 г. Сейм Латвии принял Закон о статусе тех граждан бывшего СССР, которые не имеют гражданства Латвии или другого государства⁴⁹. Этот закон ввел уникальный статус «негражданин (Латвии)». Под него подпали лица, постоянно прописанные в Латвии на 1 июля 1992 г., которые не имеют и не имели гражданства Латвии или других государств (кроме бывших военнослужащих и членов их семей). Латвия не признает таких «негражданин» апатридами. Согласно решению Конституционного суда, Латвийская Республика признает правовую связь с «негражданинами», поэтому их нельзя лишить статуса в связи с постоянным проживанием за границей, если они не получили гражданство страны проживания⁵⁰. «Негражданин» Латвии в силу своего статуса имеет право на постоянное проживание в Латвии – ему не надо получать вид на жительство.

В Эстонии решение, что гражданами будут объявлены лишь граждане довоенной Эстонской Республики и их потомки, было принято Верховным советом 6 ноября 1991 г.⁵¹ Тем самым высший законодательный орган, избранный еще в 1990 г., признал

негражданами значительную часть своих собственных избирателей. Вопрос был окончательно решен в 1992 г. через введение в действие Закона о гражданстве 1938 г.⁵² Этим была установлена юридическая фикция, что нормы указанного закона действовали все годы советской власти. В период с 1992 по 1995 г. действовал вариант Закона о гражданстве, в основе которого был текст 1938 г.

Лица, которые в 1991 г. являлись постоянными жителями Эстонии, но не являлись на 16 июля 1940 г. гражданами довоенной Эстонской Республики или их потомками, стали «иностранцами»⁵³, юридическое основание для пребывания которых на территории Эстонии определил принятый 8 июля 1993 г. Закон об иностранцах. Этим же актом (часть 2 ст. 20 в первой редакции) «иностранцам», которые имели на 1 июля 1990 г. постоянную прописку ЭССР и чье правовое положение соответствовало требованиям закона, было гарантировано право на получение вида на жительство (сначала срочного) и разрешения на работу. По сути это была процедура легализации нелегальных иммигрантов на льготных условиях. Одновременно гражданами была признана часть лиц, которые могли бы претендовать на гражданство на основании довоенного закона. В основном это коснулось женщин, ранее вступивших в брак с гражданами Эстонии по рождению, и их детей от предыдущих браков⁵⁴. Никакого особого (льготного) статуса, по примеру Латвии, эстонские неграждане не получили.

Таким образом, в Эстонии и в Латвии, в отличие от Литвы, где также использовалась доктрина восстановления государственности, не был реализован так называемый вариант «расширения» гражданства (разновидность «нулевого варианта»), когда гражданство почти автоматически получили все (или почти все) постоянные жители⁵⁵. Ряд известных международных специалистов считают, что для Эстонии с учетом длительности срока перерыва в независимом развитии было бы предпочтительнее в вопросе гражданства использовать некую смешанную модель, которая включала бы в себя и реституцию, и «расширение». «Принятие смешанной модели, видимо, было бы более рациональным ответом на актуальную ситуацию в стране и тем более было бы в соответствии с концепцией прав человека»⁵⁶. Однако этого не произошло. Даже признание незаконности вхождения Эстонии в состав Союза ССР не может, по мнению эстонского юриста-международника Р. Мюллерсона, оправдать решения, принятые в отношении гражданства: «Этот подход привел к лишению политических прав 40% населения республики, многие из которых родились в Эстонии или жили здесь десятилетия... Подобное раз-

деление постоянных жителей Эстонии на две категории не основано на объективном и разумном критерии и потому представляет собой дискриминацию»⁵⁷. Латвийский исследователь А. Пабрикс объяснял, что балтийские правительства отказались от автоматического предоставления гражданства всем постоянным жителям, поскольку «государства Балтии не могут рассматриваться в качестве новых государств. В 1991 г. они восстановили свою независимость. Следовательно, они должны были восстановить, а не установить корпус граждан. Однако корректный юридический подход создал условия для неадекватно ограничительного и нелиберального обращения с русскими иммигрантами в Латвии и Эстонии»⁵⁸.

Отвечая на критику по поводу сохраняющейся проблемы массового безгражданства, латвийские и эстонские политики и эксперты, как правило, подчеркивают, что лица без гражданства лишены только политических прав, а все прочие гражданские, экономические и социальные права у них имеются. Эти утверждения высвечивают некоторые важные причины принятия соответствующих решений в начале 1990-х годов. По утверждению эстонского исследователя, уже в начале 1990-х годов, «несмотря на то что вопрос гражданства формулировался в терминах индивидуальных “прав”, он рассматривался эстонцами как политическая заявка [местной] русской элиты и быстро стал частью открытых дискуссий о власти»⁵⁹. В то же время «концепция гражданства не имеет смысла, если кто-то оказывается исключенным из него... Подобное [решение] опирается на такую иерархичную и поляризованную конструкцию государственной системы, что... определяет гражданство в качестве привилегии, разделять которую с кем-либо еще будет не в интересах ее обладателей»⁶⁰.

В Латвии в начале 1995 г., когда регистрация граждан была завершена, около 730 тыс. постоянных жителей Латвии не имели никакого гражданства. Это составило примерно 29% всего населения. На 2000 г. доля «неграждан» в численности населения составляла 24,4%, на начало 2012 г. – уже 13,7%⁶¹. В основном она снижалась все последние годы за счет естественных причин, прохождения процедуры натурализации и миграции.

В Эстонии по официальным оценкам $\frac{1}{3}$ всего населения в 1992 г. относилась к «лицам с неопределенным гражданством». По данным переписи 2000 г., население Эстонии делилось по признаку гражданства на четыре основные группы: граждане Эстонии (около 80% населения), граждане России (6,3%), граждане иных государств (0,7%) и лица без какого-либо гражданства (12,4%)⁶². К началу 2012 г. доля последних снизилась до 6,6%⁶³ за

счет миграции, естественных причин, принятия гражданства РФ и прохождения процедуры натурализации в Эстонии.

Феномен массового безгражданства среди нелатышей и неэстонцев был вполне ожидаемым итогом применения принципов реституции к вопросу о гражданстве. Эта ситуация является одним из самых ярких примеров вторжения исторических интерпретаций в область этнополитики. Принятие Закона о гражданстве в Латвии в 1994 г. и восстановление в Эстонии Закона о гражданстве 1938 г. знаменовало победу этнорадикальных сегментов местной политики. Как подчеркивали эстонские исследователи, при принятии решения о гражданстве «целью по-прежнему считались суверенитет и независимость ради защиты эстонской нации. Однако теперь это было оформлено (хотя бы риторически) в легалистских юридических понятиях, которые как бы изъяли из процесса подлинную националистическую составляющую. Это не было этнической борьбой за политическое доминирование; это было решение международного правового вопроса, когда одно государство было незаконно оккупировано другим в 1940 г. и теперь это государство имеет право восстановить свой суверенитет. Более того, у обычных эстонцев идея воссоздания корпуса граждан имела большой отклик, будучи возможностью публично отвергнуть легитимность Советского Союза, равно как и увеличить в психологическом плане уверенность в себе как в свободной нации»⁶⁴. В практическом плане закон о гражданстве, по мнению некоторых эстонских экспертов, был компромиссом между двумя целями: во-первых, «обеспечить выживание эстонской нации, предоставляя гражданство лишь тем, кто понимает язык и культуру страны», и, во-вторых, «интегрировать тех, кто поселился в Эстонии при советской власти, тем самым получая стабильное и лояльное население»⁶⁵.

Пришедшие к власти радикальные националисты подчеркивали и «воспитательный эффект» своих решений в отношении гражданства. Как заявлял еще в 1990 г. будущий министр иностранных дел Эстонии Т. Веллисте, «русское колонистское население в принципе является военным гарнизоном в гражданской одежде. Ни в коем случае нельзя давать им гражданство до того, как они выполнят ряд важных условий... Если вы дадите этим людям, которые по международному праву являются нелегальными мигрантами, ложные ожидания, вы только создадите путаницу у них в головах. Кто аннексировал Эстонию в 1940 г.? Сталин и Жданов. Вы должны понимать последствия этого! Сказав им это, мы сможем построить честные и правовые отношения. Те, кто не захочет этого принять, может уехать»⁶⁶.

Примечательно, что некоторые латвийские и эстонские политики с трудом удерживались в рамках реституционной риторики. Главным аргументом, доказывающим этнически нейтральный характер реституции в области гражданства, было указание на то, что потомки жителей довоенной Эстонии и Латвии из числа меньшинств также автоматически признаны гражданами. Как писал Л. Калев, «изначальный “нулевой вариант” в 1918 г. и реставрация эстонского государства *in integrum* в 1991–1992 гг. не привели к различению национальностей (этнических групп): были восстановлены права всех граждан оккупированной в 1940 г. республики (среди них $\frac{1}{10}$ была этническими неэстонцами) и их потомков. Эта политика базировалась на прочной правой основе»⁶⁷. Тем не менее в 1993 г. эстонский министр П. Олеск сетовал в интервью русскоязычной газете, что неплохо было бы установить языковой ценз и требование к знанию эстонского языка даже для тех, кто получил гражданство «автоматически», ибо «расширение круга граждан за счет людей, не владеющих эстонским языком, таит в себе такую опасность, что они будут требовать второго государственного языка...»⁶⁸.

При обсуждении вопроса о гражданстве иногда ссылаются на заключенный в январе 1991 г. договор об основах межгосударственных отношений между РСФСР (тогда союзной республикой СССР) и (объявившей переходный период) Эстонской Республикой (ЭР)⁶⁹ (схожий договор с Латвийской Республикой (ЛР) не был ратифицирован российской стороной). Подписывая соглашения на фоне резкого обострения отношений между руководством СССР и балтийскими республиками, глава РСФСР Б. Ельцин, с одной стороны, выказывал свою политическую поддержку прибалтам, с другой, пытался снять напряжение по некоторым потенциально спорным вопросам совместных отношений, в том числе касающихся гражданства. Тексты договоров были очень похожими. В обоих из них 1-й абзац ст. 3 установил обязанность сторон обеспечить лицам, которые в момент подписания живут на территории ЛР/ЭР и РСФСР и являются гражданами СССР, право сохранить или получить гражданство ЛР/ЭР или РСФСР «по их свободному волеизъявлению». Согласно 3-му абзацу этой же статьи, связанные с гражданством вопросы, представляющие для сторон интерес, должны были быть согласованы в особом двустороннем соглашении, которое «базируется на основах международно-правовых норм». Статья 4 договора предоставляла всем гражданам России и Латвии/Эстонии и лицам без гражданства, вне зависимости от «национальной принадлежности», право выбирать гражданство «согласно законодательству страны

проживания» и «договору», заключенному между РСФСР и ЛР/ЭР по вопросам гражданства. Не удивительно, что таких специальных соглашений или договоров заключено не было.

Несовершенство формулировок договоров стало очевидным, как только Латвия и Эстония применили принципы реституции к вопросам гражданства: они открыли, пусть и не сразу, доступ к своему гражданству «через свободное волеизъявление» или «выбор» согласно «законодательству», т.е. через процедуру натурализации. Также они не препятствовали жителям страны принимать российское гражданство. Однако есть все основания считать, что воля российской стороны при подписании соглашений 1991 г. была направлена на достижение иного результата, который принято называть «нулевой вариант». По крайней мере почти сразу возникли различия в толковании текста соглашений: решения Латвии и Эстонии в отношении гражданства вызвали в Москве сначала недоумение, а затем острую критику⁷⁰.

Языковые требования в процессе натурализации

Требования к натурализации (получению гражданства) являются неотъемлемой частью общей политики в отношении неграждан в контексте реституционной идеологии. В практическом плане больше всего вопросов вызывали языковые требования к натурализации.

В Латвии следующий уровень требований к знанию языка был установлен в Законе о гражданстве 1994 г.⁷¹ (ст. 20): полностью понимать информацию бытового и официального характера; свободно беседовать и отвечать на вопросы по темам бытового характера; бегло читать и понимать любые инструкции и другие тексты бытового характера; быть способным написать письменную работу на заданную комиссией тему бытового характера. Законом также был очерчен круг лиц, которым можно облегчать процедуру проверок (ст. 21): от проверки на знание языка освобождаются лица, получившие основное, среднее или высшее образование на латышском языке; лица, достигшие возраста 65 лет, освобождаются от письменной проверки по латышскому языку; для инвалидов особые правила проверки устанавливает Кабинет министров.

Правила приема и рассмотрения заявления о натурализации⁷² и Правила о порядке проверки упомянутых в Законе о гражданстве знаний латышского языка, основных норм Конституции, текста гимна и истории Латвии⁷³ содержат процессуальные нормы. Из текста правил следует, что с июня 2001 г. от проверки на зна-

ние языка освобождены те учащиеся, которые в школах обучались не на латышском языке, но сдали централизованный экзамен по латышскому языку на оценки А, В, С или D (соответственно, учащиеся, сдавшие экзамен на низшие оценки Е и F, должны проходить проверку). С июля 2011 г. от проверки знаний языка были освобождены те, кто после 1 сентября 2009 г. получил удостоверение о знании государственного языка на уровне В или С для исполнения профессиональных обязанностей, получения вида на жительство или статуса долговременного жителя ЕС. С августа 2006 г. также введено ограничение числа попыток сдачи экзаменов (не более трех; после этого надо заново подавать заявление, но не ранее, чем через год). Правила также определяют группы инвалидов, освобожденных от той иной части проверок. В частности, инвалиды первой группы освобождены от всех проверок.

В Эстонии в отношении «восстановленного» в 1992 г. Закона о гражданстве 1938 г. большое значение играло решение Верховного совета о его применении⁷⁴. Например, закон предусматривал упрощенную (без проверки знания языка) натурализацию лица без какого-либо гражданства, если оно прожило в Эстонии более 10 лет. Однако в решении за начало этого срока было принято 30 марта 1990 г. На практике эта льгота никем так и не могла быть использована. Специальный закон, который раскрыл требование для натурализующегося «понимать эстонский язык», вступил в силу лишь в 1993 г.⁷⁵ Тогда же возможность получения гражданства открылась перед большинством неэстонцев. Довоенный закон установил привилегии для лиц эстонской национальности: они могли не сдавать экзамен по языку⁷⁶. В итоге лица, получившие по упрощенной процедуре эстонское гражданство как этнические эстонцы (25 293), составили 16% среди всех натурализовавшихся на середину 2012 г.⁷⁷

До 1995 г. требования к эстонскому натурализационному экзамену по языку были установлены специальным постановлением правительства, принятым на основе Закона о требованиях к знанию эстонского языка ходатайствующими о гражданстве⁷⁸. Форма проведения экзамена явно допускала субъективный подход членов комиссии. Особенно это касалось вопросов к разговорным темам, которые имели страноведческий характер (крупнейшие города, озера, реки и острова Эстонии, важнейшие события и личности в эстонской истории, деятель культуры Эстонии и т.д.).

В 1995 г. эстонский парламент принимает новый Закон о гражданстве⁷⁹. К основным требованиям он добавляет экзамен на знание Конституции и Закона о гражданстве. Новый закон уже не содержит каких-либо этнических привилегий. В то же время

после 1996 г., когда натурализация проводилась уже по новым требованиям, наблюдается резкое снижение темпов получения гражданства⁸⁰. В Эстонии весьма распространено мнение, что изначальные требования⁸¹ на основе нового закона 1995 г. первоначально были более сложными по сравнению с предыдущими. Даже при формальном сравнении явное усложнение письменной (эссе) и устной (отсутствие фиксированных тем) частей экзамена являлось аргументом в пользу такого предположения. При этом, по данным исследования, которое в 1996 г. провела Международная организация по миграции, лишь около 30% российских граждан и 7% лиц без гражданства «не хотели» или «скорее не хотели бы» приобрести гражданство ЭР⁸².

В 2000 г. экзамен на любую категорию сложности по эстонскому языку (такие экзамены обязаны сдавать все работники публичной и значительная часть работников частной сферы) был приравнен к экзамену по языку на гражданство. На этих экзаменах проверяется умение понимать услышанное, прочитанное, способность писать и говорить на эстонском языке⁸³. Поскольку сертификат на низшую категорию сложности также мог быть использован для натурализации, минимальные требования в ходе натурализации были тем самым несколько снижены. Однако и они все-таки превышали «умение вести простую беседу»: установить языковые требования в ходе натурализации на таком уровне эстонское правительство обещало в 1993 г. верховному комиссару ОБСЕ по делам национальных меньшинств М. ван дер Стулу⁸⁴. При переходе на новую шестиуровневую систему проверки знания языка минимальные языковые требования (уровень В1) повышены не были⁸⁵.

До десяти человек в год может получать гражданство Эстонии за особые заслуги: к ним могут не применяться требования о сроке проживания, знании языка, Конституции и Закона о гражданстве. Никакие требования, кроме возраста и ценза оседлости, не установлены в отношении совершеннолетнего с ограниченной дееспособностью. После долгих колебаний были установлены льготы и для некоторых групп инвалидов. Лица, получившие образование любого уровня на эстонском языке, не должны сдавать натурализационный экзамен по языку. Люди, родившиеся до 1 января 1930 г. (!), не должны сдавать его письменную часть, однако это не отменяет требования о сдаче письменного экзамена по Конституции и Закону о гражданстве⁸⁶.

В Латвии по итогам референдума 1998 г. в Закон о гражданстве (ст. 3–1) была включена норма, предусматривающая особый порядок принятия в гражданство детей «неграждан» и лиц без

гражданства, родившихся на территории Латвии после 21 августа 1991 г. – не натурализация, а прием в гражданство в соответствии с Конвенцией о сокращении безгражданства. Такие дети регистрируются в качестве граждан Латвии по совместному заявлению родителей до достижения возраста 15 лет. Если родители этого не сделали, сам ребенок в возрасте от 15 до 18 лет может подать заявление, доказав знание латышского языка. Данную процедуру нельзя использовать в отношении детей, приговоренных за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше пяти лет. В Эстонии с 1999 г.⁸⁷ упрощенный порядок получения гражданства применяется в отношении несовершеннолетних до 15 лет, если они сами и их родители являются лицами без какого-либо гражданства. Соответствующие поправки в законы о гражданстве были приняты в ответ на давление со стороны Запада, в том числе Еврокомиссии⁸⁸. Юридическим основанием для этого требования международного сообщества была ст. 7 (1) Конвенции ООН по правам ребенка, согласно которой ребенок регистрируется и получает гражданство незамедлительно после рождения⁸⁹.

В 1990-е годы ситуация с гражданством в Эстонии и Латвии оставалась напряженной, в том числе из-за отсутствия финансируемой государством централизованной программы массового обучения латышскому или эстонскому языку. Стратегические программы по обучению языку, а также управляемые и финансируемые государством системы обучения появились позже (в 1998–1999 гг.). «Управление языковыми вопросами в первое десятилетие независимости было в основном через предписания и контроль при отсутствии систематической политики интеграции»⁹⁰.

В Эстонии в последние годы на фоне очень скромных темпов натурализации начала 2000-х годов власти предпринимали определенные меры для стимулирования процесса натурализации. С 1 января 2004 г. государство может компенсировать до 100% цены курсов эстонского языка в определенных пределах (ст. 8¹ Закона о гражданстве⁹¹). Частичная компенсация расходов на языковое обучение была возможна и в рамках некоторых проектов, еще до этого осуществляемых в рамках выполнения программы интеграции 2000 г.⁹²

Исследователь Л. Калев считал, что исторически традиция гражданства в Эстонии была связана с концепцией «нации культуры». «Долгая изоляция страны от институтов современного гражданства, незначительный опыт взаимодействия с легальными иммигрантами и местечковые привычки (parochial elements in

habits) также оказывают влияние на установки и политику. После восстановления независимости страны Балтии продолжили как законодательные, так и философские касающиеся гражданства традиции довоенного времени, и в целом их законы о натурализации формируют их как «однообщинные» национальные государства»⁹³. Тем не менее современные юридические требования к натурализации «всегда были относительно открытыми. Не имеется барьеров, которые невозможно преодолеть. Критерий гражданства для неграждан не зависит от этничности и основывается на индивидуальных достижениях, т.е. каждый желающий может выполнить эти критерии»⁹⁴. Схожие рассуждения часто применяются и для Латвии.

Следует отметить, что в Эстонии большинство представителей меньшинств, видимо, не согласно с утверждениями об открытости натурализационного процесса. По данным «Мониторинга интеграции 2005 г.» 60% эстонцев рассматривали политику в области гражданства как «нормальную и соответствующую международным требованиям», тогда как 70% неэстонцев считали ее слишком «жесткой и нарушающей права человека»⁹⁵. Среди неграждан в Латвии и Эстонии широко распространено мнение, что гражданство им должно было быть предоставлено автоматически, без выполнения каких-либо дополнительных условий. Например, в 2011 г. латвийское Управление по делам натурализации (*Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde*) опубликовало результаты опроса о причинах, по которым «неграждане» не проходят процедуру натурализации: 27% указали на боязнь не сдать проверки, а 24% считают, что гражданство им полагается автоматически⁹⁶.

Не случайно вопрос об эстонском и латвийском гражданстве в ракурсе этнических привилегий волновал некоторых зарубежных ученых, включая тех, кто открыто не ставил под вопрос юридические аспекты принятого в начале 1990-х годов решения по поводу гражданства. Например, известный немецкий юрист Р. Алекси, участвовавший в правительственной комиссии по юридической экспертизе эстонской конституции, уделил этому вопросу немало внимания в своей работе о фундаментальных правах в Основном законе Эстонии. А именно его интересовало, не противоречат ли языковые требования при натурализации второму предложению части 1 статьи 12 конституции, запрещающему дискриминацию по любому основанию, включая этническое. Алекси справедливо исходил из того, что наличие гражданства является предпосылкой для доступа к важным фундаментальным правам.

Немецкий юрист пишет: «Не может быть никаких сомнений в том, что самосохранение и идентичность Эстонии являются очевидными ценностями конституции с учетом формулировок, истории создания, контекста и целей эстонской конституции. Кроме того, трудно сомневаться, что эти конституционные ценности включают также языковое самосохранение и идентичность»⁹⁷. Далее он считает возможным ограничение в этих целях означенного основного права не подвергаться дискриминации, поскольку это ограничение «соответствующее и необходимое», ведь требование о знании эстонского языка способствует эстонскому языковому самосохранению и идентичности. Следуя классическому тесту определения возможности ограничения прав человека, Алекси далее затрагивает вопрос о пропорциональности ограничения запрета на дискриминацию, который он разрешает в пользу признания конституционности эстонского Закона о гражданстве. Здесь он особо указывает на некоторые гарантии неэстонцам согласно конституции⁹⁸. Наличие этих норм доказывает, по мнению Алекси, что «дело заключается не в насильственной культурной ассимиляции, но в полномасштабной готовности русского меньшинства встать на один уровень с восстановленной эстонской государственностью. С учетом истории и смены власти самосохранение эстонского народа требует большего, нежели то, что считалось бы умеренным при других обстоятельствах»⁹⁹.

Нам кажется весьма примечательным именно желание Алекси рассматривать натурализационные требования Эстонии сквозь призму антидискриминационных положений. Ведь само по себе требование о знании официального языка при получении гражданства этнической дискриминацией не является. Есть такие «интеграционные» требования и в Германии, и в Латвии. Однако Алекси явно не рассматривает русское меньшинство в качестве «классических» вновь прибывших иммигрантов-поселенцев: он говорит о необходимости для русских соответствовать реалиям восстановленной эстонской государственности. Не оставляет сомнений, что Алекси без колебаний жертвует индивидуальными правами неэстонцев ради коллективных целей, имеющих заметный этнический акцент. Вместо ожидаемой отсылки к «нормальности» означенной процедуры натурализации, как это обычно делают эстонские (и латвийские) власти, он начинает объяснять, почему в данном конкретном случае оказывается нейтрализованным общий запрет на этническую дискриминацию «русского меньшинства», причем с учетом истории и обстоятельств смены политического режима.

В специальной литературе продолжается спор об использовании ряда понятий, в том числе и термина «национальное меньшинство». В рамках данной работы для нас важным является вопрос, как критерий гражданства влияет в Латвии и Эстонии на определение круга лиц, относящихся к «национальному меньшинству»: вследствие практического применения реституционного подхода к гражданству большинство русскоязычных жителей не имеют здесь подданства страны проживания.

Вопрос о критерии гражданства при определении национальных меньшинств в Эстонии был подробно изучен К. Тиле. Рассматривая его в широком международном контексте, немецкая исследовательница пришла к выводу, что на европейском уровне наметилась тенденция рассматривать права национальных меньшинств как всеобщие права человека, хотя многие современные общеевропейские документы трактуют данный вопрос иначе¹⁰⁰. От себя добавим, что, хотя критерий гражданства для определения понятия «национального меньшинства» не является необычным и опирается на определенную академическую традицию, в Латвии и Эстонии его введение имело целью именно непризнание за большинством нелатышей и неэстонцев закрепленных в международном праве прав национальных меньшинств. Такой подход минимизировал соответствующие обязательства Балтийских государств и придавал особый смысл реституционному подходу в вопросе о гражданстве меньшинственной части населения. Подобным образом в рамках идеологии реституции были легитимизированы многие из тех статусных потерь, которые русскоязычные понесли после 1991 г. «Национальные меньшинства» противопоставлялись (рабочим) «иммигрантам», которым принимающая сторона не должна предоставлять каких-либо особых прав и в отношении которых, по примеру западноевропейских стран, была разрешена и даже желательна ассимиляционная стратегия (этот подход несколько смягчился с конца 1990-х годов в рамках новых «интеграционных» стратегий в Латвии и Эстонии).

Неслучайно в Латвии и Эстонии оказались востребованы ученые, труды которых могли предоставить научную базу под такое разделение. Особое место здесь занимает У. Кимлика: на уровне теоретических обобщений он видел у иммигрантских (недавних) меньшинств стремление к быстрой интеграции (если не к ассимиляции), в отличие от заинтересованности национальных меньшинств в сохранении своей идентичности¹⁰¹. Но по верному

замечанию латвийского эксперта Б. Цилевича, «подход Кимлика разработан в первую очередь для американского континента, и в какой-то мере, хотя тоже не полностью, он является для него обоснованным. Что же касается Европы, особенно восточной и центральной ее части, то тут работают принципиально иные механизмы формирования меньшинств. Те меньшинства, которые появились на территории государства недавно, как правило, оказались здесь не в результате иммиграции, как она понимается в той же Америке. Это не был сознательный акт конкретного индивида, который решил оставить одно государство и переселиться в другое»¹⁰².

Сам Кимлика видел особенность эстонской ситуации в том, что «русские поселенцы не считают себя иммигрантами, в то время как принимающее общество не воспринимает их как будущих граждан. Если обе стороны пересмотрят свои изначальные установки, то основой для стабильного устройства может стать иммигрантская модель, (дополненная некоторыми формами культурной автономии)»¹⁰³. Таким образом, если меньшинства последуют совету Кимлика, то это приведет их к признанию легитимности основ эстонской (и латвийской) этнополитики.

В специальной литературе вообще упоминается немало «обычных» и «разумных» критериев в определении (национальных) меньшинств. Однако Дж. Пакер на основе основательного анализа редуцировал понятие (национального) меньшинства до «группы людей, которые свободно объединяются для установленной цели, и их общие желания (desire) отличаются от тех, что выражены властью большинства»¹⁰⁴. В начале 1990-х годов в Европе шли горячие споры об определении «национального меньшинства», что было также связано с подготовкой текста соответствующей Рамочной конвенции Совета Европы. Пакер дает такое максимально расширительное толкование понятия «меньшинства», именно критикуя несостоятельность обычно используемых здесь критериев, причем он пошел намного дальше простого отрицания критерия гражданства.

Дж. Пакер при М. ван дер Стуле возглавлял офис Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств. Сам ван дер Стул неоднократно заявлял, что для него существование меньшинства – это вопрос факта, а не права (здесь он опирался на одно из решений Постоянной палаты международного правосудия)¹⁰⁵. Подобный подход в странах Балтии понимания не находил. Например, 17 мая 1994 г. на встрече с представителями проправительственного Эстонского института по правам человека Верховный комиссар выслушал мнение, что «иммигранты – не национальные меньшинства» (о чем эстонские СМИ сообщили особо)¹⁰⁶.

В любом случае принятый в Эстонии в 1993 г. Закон о культурной автономии национальных меньшинств¹⁰⁷ под представителями меньшинств понимает только граждан. С подобной декларацией была ратифицирована и Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств. На сегодня Закон о культурной автономии и Закон о ратификации Рамочной конвенции¹⁰⁸ содержат идентичное определение национальных меньшинств: состоят из граждан ЭР; проживают на территории Эстонии; имеют давние, прочные и постоянные связи с Эстонией; отличаются от эстонцев своей этнической принадлежностью, своеобразием культуры, религией или языком; руководствуются желанием общими усилиями сохранить свои культурные традиции, религию или язык, служащие основой их общей идентичности.

В своем Мнении по Эстонии от 14 сентября 2001 г. Консультативный комитет Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств прямо заявил, что в качестве национальных меньшинств в Эстонии будет рассматривать и граждан, и неграждан. Более того, комитет похвалил эстонское правительство за то, что на практике оно вовсе не стремилось ограничить права представителей меньшинств без эстонского гражданства¹⁰⁹. Видимо, понимая малую практическую ценность в том, чтобы настаивать на ограничительном определении термина в контактах с Советом Европы, эстонское правительство во 2-м отчете о выполнении Рамочной конвенции признало, что критерий гражданства в определении национального меньшинства имеет на сегодняшний день «скорее политико-историческое значение»¹¹⁰. Тем не менее новый Закон о языке 2011 г.¹¹¹, который раскрывает некоторые предусмотренные конституцией языковые права национальных меньшинств, указывает, что в его понимании представителями национальных меньшинств являются граждане Эстонии (ст. 5). В предыдущем Законе о языке 1995 г. такой оговорки не было¹¹².

Латвия ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств только в 2005 г. Одна из деклараций, сделанных при этом Латвией (ст. 2 Закона о Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств¹¹³), касается определения национального меньшинства: «национальным меньшинством в понимании конвенции Латвия считает граждан ЛР, которые отличаются от латышей культурой, языком или религией, которые на протяжении поколений традиционно жили в Латвии и считают себя принадлежащими к государству и обществу Латвии, которые желают сохранять и развивать свою культуру, религию или язык. Лица, которые не являются гражданами Латвии или другого государства, но постоянно и легально проживают в Латвийской

Республике и, хотя не принадлежат к национальному меньшинству в понимании конвенции, но идентифицируют себя с признанным меньшинством, могут использовать предусмотренные конвенцией права, если закон не предусматривает иного».

В настоящий момент законодательство не предусматривает исключений. Однако остается неясным, учитываются ли неграждане Латвии при определении доли меньшинств в отдельных административных единицах. Также неясен статус некоторых этнических групп при раскрытии критерия «традиционного проживания в Латвии на протяжении поколений». Например, подавляющее большинство этнических украинцев въехали в Латвию в советский период, хотя некоторые украинцы живут в Латвии на протяжении многих поколений.

Приведенное выше определение имеет значение при применении в Латвии норм Рамочной конвенции. Что касается других прав меньшинств, гарантированных Конституцией¹¹⁴ и внедренных в законодательство, то различный объем прав для граждан и «неграждан» законодательством не предусмотрен. Более того, статья 2 Закона о статусе тех граждан бывшего СССР, которые не имеют гражданства Латвии или другого государства, прямо предусматривает, что у «негражданина» помимо прав, гарантированных конституцией, есть право сохранять свой родной язык и культуру в рамках национально-культурной автономии, а также право на сохранение традиций, если они не противоречат закону.

Для современного латвийского и эстонского законодательства и правоприменительной практики характерно стремление минимизировать признание языковых прав меньшинств или даже признание и защита языковых прав большинства. Международные правозащитники даже призывали Эстонию прекратить «языковую дискриминацию»¹¹⁵. Однако официальный подход к языковому регулированию по-прежнему опирается на особые теоретические разработки, в которых не последнюю роль играет «иммигрантское происхождение» русскоязычных. Например, один из идеологов эстонской языковой политики из академической среды, М. Раннут, критикуя позицию ОБСЕ и особенно Верховного комиссара по делам национальных меньшинств М. ван дер Стула, считал, что его деятельность привела к «переписыванию истории Эстонии, прав человека и международного права, а также к изобретению прав человека ad hoc, когда это было нужно ОБСЕ. Несколько примеров: избегалось использования табуированных для ОБСЕ терминов, таких как “советская оккупация” и “иммигранты”, причем последние переопределялись как русскоязычное меньшинство, для которого требовались все меры защиты

традиционных меньшинств»¹¹⁶. По мнению Раннута, во многом это было обусловлено российским влиянием в ОБСЕ¹¹⁷.

В феврале 2007 г. в эстонский Закон о языке вносится важное положение¹¹⁸, согласно которому меры по защите иностранных языков (такowymi в Эстонии называют и языки меньшинств) не должны вредить эстонскому языку (ст. 2 (3)). Это представляется своеобразной гарантией от вредного воздействия различных норм, направленных на защиту языковых прав меньшинств. Эта «подушка безопасности», видимо, понадобится, когда в условиях роста числа граждан неэстонского происхождения идеология реституции не будет обеспечивать должный уровень легитимности этноцентричной этнополитике, в основе которой в Эстонии лежит именно законодательство о языке. Примечательно, что данное положение было повторено и в новом Законе о языке 2011 г. (ст. 2 (3)).

В то же время интересно отметить, что доктрина реституции почти не применялась к достаточно прогрессивным для своего времени нормам о защите прав меньшинств, которые существовали в Латвии и Эстонии до утраты независимости. Например, проект второго раздела Конституции Латвии (о правах человека), который не был принят до установления диктатуры в 1934 г., предусматривал, что принадлежащим к меньшинствам лицам гарантируется свободное устное и письменное использование их языков; предусматривалось, что на основании специального закона будет разрешено использование языков меньшинств в самоуправлениях и судах. Статья 41 Закона об учреждениях образования Латвии¹¹⁹ гарантировала право на образование на языке семьи. Статья 147 Регламента Сейма¹²⁰ обеспечивала возможность выступать в парламенте на трех языках: латышском, русском и немецком.

В Эстонии преемственность с довоенной политикой в отношении меньшинств должен был символизировать упомянутый выше Закон о культурной автономии национальных меньшинств 1993 г. Однако по сравнению с законом 1925 г. он предоставлял автономиям намного меньше возможностей, прежде всего в том, что касалось контроля над финансируемыми из бюджета образовательными заведениями¹²¹.

ВЫВОДЫ

Представление о советском периоде как о противоправном и связанная с ним доктрина реституции являются основой и источником легитимности правового оформления эстонской и латвийской этнополитики. Доктрина реституции нашла свое выражение в документах, официально интерпретирующих оформление Лат-

вией и Эстонией независимости от СССР. Более того, реституционная логика присутствует в законодательстве, непосредственно касающемся меньшинств. Это и «восстановленные» законы, и новые законы, принятые, исходя из логики реституции. «Прогрессивные» довоенные законы о меньшинствах, однако, (в полном объеме) восстановлены не были.

Реституционная идеология придавала легитимности проводимой жесткой этнополитике в глазах не только большей части латвийского и эстонского общества, но также Запада и ряда международных структур. Через реституцию в области гражданства большая часть представителей меньшинств превратилась в иностранцев/неграждан, чьи политические права стали минимальными. Критерий гражданства также использовался для ограничительного подхода к проблеме признания прав национальных меньшинств.

Под влиянием легалистской доктрины реституции правовой дискурс играет в латвийской и эстонской этнополитике исключительно важную роль. Как мы увидели, политика в отношении меньшинств здесь оформляется и дискутируется на языке права, четко закрепляется в правовых актах, проводится с использованием правовых механизмов. Латвия и Эстония в связанных с меньшинствами вопросах изначально поставили себя в определенные правовые рамки, объясняя те или иные решения реституцией.

В рамках реституционной доктрины возможны варианты. Даже при «восстановлении корпуса довоенных граждан» можно было избежать ситуации массового безгражданства через «расширение гражданства» для всех постоянных жителей в рамках простой административной процедуры (по примеру Литвы). Некоторое смягчение в Латвии и Эстонии с конца 1990-х годов норм, касающихся получения гражданства, позволяет предположить, что жесткость регулирования первых лет независимости не столько опиралась на доктрины реституции, сколько искала в ней свое оправдание в рамках каких-либо иных стратегий (например, стимулирование «добровольной репатриации» меньшинств и/или блокирование их доступа к власти). Позитивные трансформации этнополитики в рамках реституционной доктрины высветили всю важность воздействия на Латвию и Эстонию международных организаций и Евросоюза¹²².

¹ Ziņotājs. N 20. 17.05.1990. Официальные публикации законов.

² Latvijas Vestnesis. N 43. 01.07.1993. Официальные публикации законов (Далее: LV).

³ LV. N 143. 27.08.1996.

⁴ Решение Конституционного суда Латвии от 29 ноября 2007 г. в деле № 2007-10-0102, п. 29.2.

⁵ Eesti NSV Ülemnõukogu ja Valitsuse Teataja. 1990. N 12. Art. 180. Официальные публикации законов.

⁶ База данных международных договоров на сайте Министерства иностранных дел Эстонии, 01.08.2012 (www.vm.ee).

⁷ ГА ООН. Резолюция 47/21 от 25 ноября 1992 г.

⁸ ПАСЕ. Резолюция 189(1960) от 29 сентября 1960 г.

⁹ Декларация о государствах Балтии от 27 августа 1991 г.

¹⁰ См. например: Ždanoka v. Latvia [GC]. N 58278/00, § 119. ECHR 2006-IV.

¹¹ Kolk and Kislyiy v. Estonia (dec.). N 23052/04 and 24018/04. ECHR 2006-I; Penart v. Estonia (dec.). N 14685/04. 24 January 2006; см. такж: Cassese A. Balancing the Prosecution of Crimes against Humanity and Non-Retroactivity of International Criminal Law // Journal of International Criminal Justice. Vol. 4 (2006). P. 410–418.

¹² Meissner B. Die Sowjetunion, die baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln, 1956; Loeber D.A. Legal Consequences of the Molotov-Ribbentrop Pact for the Baltic States on the Obligation to Overcome the Problems Inherited from the Past // 1 Baltic Yearbook of International Law (2001); Malksoo L. Illegal Annexation and State Continuity: the Case of the Incorporation of the Baltic States by the USSR: a Study of the Tension between Normativity and Power in International Law. Leiden, 2003; Ziemele I. State Continuity and Nationality: the Baltic States and Russia: Past, Present and Future as Defined by International Law. Leiden, 2005.

¹³ Marek K. Identity and Continuity of States in Public International Law, 2nd ed. Genève: Librairie Droz, 1968; Hough III W. J.H. The Annexation of the Baltic States and its Effect on the Development of Law Prohibiting Forcible Seizure of Territory // New York Law School Journal of International and Comparative Law. Vol. 6 (1985). P. 301–533; Thiele C. Selbstbestimmungsrecht und Minderheitenschutz in Estland. B., 1999; Crawford J. The Creation of States in International Law, 2nd ed. Oxford, 2006; Van Elsuwege P. From Soviet Republics to EU Member States: A Legal and Political Assessment of the Baltic States' Accession to the EU. Leiden, 2008; Ronen Y. Transition from Illegal Regimes under International Law. Cambridge, 2011.

¹⁴ Koskenniemi M., Lehto M. Succession d'États de l'ex-U.R.S.S., avec examen particulier des relations avec la Finlande // Annuaire français de droit international. Vol. 38 (1992). P. 179–219; Müllerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 42 (1993). P. 473–493

¹⁵ См., например: Wiegandt M.H. The Russian Minority in Estonia // International Journal on Group Rights. Vol. 3 (1995). P. 136.

¹⁶ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с высказываниями ряда европейских политиков относительно «оккупации» стран Балтии Советским Союзом и необходимости осуждения этого со стороны России, 4 мая 2005 г. (www.mid.ru).

¹⁷ См., например: Черниченко С. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. № 7/8. 2004. С. 212–225.

¹⁸ Veitik R. Kaks riiki ja kolm ajalugu: kas Venemaa vabandab Eesti ees? (Два государства и три истории: извинится ли Россия перед Эстонией?) Выступление на конференции «Ajalugu ja poliitika» («История и политика»). Таллинский университет. 14 октября 2006. С. 7 // Архив авторов.

¹⁹ Симомян Р. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты // Государство и право. 2011. № 11. С. 113–114.

²⁰ Там же. С. 114.

- ²¹ Security Police of the Republic of Estonia // Annual Review. 2011. P. 13.
- ²² Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г.; см. также: Arbitration Commission of the Conference on Yugoslavia. Opinion. N 1. Para. 1(b).
- ²³ Ziņotājs. N 20. 17.05.1990.
- ²⁴ LV. N 43. 01.07.1993.
- ²⁵ Например, было восстановлено действие Закона о государственном контроле от 1923 г. (LV. N 101. 04.11.1993), Закон о нотариусах от 1937 г. (LV. N 48. 09.07.1993).
- ²⁶ Riigi Teataja. I. 2007. N 43. Art. 311. Официальные публикации законов (Далее: RT).
- ²⁷ RT. 1991. N 25. Art. 312.
- ²⁸ RT. 1992. N 40. Art. 533.
- ²⁹ Ziņotājs. N 20. 17.05.1990.
- ³⁰ LV. N 85. 29.05.2007.
- ³¹ Решение Конституционного суда Латвии от 29 ноября 2007 г. в деле № 2007-10-0102.
- ³² Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Эстонии У. Паэтом. Москва, 18 мая 2005 г. (www.mid.ru).
- ³³ Riigi Teataja II. 2005. N 18. Art. 59 (Далее: RT).
- ³⁴ Распоряжение Президента Российской Федерации от 31 августа 2005 г. № 394-рп (www.mid.ru)
- ³⁵ Ziņotājs N 29. 30.07.1992.
- ³⁶ См., например, Закон о земельной реформе в сельской местности Латвийской Республики (Ziņotājs. N 49. 06.12.1990); Закон о денационализации домовых собственности в Латвийской Республике (Ziņotājs. N 46. 21.11.1991).
- ³⁷ Kuti C. Post-Communist Restitution and the Rule of Law. Budapest, 2009.
- ³⁸ Например, Закон о возвращении собственности религиозным организациям (Ziņotājs. N 22/23. 04.06.1992).
- ³⁹ Закон Эстонской Республики об основах реформы собственности (RT. 1991. N 21. Art. 257).
- ⁴⁰ Подробнее о приватизации в Эстонии см.: Andersen E.A. An Ethnic Perspective on Economic Reform: The Case of Estonia. Aldershot, 1999.
- ⁴¹ Ziņotājs. N 51. 20.12.1984.
- ⁴² Ziņotājs. N 1. 01.01.1971.
- ⁴³ Решение Конституционного суда Латвии от 29 ноября 2007 г. в деле № 2007-10-0102, п. 32.2.
- ⁴⁴ Järve P. Ethnic Democracy and Estonia: Application of Smooha's Model. Flensburg, 2000. P. 32.
- ⁴⁵ См.: Visek R.C. Creating the Ethnic Electorate through Legal Restorationism: Citizenship Rights in Estonia // Harvard International Law Journal. Vol. 38. 1997. P. 315–373.
- ⁴⁶ Под «этнополитикой» мы понимаем прежде всего деятельность Латвийского и Эстонского государств и политических партий Латвии и Эстонии, специально направленную на решение вопросов, непосредственно касающихся лиц, не считающих себя этническими латышами или эстонцами. Такое понимание термина является в Латвии и Эстонии конвенциональным.
- ⁴⁷ Ziņotājs. N 43. 31.10.1991.
- ⁴⁸ LV. N 93. 11.08.1994.
- ⁴⁹ LV. N 63 (346). 25.04.1995; Ziņotājs. N 10. 25.05.1995.
- ⁵⁰ Решение Конституционного суда от 7 марта 2005 г. по делу № 2004-15-0106.

- ⁵¹ RT. 1991. 39, 476.
- ⁵² RT. 1992. N 7. Art. 109.
- ⁵³ Первая редакция Закона об иностранцах 1993 г. определяла иностранца как лицо, являющееся гражданином иностранного государства или признанное лицом без гражданства.
- ⁵⁴ Решение Верховного совета Эстонской Республики о применении Закона о гражданстве, опубликовано: RT. 1992. N 7. Art. 109.
- ⁵⁵ Закон о гражданстве Литовской ССР № XI-3329 от 3 ноября 1989 г.
- ⁵⁶ Thiele C. The Criterion of Citizenship for Minorities: the Example of Estonia. Flensburg, 1999. P. 12–13. См. также: Eide A. The Rights of «Old» versus «New» Minorities // European Yearbook of Minority Issues. Vol. 2 (2002/2003) / Eds. A. Blood et al. Leiden, 2004. P. 377.
- ⁵⁷ Müllerson R. International Law, Rights and Politics. Developments in Eastern Europe and the CIS. London, New York, 1994. P. 217 (ref. 46).
- ⁵⁸ Pabriks A. 1998. The Future of the Baltic Russians. Paper presented to the ASN 3rd Annual Convention. Columbia University. N.Y., 1998. P. 7 (ref. 1).
- ⁵⁹ Ruutsoo R. Discursive Conflict and Estonian Post-Communist Nation-Building // Eds. M. Lauristin, M. Heidmets. The Challenge of the Russian Minority. Emerging Multicultural Democracy in Estonia. Tartu, 2002. P. 44.
- ⁶⁰ Wallerstein I. Integration to What? Marginalization from What? Keynote Address at 19th Nordiske Sociologkongres, 13–15 June 1997. Copenhagen. P. 329.
- ⁶¹ Данные центрального статистического управления Латвии предоставлены авторам по запросу.
- ⁶² 2000 Population and Housing Census: Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages II. Tallinn: Statistical Office of Estonia, 2001. Table 2.
- ⁶³ Информация на официальном сайте <http://estonia.eu>.
- ⁶⁴ Pettai V., Hallik K. Understanding Processes of Ethnic Control: Segmentation, Dependency and Cooptation in Post-communist Estonia // Nations and Nationalities. Vol. 8 (2002). N 4. P. 510–511.
- ⁶⁵ Kionka R. Estonia: A Difficult Transition // RFE/RL Research Report. Vol. (1993). N 1. P. 89–91.
- ⁶⁶ Цит. по: Lieven A. The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven; London, 1994. P. 306.
- ⁶⁷ Kalev L. Multiple and European Union Citizenship as Challenges to Estonian Citizenship Policies: Abstract. Tallinn, 2006. P. 24.
- ⁶⁸ Bug A. Пеэтер Олеск: «Эстонский народ в своем государстве не может быть общиной» // Молодежь Эстонии (газета). 1993. 14 дек.
- ⁶⁹ RT. 1991. N 2. Art. 19, 20.
- ⁷⁰ Об эстонско-российских взаимоотношениях в этой связи см., например: Kallas K. Eesti Vabariigi ja Vene Föderatsiooni riikidevahelised läbiraakimised aastatel 1990–1994. Peaseminaritöö (Межгосударственные переговоры между Эстонской Республикой и Российской Федерацией в 1990–1994 гг. Главная семинарская работа). Tartu Ülikool, Filosoofia teaduskond, Ajaloo osakond, Lahiajaloo õppetool. Tartu, 2000. P. 37–38. 01.08.2012(www.ut.ee).
- ⁷¹ LV. N 93. 11.08.1994.
- ⁷² LV. N 105. 08.07.2011.
- ⁷³ Ibid.
- ⁷⁴ RT. 1992. N 7. Art. 109.
- ⁷⁵ Закон о требованиях к знанию эстонского языка, предъявляемых к ходатайствующему о гражданстве (RT I. 1993. N 11. Art. 171).
- ⁷⁶ Ст. 7 (1) Закона о гражданстве 1938/1992 гг.

- ⁷⁷ Информация на официальном сайте <http://estonia.eu/>.
- ⁷⁸ RT. 1993. N 19. Art. 347.
- ⁷⁹ Опубликован RT I. 1995. N 12. Art. 122.
- ⁸⁰ Натурализация по годам была следующей: 1992 г. – 5421; 1993 г. – 20 370; 1994 г. – 22 474; 1995 г. – 16 674; 1996 г. – 22 773; 1997 г. – 8124; 1998 г. – 9969; 1999 г. – 4534; 2000 г. – 3425; 2001 г. – 3090; 2002 г. – 4091; 2003 г. – 3706; 2004 г. – 6523; 2005 г. – 7072; 2006 г. – 4753; 2007 г. – 4228, 2008 г. – 2124, 2009 г. – 1670, 2010 г. – 1184, 2011 г. – 1513. Информация на официальном сайте <http://estonia.eu/>.
- ⁸¹ RT I. 1995. N 56. Art. 973.
- ⁸² International Organisation for Migration. Estonia's Non-Citizens: a Survey of Attitudes to Migration and Integration, 1997.
- ⁸³ RT I. 2000. N 54. Art. 357.
- ⁸⁴ *Poleshchuk V.* Advice not Welcomed: Recommendations of the OSCE High Commissioner and the Response. Münster, 2001. P. 53.
- ⁸⁵ RT I. 2008. N14. Art. 104.
- ⁸⁶ *Полецук В.* Неграждане в Эстонии, М., 2005. С. 28.
- ⁸⁷ RT I. 1998. N 111. Art. 1827.
- ⁸⁸ См. статью Д. Коченова в данной книге.
- ⁸⁹ *Poleshchuk V.* Advice not Welcomed... P. 62–65, 95–98.
- ⁹⁰ *Vihalemm T., Siiner M.* Language Policy Initiatives in Relation to Social Structure // Estonian Human Development Report 2010/2011: Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. Tallinn, Estonian Cooperation Assembly, 2011. P. 120.
- ⁹¹ RT I. 2003. N 82. Art. 550.
- ⁹² EU Accession Monitoring Program, Monitoring the EU Accession Process: Minority Protection, Part I. Budapest, 2002. P. 216–219.
- ⁹³ *Kalev L.* Multiple and European Union Citizenship... P. 24.
- ⁹⁴ Ibid.
- ⁹⁵ *Hallik K.* Kodakondsus ja poliitiline kaasatus (Гражданство и политическое участие) // Uuringu Integratsiooni monitooring 2005 aruanne (Отчет исследования «Мониторинг интеграции 2005 г.»). Tallinn, Mitte-estlaste Integratsiooni Sihtasutus, 2005. С. 60–61.
- ⁹⁶ Исследование «Nepilsoņu viedoklis par Latvijas pilsonības iegūšanu» («Мнение неграждан о получении латвийского гражданства»). Управление по делам гражданства и миграции, 2011 г. (Архив авторов).
- ⁹⁷ *Alexy R.* Põhivõigused Eesti põhiseaduses (Фундаментальные права в эстонской конституции) // Juridica. 2001 (eriväljaanne). С. 65.
- ⁹⁸ Ibid. С. 65–66.
- ⁹⁹ Ibid. С. 66.
- ¹⁰⁰ *Thiele C.* The Criterion of Citizenship for Minorities: the Example of Estonia. Flensburg, 1999. P. 2–6.
- ¹⁰¹ За национальными меньшинствами У. Кимлика признавал право самоорганизации (автономии), а за (иммигрантскими) «этническими группами» – полиэтнические права (polyethnic rights), призванные способствовать интеграции (с учетом различий). Подробнее см.: *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995.
- ¹⁰² *Цилевич Б.* Права меньшинств: кто носитель этих прав? // Балтийские дилеммы: Выступления по вопросам этнополитики. Таллин, Центр информации по правам человека, 2003. С. 13–14.
- ¹⁰³ *Kymlicka W.* Estonia's Integration Policies in a Comparative Perspective // Estonia's Integration Landscape; From Apathy to Harmony. Tallinn, 2000. P. 49.
- ¹⁰⁴ *Packer J.* On the Definition of Minorities // *Packer J., Myntti K.* The Protection of Ethnic and Linguistic Minorities in Europe. Turku, 1993. P. 45.
- ¹⁰⁵ *Van der Stoel M.* I Will Have to Develop New Methods for My Future Task. Acceptance Speech to the Stockholm Meeting of the Council of Ministers of Foreign Affairs of the CSCE, 15 December 1992. Stockholm, Sweden // Peace and Stability through Human and Minority Rights. Speeches by the OSCE High Commissioner on National Minorities / Eds. M. van der Stoel, W. Zellner, F. Lange. Baden-Baden, 1999. P. 32.
- ¹⁰⁶ Сообщение BNS (информационное агентство). 25 мая 1994 г.
- ¹⁰⁷ RT I. 1993. N 71. Art. 1001.
- ¹⁰⁸ RT II. 1996 N 40. Art. 154.
- ¹⁰⁹ Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Opinion on Estonia, adopted 14 September 2001. ACFC/INF/OP/I(2002)005. Paras. 17–18.
- ¹¹⁰ Estonia's Second Report on Implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities. 16 July 2004. ACFC/SR/II(2004)009. P. 5.
- ¹¹¹ RT I. 18.03.2011. Art. 1.
- ¹¹² RT I. 1995 N 23. Art. 334; 2010. N 22. Art. 108.
- ¹¹³ LV N 85. 31.05.2005.
- ¹¹⁴ LV. N 43. 01.07.1993.
- ¹¹⁵ Amnesty International. Estonia. Linguistic Minorities in Estonia: Discrimination Must End, AI Index: EUR 51/002/2006, 7 December 2006 (www.amnesty.org).
- ¹¹⁶ *Rannut M.* Some Comparative Remarks on the Moldovan, Irish and Estonian Sociolinguistic Situation // From Misunderstanding towards Openness and Collaboration in Multicultural Societies. Experience of Moldova, Estonia and Northern Ireland / Ed. A. Coretchi. Chisinau, 2005. P. 60.
- ¹¹⁷ Ibid.
- ¹¹⁸ RT I. 2007. N 17. Art. 82.
- ¹¹⁹ Likumu un valdības rīkojumu krājums. N13. 31.12.1919.
- ¹²⁰ Valdības Vēstnesis. N 79. 10.04.1929.
- ¹²¹ *Осинов А., Никифоров И.* Национально-культурная автономия. Идея и реализация. Эстонский опыт. Таллин, 2008. С. 22.
- ¹²² См. также статьи Д. Коченова и Б. Цилевича в данной книге.

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СТРАНАХ БАЛТИИ. ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

И.В. Никифоров

Современная эстонская историография начинает вести отчет политического процесса, приведшего к восстановлению независимости Эстонской Республики, с августа 1987 г., когда немногочисленная компания эстонских диссидентов организовала «Инициативную группу за обнародование Пакта Молотова–Риббентропа» (MRP-AEG) и провела первый в советской Прибалтике легальный и санкционированный оппозиционный митинг в центре эстонской столицы в так называемом «Оленьем парке»¹. Событие это отложилось в общественном сознании как первое неприкрытое покушение на официальную трактовку истории, как политический акт, который, вне всяких сомнений, был призван изменить массовые представления об исторических событиях новейшей истории и, как следствие, изменить текущую политику и политиков. Попытка провести подобное мероприятие имела место и в Риге, но не получила такого большого резонанса. История Прибалтики в одночасье превратилась в политический инструмент, и не только в руках правящей тогда коммунистической партии, а образ национальной истории – в объект политического действия разных, подчас совершенно непримиримых сил.

За прошедшие с тех романтических времен четверть века в Латвии, Литве и Эстонии с географической карты исчезли имена Кингисеппа и Снечкуса, одни скульптурные памятники встали не место других, появились музеи оккупации и сопротивления. Школьные учебники по-иному освещают как новейшую, так и древнюю историю стран Балтии, при главах государств работают исторические комиссии, парламенты принимают законодательные акты, предписывающие в качестве обязательных те или иные исторические оценки и характеристики. Бескомпромиссное следование властей господствующим образам национальной исто-

рии порой, как в апреле 2007 г., оборачивается массовыми беспорядками и столкновениями с полицией, войной памятников и расколом общества по отношению к историческим событиям недавнего прошлого².

Введение в оборот новых архивных данных, появление новых исторических фактов, иных интерпретаций событий прежних времен, других оценок и характеристик, т.е. всего того, что можно назвать новыми историческими образами, замещает прежние представления. Это можно считать естественным процессом, когда общественное сознание, массовая культура следуют за первопроходцами-историками, частично ассимилируя новые, а частично отторгая и забывая прежние исторические знания. Процесс исторического познания бесконечен и неисчерпаем³. Однако в нашем случае острота политических конфликтов вокруг интерпретации исторических событий и тот факт, что территория нынешних стран Балтии была столетиями ареной, где складывалась и проходила история и Польши, и Германии, и Швеции, и России, позволяет увидеть в распространенных образах истории явное политическое измерение. Образы истории вступают в конфликт, конкурируют и вовсе не на академическом поприще, а как инструменты в борьбе за власть, господство, политическое влияние. История становится политикой и в значительной степени – этнополитикой. Но история ли? И можно ли понять, описать и объяснить политические процессы вокруг исторической памяти так, чтобы кесарю досталось кесарево, а историку – история? Или, говоря иными словами, можно ли ввязаться в спор, пытаясь найти «политкорректную» историческую истину, или следует попытаться отыскать и описать политические структуры и механизмы, благодаря которым такой спор вообще становится возможным, неизбежным и даже необходимым, как способ политической коммуникации?

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ И ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

За последние годы тема существования на постсоветском пространстве различных, в том числе и конфликтующих образов истории стала предметом внимательного изучения. Наиболее обстоятельно рассматривались вышедшие в постсоветский период школьные учебники истории⁴. Автор тоже принял участие в исследовании этой актуальной темы⁵. К вопросу места школьной и гимназической учебной литературы в политике исторической памяти мы вернемся ниже.

В ходе исследований изменений образов преподаваемой истории и современной историографии сформировалось и представление о «национальной истории»⁶. Получили теоретическое обоснование понятия коллективной памяти и исторической памяти⁷. Забегая вперед, мы оговоримся, что будем проводить различие между коллективной памятью и памятью исторической, исходя из тех соображений, что любая система с обратной связью обладает памятью, в том числе памятью обладает и общество. Однако коллективные представления на основании прошлого опыта далеко не всегда являются памятью исторической. Так, внеисторично сознание мифологическое, однако миф является элементом коллективной памяти. Коллективная память становится исторической там и тогда, где и когда в обществе присутствует исторический нарратив в рамках собственно исторического дискурса⁸.

Сформировавшаяся национальная – в той или иной степени – этноцентричная историография обладает рядом характерных инвариантных черт. По мнению В. Шнирельмана таковыми являются: убеждение в древности и автохтонности этноса, от имени которого и создается национальная история; проекция максимально широко понимаемых этнополитических границ в прошлое; идентичность этноса и языка на протяжении истории; миф о славных предках; борьба за культурный приоритет; конструирование образа иноземного заклятого врага.

Особо стоит отметить, что данной теме посвящен ряд интересных работ латвийских политологов и социологов⁹. На фоне многочисленных примеров беллетристики на темы коллективных травм латышского населения особого внимания заслуживает изданный в конце 2011 г. группой историков и социологов сборник статей «Воинствующая память: 16 марта и 9 мая»¹⁰. Сборник издан под редакцией эксперта по правам человека, бывшего министра по делам общественной интеграции Латвии, а ныне комиссара Совета Европы по правам человека Нила Муйжниекса и профессора Латвийского университета Виты Зелче. В нем проведена попытка препарировать интерпретации истории Второй мировой войны в массовых представлениях различных этнических групп современного латвийского общества, опираясь на теории коллективной памяти Мориса Хальбвакса, Пьера Нора и Яна Ассмана¹¹.

Авторы сборника снабдили публикацию большим числом фотоматериалов, создали семиотическую рамку анализа визуальных форм празднования обеих дат. Возможно, главным результатом сборника стала попытка анализа техники манипуляций историческими датами в современном политическом дискурсе.

Авторы пришли к выводу, что 9 мая становится платформой для политического процесса в настоящем, который затмевает процесс воспоминаний о войне. Подобные тенденции просматриваются и в отношении противоречивого 16 марта. Коллективная память включается как символический капитал в процесс создания политического дискурса, который, в свою очередь, воссоздает, подтверждает или сдвигает границы этнических групп, групп интересов и коалиций в парламенте Латвии.

Надо отметить, что в названных выше исследованиях преобладает содержательный анализ «национальной историографии», собраны, классифицированы и описаны конфликтующие исторические концепции, указано на расплывчатость границ между академическими исследованиями, политически мотивированной публицистикой и современным мифотворчеством. Такое исследование – важное самостоятельное направление в историографии. Предмет его в рамках собственно исторической методологии неисчерпаем, актуальность непреходяща, а расширение предмета исследования зависит лишь от границ научности, признаваемых академическим сообществом.

На наш взгляд, главной методологической особенностью сложившейся традиции изучения исторической памяти стало то, что предметом исследования становился прежде всего постсоветский национальный исторический дискурс, его характерные черты, особенности и содержание. Иными словами, изучались сами исторические образы, феноменология коллективной исторической памяти и ее топологические связи в семиозисе конкурирующих исторических и политических дискурсов.

Недостаточно исследованными остались вопросы, связанные не столько с историческим дискурсом, т.е. совокупностью высказываемых взглядов, идей, представлений и ценностей, определяющих историческое «повествование», сколько с проблемами собственно исторического описания и реконструкции становления национальных политик исторической памяти. Требуется дальнейшего исследования объект и предмет этой политики, ее субъекты, ее место в структуре политического действия, а также ее функции и необходимые процессы коммуникации. Переключение внимания исследователя с анализа дискурса на изучение вопросов кто, как, какими средствами и преследуя какие цели порождает и управляет исторической памятью, позволит выделить ее функциональный характер, описать социальные институты и структуры связанные, с исторической памятью. А так же появляется возможность разграничить историческую память как результат целенаправленной политики, с одной стороны, и стихийное исто-

рическое мифотворчество и научный исторический дискурс – с другой.

Ниже будет показано на примере стран Балтии, что политические субъекты (партии, активисты, органы государственного управления) и профессиональные ученые-историки постоянно взаимодействуют. Да и не могут не взаимодействовать. На персональном уровне некоторые историки становятся действующими политиками, чиновниками, журналистами. Политики, в свою очередь, законодательно или административно определяют правила работы учебных заведений, музеев, поддерживают или не поддерживают издательскую деятельность, участвуют в формировании общественных настроений посредством массмедиа. Медийная граница между историками, изучающими политику, и политиками, заинтересованными в истории, весьма расплывчата, скорее конвенциональна, нежели императивна.

Академическая историография Латвии, Литвы и Эстонии не входит в предмет нашего исследования. Стоит отметить, что профессиональные сообщества историков в странах Балтии весьма активны и академический интерес к национальной истории не снизился¹². Но, по мнению, например, литовского историка Нерюса Шепетиса (Nerijus Šepetys) за последние годы упал не профессиональный, а общественный интерес к академической истории: «Стотысячные тиражи [...] покупались, находили свое место на книжных полках почти в каждой литовской семье, но... вскоре позабылись. Национальная история теперь снова есть, о ней можно более не заботиться»¹³.

Историк справедливо замечает, что даже академическая полемика по темам новейшей истории Литвы общественностью рассматривается не в рамках исторического дискурса, а скорее, как полемика политическая или юридическая¹⁴. Это справедливое замечание, подтвержденное выводами в указанном выше исследовании латвийских социологов и политологов¹⁵, показывает, что столкновения по поводу исторических нарративов ведут не к выяснению исторических истин, всестороннему, конкретному, верифицируемому и объективному описанию событий прошедшего, а к политическому господству посредством символического господства той или иной «истории».

В этом отдают себе отчет и современные балтийские историки, полагая, что иного для новейшей истории дискурса, нежели политический, просто не существует. Так, профессор Таллинского университета Рейн Руутсоо (Rein Ruutsoo) в полемической статье настаивает, что «исторический нарратив выполняет роль светской религии, а споры по вопросам веры, как известно, чре-

ваты последствиями»¹⁶. Методологический императив этноцентричной истории предлагает и доктор исторических наук, член Королевской академии Густава-Адольфа, иностранный член Латвийской АН Энн Тарвел (Enn Tarvel): «Невозможно, например, исследовать и представлять ближайшую историю Эстонии так, чтобы она казалась объективной с точки зрения всех этнических и социальных групп»¹⁷. Он же утверждает, касаясь методологии истории Эстонии, что «нам следует исходить из своих национальных интересов»¹⁸. «Понимание всех интересов и позиций приводит к отрицанию национальных интересов, к нигилизму, настоящему национальному мазохизму», – продолжает авторитетный историк¹⁹.

Подобная вполне типичная методологическая установка коррелирует с принципиальной политической позицией министра образования Эстонии Яака Аавиксоо (Jaak Aaviksoo), который так высказался в журнале «Diplomatia» в апреле 2011 г.: «Информационное самоопределение на уровне национального государства также означает, что никто не может вынудить нас говорить правду, если мы сами этого не хотим. И с нашей стороны было бы глупо винить другие государства, если они не хотят всегда говорить правду»²⁰.

История как наука, сколько бы ни ставился вопрос о невозможности объективного исторического описания, призвана изучать, реконструировать и описывать прошлое таким, каким оно воспринималось современниками реконструируемого события. Исторический нарратив может приобретать новые смыслы и значения в рамках меняющегося со временем дискурса. Но в том и состоит научность истории, чтобы реконструировать события, цели, мотивы прошедших времен, которые не даны нам – здесь и сейчас – непосредственным образом²¹. Тем самым история отличается от, например, права, исследующего системы юридических норм и носящего в то же время нормативный, предписывающий характер. Эстонский правовед Лаури Мялксоо (Lauri Mälksoo) пишет: «Юристам не следует обманываться по поводу того факта, что международное право основано на ценностях и что определение этих ценностей и выбор между ними в процессе создания и применения норм международного права никогда не бывает чисто “юридическим”, но также представляет из себя предмет этики, морали и, следовательно, неизбежно и “политики”»²².

Хрестоматийным стало представление об истории не только как о науке, призванной *sine ira et studio*²³ препарировать человеческие деяния прошедших времен, но и как основе национальной идентичности, формулирующей коллективные ценности,

представления о добре и зле, своих и чужих, т.е. об истории как информационном и ценностном багаже этнополитики. Любая наука представляет собой систему явных и неявных нормативов, своего рода образцов и традиций исследовательской деятельности²⁴. Общественно значимые ценностные нормы, вписываемые в историческое повествование, не являются, разумеется, обязательными для научного сообщества как такового. Такие нормы выражают, скорее, вненаучное бытие историка в конкретной социальной и политической ситуации. Как мы показали выше, эти нормы вненаучного дискурса не только не отвергаются научным сообществом в странах Балтии, но даже приветствуются. Таким образом, современный исторический текст в странах Балтии существует одновременно, как минимум, и в научном, и в политическом дискурсах, т.е. «и с гневом, и с пристрастием». Объективность и адекватность нарративов в этом случае вовсе не исключаются, но и функционального значения не имеют. Достижение господства, доминирования в отношении исторической памяти – цель, существующая вне рамок научно-исторической рефлексии. Поэтому и исследована она может, лишь став предметом самостоятельного изучения, а не предметом саморефлексии внутри собственно политической деятельности или методологической рефлексии историка.

Решить проблему описания политики исторической памяти можно, лишь выйдя за пределы собственно истории в сферу, где пересекаются исследовательские теории и практики социологии, культурной антропологии и политологии. Таким образом, возникает проблема предмета исследования.

Предмет исследования

Предметом нашего исследования в данной статье является политика в отношении исторической памяти. Однако сформулировать и дать более или менее исчерпывающую дефиницию предмета исследования принципиально невозможно, так как предмет изучения (в отличие от объекта) не существует до самого изучения. Только в процессе исследования происходит разграничение специфической области науки, создание теоретической модели предмета изучения и его теоретическое и эмпирическое описание²⁵.

Предмет исследования отнюдь не предшествует исследованию, а является его результатом – верифицируемой теорией или обоснованной гипотезой. В качестве предварительной гипотезы мы формулируем в качестве предмета нашего исследования не

сам феномен исторической памяти как сложившийся предмет культурологи, антропологии, исторической науки, источниковедения, а как политику, проводимую в отношении исторической памяти. Таким образом, мы исследуем не содержание, смыслы конкурирующих исторических и политических дискурсов, а деятельность политических акторов, способствующих порождению вышеназванных дискурсов, их институционализации, инструментализации, функционированию и коммуникации. Забегая вперед, отметим, что процессы эти идут в большинстве своем сознательно и целенаправленно. Но в той степени, в какой они не поддаются рефлексии, они проявляются стихийно и спонтанно, как это свойственно массовым социальным процессам. Содержание собственно исторического нарратива в политическом дискурсе приобретает инструментальное значение. Находящиеся в неразрешимом противоречии наука и миф способны в политическом дискурсе сосуществовать и даже «ладить» между собой. История как наука и история как память социума соотносятся, как минералогия (или петрография) и ремесло ювелира. Оба могут существовать совершенно самостоятельно. Только петрограф интересуется кристаллическая решетка алмаза, а ювелира блеск его граней и рыночная стоимость.

В качестве предварительного рабочего определения исторической памяти мы будем использовать понимание ее как *создаваемого в ходе научной деятельности художественного творчества, политического взаимодействия или медийной коммуникации культурно-исторического наследия для социализации, этнической, политической и корпоративной самоидентификации, сохранения, поддержания или изменения личного, корпоративного, этнического, политического и социального статуса. Онтологически историческая память существует за счет актов постоянного воспроизведения в разнообразных процессах коммуникации.*

Наиболее ярко и в поэтической форме такая социально-культурная роль исторической памяти зафиксирована в государственном гимне Литвы: «Летува, отчизна наша/ Ты – земля героев,/ И сыны твои на прошлом/ Все величье строят»²⁶.

Предмет нашего исследования не история и не ее семиотическое воплощение в тексте, не исторический нарратив, а политика исторической памяти: политические институты, политические инструменты и политический дискурс. Историческая память оказывается востребованной и дает о себе знать и на индивидуальном уровне, и на корпоративном, и на национальном (общегосударственном). Таким образом, историческая память становится

предметом политики, т.е. контроля, управления, господства в национальных, корпоративных и личных интересах.

Предложенное нами понимание исторической памяти вполне коррелирует с представлением об исторической культуре, из которого исходит литовский историк Н. Шепетис, подразумевая наличие исторического сознания (индивидуальная и коллективная память, знания и образы прошлого, повседневное пользование историей), присутствие политики, инструментализирующей историю (национальные праздники, символы, заказанные государством памятники) и, естественно, развитие профессиональной историографии²⁷.

Теоретические основания

Изучение политики исторической памяти не может быть собственно историческим. Да, эмпирическая сторона исследования проблемы, безусловно, связана с описанием появления исторических нарративов, создаваемых в определенном дискурсе конкретными учеными, политиками, публицистами, журналистами. Нельзя пройти мимо описания законодательных и других нормативных актов, так или иначе, прямо или косвенно, регулирующих распространение той или иной информации, идей и оценок. Представляет интерес и описание истории материальных памятников, играющих семиотическую роль в феномене исторической памяти. Все эти процессы и явления укладываются в историографию вопроса. Дальше, как правило, начинается полемика: от чисто академической до политической и даже конспирологической, целью которой может быть только устранение противоречий посредством «победы» одного из конкурирующих дискурсов. Таким образом, историография исчерпывает себя. И для углубления в предмет нашего исследования мы должны сделать его также предметом социологического, антропологического, политологического и семиотического анализа. В таком случае даже неразрешимые противоречия между дискурсами становятся естественным проявлением исторического процесса.

Несомненным эвристическим потенциалом для нашего исследования политики исторической памяти обладает политическая социология Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu)²⁸. Его представления о социальном поле и теория габитуса²⁹ хорошо объясняют социально-политические функции исторической памяти, а также сам процесс формирования последней как целенаправленной деятельности по социализации индивида и структурированию общества на основании признанного семиозиса и общих ценностей.

Так как наше рабочее определение исторической памяти предполагает обязательное наличие перманентного акта социальной коммуникации, то в качестве объясняющей теории мы опираемся на работы немецкого социолога Никласа Лумана (Niklas Luhmann)³⁰ и особенно на его исследование массмедиа³¹.

Социальная функция исторической памяти, согласно теории Бурдьё, заключается в присвоении социально-культурного и политического наследия. Благодаря такому присвоению «прошлого» становятся возможным единство и предсказуемость поведения структурированного сообщества. Иными словами, историческая память – инструмент и социализации, и стратификации, и интеграции общества. Понятно, что политическое управление обществом посредством политических институтов разных уровней порождает политику исторической памяти, т.е. делает указанные выше процессы целенаправленными и обеспечивающими помимо всего прочего и распределение власти.

Как правило, в политически стабильных обществах и демократических обществах не возникает необходимости особого выделения политики исторической памяти. Наличие сложившегося общественного консенсуса по поводу тех или иных событий мировой и национальной истории позволяет как бы растворять политическое измерение исторической памяти в других политиках – в школьной, в культурной, во внешней. Однако нарушение стабильности, радикальный социально-политический слом существовавшего порядка и необходимость формирования новых политических консенсусов превращает историческую память в явный объект политики. Именно такой слом казавшегося незыблемым порядка имел место в бывших республиках советской Прибалтики. К тому же позиционирование восстановленных в начале 1990-х годов государств как национальных подталкивало к политическим практикам и идеологическим построениям, которые можно в комплексе рассматривать как этнополитику.

Быстрое и радикальное изменение социального пространства, социального порядка, социальной структуры не могло не опираться на принципиально иную историческую память, новые ориентиры, идеалы и общественные соглашения. Разрушенный габитус должен был быть воссоздан. Для исследователя изменения социальных организмов в странах Балтии стало своего рода «экспериментом на людях», в ходе которого, например, проявление закономерностей политики исторической памяти стало ярче и нагляднее.

Историческая память многогранна и семиотически проявляет себя различными способами, но ключевым, самым распростра-

ненным и важнейшим всегда остается нарратив: устное, письменное, визуальное повествование о делах прошедших в рамках дискурса, который задает видение событий, героев, врагов, общественных ценностей и т.д. В этом отношении политика исторической памяти принципиально невозможна без пересечения разнородных дискурсов – исторических и политических. Без этого была бы невозможна и социальная коммуникация, например, политическая или правовая коммуникация по историческому поводу и наоборот. Наглядной иллюстрацией необходимого пересечения дискурсов может служить решение Конституционного суда Латвийской Республики по поводу признания конституционным решения латвийского парламента о ратификации договора о государственной границе между Латвией и Россией³².

Дискурсы в своей нормативной составляющей существуют в форме и посредством нарратива, т.е. повествования. Повествование, «рассказчик» и «воспринимающий» различимы лишь в абстракции. Вместе с текстом всегда есть «рассказчик» и «слушатель». Первичное описание феномена политики исторической памяти возможно через выделение и классификацию исторических нарративов, через указание на субъектов политики исторической памяти. Ни повествование, ни его содержание сами по себе не являются агентами политического действия. Их политический дискурс проявляется в акте коммуникации и последующем действии, т.е. тогда, когда дискурс оборачивается габитусом.

Изначально нужно зафиксировать множественность исторической памяти, как минимум, потому что она включает в себя и память индивидуальную, и групповую, и корпоративную и, наконец, претендующую на интегративный характер – профессиональную историографию. Так или иначе, историческую память невозможно представить в виде одного единого для всех обобщенного нарратива. Коллективная историческая память это, скорее, множество «памятей» наряду с профессиональной историографией. Таким образом, политологическое структурирование исторической памяти (нарратива) возможно по признакам субъекта памяти, что, кстати, определяет соответствующие характеристики традиций и правил формирования нарратива, а также целей, ради которых историческое повествование создается.

Наиболее исследуема, стабильна, институционализована и традиционна академическая история, или профессиональная историография. Субъектом ее является академическое сообщество. Национальные исторические традиции, под которыми понимаются традиции академические, закладывались в XIX в., а окончательно сложились в 1920–1930 гг. Развитая внутригрупповая

коммуникация дополняется широкими каналами двусторонней коммуникации с педагогическим сообществом и политическими институтами. Связи с остальными общественными группами и корпорациями осуществляются, как правило, опосредовано, через массмедиа. Это, правда, не означает, что адресат коммуникации посредством массмедиа получает представление об исторической реальности, производимой в рамках норм профессиональной историографии. Согласно коммуникационной теории Никласа Лумана, массмедиа не транслируют информацию иных групп, но создают и постоянно модифицируют собственную «реальность», которая и предлагается остальным действующим агентам коммуникации³³.

Наиболее исследованы³⁴ в качестве феномена исторической памяти нарративы школьной истории, создаваемые, как правило, представителями академического сообщества, но уже с учетом иного функционального назначения школьных учебников. Нарратив школьной истории поддерживается и воспроизводится педагогическим сообществом. Дискурс школьной истории наиболее чувствителен к политическому воздействию, а сама школьная история является питательной почвой для произрастания исторических мифов. Коммуникация в школьной истории, как правило, ограничена учебным процессом и лимитирована государственной программой и принятыми методиками преподавания. Кстати, это обстоятельство делает дискурс школьной истории очень инертным, медленно, с запозданием и не без участия политических институций ассимилирующим новые дискурсивные идеи, ценности, оценки и даже нарративы. Школьный дискурс всегда более консервативен, нежели историография или медийная история.

Наиболее массовой в отношении вовлеченности в процессы коммуникации является «медийная история»³⁵. Под ней мы будем понимать совокупность газетных, журнальных, телевизионных, радио и сетевых исторических нарративов. Историческая публицистика является в странах Балтии неотъемлемой составной частью журналистского ремесла. Более того, медийный исторический нарратив в период «перестройки», и даже некоторое время спустя, замещал более инертную профессиональную историографию и школьную историю.

Журналистское сообщество рекрутируется в том числе и из сообщества исторического, привнося в медийный нарратив черты профессиональной историографии. Но, тем не менее, как убедительно доказывает Никлас Луман, для массмедиа в целом характерно собственное замкнутое представление о реальности или, если точнее, конструирование реальности «второго порядка».

Хотя внешние коммуникации побуждают медийное сообщество к очередному переконструированию «реальности», принципиальная обособленность этого конструкта не меняется. Похожую точку зрения на журналистику исповедует практик российской журналистики и политолог Виталий Третьяков³⁶.

Медийная история наиболее массовая и близкая к историческому мифу, но не за счет утраты или отказа от достоверности, а за счет кажущейся завершенности нарратива и создания целостного синтетического образа из фактов, оценок и императивов, актуализированного для сегодняшнего дня. В каком-то смысле медийная история – наследник такого жанра, как притча, который обязательно предлагает извлечь урок из рассказанного. Медийная история не предполагает процедур верификации или фальсификации и полностью отождествляет нарратив, порожаемый субъективностью «историка», равно как и «историческую реальность», свидетеля и свидетельство.

Медийная история поддерживает и так называемую устную историю, целое направление, весьма популярное после восстановления независимости в странах Балтии. Устная история – это, как правило, свидетельство, индивидуальная историческая память. Нарратив в такой личной истории заведомо неверифицируем и субъективен. Жанровой вершиной индивидуальной исторической памяти является мемуаристика. Она предполагает субъективное авторское представление об истории. К медийной истории примыкают и художественная историческая литература, кинематограф и даже театр.

Для политики исторической памяти важнейшим является групповой или корпоративный исторический нарратив. Мы абстрагируемся от профессиональной исторической памяти врачей, пожарных или шахтеров. Остановимся на том, что структурированные политические элиты опираются на группы, преследующие корпоративные интересы. Это по необходимости порождает и культивирует групповые «памяти». Так, в странах Балтии в последние годы значительное влияние имели группы, связанные с памятью о репрессиях и депортациях, с сопротивлением советскому режиму, со службой в полицейских формированиях вермахта или войсках СС. Групповым консолидирующим фактором выступала и политика реституции и возвращения отчужденного в советский период имущества. Своя корпоративная история была и у религиозных организаций.

Политические партии и политические институты тоже заинтересованы в культивировании собственных исторических «памятей». Так, легитимность законодательных органов стран

Балтии повышает символическая преемственность с довоенными парламентами. В Латвии например, даже восстановлены довоенная архитектура и дизайн зала пленарных заседаний латвийского Сейма. В Эстонии резиденция президента размещена в не очень современном здании, построенном в 1939 г., но для канцелярии главы независимого государства и т.д. Другое направление партийной политики исторической памяти состоит в том, чтобы образ национальной истории максимально соответствовал ожиданиям избирателей, которые, в свою очередь, согласно теории Бурдье, формируют эти ожидания в ответ на иницирующий запрос со стороны политических элит. Задача политики исторической памяти в конечном итоге состоит в синхронизации «памятей», создании и удержании контролируемого исторического мэйн-стрима. На последний опирается текущая этнополитика.

Сами по себе политически активные группы и институты не занимаются конструированием «исторической реальности» так, как это делает массмедиа. Политические активисты ассимилируют и инструментализируют уже существующие исторические нарративы, самостоятельно создавая новый, уже политический дискурс из продукции профессиональных историков. «Влияние работ историков на массовое историческое сознание почти ничтожное, хотя весомость историко-просветительной деятельности в СМИ и других формах популяризации исторических сюжетов постепенно возрастает. Но несравнимо значительнее та роль, которую конкретные историки (часто представляющиеся как политологи или эксперты) исполняют в разных сферах государственной жизни – дипломатии, государственной безопасности, исторической (мемориальной) политике», – пишет Н. Шепетис³⁷.

Собственно говоря, главной целью коммуникации в политике исторической памяти будет гарантия господства поддерживаемого групповой памятью дискурса. В этом состоит принципиальное отличие в отношении к возможному конфликту памяти. Так, эстонский историк и издатель школьных учебников Андрес Адамсон (Andres Adamson) откровенно пишет: «С той частью населения, у которых “адрес не дом и не улица”, эстонцам общего языка в основных исторических вопросах (во всяком случае в вопросах истории XX в.) найти практически невозможно. С людьми же, осознавшими свое место в эстонском обществе (курсив мой. – И.Н.), нужно стараться найти если не общий язык, то хотя бы вступить с ними в разумный диалог»³⁸. Стремление субъектов политики к политическому господству посредством консолидации группы или всего общества вокруг одного дискурса исторической памяти вполне естественно. Однако следует заметить, что

нормативы политической деятельности не совпадают с нормативами получения научного знания.

На групповом и межгрупповом уровне проявляется и феномен исторического мифа, как неперемного условия консолидации национального сознания. Миф, исполненный смыслами, оценками и ценностями может быть политически более востребован, нежели верифицируемый исторический факт. Так, А. Адамсон в цитированной выше работе³⁹ излагает в качестве достоверного «факта» распространенную в медийном нарративе мифологическую версию предыстории событий так называемой «Бронзовой ночи» в апреле 2007 г. в Таллине. При этом широко известны и опубликованы, в том числе и властями, противоречащие мифу документы и материалы: и аналитические мониторинги⁴⁰, и вступивший в силу приговор суда по делу «организаторов массовых беспорядков» вместе с описательной частью и выводами из судебного следствия⁴¹, и соответствующие сборники документов⁴².

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СТРАНАХ БАЛТИИ ДО 1940 ГОДА

Использование исторической памяти как эффективного средства текущей политики характерно для региона Восточной Балтики. Наверное, нет смысла апеллировать к таким прецедентам, как спор о Юрьевской дани, ставший формальным поводом для начала Ливонской войны. Кстати, и Ништадский мирный договор, которым заканчивалась в 1721 г. Северная война, предполагал возвращение в Ливонию рыцарских и городских архивов, частично эвакуированных в Швецию. Не будет преувеличением отметить и тот факт, что предусмотренное Ништадским мирным договором сохранение правовой системы привилегий рыцарств и городов передало политику исторической памяти полностью в руки местных политических элит. Это стало, в свою очередь, юридической и политической основой продолжения господства местного остзейского рыцарства и немецких бюргеров. Историография как форма исторической памяти в Прибалтийском крае стала развиваться с учреждением императорского Дерптского университета в 1802 г. Он же впоследствии стал и средоточием политической полемики вокруг так называемого Остзейского вопроса, а с другой стороны, и университетом, где были заложены основы академической историографии Эстонии и Латвии. Виленский императорский университет в XIX в. не успел внести большого вклада в формирование литовской исторической науки, будучи закрыт в

1832 г. из-за предполагаемого участия студентов и преподавателей в польском восстании 1831 г.

Традиционно считается, что формирование национальной исторической памяти в Латвии, Литве и Эстонии относится к периоду так называемого национального возрождения, т.е. к середине XIX в. Именно с этого времени крестьянское народное устное предание, с появлением национальной интеллигенции, приобретает черты групповой и корпоративной исторической памяти, медийного исторического нарратива, национальной исторической мифологии, собственной исторической художественной литературы и профессиональной историографии. Разумеется, господствующим историческим и политическим дискурсом был российский имперский дискурс. Но наряду с ним к началу XX в. в прибалтийских губерниях было все необходимое для формирования этноцентричной коллективной памяти: немецкая и русская историография края, пресса (после революции 1905 г. весьма разнообразная), собственная литовская, латышская и эстонская историческая мифология и политические активные группы и даже партии, культивировавшие свои представления об этнической и региональной истории⁴³.

Вплоть до провозглашения независимости в Латвии, Литве и Эстонии не могло быть и речи о какой-то последовательной национальной политике исторической памяти. Однако образцы такой политики, проводимой властями Российской империи, были наглядны и поучительны. Власти молодых балтийских республик одними из первых важнейших государственных мероприятий сделали открытие национальных университетов. Тартуский университет как национальная высшая школа начал свою работу 1 декабря 1919 г.

От его предшественника Юрьевского университета не осталось к тому времени ни студентов, ни профессоров. Он был закрыт немецкими оккупационными властями, занявшими территорию прибалтийских губерний бывшей Российской империи согласно Брестскому мирному договору. Профессора и студенты Юрьевского университета летом 1918 г. выехали в советскую Россию. Оккупационные немецкие власти организовали на его месте немецкий университет. К осени 1918 г. он был укомплектован квалифицированными профессорами и к октябрю 1918 г. к занятиям приступили свыше тысячи студентов: немцев, латышей, эстонцев. Поражение Германии поставило точку в этом проекте. Можно предположить, что тем самым были подорваны и основы немецкой политики исторической памяти в Прибалтике.

Литовский национальный университет был открыт в Каунасе в феврале 1922 г. Латвийский университет ведет свою историю с

1919 г. Тарту, Каунас и Рига стали основой для развития национальной историографии. Политика властей совпадала с настроениями среди литовских, латвийских и эстонских историков. Как справедливо отмечает С. Рыжакова, «начиная с эпохи Просвещения последовательно формировались несколько историографических моделей, которые по-разному конструировали историю Балтийского региона в целом. Это были и остзейская немецкая, а затем и российская историографии XIX в., латышская национальная историография (основы ее были заложены еще в 1850–1860-е годы, но текстуализация и общественная реализация происходили в 1920–1930-е годы)»⁴⁴. Так, в Литве по заказу министерства просвещения была подготовлена фундаментальная «История Литвы», которая легко и быстро стала прочным историческим фундаментом почти всех патриотов Литовского государства»⁴⁵. Редактором издания стал А. Шапока, ученик И. Лаппо. Примечательно, что выпускник Санкт-Петербургского университета И. Лаппо специализировался на истории Великого княжества Литовского и занимал должность профессора русской истории в Юрьевском университете с 1905 по 1919 г. После работы в Русском университете в Праге И. Лаппо переехал в Литву, где стал профессором университета в Каунасе. Его исследования истории Великого княжества Литовского и стали основой новой национальной модели истории.

В Латвии и в Эстонии новый исторический дискурс складывался по-другому. Представления о национальных древностях пришлось в большей степени конструировать, нежели описывать. В Эстонии в 1920–1930-х годах сложилась концепция «700-летнего немецкого ига», была подготовлена многотомная «История эстонского народа» и начато ее издание. Аналогичные процессы в среде профессиональных историографов проходили и в Латвии. Общий политический контекст лучше всего выражался лозунгами латвийского президента К. Ульманиса: «Выстраивание народного самосознания в духе гордости за свой народ»⁴⁶. Воспитание патриотизма, национальной гордости стало основным лозунгом идеологической политики и для авторитарного режима, установившегося в Эстонии после государственного переворота, осуществленного президентом К. Пятсом (К. Päts) и командующим Силами обороны Й. Лайдонером (J. Laidoner) в 1934 г. Кстати, в этом же году аналогичный режим установил в Латвии и К. Ульманис (K. Ulmanis). Деятельность политических партий была запрещена, свобода слова существенно ограничена, политические режимы вели постоянную и хорошо организованную пропаганду.

В 1938 г. К. Пятс отменил университетское самоуправление и ввел жесткий контроль за студенческими организациями.

И Латвия, и Литва, и Эстония двигались от парламентских демократий в направлении строительства корпоративных государств⁴⁷. Субъектом политики исторической памяти к середине 1930-х годов стало исключительно государство, заинтересованное в этноцентричном и патриотическом нарративе при полном господстве официального политического дискурса. По инициативе К. Пятса в Эстонии было создано ведомство по разработке принципов этнополитики и продвижения их в «массы» – Служба государственной пропаганды⁴⁸. Безусловно, во всех странах Балтии существовали весьма распространенные оппозиционные настроения, но групповые или корпоративные исторические «памяти» без политической поддержки государства носили явно маргинальный характер. Когда же такая поддержка в 1940 г. стала всесильной и всеобъемлющей, прежде маргинальный и оппозиционный дискурс стал господствующим.

Российский историк Е. Зубкова отметила еще одну особенность политических процессов в странах Балтии. По ее мнению, если для «эстонизации» в Эстонии были прежде всего идеологические основания, то строительство «Латвии латышей» К. Ульманисом имело прежде всего экономическое обоснование: «Главная задача “латышизации” заключалась в лишении нелатышей экономических привилегий, вытеснении их из промышленности и бизнеса... В 1935 г. 72% промышленных предприятий Латвии находились в руках немцев и евреев, которые составляли не более 8% населения страны, при этом ключевые позиции в экономике страны принадлежали балтийским немцам»⁴⁹. Все это повышало значение исторического мифа о завоевании и освобождении и «вело к усилению разделения общества на «своих» и «чужаков»/ «врагов»⁵⁰.

В 1920–1930-е годы в странах Балтии сложилась профессиональная историография, значение которой трудно преувеличить. Наряду с научной историей, наличие которой – тоже результат политики исторической памяти, сложились исторические мифы и образ истории, необходимый как инструмент для консолидации общества вокруг определенных национальных ценностей в условиях нарастающего политического кризиса.

Субъектом политики исторической памяти в этот период было государство, точнее политический режим. Последний в Эстонии, как и в Латвии и Литве, чрезвычайно сужал круг людей, принимающих решение⁵¹. Применительно же к предмету нашего исследования это приводило к содержательному обеднению господствующего исторического дискурса, сужению каналов коммуникаций

между различными группами «держателей» исторической памяти и, что немаловажно, тотальному контролю над коммуникациями. «Медийная история» из самостоятельного нарратива, повествования о медийной реальности во многом превратилась лишь в жанровую разновидность исторического нарратива, порождаемого господствующей политической группой. Массовая «школьная история» при обязательном начальном образовании играла роль исключительно инструмента воспитания. С другой стороны, контроль и проведение достаточно жесткой политики исторической памяти распространялся только на те сферы общественной жизни, которые были государственными или законодательно подлежали государственному контролю. Существовало достаточно много социальных ниш, которые не интересовали государство (или оно по разным причинам воздерживалось от прямого вмешательства) и где могла существовать и развиваться иная традиция исторической памяти. Такой нишей, например, была церковь, культурная и просветительская деятельность, театр и литература.

СОВЕТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Летом 1940 г. политические события, стремительно превратившие Латвийскую, Литовскую и Эстонскую Республики в, соответственно, Латвийскую, Литовскую и Эстонскую Советские Социалистические Республики привели к резкому слому и изменению вектора политики исторической памяти в странах Балтии. Даже краткое схематичное описание этих процессов представляет трудности теоретического характера. Во-первых, потому что советская политика в отношении исторической памяти сама в настоящее время уже является предметом профессиональной историографии, медийной истории, корпоративной памяти и мемуаров, а во-вторых, историография, медийная история и т.д. новейшей истории стран Балтии, в свою очередь, являются объектом текущей политики в отношении исторической памяти. Ситуация, когда возникает «рефлексия второго порядка», не может быть просто разрешена умножением уровней рефлексии. Если, описывая проявление политики исторической памяти в первой половине XX в., мы ставили перед собой задачу зафиксировать наличие и укорененность в странах Балтии этноцентричной традиции в рамках формирующейся этнополитики, то для советского периода истории Балтии важно было бы выявить наличие преемственности, несмотря на радикальное противостояние исторических и политических дискурсов.

Исторический период с 1939 по 1956 г. в литературе (историографической, публицистической, медийной, мемуарной) описан многократно и подробно. Одновременно историческое описание сопровождается отчаянной полемикой, демонстрирующей не столько различия в исторических дискурсах, сколько противоречие дискурсов политических. Спор об истории чаще всего превращается в спор о господстве над историей. Немногие работы в рамках профессиональной историографии оставляют оппонентов в рамках исторического дискурса⁵² или, как минимум, оставляют возможность дискурсивной многозначности.

Мы будем придерживаться концепции, предложенной Е. Зубковой в работе «Прибалтика и Кремль», согласно которой решение о «советизации» Прибалтики было принято Кремлем только весной 1940 г. До этого времени советское руководство не планировало присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР, намереваясь, формально сохраняя государственную независимость этих стран, держать их «на коротком поводке» в качестве «санитарного кордона» в условиях разгоравшейся войны, в тот момент еще не мировой. Е. Зубкова отмечает спорность оценки действий СССР в отношении стран Балтии как «оккупации», тем более, длившейся более 50 лет: «Действия Советского Союза в Прибалтике с момента вторжения до решения сессии Верховного Совета СССР о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза, т.е. с 15–17 июня до 3–5 августа 1940 г., могут быть, хотя и с большой долей условности, расценены как “военная оккупация” – если не по “букве”, то по сути. Вместе с тем термин “оккупация” совершенно не соответствует ни долгосрочным планам Советского Союза относительно Прибалтики, ни реальному развитию событий в этом регионе... Режим, установленный в Прибалтике... не был оккупационным – он был коммунистическим режимом советского образца. В 1940 г. в Прибалтику пришла “советская власть”: так начался перелом, по своим результатам гораздо более ощутимый и драматичный, чем любая “военная оккупация”»⁵³. Следует отметить, что для целей нашего исследования в рамках методологической рефлексии не имеет значения то, как можно политически охарактеризовать смысл установленного режима – оккупация, советизация или еще как. Ни методы проведения политики исторической памяти, ни практики ее существования, ни ее господствующий дискурс от этого не меняются.

Датой начала официальной советизации следует считать 14 августа 1940 г., когда Совнарком СССР принял постановление «О государственном и хозяйственном строительстве Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР». Началась замена мини-

стерств народными комиссариатами, появились Верховные советы, сменились правительства, были подготовлены новые конституции и осуществлен переход на рубль. В Эстонии, как и в Латвии с Литвой, были национализированы банки, крупные предприятия и земельные владения свыше 30 га. Были национализированы домовладения вместе с мебелью, коврами и автомобилями. Но для «трудовой интеллигенции» были введены поблажки. В ноябре 1940 г. прошла денежная реформа. Реформа сопровождалась ажиотажным спросом и паникой на потребительском рынке.

Первые так называемые «народные правительства» включали отнюдь не местных коммунистов, а, скорее, представителей местной интеллигенции, оппозиционно настроенной к авторитарным политическим режимам. В Литве просоветское правительство возглавил известный журналист Ю. Палецкис (J. Paleckis), в Латвии – профессор-микробиолог А. Кирхенштейн (A. Kirchenstein), в Эстонии – поэт Й. Варес-Барбарус (J. Vares-Barbarus). К сотрудничеству была привлечена и заметная часть национальной интеллигенции с левыми взглядами. В Эстонии вошел в правительство один из ведущих историков – Ханс Круус⁵⁴. Работая в 1930-е годы над фундаментальной сводной историей Эстонии, он стал одним из авторов и проводников исторической модели, включавшей в себя представление о «семисотлетнем немецком господстве», т.е. мифа «о заклятом враге» в лице остзейских немцев⁵⁵.

Начавшаяся осенью 1940 г. «советизация» предполагала и реализацию новой политики исторической памяти. Однако первое время эта политика была сконцентрирована на реформировании системы образования, как высшего, так и школьного. Административные инструменты (переименованные в наркоматы министерства) оставались от прежнего режима, проблема была только в коммуникации – издании массовыми тиражами и распространении новых книг, брошюр, статей в газетах и трансляции материалов по радио. За год советская политика исторической памяти дала о себе знать прежде всего в образовательной системе, в меньшей степени коснувшись или вообще не проявившись в других областях. Поэтому о целостной и последовательной «советизации» исторической памяти в Прибалтике можно говорить только после 1945 г.

Если «советизация» Латвии, Литвы и Эстонии начиналась «с учетом местной специфики», то после 1945 г. и особенно после 1950⁵⁶ г. политика была ужесточена и ориентирована на полную и безоговорочную интеграцию Прибалтики в общее советское политическое, экономическое, культурное и ментальное пространство. Республики советской Прибалтики начали превращаться «в национальные по форме и социалистические по содержанию».

Советская политика исторической памяти в Прибалтике реализовывалась по общим для всего СССР правилам, с общими целями и похожими средствами. Субъектом доминирующей политики выступали руководящие органы коммунистической партии. Ключевыми инструментами были партийно-политическая пропаганда посредством прямого воздействия (например, общество «Знание» имело с 1947 г. во всех республиках), при помощи СМИ и через систему школьного и высшего образования. Школьные программы, в том числе и по гуманитарным предметам, были едиными для всех школ СССР. Помимо университетской исторической науки в республиках советской Прибалтики были учреждены национальные академии наук⁵⁷, созданы профильные академические институты. Частично восстановленная в СССР после Второй мировой войны религиозно-церковная жизнь, а в Прибалтике не прерывавшаяся ни на день, позволяла культивировать корпоративную историческую память, хотя и в узких рамках, ограниченных внутрицерковной коммуникацией.

Массовое же воздействие на историческую память осуществлялось масштабным переименованием улиц, даже городов, уничтожением памятников и памятных знаков, противоречащих господствующему политическому дискурсу, и установкой памятников, пространственно-семиотически закрепляющих этот дискурс.

Довольно часто новые представления об истории ассимилировали сложившиеся в предшествующий период взгляды, что позволяло не отменять «прежнюю» историческую память в полном или даже значительном объеме, но «переструктурировать» ее. Наглядным примером такого «переструктурирования» может служить история с памятником мифическому герою эстонского национального эпоса Калевипоэгу (Kalevipoeg). Памятник Калевипоэгу работы выдающегося скульптора А. Адамсона (A. Adamson) был установлен в Тарту в 1933 г. как символ победы в Освободительной войне (1918–1920) и простоял до 1950 г., когда он бы снесен как явно противоречащий господствующему официальному дискурсу исторической памяти. На его месте в 1952 г. был установлен бюст поэта, собирателя и автора эпоса «Калевипоэг», предвестника эстонского национального возрождения Ф.Р. Крейцвальда (F.R. Kreutzwald).

В этом же ключе можно рассматривать и сохранение в центре Риги монументального архитектурно-скульптурного ансамбля «Памятник Свободе». Памятник был установлен в 1935 г. и символизировал исторический путь Латвии в триединстве ее исторических регионов (Курземе, Видземе, Латгале). Семиотически

этот монумент представляет собой исторический концепт, сложившийся в Латвии в 1930-е годы и вполне ассимилированный и востребованный в советской Латвии. Символика монумента оказалась более чем актуальной и сегодня: девиз «Отчизне и свободе» стал названием одной из политических партий, а ветераны Латвийского легиона 16 марта возлагают венки к этому же памятнику.

И наконец, были задействованы и «репрессивные» механизмы политики исторической памяти. Под таковыми можно понимать и эффективную деятельность советской цензуры⁵⁸, изъятие из процесса коммуникации печатных, аудио- и видеоматериалов и превентивная, иногда и карательная деятельность органов государственной безопасности⁵⁹.

Весной 1953 г. уже после смерти И. Сталина Л. Берия убедил коллег по советскому руководству, что чекистские методы борьбы с вооруженным сопротивлением в странах Прибалтики и на Украине неэффективны, очень дороги и политически рискованны. Предполагалось сделать ставку на местные национальные кадры и форсировать внедрение в делопроизводство национальных языков. В Таллине эмиссар Берии встречался в номере гостиницы «Палас» с «беспорно националистически настроенным человеком», бывшим дипломатом Георгом Мери (Georg Meri) (отцом будущего президента Леннарта Мери). Георгу Мери был обещан пост главы правительства⁶⁰.

Берия был арестован, осужден и расстрелян, но его «новая национальная политика» была взята на вооружение Н.С. Хрущевым в той части, которая предполагала «коренизацию» руководящих кадров и внедрение в делопроизводство национальных языков. В случае Эстонии это выразилось в том, что благодаря развитой системе высшего и специального образования на эстонском языке были рекрутированы в органы МВД и КГБ местные кадры. Посредством «эстонизации» КПЭ к середине 1960-х годов сформировался молодой и амбициозный слой местной образованной эстонской элиты, занявший впоследствии все ключевые посты и обеспечившей на четверть века воспроизведение и преемственность национально ориентированной советской власти. С ней вполне уживалась умеренно оппозиционная Москве национальная интеллигенция.

Можно с уверенностью констатировать, что Эстония в начале 1960-х годов успешно интегрировалась в советскую систему, расчистив в этой системе место для национальной элиты и создав почву и предпосылки для десоветизации путем возвращения к институтам довоенной республики. Буфером и связующим

звеном между обеими государственными системами послужил сохраненный, пусть и с потерями, национальный характер эстонского общества.

Советская политика исторической памяти, несмотря на прямолинейную брутальность методов при идеальности цели, вполне успешно работала, пока советские национальные элиты стран Балтии видели перспективу национального развития в рамках социалистической системы. Веру в светлые перспективы можно считать иллюзией или соглашательством, но она стимулировала принятие «правил игры» и на уровне теоретических концептов, и педагогических практик, и медийно-просветительской деятельности.

Однако советская модель политики исторической памяти вступала в очевидное противоречие с индивидуальной и групповой исторической памятью, порождая когнитивный диссонанс и публичное двоемыслие: официальная историческая память для открытого публичного нарратива и индивидуальная (групповая) для закрытого корпоративного. Никакая цензура, никакой парт-аппарат с этим в принципе справиться не могли. Все это не стимулировало консолидацию общества, особенно при увеличении доли групп, представлявших «нетитульные» этносы и не имевших личного или семейного исторического опыта, совместного с литовцами, латышами или эстонцами. Кстати, в их число нужно включать и так называемых «местных русских», переживших и «независимость», и «оккупацию».

Прибалтийская историография советского периода и массовая историческая память массмедиа ассимилировали многие образы национальной истории из того наследия, что было создано в первой половине XX в. Особенно это касалось краеведения и древней истории Латвии, Литвы и Эстонии. Взрывной рост внутрисоюзного туризма в 1960-х годах и культивирование имиджа Прибалтики, как своего рода советского «Запада» и «витрины социализма», подстегнули развитие популярной истории для туристов, издание соответствующей литературы и медийной истории для «внешнего» употребления. Такая политика сознательно культивировала безобидные исторические мифы и этнические стереотипы. В принципе современная массовая история Прибалтики творилась именно в этот период. Созданная в рамках социалистической национальной политики такая историческая память выдвигала на первый план этническую историю «титупного» населения, отодвигая истории национальных меньшинств на задний план или ассимилируя их историческое наследие⁶¹.

Противоречие между господствующей и маргинальной исторической памятью внутри стран Балтии вряд ли было слишком глубоким. Историческая память вообще была ориентирована на восстановление и использование прошлых концептов. Различия проявлялись лишь в ключевых эпизодах, важных для историко-политического дискурса: гражданская или освободительная война, насильственное присоединение или социалистическая революция и т.д.

Точно так же, как и в «буржуазных» республиках, политика советской национальной исторической памяти в советской Прибалтике строилась по принципу централизованного управления, всеобъемлющего контроля и властной вертикали, замкнутой на правящую партию, ее местного лидера и группировку, на которую он опирался. Альтернативный же исторический дискурс, прежде всего относительно характера довоенных республик и событий после 1940 г. был представлен в немногочисленной среде диссидентов и в эмиграции⁶².

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ХОДЕ ПЕРЕСТРОЙКИ. 1988–1991 ГОДЫ

Новая историческая парадигма и соответствующая ей политика исторической памяти появились в конце 1980-х годов прошлого века в странах Балтии по историческим меркам почти мгновенно, как Афина из головы Зевса. При ближайшем рассмотрении видно, что это не совсем так. Во-первых, в Латвии, Литве и Эстонии существовала эмигрантская традиция историографии и групповой исторической памяти со своим устоявшимся дискурсом, опиравшимся на представление об оккупации стран Балтии со стороны СССР и о континуитете Балтийских государств. Такую концепцию демонстративно поддерживали практически все администрации США, начиная с Г. Трумена (H.S. Truman), и ряд европейских государств. Во-вторых, историческое сообщество в странах Балтии располагало фактическим материалом, противоречащим официальному историческому дискурсу. Большинство действующих сегодня литовских, латвийских и эстонских историков выучились и сформировались еще в советский период и осознавали внутреннюю противоречивость тогдашнего политического и исторического дискурсов. Другой вопрос, что формулировка и вербализация нового дискурса, создание нового исторического повествования требовало и времени, и усилий. В подобном же положении находилось и большинство гуманитарной интелли-

генции, журналистов, кинематографистов, писателей. Не будет преувеличением сказать, что первые серьезные попытки создания новых дискурсов для национальной исторической памяти, пусть групповых, ориентированных на интеллигенцию, имели место прежде всего в России.

Осенью 1979 г. в Тартуском государственном университете (ТГУ) возникает вполне легальная национально-культурная организация «Молодое Тарту», привлекая, пусть не сразу, внимание органов госбезопасности⁶³. Интересна она была тем, что в ней начали свою общественную активность студенты-историки, ставшие впоследствии топ-политиками: Лаури Вахтре, Март Лаар, Тынис Лукас, Индрек Таранд⁶⁴. Прекратила организация свою деятельность весной 1983 г., не без вмешательства КГБ. Лаури Вахтре был исключен из университета за участие в организованном возложении цветов на могилу героя Освободительной войны Юлиуса Куперьянова (Julius Kuperjanov). Но уже через два года Л. Вахтре стал в ТГУ аспирантом, а в 1988 г. защитил диссертацию. Руководил студенческим кружком известный эстонский профессор-историк Сулев Вахтре⁶⁵. Его биография весьма примечательна и демонстрирует сдержанный «либерализм» советской системы «периода застоя» и перманентное наличие в советском историческом дискурсе оппозиционных точек роста. Новый дискурс постоянно присутствовал в латентном состоянии, правда, лишенный отношений коммуникации, как внутригрупповой, так и внешней.

Нет оснований считать, что постепенно происходило накопление изменений как в профессиональной историографии, так и в массовой исторической памяти, которые способствовали бы поэтапному, эволюционному мутированию советского исторического дискурса в сторону дискурса, господствующего ныне. По крайней мере никем не прогнозировалось, что изменения пройдут так быстро и так радикально, как это произошло на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века. Даже среди эмигрантских политологов были популярны теории конвергенции и плавного изменения социальной и политической реальности, которое может занять десятки лет и будет возглавляться национальной культурной элитой⁶⁶.

24 февраля 1985 г. состоялись выборы в Верховный совет ЭССР XI созыва. Этому последнему советскому законодательному органу советской Эстонии впоследствии выпало сыграть роль основного могильщика советской власти в республике. Точно так же, как это сделали избранные в том же феврале последние Верховные советы Латвийской и Литовской ССР.

10 марта 1985 г. умер К. Черненко, и уже 11 марта Генеральным секретарем ЦК КПСС стал М. Горбачев⁶⁷. Антиалкогольная кампания и ряд других мероприятий, проведенных новым советским руководством, ретроспективно не были никак связаны с грядущими изменениями политики исторической памяти. Новый 1986 г. начался со смены главных редакторов газет и журналов «Новый мир», «Московские новости», «Аргументы и факты», «Огонек» и др. Неважно, какие цели преследовал ЦК КПСС, но это меняло структуру и механизмы коммуникации, закладывало основы плюралистической медийной истории, создания общественного мнения и нового исторического мифа. Все это и могло стать основанием для прямой ревизии политики исторической памяти. Тем более, что уже в феврале–марте на XXVII съезде КПСС М. Горбачев поставил вопрос «о расширении гласности». 8 апреля он, выступая перед рабочими АвтоВАЗа в Тольятти, впервые употребил слово «перестройка» для характеристики проводимой им политики. Вертикальный характер власти над исторической памятью определил и тот факт, что неконтролируемый процесс изменения исторической политики начался не снизу как национальное возрождение, а сверху, не с периферии «империи», а из ее сердцевины. Политическая трансформация началась с появления новых образцов «медийного нарратива», повествующего об «имперской истории», и лишенных, на первых порах, определенного дискурса, устойчивых норм, правил, образов и даже понятий. Например, вопросы перераспределения хозяйственных полномочий между республиками и центром в массмедиа обсуждались в терминах «восстановления принципов ленинской национальной политики». И все друг друга хорошо понимали.

«В 1986 г. перестройка в Москве развивалась быстрее, чем на окраинах империи. Первыми ласточками гласности в Эстонии стали не публикации, освещающие местные вопросы, а переводы статей из всесоюзных изданий. Показательно, что Съезд Союза писателей СССР (вероятно, имеется в виду Съезд кинематографистов. – *И.Н.*), который проходил в Москве в 1986 г., буквально потряс членов участвовавшей в его работе эстонской делегации своей вольнодумной атмосферой», – вспоминает бывший премьер-министр Эстонии, член Рийгикогу (парламента) историк Март Лаар⁶⁸.

Эстонская интеллигенция осторожно отнеслась к московским нововведениям. В апреле в Таллине проходит очередной IX съезд Союза писателей ЭССР. Известные эстонские писатели Яан Кросс (Jaan Kross) и Матс Траат (Mats Traat) говорят об уважении к эстонскому языку и о ленинских принципах языковой

политики. Других риторических фигур никто в Прибалтике тогда не употребляет, да и вряд ли мыслит в иных категориях. Новые веяния требовали новых ресурсов для коммуникации. Летом начал выходить журнал ЦК ВЛКСМЭ и Союза писателей ЭССР «Vikerkaar» / «Радуга». Рига и Вильнюс в 1986–1987 гг. казались куда консервативнее Таллина, а уж тем более Москвы.

Первое время политика исторической памяти на всех уровнях ее проявления оставалась прежней. Парадигма не менялась⁶⁹. Менялись только каналы коммуникации. Они становились шире, возрастал информационный трафик. Снижался, вплоть до полного исчезновения, уровень текущего политического контроля. Самым серьезным экзаменом на гласность стала 26 апреля 1986 г. авария на Чернобыльской АЭС. 4 сентября Главлит СССР ограничил цензуру охраной государственной и военной тайны в печати. А 25 сентября в Москве было принято решение о прекращении глушения ряда западных радиостанций (окончательно глушение было прекращено 30 ноября 1988 г.). Последнее решение особо примечательно, потому что оно открыло и легализовало коммуникацию с литовской, латвийской и эстонской эмиграцией, точнее с ее политическим дискурсом. Слушателю была предложена иная историческая парадигма. И, самое главное, иная историческая память теперь перестала быть запретным плодом. Из всех президентов стран Балтии, вышедших из среды эмигрантов – Валдас Адамкус, Вайра Вике-Фрейберга, Тоомас Хендрик Ильвес⁷⁰, – именно последний с 1984 г. работал аналитиком на радиостанции «Радио Свободная Европа», а с 1988 по 1992 г. был директором эстонской редакции «Радио Свободная Европа»⁷¹. Гражданин США эстонского происхождения, воспитанный в рамках иной исторической парадигмы, просто не мог не нести ее «в массы».

Ключевым же для формирования нового исторического нарратива становится кампания, проведенная в 1987 г. Главлитом и Межведомственной комиссией по передаче прежде «запрещенной» литературы из «спецхрана» в открытые библиотечные хранилища. Образцы иных исторических нарративов становятся доступными и для профессиональной историографии, и для массмедиа.

Спорные вопросы истории стран Балтии в 1986–1987 гг. еще не ставились, обсуждение новых исторических концепций не выдвинулось на первый план. Доминировали вопросы национальных отношений, языка и русско-национального двуязычия. История, если и обсуждалась посредством публицистики в медиа, то как «критика сталинизма», «восстановление ленинских принципов партийной политики» либо, наоборот, как защита традицион-

ного исторического дискурса, цементирующего советское общество⁷². Таким образом, к началу 1988 г. новой истории еще нет, а медийный исторический нарратив заведомо инструментален.

Пока общественность борется за сохранение национальных языков и культур, в Таллине группой диссидентов создается объединение по преданию гласности так называемого пакта Молотова-Риббентропа. Его возглавляют Т. Мадиссон (T. Madisson) и Л. Парек (L. Parek). 20–21 августа 1987 г. Т. Мадиссон встретился с руководством горисполкома Таллиннского СНД и получил разрешение на проведение митинга в Оленьем парке. 23 августа митинг состоялся. Был он достаточно многочисленным. Присутствовали там не только сторонники Л. Парек, но и их оппоненты. Больших последствий этот символический митинг не имел, а вопросы истории вышли на первый план ни тогда, когда ими занялись малочисленные маргиналы-диссиденты, а научная элита и вполне уважаемая эстонская общественность.

В 1988 г. вслед за московской прессой, обрушившей на читателя поток материалов о репрессиях 1930-х и 1940-х годов, в газетах Латвии, Литвы и Эстонии одна за другой публикуются статьи с осуждением массовых репрессий, а также материалы о депортациях 1941 и 1949 гг. и т.д. А. Яковлев через специальное постановление Политбюро ЦК КПСС от 11 июня 1988 г. добивается всемерного ускорения процесса реабилитации жертв политических репрессий. Фактически такая медийная история с элементами профессиональной историографии укладывается в рамки традиционного советского политического дискурса. Он достаточно пластичен, чтобы на фоне достижений развитого социализма обсуждать и осуждать массовый политический террор.

В конце 1987 г. в республиках советской Прибалтики оживляется политическая жизнь, сначала в рамках традиционных творческих и культурных организаций. В апреле 1988 г. в Эстонии появляется новый субъект политического действия «Народный фронт Эстонии в поддержку перестройки». Летом того же года по примеру Эстонии появляется «Народный фронт Латвии в поддержку перестройки»⁷³, 3 июня в большом зале Академии наук Литовской ССР несколько сот представителей местной интеллигенции иницируют создание Литовского движения в поддержку перестройки Саюдис⁷⁴. Атрибуция «в поддержку перестройки» незаметно, без дискуссий и сожаления исчезает к октябрю–ноябрю того же года, когда в Вильнюсе, Риге, Таллине проходят официальные учредительные съезды народных фронтов.

Летом 1988 г. медийная история становится одной из важнейших форм национальной коммуникации, закладываются основы

нового исторического дискурса. Примечательно, что в вопросах национальной идентичности, исторических древностей, периодов национального возрождения новый возникающий дискурс вполне созвучен и не противоречит прежнему национальному, хоть и советскому. Происходит восстановление элементов исторического дискурса довоенного периода и реконструирование «советского». Тем более, что дискурс «ленинской национальной политики» изначально строился на жесткой критике российской имперской парадигмы. «Национальное самолюбие литовца испытывается памятью о Великом княжестве, о ратных триумфах Альгирдаса (Ольгерд), о походах князя Витаутаса (Витовта) в Крым. Великое государство претерпело и великие унижения: с XVI в. – привязанность к Польше, в конце XVIII в. – раздел польско-литовской Речи Посполитой и до конца XX в. зависимость от русского державного деспотизма, от колебаний его политики», – пишет в январе 1988 г. вильнюсская газета «Вечерние новости»⁷⁵.

Параллельно с подготовкой к партконференции летом 1988 г. происходит стремительное изменение привычного облика Эстонской ССР: возвращаются исторические названия районных газет, восстанавливаются памятники Освободительной войне. Городу Кингисеппу возвращается довоенное имя Куресааре.

Политика исторической памяти становится многосубъектной, и, что самое главное, сходит на нет вертикаль такой политики. Возникает конкуренция исторических дискурсов и даже конкуренция за право обладания исторической памятью. Одной из первых восстанавливается прежняя национальная символика, которая семиотически связана с историческими образами и ценностями первой половины XX в. В этом и состоит суть понятия семиозиса⁷⁶. Изменение национальной символики меняет ракурс исторического видения, вносит радикальные изменения в образ национальной истории. В случае стран Балтии восстановление символики легитимизировало историю независимых «буржуазных» республик. Из исторически преходящих «буржуазных» форм они в одночасье стали историческими образцами национальной государственности.

В Эстонии Тартуский горком КПЭ предложил разрешить использование сине-черно-белой символики, в том числе и в качестве элементов государственной символики, и вынести данный вопрос на всенародное обсуждение. А совет народных депутатов Тарту, не дожидаясь распоряжения сверху, принял решение считать синий, черный и белый национальными цветами. На фасаде Эстонского драматического театра в Таллине удалили слой гипса, и изображенный на нем эстонский герб вновь увидел свет.

23 июня 1988 г. вышло постановление Президиума Верховного совета ЭССР о государственной и национальной символике. Постановление объявило сине-черно-белые цвета национальной комбинацией цветов, а василек и ласточку – национальными символами. В продолжение темы восстановления образа национальной государственности в лице Эстонской Республики 8 октября в Тахкураанна был открыт памятник президенту Константину Пятсу⁷⁷. В те годы Пятс воспринимался национальным героем-страдальцем, что свидетельствует и о том, что национальные эстонские активисты подлинной истории Эстонии тогда еще не знали. В будущем их ждали многие открытия, в том числе и неприятные.

В 1988 г. за неделю до очередной годовщины провозглашения независимости Эстонии Президиум Верховного совета ЭССР решил объявить 24 февраля Днем независимости и поднять национальный флаг на башне Длинный Герман. Общественного консенсуса на этот счет не было. Верховный совет Литовской ССР пошел еще дальше. Он не стал узаконивать половинчатое представление о «национальных цветах», а сразу объявил желто-зелено-красный флаг государственным флагом Литовской ССР, а прежний гимн Литовской Республики – гимном ЛССР⁷⁸.

Уже в августе 1988 г. Народный фронт Эстонии (НФЭ) умело перехватывает у «борцов за свободу» тему пакта Молотова–Риббентропа. Бывшие диссиденты снова собираются 23 августа в Оленьем парке в центре Таллина, а НФЭ приглашает народ на многотысячное мероприятие в Городском холле⁷⁹, где выступают профессиональные историки, в том числе московский гость Юрий Афанасьев. Происходит быстрое вовлечение профессиональных историков в формирование нового исторического дискурса. Общественное движение политизируется, а политики просто нуждаются в новом историческом повествовании, так как прежний исторический и политический дискурс «борьбы за перестройку и ленинскую национальную политику» себя уже исчерпал, вытеснен из медийной истории и не может служить ни политическим инструментом, ни средством консолидации сторонников.

Летом НФЭ начал политическую кампанию по отмене решений Государственной думы Эстонской Республики от 1940 г. о вступлении Эстонии в состав Советского Союза.

1 июня 1988 г. на Съезде народных депутатов СССР М. Горбачев объявил о создании комиссии по изучению пакта Молотова–Риббентропа. Лишь 24 декабря Съезд народных депутатов СССР заслушал доклад А. Яковлева от имени комиссии по изучению секретных протоколов к советско-германскому соглашению о ненападении и принял резолюцию, осудившую подобную прак-

тику. Сам текст секретного протокола был «найден» генерал-полковником Д. Волкогоновым 30 октября 1992 г. Научная публикация протокола состоялась в журнале «Новая и новейшая история» (№ 1, 1993.).

При Президиуме Верховного совета ЭССР также была создана комиссия по выработке исторически-правовой оценки 1940 г. в Эстонии. 25 августа 1988 г. комиссия Президиума Верховного совета ЭССР констатировала, что «включение Эстонии в состав СССР было незаконным». Вывод комиссии был первоначально оформлен решением Президиума. 12 ноября уже пленарное заседание Верховного совета приняло решение «об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 г.» на основании выводов комиссии. Действия СССР квалифицировались как 1) агрессия, 2) военная оккупация, 3) аннексия. Выборы 1940 г. были признаны неправомочными, а включение в СССР незаконным.

18 ноября 1988 г. Эстония провозгласила суверенитет, исходя из желания повторить успех начала 1960-х годов, когда самостоятельность управления экономикой, помноженная на бездонный рынок СССР, позволили республике стремительно развиваться. Но к 1989 г. административно регулируемая экономика не давала возможностей для рывка вперед даже при республиканском хозрасчете. Речь могла идти только об административной защите ресурсов, имевшихся в распоряжении республик. 18 апреля 1989 г. Верховный совет Литовской ССР провозгласил государственный суверенитет республики. 28 июля 1989 г. Верховный совет Латвийской ССР тоже провозгласил государственный суверенитет своей еще советской республики. Лишь в следующем году «суверенитет» (в составе СССР) превращается в «независимость». 11 марта 1990 г. Литва провозгласила независимость от СССР, а 30 марта 1990 г. Эстония приостановила действие Конституции СССР на своей территории. В мае аналогичный акт приняла и Латвия. Эти действия высших законодательных органов опирались на заявления об оккупации стран Балтии и изначальной неправомерности распространения юрисдикции СССР на территорию Латвии, Литвы и Эстонии.

К 1991 г., и даже раньше, все основные концепты нового, уже постсоветского исторического дискурса были сформированы, в том числе в рамках профессиональной историографии и во многом не путем новых научных открытий, а, скорее, включением в процесс коммуникации прежних исторических нарративов и частичным освоением маргинального в советский период «западного» дискурса. Основным средством коммуникации для историков и вообще для гуманитарной интеллигенции в этот период оказались массмедиа. Последние стремительно творили «свою реаль-

ность», если пользоваться теорией Никласа Лумана. Основным адресатом для массмедиа в странах Балтии стала социально еще не структурированная национальная общность. В очень короткий промежуток времени сформировались общественные запросы, настроения, мифы, которые тут же были преобразованы в политические инструменты разного рода: лозунги, образы, концепции и направления политики.

Таким образом, к 1991 г. в профессиональной историографии (в той степени, в которой она успела сложиться в лекциях, выступлениях, газетных и журнальных статьях), в массовой исторической памяти и в массмедиа господствовали убеждения о национальном характере истории стран Балтии, особой ценности обретения независимой государственности в начале XX в. и о насильственном присоединении к СССР, т.е. триада «оккупация, аннексия, инкорпорация».

Важно отметить, что эти убеждения сложились в ходе конкурентной, многосубъектной политики исторической памяти и опирались не на авторитет и власть, а, скорее, на поиски идейного ядра для консолидации в процессе стихийно растущих массовых протестных настроений. Советская парадигма национальной истории стран Балтии оказалась очень живучей, и ядром консолидации стал лозунг повторения «национального возрождения», а содержанием – «восстановление исторической справедливости». Политика исторической памяти, в свою очередь, предопределила вектор текущей политики.

В августе 1991 г. в условиях «августовского путча» родилось решение о восстановлении независимости Эстонской Республики. До того времени действовало постановление от 30 марта 1990 г., которое определяло статус высших органов власти республики как «переходный». Большинство депутатов проголосовали «за». «Против» не было никого. Русские депутаты воздержались от участия в голосовании. Литва приняла 11 марта 1990 г. Акт о восстановлении независимости, а 4 мая 1990 г. Верховным советом Латвийской ССР была принята Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики.

ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ И ПРИСВОЕНИЕ ИСТОРИИ

Вплоть до августа 1991 г. политика исторической памяти, проводившаяся со стороны государства (парламента и правительства), была сконцентрирована на признании «восстановленных независимых государств». Март Лаар в книге «Другая Эстония» отмечает, что в 1990 г. администрация США через своего посла

в Москве довела до сведения литовских политиков, что Вашингтон, не признавая вхождение Литвы в состав СССР, не готов признать новое правительство в Вильнюсе⁸⁰. Подобную осторожную позицию занимали и другие западные страны. Например, Германия. Об этом вспоминает тогдашний генеральный консул ФРГ в Ленинграде⁸¹. Поэтому политические усилия были сконцентрированы на том, чтобы побудить Кремль сесть за стол переговоров с эмиссарами из балтийских столиц⁸². На этом этапе политика исторической памяти заключалась прежде всего в закреплении в массовом сознании предлагаемых оценок событий 1940 г., зафиксированных в решениях и декларациях местных органов законодательной власти.

Второй, более масштабной и перспективной стороной политики исторической памяти стали процессы, которые мы можем условно назвать «десоветизацией». В ходе «советизации» стран Балтии приспособление истории к новым политическим реалиям имело подчиненный характер. В обратном же процессе проблема исторической памяти вышла на первый план. Политический дискурс, выстроенный как восстановление независимых государств, требовал не только обсуждения текущей политики в терминах оккупации⁸³ и реституции⁸⁴, но и квазиреального возвращения прошлого: имен, образов, топонимов, политических, эстетических и этических нормативов. Социальное пространство и культурный габитус должны были стать максимально похожими на предлагаемый в процессе медийной коммуникации образ. Независимая Латвия или Эстония должны были как можно быстрее стать «реальностью» (габитусом), а не политическим проектом. Недаром одна из партий Эстонии выступала на выборах 1992 г. под лозунгом «Эстония возвращается!»

Для Латвии, Литвы и Эстонии в период перестройки и становления независимой государственности проявилась одна из особенностей политики исторической памяти. Тот или иной исторический дискурс становится основой исторической политики, когда превращается в мейнстрим. Последнее обеспечивает и коммуникацию разных социальных страт, профессиональных групп, политических направлений и закрепляется как исторический образ «медийной реальности». Следует добавить, и это подтверждает кратко изложенная выше история становления современного исторического дискурса в ходе политики восстановления независимости, что «рынок исторических идей» делает те или иные из них популярными посредством массмедиа, а завоевавший «медийную реальность» исторический образ кладется в основу исторической политики.

Для Прибалтики характерна традиция системной и целенаправленной политики исторической памяти, когда бы эта политика не осуществлялась, и какие формы бы не принимала: от массового движения за сохранение латышских дайн⁸⁵ до патриотического проекта «эстонизации» К. Пятса. Что в XIX, что в XX вв. (в том числе и в советский период) академическая наука сохраняла определенную автономию. Из ее среды могли рекрутироваться агенты для проведения исторической политики. Идеологи могли ассимилировать для своей деятельности результаты академических исследований. Но сама по себе наука в Латвии, Литве и Эстонии не была субъектом политики исторической памяти. Просто само наличие «университетской истории» – результат такой политики.

Под наукой мы понимаем исследовательскую деятельность, направленную на получение нового знания на основе признанной научным сообществом традиции исследовательских программ и традиций систематизации полученного знания, как относящегося к тому или иному предмету исследования⁸⁶. Строгое следование академическим стандартам научности (явным и неявным)⁸⁷ позволяет максимально выносить за скобки политические пристрастия ученого-историка, если таковые имеются. Однако, с другой стороны, нарративный характер основного продукта исторического исследования, иными словами, текст на историческую тему позволяет политику (актору) инструментализировать исторический нарратив вплоть до полного неразличения текста научного и политического. Речь не может идти о том, что историки «ангажированы», если порождают политически актуальные тексты по заказу государственных и политических институтов, а политики слишком часто привлекают историческую аргументацию, используя работы историков. Речь может идти только о том, что текст является историческим или политическим в зависимости от того, в каком дискурсе он здесь и сейчас существует и какое сообщество «историков» или «политиков» признает его «своим». Тем не менее часть текстов актуально остаются пограничными, способными вписаться как в научный, так и в общественно-политический дискурс, естественно, с утратой одних смыслов и приобретением других, в зависимости от доминирования того или иного дискурса. Особенно это относится к школьной учебной литературе или историческим нарративам, представленным в массмедиа.

Исторический миф от «не-мифа» отличается не содержанием нарратива, а методом построения этого нарратива, методом получения и проверки данных. Иными словами, художественная литература отличается от мифа наличием «автора» и домини-

рованием эстетического в восприятии. Для научного исследования характерны исследовательские и коллекторские нормативы (М. Розов)⁸⁸, парадигма (Т. Кун)⁸⁹, исследовательские программы (И. Лакатос)⁹⁰, фальсифицируемость (К. Поппер)⁹¹, т.е. вся совокупность научной методологии.

До августа 1991 г. историческая политика в странах Балтии может быть рассмотрена как инструмент формирования республиканских политических элит, в том числе из состава общесоюзной номенклатуры. Естественно, политические элиты ищут и создают свои целевые группы поддержки. История инструментализируется, становясь флагом, под который становится «своя» «политическая армия». Такой «вербовочный» принцип делает исторический миф и обоснованием, и оправданием этнополитики. В случае стран Балтии этнополитика начиналась с лозунга «национального возрождения». После 1991 г. акценты политической памяти (и этнополитики) сместились. «Суверенность» истории должна была задать временные и пространственные границы стран Балтии, создать образ для этнической и государственной идентификации, сформировать широкий дискурс для внутренней коммуникации. Ведь страны Балтии изначально прокламировали себя как многопартийные парламентские демократии.

Обычно государство закрепляет, артикулирует образы и императивы, уже сложившиеся в общественном сознании на уровне и науки, и даже мифологии в целях создания в обществе семиотического континуума⁹², заставляющего понимать историю в рамках некоей «предзаданной» культурной парадигмы и интериоризации этой парадигмы. Например, свое семиотическое значение имеет Севастопольский бульвар в Париже, три звездочки на Памятнике Свободы в Риге или улицы им. Йонаса Басанавичуса⁹³ во многих городах Литвы. Речь идет о присвоении пространства и времени, о топонимике, календаре и памятниках.

Овладение пространством

Изменение топонимов (названий городов, поселков, улиц) – одно из самых наглядных проявлений символического присвоения пространства в рамках политики исторической памяти. Из центра Риги в одночасье исчезли улицы Суворова, Ленина, Горького. В Таллине наименования улиц были возвращены к положению середины 1920-х годов, когда в городе были введены эстонские названия улиц. Таким образом, семиотика городов возвращалась к образу «утраченной независимости», которая теперь «восстановлена». Переименование улиц и даже некоторых городов стало

семиотической фиксацией распределение власти и артикуляция оного.

Еще одним приемом присвоения пространства в рамках политики исторической памяти стал демонтаж памятников, не укладывающихся в официально принимаемый образ национальной истории, и восстановление (а порой и возврат из тайников и хранилищ) памятников, уничтоженных в советский период, а также создание новых мемориалов и памятников. Они связаны преимущественно с событиями 1918–1920 гг., с трагедиями депортации 1941 и 1949 гг., вооруженным сопротивлением советизации Прибалтики и национальными, в частности эстонскими и валлонскими, частями в составе вермахта и войск СС, участвовавшими в боях в Эстонии в 1944 г.

Войны памятников – «добрая» балтийская традиция. К счастью, войны эти никогда не были тотальными и касались только главных символов уходящих эпох. Так, после революции в Таллине был снят памятник Петру I как российское имперское наследие. Но сохранялись другие. Например, под Пайде до сих пор имеется стела, посвященная русским воинам, павшим в Ливонской войне, а в самом Таллине можно найти памятный каменный крест в честь ревелских горожан из гильдии Черноголовых, павших в стычке с кавалеристами Ивана Грозного. А в Западной Эстонии есть даже памятник цесаревичу Александру (будущему Александру III). Советская власть жестче вела зачистку памятников. Также обстоятельно повели себя власти современных стран Балтии. Ни в Эстонии, ни в Латвии, ни в Литве практически не сохранились памятники коммунистическим политикам, деятелям времен Гражданской войны или событиям той поры. В Литве многие из этих памятников собраны на территории частного парка-музея и демонстрируются туристам за деньги. В Эстонии многие памятники деятелям коммунистического движения складированы на заднем дворе Исторического музея. Однако есть ряд памятников, которые сохранены, так как вписываются в новый контекст исторической памяти. В Риге красуется памятник красным латышским стрелкам⁹⁴ (многие из них вернулись в Латвию в 1921 г.), в Таллине – левым профсоюзным активистам, расстрелянным в 1919 г. «Войны памятников» касаются преимущественно монументов, посвященных событиям Второй мировой войны. И если семиотика пространства, связанная с коммунистической историей Балтии, претерпела изменение относительно безболезненно, то столкновение памяти о прошедшей войне слишком опасно для радикальных шагов по «присвоению исторического пространства». Печальный пример тому – перенос братской мо-

гилы и «Бронзового солдата» из центра Таллина на военное кладбище⁹⁵ эстонской столицы.

Присвоение времени

Новая историческая память потребовала создания нового календаря из государственных и религиозных праздников, а также памятных дат. Отметим лишь важнейшие из них, опустив религиозные праздники, как лютеранские, так и католические. Православные праздники в официальный календарь в странах Балтии не попадают, несмотря на то что православные, особенно в Эстонии и Латвии, составляют значительную часть верующего населения (в том числе «титульного»). Отказ от каникул в период православного рождества представляется принципиальным решением, так как в противном случае разрушается этноцентричность календаря.

Цикличность исторического календаря – это своего рода символический возврат к мифологическому освоению истории, когда постоянный круговорот заменяет вектор времени, прошлое исчезает, а история сливается с сегодняшним днем. Ниже приведены государственные праздники и основные памятные даты.

В Латвии⁹⁶:

20 января – День памяти защитников баррикад 1991 г.;

25 марта – День памяти жертв коммунистического геноцида, т.е. депортации 1949 г.;

4 мая – День провозглашения декларации независимости в 1990 г.;

14 июня – День памяти жертв коммунистического террора;

23 июня – народный праздник Лиго, имеющий отчетливую языческую коннотацию;

11 августа – День памяти борцов за свободу Латвии, приуроченный к дате подписания в 1920 г. в Риге российско-латвийского мирного договора;

18 августа – День Риги;

11 ноября – День Лачплесиса как общенациональный День защитника Отечества;

18 ноября – День независимости Латвии, провозглашенной в 1918 г.

Дискурс исторического календаря Эстонии во многом похож на латвийский, хотя памятные даты имеют и собственную календарную привязку и коннотации⁹⁷:

2 февраля – заключение Тартуского/Юрьевского мирного договора 1920 г.);

24 февраля – День независимости (провозглашение Эстонской Республики в 1918 г.);

14 марта – День родного языка (имеется в виду эстонский язык);

4 июня – День государственного флага;

14 июня – День траура (дата депортации 1941 г.);

23 июня – День победы (имеется в виду победа эстонской армии под Вынну/Цесисом над немецкими формированиями Ландсвера);

24 июня – Янов день (как и в Латвии имеет четкую языческую коннотацию);

20 августа – День восстановления независимости Эстонии;

23 августа – День поминовения жертв коммунизма и нацизма (годовщина подписания пакта Молотова – Риббентропа);

22 сентября – День сопротивления (годовщина вхождения Красной Армии в Таллин в 1944 г.);

16 ноября – День возрождения (годовщина принятия ВС ЭССР декларации о суверенитете).

Последние три памятные даты вошли в официальный список сравнительно недавно. Помимо этого проводятся памятные мероприятия, посвященные бомбардировке Таллина советской авиацией 9 марта 1944 г., а также поминаются жертвы мартовской депортации 1949 г.

В Литве⁹⁸:

1 января – День флага;

13 января – День памяти защитников свободы (приурочен к трагическим событиям в Вильнюсе в 1991 г.);

16 января – День восстановления Литовского государства – провозглашено в Вильнюсе в 1918 г.;

11 марта – День восстановления независимости Литвы (уже в 1990 г.);

6 июля – День государственности в Литве (приурочен ко дню коронации князя Миндаугаса в 1252 г.);

23 августа – День черной ленты (неформальным образом отмечается годовщина пакта Молотова–Риббентропа);

25 августа – День конституции Литвы (принята на референдуме 1992 г.);

23 ноября – День воинов Литвы (приурочен к созданию регулярной литовской армии в 1918 г.).

Присвоение времени в рамках политики исторической памяти в странах Балтии отменило календарь советский, частично произвело прежний, довоенный календарный цикл и вписало в годовой цикл праздники, связанные с восстановлением государ-

ственности, и скорбные памятные даты, связанные с репрессиями и депортациями. Примечательно, что в Литве государственность в календаре присутствует многократно – с XIII в. и по 1990 г. А в Латвии дважды поминается геноцид и коммунистические репрессии. Доминируют же в календарном цикле национальная государственность и воля к ее защите с оружием в руках. Наглядность «присвоения времени» обусловлена и межгосударственным соглашением о вывешивании государственных флагов во всех трех странах Балтии в дни их государственных праздников.

«Присвоение времени» осуществляется не только государством, но и группами по интересам, общественными организациями и т.д., т.е. всеми теми, кого можно отнести к «третьему сектору». В рамках мэйнстрима исторической памяти негосударственные общественные организации как своего рода коллективные акторы осваивают исторический календарь. Они включают в него события и фигуры, имеющие свое место в господствующем в странах Балтии дискурсе, но в конкурирующих или просто иных представлениях об истории, занимающих позиции с явно отрицательной коннотацией. Так, в Эстонии по общественной инициативе регулярно в конце июля организовывается слет ветеранов 20-й дивизии Ваффен СС (Эстонская № 1) на Гренадерской горке в местечке Синимяэ. Летом 1944 г. там шли кровопролитные бои, когда части Красной Армии пытались прорвать немецкую линию обороны «Танненберг». В боях на стороне Германии принимали участие и эстонские подразделения. В этом мероприятии правительство официально участия не принимает, слет ветеранов члены правительства одобряют, но не посещают. Например, в 2012 г. министр обороны Урмас Рейнсалу отбыл на это время в отпуск⁹⁹. Аналогичное мероприятие, но с большим международным резонансом, регулярно проводится в Риге 16 марта, когда ветераны «Латвийского легиона» в сопровождении сторонников и поклонников возлагают венки и цветы к Памятнику Свободы.

«Приручение» школы

Изучение истории в школе закладывает основу интеграции общества, формирует и государственную, и этническую самоидентификацию, сохраняет культурно-исторический дискурс. Вместе с тем школьная история – основа, набор образцов исторических нарративов для формирования исторической мифологии, как национальной, так и групповой, маргинальной. Школьная

историческая память в странах Балтии абсолютно вписана в долгосрочный политический дискурс, и ведущим субъектом памяти является государство. В интервью газете «Postimees» министр образования Эстонии Яак Аавкисоо сказал, что «учебники пишут на основе учебных программ, которые государство составляет с учетом своих национальных понятий»¹⁰⁰.

Создание учебника принципиально отличается от публикации исследовательского текста. Школьный дискурс включает в себя и некий ограниченный набор общепринятых истин, и одобряемую большинством совокупность общественных ценностей. Школьная история в современных странах Балтии направлена прежде всего на социализацию и интеграцию общества, нежели на развитие индивидуализма и критического мышления. И, что немало важно, политика школьной исторической памяти, как правило, инерционна и всегда существенно отстает от быстро меняющихся академических, медийных и политических представлений об истории.

Можно согласиться, что «в настоящее время в постсоветских странах вполне сложилась “деколониционная” историография и соответствующая учебная литература»¹⁰¹. Особенности текущего школьного дискурса отличают балтийские учебники и от советской парадигмы и от представлений первой половины XX в. Особенно выделяется в этом отношении Эстония. В отличие от традиции, просуществовавшей более века, ныне крестовые походы в Прибалтике в современных учебниках интерпретируются как приобщение к цивилизации. А Эстония, например, благодаря завоеваниям крестоносцев стала неотъемлемой частью западного мира¹⁰². Шведское время стало не просто «старым, добрым» – «... столетие под властью шведской короны превратило Эстонию в культурном отношении в составную часть Северной Европы...»¹⁰³. Не удивительно, что Северная война (1700–1721) расценивается как ужасное бедствие. А походы князя Шереметева как зверства¹⁰⁴.

В эстонских учебниках теперь видят в особом балтийском порядке основу сегодняшней национальной культуры и государственности¹⁰⁵. Мнение это в среде эстонских историков в настоящее время является общепризнанным.

События периода революции и Гражданской войны переосмысляются радикально по сравнению с советским периодом. Активность латвийских большевиков в 1918–1919 гг. описывается как проявление «империализма», «военное вторжение и разжигание гражданской войны»¹⁰⁶. У эстонского школьника должно сформироваться твердое убеждение, что в ноябре 1918 г. ново-

рожденная Эстонская Республика уже была общепризнанным независимым государством, а Советская Россия осуществила акт агрессии против другого суверенного государства вместо того, чтобы признать его¹⁰⁷.

Важнейшим элементом исторического дискурса стала Вторая мировая война, ее причины и место в ней стран Балтии. В латвийских учебниках утверждается, что Вторую мировую войну, заключив пакт Молотова–Риббентропа, развязали Гитлер и Сталин¹⁰⁸. Подобную же точку зрения поддерживают эстонские и литовские учебники.

«Советская оккупация Латвии» – центральная тема учебников истории. В учебниках рассказывается, что в июне 1940 г. советское правительство под угрозой применения силы потребовало, чтобы правительство Латвии разрешило разместить в Латвии дополнительный контингент советских военнослужащих. Правительство К. Ульманиса уступило давлению, а летом 1941 г., утверждают учебники, латыши встретили немцев как освободителей. Описывая события весны и лета 1940 г., эстонские учебники, например, избегают давать какие-либо определения, пояснения и примеры, чтобы раскрыть юридический, политический и исторический смысл понятий «оккупация» и «аннексия». А основным событием предвоенного периода в эстонских учебниках являются советские репрессии¹⁰⁹, а в литовских – повстанческое движение в лесах Литвы после окончания войны.

Трактовка места и роли граждан Балтийских стран в ходе Второй мировой войны претерпевает изменения уже в ходе формирования постсоветского исторического дискурса. Первоначальное постсоветское представление эстонцев о войне как братоубийственной трагедии сменилось утверждением: «Приходится признать, что Эстония оказалась в числе проигравших Вторую мировую войну. В результате войны Эстония на много лет подпала под власть СССР, и все решения по Эстонии принимались отныне в Москве»¹¹⁰. Тем не менее сотрудничество с немецкими оккупантами учебники истории представляют, скорее, вынужденным, чем добровольным и сознательным¹¹¹, видя и здесь прежде всего борьбу за свободу¹¹².

Весь «период советской оккупации (1944–1991)» оценивается как проведение Москвой целенаправленного «геноцида против народа Латвии», в ходе которого СССР осуществлял «террор», «усиленную русификацию» и «колонизацию», пытаясь с помощью «мигрантов» и «необоснованного роста промышленности» добиться главной своей цели – «уничтожить идентичность» латы-

шей¹¹³. С этой позицией солидарны и эстонские учебники: «оккупированные государства Балтии превратились в провинции СССР, которые назывались союзными республиками и чьи права были еще меньше, чем у т.н. народных демократий (т.е. государств-сателлитов)»¹¹⁴.

В Латвии преподавание истории ведется с 6 по 12 классы по концентрической схеме. За разработку образовательных стандартов и учебных программ, а также аккредитацию учебников отвечает Центр содержания образования MON. Стандарты утверждаются правительством, а учебники – министерством. История в школах Литвы изучается с 5-го по выпускной 12-й класс. Предмет един, темы курса истории Литвы привязаны к курсу всеобщей истории и изучаются одновременно. В Эстонии история также преподается с 5-го по 12-й класс, включая всю мировую историю с незапамятных времен до конца XX в., в том числе как отдельный курс историю Эстонии¹¹⁵.

11 декабря 2008 г. эстонский парламент принимает поправку к Закону об основной школе и гимназии, которая отменила прежнюю процедуру утверждения учебной литературы. Согласно новому порядку, издатель сам будет декларировать о соответствии книги государственной программе, а также требованиям, установленным министром образования и науки. Тем самым издатель несет ответственность за качество учебной литературы и полностью отвечает за свою продукцию. Министерство образования и науки обязано создать в Интернете электронный реестр учебной литературы, которая соответствует требованиям государственной учебной программы.

В учебниках содержатся и вполне проверяемые исторические факты, оценки и характеристики, вытекающие из фактов или опирающиеся на пристрастия авторов учебных пособий, и утверждения, носящие явный аксиологический характер. Последние влияют на характер изложения исторических фактов, формулировку выводов и оценок исторических событий и периодов, создание сетки ценностных координат в историческом мировоззрении балтийского школьника для формирования этнического и государственного патриотизма.

Формальный либерализм и предусмотренная школьной политикой творческая свобода в написании учебников должны стимулировать разнообразие и альтернативность подходов к пониманию истории. Однако балтийские учебники демонстрируют завидное единство дискурса во всем том, что касается национальной истории и новейшей истории XX в. Тем не менее нельзя обоснованно утверждать о непосредственно политическом контроле

над содержанием конкретных учебных пособий и учебников, соответствующих государственным программам или стандартам. Более того, корпоративной особенностью преподавания истории, например, в эстонской школе, является то, что основные схемы исторической памяти задаются не государственной программой, а учителями и учебниками.

Государственная политика в области преподавания истории заключается в том, что органы, ответственные за содержание школьной учебной программы и учебников, сознательно и целенаправленно дистанцируются от этих процессов, перекладывая инициативу и ответственность на педагогическое сообщество. Дискурс исторической памяти, на который опирается официальная политика истории, не формируется административно-политической верхушкой, как это было при довоенных режимах или в советской системе. Современный исторический дискурс быстро и прочно укоренился в корпоративном менталитете большинства педагогов и вообще в среде национальной гуманитарной интеллигенции. Поэтому политический контроль над идеологическим содержанием учебника и учебного процесса осуществляется не административными органами на стадии написания и сертификации учебника, а гораздо раньше – на стадии формирования представлений об историческом процессе и посредством самого же педагогического сообщества.

Мы уже указывали выше, что профессионально-социальная динамика в среде балтийских историков достаточно высока. Они меняют академическую карьеру на политическую или административную и наоборот. На примере Эстонии видно, что несколько самых плодовитых авторов учебников одновременно являются влиятельными действующими политиками¹¹⁶, активистами националистических и консервативных партий, депутатами парламента. Можно с уверенностью сказать, что, как минимум, в Эстонии сложилось сплоченное неформальное сообщество «историков-политиков», которые способны оказывать влияние на принятие решений издательствами и Министерством образования и науки. Подчеркнем, что речь идет не о научном исследовании, а о «кристаллизации» учебной дисциплины. Эстонские историки-ученые, в свою очередь, подчас демонстративно выступают против общепринятых точек зрения, выдвигают весьма спорные, а порой, и скандальные гипотезы, идущие вразрез с официальной идеологией.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Уже в самом начале 1990-х годов во всех трех странах Балтии создавались общественные, публично-правовые и государственные институты для проведения политики исторической памяти. Как правило, эти «институты памяти» были ориентированы на изучение, формирование и распространение памяти, связанной с репрессиями, имевшими место в советский период истории Прибалтики, а впоследствии занимались историко-правовым обоснованием представлений о «50-летней оккупации» Латвии, Литвы и Эстонии Советским Союзом, в том числе и в целях подсчета и формулировки материальных и политических претензий со стороны стран Балтии к Российской Федерации как государству-преемнику бывшего СССР. Инициаторами и учредителями такого рода институций выступали разные субъекты политики исторической памяти: парламенты, правительства, президенты, общественные организации и частные лица. Однако полисубъектность не привела к дифференциации исторических дискурсов и, тем более, к их столкновению и конкуренции в рамках сложившегося исторического мейнстрима.

Президент Эстонии Леннарт Мери в 1998 г. выступил с идеей создания Международной комиссии по изучению преступлений против человечности. Состав комиссии был утвержден им самим. Благодаря персонификации учредителя и негосударственному статусу комиссия стала эффективным политическим инструментом создания нового исторического дискурса через внедрение новых образов, оценок, представлений непосредственно в мейнстрим исторической памяти: и в профессиональную историографию, и в медийную историю. Председателем комиссии стал финский дипломат Макс Якобсон (Maks Jakobson). Работать комиссия начала уже в 1998 г. Участники комиссии сами не корпели над исследованиями, но лишь давали итоговую оценку работы профессиональных историков. Были опубликованы два больших сборника отчетов¹¹⁷. В 2008 г., после публикации второго тома исследовательской комиссии, она прекратила свою деятельность.

По инициативе эстонского президента Тоомаса Хендрика Ильвеса в том же 2008 г. был учрежден Институт исторической памяти¹¹⁸, который продолжил работу в рамках и по правилам, установленным еще международной комиссией. Главной целью института стал сбор данных о нарушении прав человека в советский период истории, которые с юридической точки зрения не являются преступлениями против человечности. Институт

исторической памяти не ставит перед собой задачу установить, нарушались ли в Эстонской ССР фундаментальные права человека. Это уже установлено, по мнению учредителей института, как историческими фактами, так и множеством современных исследовательских работ. Задача института – в детальном изучении жизни в период советской власти и сбор воспоминаний об этом периоде, чтобы точно и беспристрастно установить, как и когда нарушались права человека жителей Эстонии¹¹⁹. В рамках деятельности института подготовлены исследования о паспортной системе, о школьном идеологическом воспитании в ЭССР в поздний сталинский период, о советской судебной и карательной медицине и др. Примечательно, что такого рода исследования могли бы вестись и в университетах, но академическая традиция не позволяет предварительно формулировать оценку и явно прикладной – пусть даже правозащитный – характер предмета исследования. Таким образом, институт работает в рамках пред-установленной политической, а не исторической парадигмы и является классическим образцом открытой и публично заявленной институционализации политики исторической памяти.

Комиссия или институт учреждались как целевые некоммерческие организации по инициативе и под патронажем главы государства. В Литве же Центр исследования геноцида и резистенции¹²⁰ сформировался сначала как общественная инициатива, а потом как государственный институт. Официально Центр ведет свою историю с июля 1988 г., с комиссии при народном движении Саюдис по «расследованию преступлений сталинизма». Комиссия занималась преимущественно сбором и систематизацией свидетельств и иного фактического материала. Затем в сентябре 1991 г. функции общественной комиссии переняла рабочая группа Верховного совета¹²¹. Еще через год Верховный совет учредил самостоятельное ведомство – Центр геноцида жителей Литвы¹²². В октябре 1992 г. при Министерстве культуры ЛР учрежден Музей жертв геноцида Литвы. После ряда преобразований Сейм Литвы 5 июня 1997 г. принял Закон о Центре исследований геноцида и резистенции¹²³. Таким образом, как и в Эстонии, в Литве был создан институт, функционально ориентированный на выработку и проведение определенной политики исторической памяти. Однако в Литве субъектом такой политики выступает не персонифицированный политик (президент)¹²⁴, а высший законодательный орган и правительство с опорой не на общественность, а на государство. Эстонская модель представляется более гибкой, способной, в случае изменения общественных настроений и исторического мейнстрима, менять направление своей деятельности.

Каналы коммуникации эстонской институции менее формальны и, следовательно, более широки.

Эстонский опыт работы международной комиссии при президенте был востребован и в Вильнюсе, несмотря на то что основная доля обязанностей легла на государственный Центр исследования геноцида и резистенции. 7 сентября 1998 г. президент Литвы Валдас Адамкус распорядился учредить Международную комиссию по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве. Комиссия уже на первом своем заседании разделилась на две подкомиссии, изучавшие ответственность за преступления двух оккупационных сил. Объединенный секретариат приступил к работе 8 октября 1999 г.¹²⁵

В Латвии республиканский законодательный орган первоначально выступил сам в качестве субъекта политики исторической памяти, выпустив пространные декларации по политически актуальным вопросам истории: «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г.¹²⁶, «О латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1990 г.¹²⁷ и «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР» от 12 мая 2005 г.¹²⁸ Целью упомянутых документов стала вербализация в нарративе от имени законодателя (как бы репрезентация народной памяти в целом) основных принципов официального и господствующего исторического дискурса¹²⁹.

По примеру Эстонии 13 ноября 1998 г. президент Латвии Гунтис Ульманис инициировал создание Комиссии историков при президенте ЛР¹³⁰ в составе 11 человек (в настоящее время 14 человек). Если в Эстонии президентская комиссия занималась лишь анализом и оценкой материалов, полученных в ходе исследования преступлений против человечности в период с 1940 по 1944 г., то латвийская комиссия по сути влияла на политику исторической памяти в целом, активно сотрудничая с МИД ЛР, Министерством образования и науки, в какой-то степени влияя на школьное преподавание истории.

Созданная по инициативе эстонского парламента и действовавшая 11 лет (с 1993 по 2004 г.) государственная комиссия по исследованию репрессивной политики периода оккупации опубликовала при поддержке Правительства ЭР и Министерства юстиции «Белую книгу», где был сформулирован «ущерб, нанесенный Эстонии за период советской оккупации»¹³¹. Права на издание принадлежат Министерству юстиции ЭР. Выводы комиссии были впоследствии использованы для неофициального требования к России как преемнику СССР компенсировать «нанесенный советской оккупацией ущерб». В частности, председатель комис-

сии лютеранский пастор Велло Сало (Vello Salo) через прессу предложил передать Эстонии исключительные права на лесозаготовку и лесопереработку в Новосибирской области¹³². «Белая книга» была подвергнута рядом российских историков критике в части подсчета численности репрессированных¹³³.

«Белая книга» является наглядным примером политического нарратива, созданного политическими акторами в качестве политического же инструмента, в котором профессиональные историки участвовали как лица, владеющие навыками архивной работы, источниковедения и профессионального исторического анализа. В рамках исторического дискурса «Белая книга» может быть подвергнута критике в ходе исследования историографии постсоветского периода истории Эстонии. В политическом же смысле «Белая книга» является неотчуждаемым элементом политического дискурса и может существовать в нем как вербализованная историческая память только вместе с провозглашенной политикой.

Тема «компенсации за период советской оккупации» в Латвии, Литве и Эстонии присутствует в массовом политическом сознании более двух десятков лет, с периода борьбы за восстановление независимости. Литва единственная из трех Балтийских стран, которая законодательно закрепила обязанность властей республики добиваться от России компенсационных выплат. 14 июня 1992 г. был инициирован референдум по вопросу вывода из Литвы советских войск, на котором граждане Литвы выразили и желание добиться от России возмещения «ущерба за оккупацию». В 2000 г. литовский парламент подкрепил решение референдума законом, который обязал правительство инициировать переговоры с РФ по вопросу компенсации за оккупацию. Надо отметить, что правительство Литвы особой активности в этом вопросе не проявляло, поэтому 30 июня 2005 г. парламент подготовил и принял резолюцию, призывающую Россию признать факт советской оккупации государств Балтии. В 2008 г. президент Литвы Валдас Адамкус озвучил сумму претензий в 28 млрд долл. В 2012 г. Вильнюс снова вернулся к этой теме. Председатель литовской правительственной комиссии по оценке, гендиректор Центра исследования геноцида и резистенции Бируте Бураускайте (Birutė Burauskaitė), например, считает требование компенсаций делом безнадежным¹³⁴.

Латвийские законодатели также создали аналогичную комиссию по подсчету ущерба от оккупации в 2005 г. Политической основой создания такой комиссии стала принятая 12 мая 2006 г. декларация парламента Латвии «Об осуждении осуществлявшие-

гося в Латвии тоталитарного коммунистического и оккупационного режима СССР». Однако президенты республики Вайра Вике-Фрейберга и Валдис Залтерс (Valdis Zalters) неоднократно высказывали сомнение в реальности политического требования компенсаций от Российской Федерации. Такая их позиция хорошо показывает, что по острым или деликатным вопросам политика исторической памяти может на уровне массового сознания вступать в когнитивный диссонанс с реальной внешней политикой, проводимой ответственными правительствами или главами государств Балтии. В 2009 г. деятельность комиссии была приостановлена в рамках программы экономии бюджетных средств. На смену ей уже в 2010 г. пришла неправительственная организация «Общество по изучению оккупации Латвии», намеренная впредь лоббировать внесение вопроса о «компенсациях за советскую оккупацию» в повестку латвийско-российских переговоров и переговоров Россия–ЕС. В общество вошли историки, политики и экономисты¹³⁵.

Примечательно, что, несмотря на многолетнюю работу этой комиссии историков, Конституционный суд Латвии, решая вопрос о соответствии латвийско-российского договора о государственной границе и закона о его ратификации, а также ряда сопутствующих законов Конституции Латвийской Республики, предпочел не просто сослаться на результаты работы комиссии, а провести самостоятельный исторический анализ (историко-правовой и историко-политический) с привлечением зарубежных экспертов¹³⁶.

Конкретные направления политики исторической памяти в последнее десятилетие начинают присутствовать в политических программах партий и вписываются в правительственные программы как части коалиционных договоров. Так называемый коалиционный договор в политической системе, господствующей в странах Балтии, – это не предусмотренное ни конституцией, ни парламентскими регламентами некое партнерское соглашение между политическими партиями для создания правящего парламентского большинства. В таком соглашении фиксируются основные принципы правительственной политики, ее цели и задачи, а также распределение власти и полномочий между составившими соглашение партиями. Публичные коалиционные соглашения стали нормой парламентской практики в странах Балтии на рубеже веков, так как стало ясно, что перспектив создания однопартийного правительства практически нет, а законодательство не предусматривает юридических механизмов согласования партийных интересов в многопартийных правительствах. До по-

следнего времени политическая практика не предусматривала программирования собственно политики исторической памяти. Такая политика либо подразумевалась по умолчанию, либо строилась ситуативно, по инициативе того или иного политического лидера или партии. Особенно горазд на такого рода инициативы был первый после восстановления независимости эстонский президент Леннарт Мери, которого самого вписали в «историческое пространство», назвав его именем Таллинский аэропорт.

Сегодня программирование политики исторической памяти становится обычной практикой, хотя и в разных государствах оно проявляется по-разному. Так, в Литве парламент берет на себя инициативу обязывать правительства реализовывать ту или иную историко-политическую инициативу. Сейм дважды обязывал литовское правительство вести с Москвой переговоры о возмещении ущерба от советской оккупации. Сейм Литвы объявил 2013 г. официальным Годом восстания в Царстве Польском 1863 г. против Российской империи. Этим самым выражается желание отметить «историческое и культурное» значение восстания, которое почти 150 лет назад полыхало на территории нынешних Литвы, Польши и Белоруссии и которое «отныне будет трактоваться как “национально-освободительное восстание” за свободу на “оккупированной” Российской империей территории»¹³⁷.

В Латвии после фактической победы на досрочных парламентских выборах 2011 г. партии «Центр согласия» ее оппоненты включили в коалиционное соглашение требование «признания советской оккупации Латвии». Партия «Центр согласия» представляет своим избирателям отечественную историю в рамках иного исторического дискурса. Слово «оккупация» в коалиционном соглашении позволило консолидировать правые и национальные партии, чтобы не пропустить в правительство партию «Центр согласия».

Наиболее четко выделена политика исторической памяти в коалиционной программе эстонского правительства на период 2011–2015 гг. Помимо того, что элементы политики исторической памяти имеются в разделах «культура» или «региональная политика», специально выделено особое направление «Осознание истории», которое предусматривает и развитие патриотического воспитания, и основание музея преступлений коммунизма, и строительство мемориала жертвам коммунизма, и организацию «международного суда» над коммунизмом, а также стимулирование исследований новейшей истории Эстонии¹³⁸.

Политика исторической памяти, связанная с Второй мировой войной, – самая болезненная и самая противоречивая в признанном ныне историческом мейнстриме. Такая политика сложилась

далеко не сразу. Первое время она была уделом маргиналов, и только во второй половине 1990-х годов под давлением этнонационально ориентированных партий в Эстонии и в Латвии все более широкое общественное признание стали получать «сражавшиеся с режимом» «лесные братья». Затем обновилось значение понятия «борцы за свободу». В свою очередь, содержание этого понятия стало максимально широким и включило в себя не только «лесных братьев», но и граждан, вступивших добровольно или мобилизованных принудительно в немецкую армию, полицейские батальоны и войска СС. В Эстонии к «борцам за свободу» причислены были и эстонцы, служившие в финской армии и на флоте.

Сегодняшняя официальная точка зрения на историю стран Балтии подразумевает, что начиная с 1939 г. страна пережила три оккупации: первую советскую, затем немецкую, а потом снова – советскую. Эстонцы и латыши – бойцы РККА и ВМФ – в этой исторической парадигме рассматриваются как жертвы, насильно поставленные под ружье оккупационным режимом. Логика установленной исторической парадигмы предполагает, что и бойцы немецких охранных батальонов, карательных команд и войск СС – тоже жертвы оккупационного режима, вынужденные надеть чужой мундир под страхом смерти. Однако в последние несколько лет эстонские политики, оценивая рассматриваемый исторический период, ведут себя так, как будто бы Эстония в войне все-таки участвовала, воевала против СССР и война эта была совершенно самостоятельной и справедливой. Нынешняя позиция эстонского государства прямо и недвусмысленно была выражена 9 мая 2006 г. министром обороны Эстонии Юргеном Лиги (Jürgen Ligi): «Мы должны на государственном уровне ясно сказать, что ваша борьба в 1944 г. была борьбой за свободу Эстонии»¹³⁹. Лиги сказал это, выступая на митинге ветеранов, которые воевали на стороне гитлеровской Германии против Вооруженных сил СССР.

Эстонская политика в отношении бывших военнослужащих немецкой армии и войск СС достаточно двусмысленна. С одной стороны, политики, вплоть до руководителей государства и правительства, прокламируют отношение к эстонским «ветеранам вермахта и СС» как к «борцам за свободу», но, с другой стороны, воздерживаются от законодательного признания за ними такого «статуса». Вопрос этот стоит на повестке дня и внесен в список планов нынешнего правительства.

Латвийские парламентарии были настроены гораздо решительнее и еще в 1998 г. приняли специальную декларацию «О латышских легионерах во Второй мировой войне», в которой зафиксировано, что целью и призывников, и добровольцев, вое-

вавших в составе Латвийского легиона СС, была «защита Латвии от восстановления сталинского режима»¹⁴⁰.

В политическом смысле последовательно проводимая идеологическая схема, что Советский Союз спровоцировал войну с целью экспансии и порабощения соседей, был на первом этапе войны союзником Германии и вместе с ней противостоял демократическим странам, схватился с Гитлером в борьбе за мировое господство и победил, уже предполагает рассмотрение всей последующей истории как продолжения «борьбы прогрессивного человечества за свободу», утраченную в 1945 г.

Можно высказать гипотезу, что последовательное проведение такой политики исторической памяти и даже ее эскалация вызваны тем, что пространственное, временное, смысловое присутствие иного дискурса, в рамках которого народы Латвии, Литвы и Эстонии участвовали в борьбе с фашизмом, воевали против Германии и ее союзников на стороне антигитлеровской коалиции, консервирует элементы еще советского исторического дискурса. Это, в свою очередь, ставит под сомнение «десоветизацию», разрушает целостность парадигмы «возвращения к истокам», подрывает восстановление непрерывности самостоятельной истории, создает ситуацию поливариантности понимания истории и, как следствие, порождает альтернативность стратегических перспектив. Такую историческую память политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии готовы допустить лишь как маргинальную.

Особую, а в иных случаях ведущую, роль в политике исторической памяти в странах Балтии играют организации «третьего сектора». Негосударственные организации выступают и как форма широкой научной инициативы (исторические сообщества), и популярная форма финансирования исторических исследований, памятных и пропагандистских мероприятий, и как коммуникатор между профессиональной историографией и общественными запросами, и как институции для создания и поддержания мифологизированных корпоративных образов истории.

Деятельность латвийских, литовских и эстонских комиссий, центров и институтов коммуникативно ориентирована прежде всего на политические сообщества – государственные органы, партии, сообщества экспертов. Более широкая, в том числе медийная коммуникация затруднена специфичностью политических и исторических нарративов, порождаемых этими организациями. Иначе говоря, книги с документами и выводами дороги, а тиражи малы. Дефицит коммуникации успешно восполняют «музеи оккупации». Такого типа музеи акцентированы на новейшей «истории», призваны в доступной и образной форме подкрепить

историческое повествование и совокупность идеологических и пропагандистских оценок. Поэтому, как правило, «музеи оккупации» представляют собой большую политико-историческую инсталляцию, в которой предметы повседневной истории, такие, как стоматологическое кресло или парикмахерский фен 1960-х годов, обретают новое устрашающее значение.

В Литве Музей геноцида и резистенции передан в ведение соответствующего государственного центра. В Эстонии Музей оккупаций¹⁴¹, открытый в 2003 г., основан частным фондом и активно сотрудничает с неправительственными организациями, так или иначе действующими в качестве акторов политики исторической памяти. Среди них можно назвать общество репрессированных «Мементо» («Memento»), Центр исследований советского периода (S-keskus), кстати, специализирующийся на исследованиях советских спецслужб. Финансово музей поддерживается из средств различных целевых и благотворительных фондов, которые, в свою очередь имеют и бюджетные отчисления.

В Латвии Музей оккупации¹⁴² возник еще в 1993 г. и расположился в здании, выстроенном в 1971 г. для Мемориального музея-памятника латышским красным стрелкам. Содержится музей за счет одноименного фонда, который, в свою очередь, получает дотации из государственного и столичного бюджетов.

Музеи оккупации выделяются из общей линейки балтийских музеев своей тематической и политической направленностью. Музейная деятельность в странах Балтии развита, сеть музеев широка, ведомственная принадлежность варьируется от государственных и муниципальных до частных. Музейная культура в странах Балтии поддерживается массовым иностранным туризмом. В этом смысле «музеями» выступают целые города. Например, Тракай в Литве или исторический центр Таллина в Эстонии. Повседневная музейная деятельность, ориентированная на молодежь и туристов, продолжает традицию исторической памяти еще с XIX в. Востребованными в обычной экскурсионно-музейной практике являются прежде всего древности.

Объем публикации не позволяет привести подробные каталоги общественных организаций, связанных с конструированием и сохранением исторической памяти, нарисовать картину исторических памятников (уцелевших или уничтоженных), музеев и экспозиций, художественных книг, фильмов или театральных постановок. За скобками настоящей статьи осталась и церковная память. Лишь указано на наличие инициатив национальных меньшинств на проведение самостоятельной политики исторической памяти.

Как нами было показано, историческая память в странах Балтии понимается как создаваемое культурно-историческое наследие для социализации, самоидентификации, сохранения политического и социального статуса. Историческая память существует за счет актов постоянного воспроизведения в разнообразных процессах коммуникации. Политика исторической памяти, как и всякая иная политика¹⁴³, – это деятельность (совокупность практик и дискурсов¹⁴⁴), связанная с завоеванием и удержанием господства над институтами власти. В странах Балтии такая политика исторической памяти направлена прежде всего на легитимацию власти посредством «исторического оправдания», «исторического обоснования», «исторической преемственности».

Для стран Балтии характерна традиция системной и целенаправленной политики исторической памяти, когда бы эта политика ни осуществлялась и какие бы формы ни принимала. Особенность новейшего периода истории стран Балтии – высокий уровень институционализации политики исторической памяти, создание специальных институтов, комиссий, музеев, негосударственных организаций, не только занимающихся сбором, хранением и исследованием исторической памяти, но и отвечающих на формулируемые политиками и политическими институтами запросы.

Такой уровень институционализации позволяет интегрировать политику исторической памяти в этнополитическую архитектуру стран Балтии. «Историческая политика», особенно в последние четверть века, стала одним из ключевых элементов балтийской этнополитики, эффективным инструментом для создания, отбора и распространения таких «образов истории», которые способствовали бы самоидентификации и консолидации вокруг представлений о национальном государстве как важнейшем достоянии «государствообразующей» нации, даже на уровне повседневного поведения.

Этнополитика в странах Балтии представляет собой целый комплекс политических практик и идеологий, в том числе в нее органически включены и представления о национальной истории. Образы национальной истории кладутся в основу политики реституции, политики гражданства, языковой политики и политики в сфере образования, опираясь на представление о существующем государстве как выстраданном веками национальном достоянии. Относится это и к древней истории, и к истории новейшей. В рамках этнополитики хорошо организованная и целенаправлен-

ная политика исторической памяти позволяет избегать конфликта смыслов между профессиональной историографией и стихийно возникающими фрагментированными историческими мифами. Конечно, такое «бесконфликтное» существование возможно только в рамках исторического мейнстрима на базе «школьной истории» и при коммуникативном посредничестве балтийских массмедиа. В результате этнополитика Литвы, Латвии и Эстонии, как показала новейшая история, способна длительное время сохранять как политическую ценность выдвинутых в начале периода восстановления независимости исторических схем и образов, так и поддержку со стороны значительной части населения Балтийских стран.

Изначально в странах Балтии можно и нужно фиксировать множественность исторической памяти – индивидуальной, групповой, корпоративной. На групповом уровне еще в период «национального возрождения» появляется исторический миф как условие консолидации национального сознания. Миф, как правило, политически более востребован, нежели академически выверенный нарратив, и спор об истории чаще всего превращается в спор о господстве над историей.

Для политики исторической памяти Латвии, Литвы и Эстонии характерно, что балтийская историография советского периода и массмедиа ассимилировали многие образы национальной истории первой половине XX в. Особенно это касалось краеведения и древней истории. Этим же путем пошла современная популярная «медийная история», частично ассимилировав результаты исторических исследований советского периода.

В период перестройки и становления независимой государственности проявилась одна из особенностей современной балтийской политики исторической памяти. Исторический дискурс становился основой исторической политики тогда, когда превращался в мейнстрим, обеспечивал эффективную коммуникацию разных социальных групп и страт. Возникший в конце 1980-х годов «рынок исторических идей» выталкивал на поверхность самые популярные. Включенный в «медийную реальность» исторический образ становился основой исторической политики. Последняя в странах Балтии подчинена прежде всего текущим задачам этнополитики. Повестка дня была сформулирована в период 1988–1991 гг. и с тех пор не претерпела радикальных изменений.

Новая историческая память формировалась и продолжает формироваться посредством установленного государством календарного праздничного цикла, семиотическим присвоением пространства, посредством топонимов и памятников. Циклич-

ность исторического календаря – это возврат к мифологическому осознанию истории и круговороту времен. Присвоенные время и пространство ознаменовали полный отказ от советской традиции, возврат к образам исторической памяти первой половины XX в., дополненным образами периода «восстановления независимости». Воспроизведена символическая структура победы в «очередной» Освободительной войне¹⁴⁵. Особенностью стран Балтии является то, что за последние сто лет в регионе сменились четыре принципиально отличающихся друг от друга исторических календаря. Причем действующий календарь делает акцент на памятных исторических датах новейшего периода.

Изучение истории в школах стран Балтии жестко подчинено целям государственной политики и вписано в долгосрочный политический дискурс, и ведущим субъектом памяти является государство. Одновременно политический контроль над идеологическим содержанием учебного процесса осуществляется не административными органами, а на стадии формирования представлений об историческом процессе и посредством самого же педагогического сообщества. Официально одобряемый исторический дискурс укоренился в корпоративном менталитете большинства педагогов и в среде национальной гуманитарной интеллигенции.

Массовое историческое сознание в существенной степени мифологично, ориентировано на массмедиа и текущую политику. Следовательно, исторический мейнстрим неизбежно полифоничен. Корреляция исторических образов в профессиональной историографии, массмедиа, школе и мифе зависит от динамического характера разноуровневой коммуникации между субъектами исторической памяти. Поэтому балтийская историография не совпадает ни с медийным – популистским, ни с «державным» видами политики исторической памяти. В настоящее время в странах Балтии доминирующим коммуникатором выступает политическое сообщество. Это выражается в «политизированности» исторического мейнстрима и инструментализации исторического дискурса. Политическое сообщество Латвии, Литвы и Эстонии, как вместе, так и по отдельности, решает собственные, сегодняшние внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи, анализ которых выходит за пределы рассмотренной в статье проблемы.

¹ Eesti Ajalugu, VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni (История Эстонии. Т. VI. От Освободительной войны до восстановления независимости) / Ed. S. Vahtre. Tartu, 2005. С. 376; См также работу финского историка: Zetterberg S. Eesti Ajalugu (История Эстонии). Tallinn, 2010. С. 579.

² Бронзовый солдат. Апрельский кризис (Bronze soldier. April crisis. Tallinn, 2008).

- ³ См.: *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986; *Февр Л.* Борьба за историю. М., 1991; *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980.
- ⁴ Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / Ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. М., 2002; *Багдасарян В., Абдулаев Э., Клычников В.* и др. Школьный учебник истории и государственная политика. М., 2009; *Миллер А., Липман М.* Историческая политика в XXI веке: Сб. статей. М., 2012; *Шницерльман В.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.
- ⁵ См.: История России и новых независимых государств в школьных учебниках: Кн. для учителя / Ред. А. Данилов, А. Филиппова. М., 2010, а также: *Никифоров И.* Этноцентризм в изучении истории Эстонии // История и культура объединяют или разъединяют народы? Сб. статей. Таллин, 2011.
- ⁶ Мы придерживаемся определения, данного Г. Бордюговым: «Понятие “национальная история” в социологическом смысле означает систему знаний, сотворенную национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбывных обстоятельств культуры-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм». *Бордюгов Г.* Предисловие. Национальные истории: тенденции последнего десятилетия // Национальные истории на постсоветском пространстве. Т. II / Ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М., 2009. С. 9.
- ⁷ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. 01.08.2012 (magazines.russ.ru/nz/2005/2/); *Вальцер Х.* История, память и современность прошлого // Там же. Впрочем, следует сказать, что онтологические, гносеологические и эпистемологические аспекты «социальной памяти» были успешно описаны и исследованы на базе истории науки в следующих работах: *Розов М.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977; *Сычева Л.* Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск, 1984; *Колеватов В.* Социальная память и познание. М., 1984, а также в работах других авторов.
- ⁸ *Коллингвуд Р.* Указ. соч. С. 17.
- ⁹ Например: *The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations* / Ed. N. Muižnieks. Rīga, 2011.
- ¹⁰ Оригинальное название: *Karojoša piemiņa. 16. marts un 9. maijs* / Ed. N. Muižnieks, V. Zelce (Воинствующая память: 16 марта и 9 мая). Rīga, 2011.
- ¹¹ *Maurice Halbwachs, Pierre Nora, Jan Assmann.*
- ¹² См. например, историографические очерки по новейшей истории Эстонии в работе: *Eesti Ajalugu. Vol. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumeni* (История Эстонии. Т. VI. От Освободительной войны до восстановления независимости). С. 376.
- ¹³ *Шенетис Н.* Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве. Т. II / Ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М., 2009. С. 159.
- ¹⁴ Там же. С. 160.
- ¹⁵ См.: *Karojoša piemiņa. 16. marts un 9. maijs* (Воинствующая память: 16 марта и 9 мая).
- ¹⁶ *Руутсоо Р.* Оккупация versus Освобождение // Столица (газета). 2012. 23 янв.
- ¹⁷ *Тарвел Э.* Можно ли писать историю объективно? // TUNA. Спецвыпуск по истории Эстонии с XVII по XX век. Тарту; Таллин, 2006. С. 9.
- ¹⁸ Там же. С. 10.
- ¹⁹ Там же. С. 11.
- ²⁰ *Aaviksoo J.* Infokonfliktid ja enesekaitse (Информационные конфликты и самозащита) // *Diplomaatia*, märts. 2011. № 91.

- ²¹ См. анализ меняющихся смыслов исторического события на примере так называемого Ледового побоища в работе: *Данилевский И.* Крупнейшая битва раннего средневековья // Исторические ориентиры российской государственности. Александр Невский. Материалы общественно-научной конференции. М., 2008. С. 71–85.
- ²² *Мялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 20.
- ²³ «Без гнева и пристрастия» – лат.
- ²⁴ *Сычева Л.* Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск, 1984. С. 7.
- ²⁵ См. например: *Розов М.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977; *Сычева Л.* Указ. соч.; *Розова С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
- ²⁶ Перевод Евгения Шкляра.
- ²⁷ *Шенетис Н.* Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве. Т. II / Ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М., 2009. С. 160.
- ²⁸ *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993; *Он же.* Социология социального пространства: В 2 т. М.; СПб., 2005.
- ²⁹ «Габитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию в процессе социализации индивида, по усвоению им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения в определенных жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не другим – способом» (*Шматко Н.* Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С. 12).
- ³⁰ *Луман Н.* Власть. М., 2001; *Он же.* Реальность массмедиа. М., 2005; *Он же.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
- ³¹ *Луман Н.* Реальность массмедиа.
- ³² Решение Конституционного суда Латвийской Республики от 29 ноября 2007 г. по делу № 2007-10-0102. 1.08.2012 (www.satv.tiesa.gov.lv).
- ³³ *Луман Н.* Реальность массмедиа. С. 17.
- ³⁴ См. например, анализ 187 школьных учебников истории, используемых в государствах бывшего СССР в работе: История России и новых независимых государств в школьных учебниках: Кн. для учителя / Ред. А. Данилов, А. Филиппова. М., 2010.
- ³⁵ Историческая память в латвийских массмедиа специально исследована в работе: *Skudra O.* Historical Themes and Concepts in the Newspapers Diena and Vesti Segodnya in 2009 // *The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations* / Ed. N. Muižnieks. Rīga, 2011. P. 139–174.
- ³⁶ *Третьяков В.* Как стать знаменитым журналистом. Курс лекций по теории и практике современной русской журналистике. М., 2004.
- ³⁷ *Шенетис Н.* Указ. соч. Т. II. С. 172.
- ³⁸ *Адамсон А.* Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве. Т. II. М., 2009. С. 187.

- ³⁹ Там же. С. 182–195.
- ⁴⁰ *Кынно А.* Отражение проблемы «бронзового солдата» в эстонской журналистике 1 мая – 31 июля 2006 г. Мониторинг ЕТА. Сайт Фонда интеграции и миграции «Наши люди» (www.meis.ee).
- ⁴¹ Приговор Харьковского уездного суда от 5 января 2009 г. по уголовному делу № 1-07-13025/77. 01.08.2012 (www.riigiteataja.ee).
- ⁴² Бронзовый солдат. Апрельский кризис.
- ⁴³ Подробный анализ на примере становления парадигмы национальной латышской истории см. в работе: *Рыжакова С.* Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого // Антропологический форум. № 11. С. 216–274.
- ⁴⁴ Там же. С. 229.
- ⁴⁵ *Шенетис Н.* Указ. соч. Т. II. С. 158.
- ⁴⁶ Цит. по: *Рыжакова С.* Указ. соч. С. 253.
- ⁴⁷ *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 37.
- ⁴⁸ *Хийо Т.* Служба государственной пропаганды Эстонской Республики в 1934–1940 гг. // Образ Другого – страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной / Сост. Р. Крумм, Н. Ломагин, Д. Ханов. М., 2012. С. 31–57.
- ⁴⁹ *Зубкова Е.* Указ. соч. С. 35.
- ⁵⁰ *Рыжакова С.* Указ. соч. С. 253.
- ⁵¹ *Ilmjarv M.* Hääletu alistumine (Безмолвная капитуляция). Tallinn, 2004. С. 8 (данная работа также опубликована на английском и русском языках).
- ⁵² Что касается истории Эстонии, то среди наиболее известных работ такого рода, доступных как эстонским, так и российским читателям, можно назвать следующие: *Зубкова Е.* Указ. соч.; *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1945–1956). Тарту, 2008; *Ilmjarv M.* Op. cit.
- ⁵³ *Зубкова Е.* Указ. соч. С. 100–101.
- ⁵⁴ Ханс Круус (Hans Kruus) – эстонский историк, выпускник Юрьевского университета, в молодости – левый эсер, член эстонского Учредительного собрания, после провозглашения независимости был редактором фундаментального многотомного издания «История Эстонии» и проректором Тартуского университета. В знак протеста против отмены К. Пятсом университетской автономии ушел в отставку. В первом советском правительстве ему был предложен портфель министра, а осенью 1940 г. он стал ректором Тартуского университета. После 1944 г. Х. Круус успел побывать наркомом иностранных дел ЭССР и главой Академии наук Эстонии. В 1950 г. Х. Круус был обвинен в «буржуазном национализме» и почти четыре года пробыл в предварительном заключении. После 1954 г. работал в Институте истории ЭССР старшим научным сотрудником.
- ⁵⁵ Так как издание это остановилось на периоде Северной войны, то устоявшегося исторического дискурса в профессиональной историографии для периода Российской империи сформировано не было. Возобновлено издание было лишь в 1999 г. по инициативе президента Леннарта Мери (Lennart Meri) и уже в новой ментальной ситуации.
- ⁵⁶ К этому периоду относятся и массовая коллективизация, и депортация десятков тысяч «кулаков» и «пособников», фактический разгром вооруженного сопротивления («лесных братьев»), а также репрессии против «буржуазных националистов», в том числе и среди верхушки коммунистических партий прибалтийских союзных республик.
- ⁵⁷ В Эстонии Академия наук была учреждена в 1938 г., но как малочисленная корпорация в рамках парадигмы построения корпоративного государства.

- ⁵⁸ См. курс лекций профессора Тартуского университета Павла Рейфмана: *Рейфман П.* Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Сайт Тартуского университета. 01.08.2012 (<http://lepo.it.da.ut.ee/~pavel/index1.htm>)
- ⁵⁹ *Козлов В.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М., 2006.
- ⁶⁰ *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1945–1956). Тарту, 2008. С. 98.
- ⁶¹ В качестве примера можно привести типичное популярное издание тех времен: *Palamets H., Eilart J.* Tartu; Tallinn, 1976.
- ⁶² *Шегедин А.* Социально-классовая структура советской Эстонии и ее освещение в работах зарубежных авторов. 1960–1985 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Рига, 1990.
- ⁶³ *Eesti ajalugu. Kronoloogia* (История Эстонии. Хронология) / Ed. S. Vahtre. Tallinn, 1994. С. 304.
- ⁶⁴ *Lauri Vahtre, Mart Laar, Tõnis Lukas, Indrek Tarand.*
- ⁶⁵ Сулев Вахтре, Sulev Vahtre (1926–2007) до 1934 г. (года начала кампании «эстонизации») носил фамилию Винкман. До 1943 г. он учился в гимназии, затем оставил учебу и работал на отцовском хуторе. В 1944 г. в составе группы добровольцев участвовал в боях с Красной Армией под Таллином. Вернулся домой. В 1945 г. пошел в школу. В 1947 г. окончил учетно-плановый техникум и поступил на исторический факультет Тартуского государственного университета. Успешно его закончил. В 1955 г. защитил диссертацию. С 1974 г. – профессор университета. Специализировался в эстонской медиевистике. Никогда не вступал в компартию.
- ⁶⁶ *Taagepera R.* The Revolt of the Thinking Class // *Qweenis Quarterly*. 1971. Spring. № 78.
- ⁶⁷ Хронология периода «перестройки» опирается на: *Eesti ajalugu. Kronoloogia* (История Эстонии. Хронология).
- ⁶⁸ *Laar M., Ott V., Endre S.* Другая Эстония. Возрождение независимости Эстонии. 1986 – 1991. Таллин, 2002. С. 70.
- ⁶⁹ Автор делает такой вывод на основании результатов исследования «Роль русскоязычного населения в восстановлении независимости Эстонии», поддержанного фондом «Гражданский мир» (Kodurahu) и выполненного при участии автора в период с мая по ноябрь 2010 г.
- ⁷⁰ *Valdas Adamkus, Vaira Vike-Freiberga, Toomas Hendrik Ilves.*
- ⁷¹ См. биографию Тоомаса Хендрика Ильвеса на официальном сайте Президента ЭР (www.president.ee).
- ⁷² *Андреева Н.* Не могу поступиться принципами // Советская Россия (газета). 1988. 13 марта.
- ⁷³ *Глубоцкий А.* Страны Балтии. Политические партии и организации. М., 1992. С. 37.
- ⁷⁴ Там же. С. 56.
- ⁷⁵ Цит. по: *Ефремов Г.* Мы люди друг другу. Литва: будни свободы. 1988–1989. М., 1990. С. 20.
- ⁷⁶ «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозисом» (*Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 39).
- ⁷⁷ Превознесение К. Пятса – явное свидетельство, что к 1988 г. население (и даже профессиональные историки) историей Эстонии еще не владели. Публичная общепризнанная история Эстонии формировалась в период с 1987 г. и продолжает формироваться по сей день.
- ⁷⁸ Закон Литовской ССР о флаге и гимне от 18 ноября 1988 г.
- ⁷⁹ История периода «перестройки» и восстановления независимости достаточно подробно описана, например, в работе: *Graf M.* Impeeriumi lõpp ja Eesti

- taasiseseisvumine. 1988–1991 (Конец империи и восстановление независимости Эстонии. 1988–1991). Tallinn, 2012.
- ⁸⁰ Лаар М., Омм У., Эндре С. Указ. соч.
- ⁸¹ Wistinghausen H. von. Vabas Eestis. Esimese Saksa suursaadiku mälestused. 1991–1995 (В свободной Эстонии: воспоминания первого немецкого посла. 1991–1995). Tallinn, 2008.
- ⁸² Непростая ситуация с «переговорами» описана и книге бывшего Председателя Президиума ВС ЭР А. Рюйтеля (*Рюитель А.* Эстония: возрождение будущего. Таллин, 2003), а также в книге бывшего премьер-министра Э. Сависаара (*Savisaar E.* Peaminister. Eesti lähiajalugu. 1990–1992 (Премьер-министр. Новейшая история Эстонии. 1990–1992). Tartu, 2004).
- ⁸³ Симонян Р. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты // Государство и право. 2011. № 11. С. 106–114.
- ⁸⁴ Этому вопросу посвящена в данной книге статья В. Полещука и А. Димитрова.
- ⁸⁵ Во второй половине XIX в. латышская интеллигенция, опираясь на массовую поддержку латышей, организовала массовый сбор и запись народных песен (дайн).
- ⁸⁶ Розов М. Указ. соч.; Сычева Л. Указ. соч.
- ⁸⁷ Полани М. Личностное знание: На пути посткритической философии. М., 1985.
- ⁸⁸ Розов М. Указ. соч.
- ⁸⁹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
- ⁹⁰ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М., 1978.
- ⁹¹ Поттер К. Открытое общество и его враги. Т. 1, 2. М., 1992.
- ⁹² «Представление о том, что исходной точкой любой семиотической системы является не отдельный изолированный знак (слово), а отношение минимально двух знаков, заставляет иначе взглянуть на фундаментальные основы семиозиса. Исходной точкой оказывается не единичная модель, а семиотическое пространство. Пространство это заполнено конгломератом элементов, находящихся в самых различных отношениях друг с другом: они могут выступать в качестве сталкивающихся смыслов, колеблющихся в пространстве между полной тождественностью и абсолютным несоприкосновением... Это разнообразие возможных связей между смысловыми элементами создает объемный смысл, который постигается в полной мере только из отношения всех элементов между собой и каждого из них к целому. Кроме того, следует иметь в виду, что система обладает памятью о своих прошедших состояниях и потенциальным “предчувствием” будущего» (*Лотман Ю.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 266–267).
- ⁹³ Йонас Басанавичюс, Jonas Basanavičius (1851–1927) – литовский историк, публицист, общественный деятель, патриарх литовского национального возрождения. 16 февраля 1918 г. он подписал акт восстановления литовской государственности.
- ⁹⁴ Теперь он посвящен просто «латышским стрелкам».
- ⁹⁵ См.: Бронзовый солдат. Апрельский кризис, а также: *Никифоров И.* Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии // Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М., 2009. С. 142–171.
- ⁹⁶ В Латвии действует Закон Латвийской Республики о праздниках и памятных датах от 3 октября 1990 г. в редакции от 11.05.2011 г.
- ⁹⁷ В Эстонии действует Закон о государственных праздниках и памятных датах. RT I. 09.03.2011. 7.
- ⁹⁸ Закон о памятных днях Литовской Республики от 3 июля 1997 г. № VIII-397.

- ⁹⁹ Сообщение BNS 19.07.2012.
- ¹⁰⁰ См.: Postimees (газета). 22.04.2011, 1.08.2012 (rus.postimees.ee).
- ¹⁰¹ История России и новых независимых государств в школьных учебниках. С. 3.
- ¹⁰² Валдмаа С., Адамсон А. История Эстонии: Учебник для гимназии. Таллин, 2000. С. 36–37.
- ¹⁰³ Там же. С. 74.
- ¹⁰⁴ Можно указать, что в академических изданиях, ориентированных на профессиональное сообщество и созданных в рамках академических стандартов, эстонские историки еще с 1930-х годов ставят под сомнение достоверность отчетов фельдмаршала Шереметева о том, что он успешно проводил «тактику выжженной земли». По их мнению, он явно преувеличивает свои успехи в деле «разорения» Ливонии. См: *Лайдре М.* Северная война и Эстония. Тарту в годину испытаний (1700–1708). Таллин, 2010. С. 88–89.
- ¹⁰⁵ Валдмаа С., Адамсон А. Указ. соч. С. 94–95.
- ¹⁰⁶ История России и новых независимых государств в школьных учебниках. С. 81.
- ¹⁰⁷ «Начавшейся интервенции пытались придать характер гражданской войны, использовав для этого эстонских большевиков, бежавших от немцев в Россию». См. например: *Лаур М., Паюр А., Таннберг Т.* История Эстонии. Ч. II (с середины XIX века до 1997 года). Таллин, 1997. С. 46.
- ¹⁰⁸ *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vesture vidusskolai. 1 dala (История Латвии для средней школы. Ч. 1). Riga, 1999. С. 246 (цит. в переводе: История России и новых независимых государств в школьных учебниках: Книга для учителя).
- ¹⁰⁹ Валдмаа С., Адамсон А. Указ. соч. С. 211.
- ¹¹⁰ Там же. С. 222.
- ¹¹¹ *Лаур М., Паюр А., Таннберг Т.* Указ. соч. С. 103.
- ¹¹² Валдмаа С., Адамсон А. Указ. соч. С. 221.
- ¹¹³ *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa. Riga, 1999. С. 385 (цит. в переводе: История России и новых независимых государств в школьных учебниках).
- ¹¹⁴ *Laar M., Vahtr L.* Lähiajalugu II gümnaasiumile (Краткий курс истории II для гимназии). Tallinn, 2006. С. 32.
- ¹¹⁵ История России и новых независимых государств в школьных учебниках. С. 11.
- ¹¹⁶ Март Лаар (дважды был премьер-министром республики), Лаури Вахтре, Марко Михкельсон (Marko Mihkelson), Тынис Лукас (Tõnis Lukas) (дважды был министром образования).
- ¹¹⁷ Estonia since 1944: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity / Ed. T. Hiio. Tallinn, 2009; Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity / Ed. T. Hiio. Tallinn, 2006.
- ¹¹⁸ Eesti mälu instituut (Институт исторической памяти). 1.08.2012 (www.mnemosyne.ee).
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras (Центр исследований геноцида и резистенции Литвы). 1.08.2012 (www.genocid.lt).
- ¹²¹ Постановление Президиума Верховного совета Литовской Республики от 25 сентября 1991 г. № I-1824. 1.08.2012 (www3.lrs.lt).
- ¹²² Постановление Верховного совета Литовской Республики от 29 октября 1992 г. № I-3021. 1.08.2012 (www3.lrs.lt).

- ¹²³ Закон о Центре исследований геноцида и резистенции Литвы от 5 июня 1997 г. № VIII-238. 1.08.2012 (www3.lrs.lt).
- ¹²⁴ Tarptautinė komisija nacių ir sovietinio okupacinių režimų nusikaltimams Lietuvoje įvertinti (Международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского режимов в Литве). 1.08.2012 (www.komisija.lt/lt/).
- ¹²⁵ Международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве. 1.08.2012 (www.komisija.lt).
- ¹²⁶ Декларация об оккупации Латвии от 22 августа 1996 г. // LV. 27.08.1996. № 143 (628).
- ¹²⁷ Декларация о латышских легионерах во Второй мировой войне от 29 октября 1998 г. // LV. 10.11.1998. № 336 (1397).
- ¹²⁸ Декларация об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР от 12 мая 2005 г. // LV. 17.05.2005. № 77 (3235).
- ¹²⁹ Политика исторической памяти Латвии стала предметом полемики со стороны российских историков. См., например: Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М., 2011.
- ¹³⁰ Latvijas Vēsturnieku komisija (Латвийская комиссия историков). 1.08.2012 (www.president.lv).
- ¹³¹ Valge Raamat. Eesti rahva kaotustest okupatsioonide läbi. 1940–1991 (Белая книга. Потери эстонского народа за период оккупаций. 1940–1991.) Tallinn, 2005. 155 lk.
- ¹³² Молодежь Эстонии (газета). 2004. 19 мая.
- ¹³³ См., например: Дюков А. Миф о геноциде. Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М., 2007.
- ¹³⁴ Взгляд (газета). 2012. 12 мая, 1 авг. (vz.ru).
- ¹³⁵ Телеграф.lv (газета). 2010. 6 авг.; 2012. 1 авг. (www.telegraf.lv).
- ¹³⁶ Решение Конституционного суда Латвийской Республики от 29 ноября 2007 г. по делу № 2007-10-0102. 1.08.2012 (www.satv.tiesa.gov.lv).
- ¹³⁷ rus.delfi.lv (Информационный портал). 22.05.2012.
- ¹³⁸ Программа правительства Эстонской Республики 2011–2015. 1.08.2012 (www.reform.ee).
- ¹³⁹ Сообщение агентства «Интерфакс». 2006. 9 мая.
- ¹⁴⁰ Декларация о латышских легионерах во Второй мировой войне от 29 октября 1998 г. // LV. 10.11.1998. №. 336 (1397), 1.08.2012 (www.vestnesis.lv).
- ¹⁴¹ Okupatsioonide muuseum (Музей оккупаций). 1.08.2012 (www.okupatsioon.ee).
- ¹⁴² Latvijas Okupācijas muzejs (Музей оккупации Латвии). 1.08.2012 (www.occupationmuseum.lv).
- ¹⁴³ Политика // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 490.
- ¹⁴⁴ Политика // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000–2001.
- ¹⁴⁵ Наглядным свидетельством этого является торжественно открытый 23 июня 2009 г. в центре Таллина монумент «Крест свободы», облицованный панелями из чешского стекла и посвященный победе в Освободительной войне 1918–1920 гг. Монумент выполнен в виде циклопического орденового знака «Крест свободы» и символически увековечивает «антиколониальную» историческую модель, проводя ее от 1918 г. через события 1940 г. к «финалу» в 1991 г.

ДЕМОГРАФИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ В XX ВЕКЕ

И.В. Никифоров, В.В. Полещук

История Эстонии XX в. богата политическими событиями, для которых побудительными мотивами, причинами или инструментом послужили естественные демографические процессы и связанные с ними проблемы. До начала XX в. русское население обычно не превышало 5% населения «эстонских» уездов Эстляндской и Лифляндской губерний, концентрируясь преимущественно в регионе Чудского озера. В городах же проживали военные, купцы и ремесленники. Так, в Ревеле в 1820 г. насчитывалось 2304 (17,9% населения) русских, в 1844 г. – 2759 (19,3%), большую часть которых составляли военные моряки, вполне «интегрированные» в местную жизнь купцы и в меньшей степени чиновники¹.

По данным переписи 1897 г. русское городское и сельское население в нынешних эстонских границах многочисленным не было, достигая 53 тыс. человек, или 4,7% всего населения. Однако доля русских среди здешних интеллектуалов (лиц, занимающихся умственным трудом) была очень высока и достигала 19% (всего около 1900 человек) из примерно 10 тыс., занятых умственным трудом. Для сравнения, немцы среди интеллигенции составляли 24%².

Экономический бум начала XX в., в результате которого прежде всего в Таллине (Ревеле) были учреждены и построены многочисленные заводы, такие, как «Двигатель», «Вольта», «Ноблесснер», «Русско-балтийский завод» и т.д., способствовал активной миграции в Эстонию квалифицированных рабочих из российских губерний с развитым промышленным производством. Однако на рубеже 1917–1918 гг. произошли резкие демографические перемены. Например, в Ревеле в 1917 г. проживали 158 044 человека, а через год лишь 103 616³. В ходе подготовки и подписания большевиками российско-германского Брестского мира из Эстонии были выведены российские войска. Вместе с ними ушли тысячи

красных эстонских и латышских стрелков, собранные в национальные полки еще военным руководством Российской империи. В конце февраля 1918 г., несмотря на покрытый льдом Финский залив, из Ревеля в Гельсинфорс ушли 56 кораблей Балтийского флота. Вместе с военными из Эстонии в преддверии неизбежной немецкой оккупации эвакуировались российские чиновники, их семьи, большая часть русских промышленных рабочих с военных судостроительных заводов и т.д. Русское население Таллина резко сократилось, составив около 5–6% от всего населения города⁴. Из Тарту наряду с русскими военными и служащими эвакуировались и студенты с профессорами Юрьевского университета: весной 1918 г. в Воронеж выехали около тысячи русских студентов и профессоров с семьями⁵.

Таким образом, можно предположить, что на рубеже 1917–1918 гг. в Эстонии резко и радикально поменялся не только количественный, но и качественный состав местного русского населения. Основная причина этого – немецкая оккупация 1918 г. Эстонская Республика была провозглашена в феврале 1918 г. уже в иной демографической ситуации и реализовалась с качественно и количественно иным русским населением, чем то, которое было в Эстонии до немецкой оккупации.

После подписания Тартуского (Юрьевского) мирного договора в феврале 1920 г. была проведена новая граница Эстонии, которая теперь включала в себя на севере город Нарву и Занаровье (до революции бывшие частью Петербургской губернии) и Печорский край на юге (города Изборск и Печоры с окрестностями, до революции относившиеся к Псковской губернии). Русское население Эстонии мгновенно увеличилось вдвое – примерно до 100 тыс. человек, так как в этих регионах исторически преобладало русское население. Сюда же добавились беженцы и иммигранты из Советской России.

В Эстонской Республике до 1940 г. дважды проводились переписи населения – в 1922 и в 1934 гг. Согласно данным 1934 г., эстонцы составляли подавляющее большинство – 88,1% всего населения (в тогдашних границах). По сравнению с 1922 г. доля эстонцев возросла на 0,5% (с 87,62% до 88,1%). Удельный вес неэстонцев сократился с 12,38% до 11,75%, хотя доля этнических русских оставалась неизменной (8,23%)⁶. Сплошное русское население было в Принаровье (4 волости), в Печорском крае (6 волостей) и в Причудье (2 волости). В абсолютных цифрах в 1934 г. русское население составило 91 656 человек, 29% которого проживало в городах. Значительная часть или большинство населения в городах Муствез (Посад Черный⁷), Калласте (Красные горы) и в

Печорах были русские. В Нарве они составляли примерно треть населения. В Таллине (вместе с Нымме) их было 7500 человек, а в Тарту – 2570⁸.

Социальная и профессиональная структура русского населения в начале 1930-х годов соответствовала и традиционному расселению, и традиционным занятиям. Сельским хозяйством занимались 51% самодеятельного русского населения. Русские аграрные регионы Занаровья и Причудья не подпали под действие аграрной реформы, так как до 1917 г. не входили в состав Эстляндской или Лифляндской губерний и в них отсутствовало старое немецкое помещичье землевладение. Земельные наделы в «русских волостях» были малы, крестьянство страдало от малоземелья, вынуждено было заниматься сезонной работой по найму в городах, а не товарным хуторским хозяйством⁹.

В промышленности было занято примерно 25,8% русского населения¹⁰, в среднем же по Эстонии – около 20%¹¹. В торговле работали около 6% русских, на транспорте и в связи – 3,9%. Умственным трудом были заняты лишь 4,6% (напомним, что до 1917 г. каждый пятый «интеллектуал» был русским). Русским принадлежал лишь 1% промышленного капитала и 2,9% торгового. Примечательно, что среди инженерно-технических работников русские составляли 8%, но в период 1922–1931 гг. ими были зарегистрированы треть всех патентов¹².

Большое значение в общественной жизни русского населения того периода играла школа на родном языке. В независимой Эстонии почти сразу была введена единая система обязательного и бесплатного начального образования. Государство гарантировало меньшинствам получение начального образования на родном языке. По мнению Г. Пономаревой, особенностью русской системы образования в Эстонии было то, что «в отличие от других стран русского рассеяния большинство русских школ в Эстонии были деревенскими, созданными для коренного русского населения»¹³. В Эстонии имелось около ста начальных школ с русским языком преподавания, субсидируемых государством¹⁴. В русских начальных школах были стандартные учебные программы с добавлением эстонского языка и «родиноведения».

Гимназии с русским языком преподавания существовали с 1918 по 1940 г. В так называемых русских гимназиях первоначально училось много немцев, евреев, эстонцев (например, в начале 1920-х годов в Тартуской русской гимназии (тогда частной) русские гимназисты составляли лишь 38,5%)¹⁵. По состоянию на 1923 г. в Эстонии было 12 русских гимназий, в том числе пять частных, четыре государственных, три эмигрантские¹⁶. К 1930 г.

осталось восемь гимназий (три частные, четыре государственные, одна эмигрантская). В 1940 г. было уже три русские гимназии, в том числе одна частная и две государственные¹⁷. В Тартуском университете в 1920–1930-х годах обучалось много русских, которые составляли до середины 1930-х годов примерно 4–5% от общего числа студентов, что, однако, было вдвое меньше соответствующей доли русских в общем населении республики. В конце 1930-х годов были введены вступительные экзамены на эстонском языке и, как следствие, резко сократилось число русских студентов. Многие русские гимназисты продолжали образование за границей, особенно в Бельгии или во Франции¹⁸.

Представители русской общины были достаточно активны в общественной и культурной жизни. Например, по данным эстонских исследователей Г. Пономаревой и Т. Шор, за неполные двадцать лет существования Эстонской Республики в регистр обществ Министерства внутренних дел было внесено более 6600 обществ, из которых около 10% (более 600) были «русские». «Немецких» обществ до 1939 г. было зарегистрировано 210, т.е. 3%. Можно предположить, что большинство из 92 тыс. русского населения в той или иной форме участвовало в общественной жизни русской общины Эстонии. К концу 1930-х годов рост образования новых организаций несколько замедлился, но не прекращался вплоть до июня 1940 г.¹⁹ В эстонский парламент, как правило, избирались от 3 до 5 русских депутатов (4–5% от общего числа депутатов) от Русского национального союза или Объединенного русского списка. Слабая представленность русских в эстонской политике, считает С. Исаков, заключалась «в пассивности русских избирателей и в их разъединенности... Зато интерес к культуре, действительно, был живой... Для русских очень остро встал вопрос о сохранении своей национальности, о сохранении себя как русских. И, считало большинство, путь к этому лежал через сохранение и развитие родной культуры, родного языка»²⁰.

По мнению С. Исакова²¹, русская диаспора в Эстонии 1920–1930-х годов была своеобразна во многих отношениях, в частности по своему составу. Белоэмигранты составляли лишь одну пятую русского населения Эстонской Республики, что принципиально отличало ее от других стран. Большинство русских принадлежали к так называемому старожильческому русскому населению, обитавшему здесь еще до революции, преимущественно в деревнях. В то же время в городах Эстонии была заметная прослойка интеллигенции, состоявшая прежде всего из иммигрантов, причем это были по преимуществу беженцы из столицы империи – Петербурга, что в значительной степени определяло харак-

тер, направление культурной и общественной жизни русских в Эстонии²².

В межвоенной Эстонии действовал Закон о культурной автономии для национальных меньшинств. Он был принят 12 февраля 1925 г. во многом по инициативе немецкого меньшинства. 1 ноября 1925 г. 11 539 немцев Эстонии создали свой совет по культуре в рамках национально-культурной автономии (НКА). Вслед за немцами культурное самоуправление в 1926 г. создало и еврейское национальное меньшинство, у которого общественный представительный орган – «Национальный комитет» – существовал с мая 1919 г.²³ При попытке ответить на вопрос, почему русское меньшинство не смогло учредить своей культурной автономии, обычно предлагается объяснение, что евреи и немцы были богаты, а русские – бедны. Тартуский исследователь Т. Шор выдвинула и развила гипотезу, что во конце 1920-х годов основным препятствием для создания русской культурной автономии стала позиция местной русской прессы и информационная война, разгоревшаяся в 1927 г. между местными газетами²⁴.

Есть все основания предположить, что этническая группа, выделяющаяся из общества по своему более высокому социальному статусу, перестает быть только «национальной»: она и социальная страта, и профессиональная группа со своим местом в обществе, привилегиями, конкурентными возможностями и т.д. А для евреев она еще и религиозная группа. Культурная автономия, в данном случае для немцев и евреев, становилась механизмом защиты своего высокого социального места, что не могло быть мобилизующей задачей для местного русского населения в силу его низкого социального положения. Небольшое, но занимающее верхние социальные страты, немецкое меньшинство в Эстонии веками существовало автономно. Более высокий социальный статус целой национальной группы стимулировал желание сохранить свое положение, выделившись юридически из общего социального организма.

Немецкая НКА была ликвидирована постановлением правительства от 21 декабря 1939 г.²⁵ Большая часть немцев Эстонии дисциплинированно отбыла в Германию в рамках проекта «по возвращению на историческую родину». Имущество немецкой НКА перешло к правительству ЭР²⁶. Еврейская НКА также была ликвидирована уже советскими властями в конце 1940 г.²⁷ Формальная ликвидация НКА в Эстонии под воздействием внешних политических факторов не отменяет еще ранее обозначившиеся тенденции, а именно: сворачивание институтов НКА в странах Балтии происходило на фоне артикулированного политического

противоречия между курсом властей на государственную и этническую консолидацию обществ и институциональным обособлением меньшинств, имеющих или стремящихся построить в какой-либо форме НКА. Примечательно, что инициативной группе русских граждан ЭР, намеревавшихся в 1937 г. (и позднее в 1940 г.) приступить к созданию национального списка, было отказано по формальным основаниям²⁸.

Очередной исторический этап демографических изменений в Эстонии начался с периода принудительной инкорпорации республики в состав СССР. Советизация Эстонии не могла обойтись без массовых репрессий, которые для маленькой страны могли показаться весьма масштабными и которые до начала Великой Отечественной войны непосредственно затронули не менее 1% всего населения²⁹. Аресты, расстрелы и депортации коснулись и местного русского населения. Заметно ухудшились и условия для социальной и культурной деятельности, даже по сравнению с авторитарным режимом президента К. Пятса: «практически все русские общества, организации, органы печати были закрыты, их активные деятели репрессированы, погибли в сталинских застенках и лагерях. Вся сформировавшаяся структура русской культуры в Эстонии была уничтожена»³⁰.

Демографическое движение населения Эстонии в период с 1941 по 1945 г. было продиктовано военными обстоятельствами. Значительная часть немногочисленных эстонских евреев успела эвакуироваться. На этот раз русские из Эстонии перед приходом немецких войск если и успевали эвакуироваться, то на общих основаниях³¹. В литературе приводятся, как правило, расчетные данные о том, что из республики были вывезены морем в Ленинград около 30 тыс. «эстонцев»³² призывного возраста и мобилизованных в РККА из 45 тыс., явившихся на призывные пункты³³. Примерно 7 тыс. мужчин-эстонцев отступили с боями на территорию Псковской области в составе эстонского 22-го территориального стрелкового корпуса. Корпус понес значительные потери: только убитыми и умершими от ран около 2 тыс. человек³⁴. Большие потери понесли при обороне Таллина и составленные из эстонцев и местных русских добровольческие рабочие полки и истребительные отряды. Точные цифры их потерь не известны³⁵. До конца 1941 г. отрядами местной самообороны (*Omakaitse*) были проведены сотни облав, арестованы тысячи граждан Эстонии. Около 7800 граждан Эстонии были казнены, в том числе и из числа местных русских жителей³⁶.

Последний раз границы Эстонии претерпели изменения в последние месяцы Второй мировой войны. 24 ноября 1944 г. Пре-

зидиум Верховного Совета СССР передал Занаровье в состав РСФСР (Ленинградская область), а 18 января 1945 г. – во исполнение Указа о восстановлении Псковской области от 23 августа 1944 г. – то же самое было сделано с Печорским краем (Псковская область). Граница ЭССР сдвинулась на запад. По оценкам, этнических русских в постоянном населении Эстонии в начале 1945 г. осталось меньше 3%. Если быть совсем точным, то из проживавших на административной территории Эстонии в январе 1945 г. 854 тыс. человек 831 тыс. (97,3%) были этническими эстонцами³⁷.

Можно оценить совокупные потери погибшими и беженцами в ходе Второй мировой войны в 110 тыс. человек. С учетом репрессированных (в том числе депортированных) к середине 1950-х годов потери населения составили до 170 тыс. Согласно переписи населения 1959 г., население ЭССР (уже без Занаровья и Печорского края) составляло 1 196 791³⁸, из них на территории Эстонии было 892 653 эстонца, т.е. на 107 707 человек меньше, чем до войны. Вопрос о потерях русского населения во время Второй мировой войны остается открытым, и демографические потери русского населения Эстонии не поддаются в настоящее время точному подсчету. Можно предположить, что прежние русские граждане Эстонии, разбросанные по территории Эстонской ССР, Ленинградской и Псковской областей, понесли потери пропорционально не меньшие, чем эстонцы. Хотя нельзя не согласиться с С. Исаковым, что о самобытной русской меньшинственной культуре речи идти уже не могло, прежде всего по причинам политическим, нежели демографическим.

Прошедшая война сказалась на общественной психологии местного населения. Участие в боях и походах, смерть, лишения, доступность оружия, груз совершенных военных преступлений, «ненависть к оккупантам», надежда на восстановление независимой Эстонии («с помощью Америки» и, не в последнюю очередь, хуторская крестьянская закуска стимулировали постоянное массовое вооруженное сопротивление. Активное сопротивление оказывали так называемые лесные братья, пассивное – хуторские крестьяне, крайне недовольные налогами, расценками, коллективизацией и вообще экономической политикой советских властей. Накал сопротивления долго не снижался. В 1944–1952 гг. в Эстонии было убито в общей сложности 1443 «лесных брата» (по данным советской госбезопасности)³⁹. Окончательно движение «лесных братьев» сошло на нет, видимо, вследствие массовой депортации 1949 г., подорвавшей социальные основы крестьянского повстанческого движения.

После смерти И. Сталина в Эстонии наблюдается то, что иногда условно называют политикой послевоенной коренизации. В Советском Союзе, как известно, этничность («национальность») считалась важной характеристикой индивида, а также детерминантом социального, политического и географического пространства. «Этнически классифицированные провинции, или административные единицы, в советское время приобрели опыт двух видов: этнизацию политического, культурного и экономического дискурса на местном уровне и территориализацию этничности»⁴⁰. Специфичность эстонской властной модели заключалась, по замечанию В. Заславского, в наличии параллельных институтов для обслуживания интересов коренного населения и вновь прибывших, разделенных по языковому признаку⁴¹.

По оценке П. Ахде и Т. Райсалу, пик индустриализации в Эстонии пришелся на конец 1950-х годов, на период относительно высокой степени самоуправления в эстонской экономике⁴². Очевидно, что в СССР республиканские элиты боролись за финансирование из центра. Охотнее всего выделялись средства на различные проекты по индустриализации, что в эстонских условиях было неразрывно связано с необходимостью завоза рабочей силы из других регионов Советского Союза. Об этом же свидетельствует и динамика уменьшения доли занятых в промышленности эстонцев в советский период⁴³.

Для советизации Эстонии наряду с репрессиями и хрущевской политикой «коренизации» важнейшую роль сыграло и то, что 7 июня 1957 г. был создан Совнархоз (СНХ) ЭССР. Глава СНХ стал Арнольд Веймер. Совнархозу подчинялось подавляющее большинство предприятий Эстонии, что делало ее хозяйственную элиту вполне самостоятельной в принятии важнейших решений. Таким образом, в течение примерно восьми лет сформировалась ориентированная на республиканскую жизнь новая советская элита, которая увидела возможности и развития, и существования в сложившейся ситуации. СНХ были расформированы в ходе реформы 1965 г. Но к тому времени советизация укоренилась, и процесс карьерного роста сложился прочно и надолго. Можно с уверенностью констатировать, что Эстония в начале 1960-х годов успешно интегрировалась в советскую систему, расчистив в этой системе место для национальной элиты и создав почву и предпосылки для десоветизации путем возвращения к институтам довоенной республики. Буфером и связующим звеном между обеими государственными системами послужил сохраненный, пусть и с потерями, национальный характер эстонского общества.

Примечательно, что хотя доля эстонцев в населении Эстонской ССР в конце 1980-х годов составляла 62,5%, среди «руководящих органов» республики она достигла 72%, среди научных работников – 67%, работников культуры и искусства – 84%, в образовании – 71%. Среди студентов эстонских вузов неэстонцы составляли только 20,2%, а эстонцы, соответственно, 79,8%. В 1980-е годы 70–80% членов Верховного совета ЭССР были этнические эстонцы и столько же в ЦК КПЭ⁴⁴. Однако, как показывают социологические исследования, уверенность в том, что в советское время у русскоязычных были привилегии, разделяют большинство обычных эстонцев⁴⁵.

По переписи 1989 г. крупнейшими – из состава меньшинств – этническими группами в Эстонии были русские (30,3% всего населения), украинцы (3,1%), белорусы (1,8%) и финны (1,1%). А всего неэстонцы составляли в 1989 г. уже 38,5% всего населения⁴⁶. Последнее обстоятельство, сформулированное так, что эстонцы составляют чуть больше 60% населения своей собственной страны, в период «Поющей революции» (1988–1991) было одним из важнейших лозунгов, мобилизовавших национально ориентированную оппозицию на сопротивление «промосковским» властям. Этот же лозунг был успешно заимствован и правящей эстонской советской элитой в ее противостоянии союзному «центру». В конце концов недовольство изменением демографического состава республики, появление многочисленного неэстонского населения, усиление позиций русского языка и желание повернуть демографический процесс вспять стали и для национальной оппозиции, и для руководства ЭССР одним из немногих объединяющих факторов.

В перестроечный период миграционные процессы стали темой политических дебатов. Народный фронт Эстонии в своей программе подверг критике «великодержавную ассимиляционную политику, приводящую к бессмысленной миграции и механическому смешению людей разной национальности, в том числе навязывание многонациональных коллективов, смешанных детских садов, школ и т.п. Подобная политика искажает патриотические чувства людей и приводит к формированию лишенной корней людской массы»⁴⁷. Местные ученые также подчеркивали, что экономическая модернизация служила советской администрации средством для нивелирования этнических различий⁴⁸. В свою очередь, немецкий исследователь М. Вигандт предположил, что имеет дело со своего рода «особой балтийской теорией жертвы», отвергая как необоснованные обвинения, что миграционная политика «центра» преследовала цели «сознательной политики ру-

сификации» или даже «этнических чисток, колонизации или других мер геноцида» с целью изменения демографии страны⁴⁹.

В любом случае между переписями 1959 и 1989 гг. наблюдается рост численности эстонцев в абсолютных цифрах⁵⁰. Последнее обстоятельство тем более примечательно, что в Эстонии демографический переход начался примерно в 1860-е годы, а в конце 1920-х годов уровень рождаемости был уже недостаточен для простого замещения поколений. Прибытие большого числа людей из-за пределов Эстонии в советское время привело к омоложению населения, которое стало быстро расти, прежде всего за счет неэстонцев⁵¹. Однако, как сказано выше, после войны вновь отмечается и рост численности эстонцев.

По данным переписи 1989 г., общий уровень образования эстонцев и неэстонцев не слишком различался. Представители русскоязычного населения имели несколько большую долю лиц с профессиональным образованием, среднеспециальным и высшим. Значительных изменений по сравнению с данными 2000 г. не наблюдается. Можно отметить лишь выравнивание долей лиц с высшим и среднеспециальным образованием⁵².

Большинство неэстонцев как в конце 1980-х годов, так и сегодня проживают в двух регионах: примерно половина в Таллине и городах столичного уезда и около трети в городах промышленного северо-восточного региона страны. В столице русскоговорящее население, этнические русские и представители других национальных меньшинств составляли и составляют около половины всех жителей. А вот в городах северо-востока, таких, как Нарва, Кохтла-Ярве, Силламяэ, русские жители в большинстве. Расселение это сложилось за последние полвека и зависело прежде всего от размещения нового промышленного потенциала республики, строительства шахт, заводов, фабрик, портов, электростанций.

Двадцать лет назад политики и социологи опасались, что места компактного проживания русскоязычного населения стали или становятся своего рода закрытыми «русифицированными» зонами. Опасения эти не оправдались. Надо сказать, что Эстония счастливо избежала появления этнических гетто, закрытых депрессивных, сегрегированных по этническому признаку поселений как в масштабах всей страны, так и в масштабах городов.

Тем не менее тот факт, что значительную часть населения Эстонии составляют люди иного этнического происхождения, с иным родным языком, отличающиеся от большинства культурными традициями и с мировоззрением, опирающимся на принадлежность к большой нации, рассматривался и рассматривается

современными эстонскими политиками и общественными деятелями как проблема, как своего рода вызов эстонскому обществу.

Подводя итог, можно и нужно сказать, что к исторической пятилетке, начавшейся с горбачевской перестройки и завершившейся восстановлением независимости, русское меньшинство в Эстонии подошло как многочисленная (свыше полумиллиона) социально-этническая группа, состоящая в большинстве из мигрантов второго–третьего поколения, хорошо образованная, занятая преимущественно в промышленности, ориентированная на народнохозяйственный комплекс СССР, но отстраненная от принятия решений на республиканском уровне. Русские были хорошо интегрированы в общесоюзные социально-политические и культурные процессы, но недостаточно связаны с местной культурной жизнью, в том числе и из-за недостаточного владения эстонским языком.

Восстановление эстонской независимости привело к значительным переменам в демографии русского населения. Образ приезжего трудового мигранта, не связанного с Эстонией и вообще не имеющего-де национальных корней и культуры, зато пропитанного советской пропагандой, был характерным стереотипом в публицистике и политической полемике конца 1980-х – начала 1990-х годов. Примечательно, что по данным Исследования иммигрантского населения 2008 г. в качестве причин для поселения в Эстонии более половины респондентов указывали семейные причины. Работа заняла лишь второе место. Говорить о миграции неэстонцев только как о трудовой миграции не приходится (с учетом того, что подавляющее большинство обследованного «иммигрантского населения» поселилось здесь в советский период)⁵³.

Если рассматривать самое начало эстонской этнополитики, т.е. время восстановления независимости в августе–сентябре 1991 г., то тогда произошло постепенное и быстрое изменение риторики и общего отношения к этническим отношениям. Как отмечал А. Семенов, «в доминирующей концепции перешли от использования описательных нейтральных терминов, таких, как “неэстонцы”, “мигранты”, “иноязыкое население”, к словам с негативной коннотацией: “нелегальные мигранты”, “иностранцы”, “колонисты” и “захватчики”. В соответствии с принципом реституции трансформировалась сама задача: вместо необходимости урегулирования межэтнических отношений в преимущественно мультиэтническом обществе появилась необходимость деколонизации, ресоциализации, “добровольной реэмиграции”. Как писала М. Райдсепп, “бывшие легитимные (пусть часто нелюбимые) и

полноправные члены общества превратились в социальном смысле в нелегитимных и второсортных поданных»⁵⁴.

Действительно, все начало 1990-х годов прошло под знаменем борьбы эстонских элит против признания местных русскоязычных неотъемлемой частью населения – они могли быть оккупантами, колонистами, бывшим гражданским гарнизоном, гастарбайтерами, но не национальными меньшинствами. Категорический отказ местных «мейнстримных» политиков признать существование лингвистических меньшинств можно рассматривать и как попытку искусственного дробления, ре-этнификации неэстонцев. В это же время, по наблюдениям авторов, *лидеры* местных русских, которые изначально отказывались считать себя национальным меньшинством⁵⁵, позднее перешли к требованию признать свою группу в качестве такового. Этому способствовала и деятельность международных организаций, которые ввели в повседневный обиход тему прав человека и прав национальных меньшинств. Эстонская наука (во многом вынужденно) реагировала на политический процесс, и местные социологи и политологи прибегали при необходимости к правовым дефинициям. Более того, учет правовых аспектов типичен для многих западных исследователей, пишущих о «русскоязычных меньшинствах».

Перепись 2000 г. зафиксировала сокращение численности как всего населения (с 1,565 млн до 1,370 млн человек), так и меньшинств. Доля последних составила 32,1%, причем доля представителей крупнейших групп также сократилась: русские составляли теперь 25,6% населения, украинцы – 2,1%, белорусы – 1,3%, а финны – 0,9%⁵⁶. Причинами изменения пропорций эксперты неизменно называют миграцию, более высокие темпы естественной убыли среди меньшинств и (в гораздо меньшей степени) смену идентичности. По данным переписи 2000 г., эстонский язык был родным для 67% всего населения, русский – для 30%. Причем и среди эстонцев, и среди русских около 98% представителей группы считали «национальный» язык родным. Эти данные мало отличаются от итогов советской переписи 1989 г. (когда в обоих случаях таковых было около 99%)⁵⁷.

Среди прочих этнических групп (свыше 500 членов каждая) очень высокий уровень владения «национальным» языком как родным продемонстрировали по итогам переписи 2000 г. только цыгане (79%). Наименьший же уровень был зафиксирован среди евреев (6%). Из крупнейших групп на русском как на родном говорили 57% украинцев, 70% белорусов и 30% финнов. Для представителей крупных этнических групп характерно владение как

родным либо «национальным» языком, либо русским, причем по сравнению с 1989 г. для них было характерно также некоторое (обычно незначительное) снижение доли говорящих на «национальном» языке как на родном. Иными словами, при всей его условности термин «русскоязычные» во многом отражает реалии современного состояния нерусских меньшинств в Эстонии. Из крупных этнических групп только у финнов высока доля тех, кто считает родным языком эстонский (31%)⁵⁸.

В рамках переписи 2000 г. сразу после вопроса о родном языке спрашивалось: «Какими еще языками вы владеете?» Гибко сформулированные правила ответа на вопрос⁵⁹ привели к тому, что в ходе переписи 38% русских заявили о владении эстонским языком как иностранным и 1% как родным⁶⁰. В ходе переписи 1989 г. лишь 14% этнических русских заявили, что владеют эстонским языком как вторым и 1% как родным. Правда, следует иметь в виду, что в 1989 г. участников переписи спрашивали о «свободном» владении каким-нибудь другим языком народов СССР (причем только одним)⁶¹. Свободное владение языком определялось как умение читать, писать и говорить свободно, либо свободно говорить⁶². Тем самым, благодаря самой формулировке вопросов данные об уровне владения эстонским языком в 1989 г. были заведомо занижены, а в 2000 г. наверняка оказались завышенными. Но в любом случае перепись 2000 г. выявила, какая часть русского населения в какой-то степени владеет русским, какая – эстонским языком, а также уровень владения английским, немецким, финским и другими языками.

В рамках переписи 2000 г. лицам в возрасте 15 лет и старше задавался вопрос о приверженности определенной религии/вере. Эстонцы оказались менее религиозными (26,3%), чем русские (42,0%) или представители других национальных групп (46,6%). Такие данные по группам меньшинств во многом являются следствием большой религиозности русскоязычной молодежи. Правда, атеистов среди русских оказалось больше: 8,5% против 5,9% у эстонцев. В целом назвали себя лютеранами 21,1% эстонцев, а православными – 38,5% русских, 40,7% украинцев и 39,8% белорусов. Большая религиозность меньшинств связана, видимо, с тем, что традиционные религии рассматриваются ими как часть особой групповой идентичности, которую необходимо сохранять в условиях доминирования эстонцев⁶³.

По данным переписи 2000 г., более половины неэстонцев (60%) не имели эстонского гражданства⁶⁴. Известно, что в Эстонии языковая политика тесно связана с политикой в области гражданства и для натурализации необходимо сдать экзамен по

эстонскому языку. С учетом этого примечательны данные переписи 2000 г. о владении эстонским языком как родным или иностранным среди неграждан: среди российских граждан таковых оказалось 19%, а среди апатридов («лиц с неопределенным гражданством») – 32%⁶⁵.

Отсутствие гражданства Эстонии и слабый уровень владения эстонским языком, который стал единственным государственным языком, а также принятая в 1992 г. пропорциональная партийная избирательная система резко ограничили участие местного русского населения в политической и общественной жизни, хотя создавалось множество общественных движений, неправительственных организаций и даже меньшинственных политических партий. Среди депутатов парламента, избранных в 1992 г. на основе новой Конституции, русских не было вовсе. В последующих составах парламента доля русских и русскоязычных, прошедших по спискам «мейнстримных» или меньшинственных партий, не превышала 6–10%⁶⁶. После 1992 г. неэстонец лишь однажды входил в правительство в качестве министра «без портфеля»⁶⁷.

По предварительным данным переписи 2011 г., население вновь уменьшилось и составило уже 1 294 236 человек. При этом доля эстонцев поднялась до 68,7%, а русских снизилась до 24,8%. На этом фоне увеличилась доля в населении тех, для кого эстонский язык был родным – 68,5% (русский язык был родным для 29,6%)⁶⁸. В абсолютных цифрах эстонцев в 2011 г. оказалось меньше (889 770), чем было зафиксировано в ходе первой послевоенной переписи 1959 г. (892 653). При оценке столь быстрой убыли населения кроме естественных причин следует учитывать, что и эстонцы, и неэстонцы ныне активно пользуются правом свободного перемещения рабочей силы в пределах всего Европейского союза.

По предварительным данным переписи 2011 г., доля лиц без эстонского гражданства уменьшилась до 15% всего населения, причем примерно по 7% приходилось на граждан РФ и на апатридов из числа бывших советских граждан⁶⁹. Таким образом, без эстонского гражданства остается примерно каждый второй неэстонец.

Официальные данные показывают, что процессы старения среди неэстонцев протекают быстрее, чем среди представителей большинства. Одна из причин – отъезд из республики в 1990-е годы до четверти всех неэстонцев, значительная часть которых были людьми молодыми. Также после 1991 г. показатели рождаемости у неэстонцев обычно отставали от таких же показателей у эстонцев. В итоге среди неэстонцев больше пожилых и меньше детей, нежели среди эстонцев⁷⁰.

Опережающие темпы старения среди неэстонцев приводят к быстрому сокращению школьников, обучающихся на русском языке. Кроме того, естественные демографические процессы, ведущие к сокращению численности учеников в так называемых русских школах, дополняются и переходом части русскоязычных учеников в школы с эстонским языком обучения и активным продвижением со стороны властей учебных программ так называемого языкового погружения. Так, если в 1980 г. доля учеников, обучавшихся в школах с русским языком обучения, составляла во всей республике 32,5%, а в Таллине – 46,9%, то в 1990 г. эта доля составила уже 37,0% и 54,2% соответственно. Для сравнения, в 2006 г. доля учеников «русских школ» в Эстонии составила 20,4%, а в Таллине – 33,7%⁷¹.

Согласно официальной статистике, в 2011/12 учебном году в общеобразовательных школах на эстонском обучались 105 272 человека (77,3% всех школьников), на русском – 25 942 (19,1%). Кроме того, 4647 детей (3,4%) меньшинственного происхождения посещали специализированные классы языкового погружения (преимущественно на эстонском). В основной школе (I–IX классы) язык обучения и родной язык у подавляющего большинства учащихся совпадает⁷². Таким образом, никакого массового оттока русских учеников в «эстонскую» школу не произошло, несмотря на то что роль эстонского языка в школьном обучении существенно возросла.

С 2007/08 учебного года в русских гимназиях начался давно планируемый перевод на эстонский язык не менее 60% «всей учебной работы». Переход вызывал и вызывает противоречивую реакцию в обществе. Дискуссии о проблеме «реформы 2007» изначально оценивались властями с точки зрения государственной безопасности⁷³. Повышенное внимание к противникам реформы могло быть связано и с тем обстоятельством, что в 2003–2004 гг. в соседней Латвии публичные акции противников аналогичной реформы проводились с участием десятков тысяч человек и привели к заметной политической консолидации местной русской общины.

В Эстонии отношение населения к реформе образования измерялось в рамках различных социологических исследований. Например, из исследования 2005 г. можно было сделать вывод, что большинство неэстонцев хотело, чтобы столь важная часть социализации их детей и молодежи, как школьное обучение, целиком проходила бы на родном языке⁷⁴. Другое исследование того года подтвердило предположение, что реформа гимназического образования вызывала у большинства неэстонцев озабоченность

в отношении сохранения связи русской молодежи с родным языком и культурой. Так, лишь треть неэстонцев полагала, что возрастут возможности русской молодежи после перехода преимущественно на эстонский язык обучения (среди эстонцев оптимистов было 76%), больше половины опрошенных русскоязычных жителей испытывали сомнения насчет школьной реформы и опасались, что молодежь утратит национальную идентичность. Среди эстонцев сомневающихся было не более 9%⁷⁵.

В Эстонии, не без учета негативного латвийского опыта, было принято решение, что реформа образования будет постепенной и что в первую очередь будут переведены на эстонский язык такие предметы, как эстонская литература, граждановедение, история, география и музыка. В 2008 г. власти по сути перенесли срок реформы на 2011 г. Как показывают данные исследований Эстонского института открытого общества, «плавный старт» реформы позволил снять напряжение в обществе. В рамках опроса 2008 г., по сравнению с опросом 2007 г., среди неэстонцев заметно выросло число сторонников перехода, что стало неожиданностью для экспертов. Тем не менее безоговорочно поддерживали реформу тогда только 11% опрошенных неэстонцев⁷⁶.

Остается открытым вопрос, как реформа образования повлияет на сохранение особой русской идентичности жителей Эстонии.

В 1993 г. вновь был принят Закон о культурной автономии национальных меньшинств. Он должен был свидетельствовать о преемственности по отношению к политике довоенной Эстонии. Однако данный закон не играл и не играет какой-либо существенной роли в эстонской этнополитике.

Надо сказать, что закон был принят первым после восстановления независимости парламентом, когда местная этнополитика была явно направлена на стимулирование «репатриации» меньшинств: согласно анализу политолога К. Халлик, мейнстримные партии, представленные уже в следующем эстонском парламенте (1995–1999), все еще разделяли такой подход к этнополитике⁷⁷. Официальное отношение к неэстонцам было скорректировано в сторону большей открытости после принятия первой развернутой программы интеграции в 2000 г. Программа уделяла много внимания закону о культурной автономии, признавала его недостатки и планировала его доработку⁷⁸. А вот новая интеграционная стратегия на 2008–2013 гг. упоминает культурную автономию только один раз⁷⁹. Несмотря на все попытки (включая созданную в 2010 г. специальную комиссию Министерства культуры), до настоящего времени закон существенно доработан не был.

Не вызовет больших споров утверждение, что эстонские власти не прилагали заметных усилий, направленных на поддержку создания русской культурной автономии. Согласно наблюдениям британского ученого Д. Смита, в дебатах о русской автономии «можно различить страх со стороны представителей этнического большинства, что органы русской культурной автономии станут “государством в государстве” и проводником российского влияния извне, особенно с учетом численности русскоязычного меньшинства и его территориальной концентрации, прежде всего в северо-восточной Эстонии. Возможно, даже более важным является то, что наличие большого русскоязычного меньшинства в доминирующем политическом дискурсе воспринимается как угроза не только государственной безопасности, но также социальной безопасности этнонациональной группы большинства»⁸⁰.

Однако следует отметить, что идея создания культурной автономии не является популярной ни среди экспертов меньшинственного происхождения, ни на низовом уровне. Выгоды от создания культурного самоуправления не очевидны, а возможное «единое представительство» наверняка столкнется с проблемой легитимности с учетом неоднородности местного русского населения.

Экономическая и политическая стабилизация в России в 2000-е годы интенсифицировала попытки Москвы по оказанию поддержки русской культуре и русскоязычному образованию в сопредельных странах. Проводимая Россией политика в отношении соотечественников воспринимается эстонской спецслужбой в качестве угрозы конституционному строю. В ежегоднике Полиции безопасности за 2011 г. утверждается, что «реальной» целью России выступает не культура, но манипуляция местным русским меньшинством в политических целях. Более того, активность некоторых меньшинственных политиков в поддержку сохранения среднего образования на русском языке критикуется Полицией безопасности прежде всего из-за возможного влияния и вмешательства российских дипломатов в данный процесс⁸¹. Можно смело предположить, что слишком активная поддержка интересов русского меньшинства сама по себе интерпретируется эстонской спецслужбой как угроза безопасности.

* * *

В Эстонии быстрый рост населения в послевоенный период сменился после 1991 г. обратной тенденцией. В 1990-е годы заметно сократилась доля меньшинств во всем населении. В 2000-е годы ситуация стабилизировалась, население так быстро уже не уменьшалось, соотношения между этническими группами в це-

лом оставались прежними. У неэстонцев по сравнению с эстонцами быстрее протекают процессы старения населения. Это влияет на ситуацию в сфере политики и образования. Владение русскими эстонским языком быстро улучшилось в 1990-е годы, но массовой смены родного языка меньшинствами не наблюдалось.

Сложившаяся в советский период национально-демографическая структура населения ЭССР была сформулирована в перестроечный период политической элитой как проблема. Проблема, в свою очередь, была инструментализирована в целях политической мобилизации для достижения независимости. Существующие диспропорции социально-демографического развития национальных групп в Эстонии являются результатом не только политики властей после 1991 г., но и наследием советской национальной политики в рамках СССР и не могут быть преодолены простым перераспределением политической власти, доступ к которой у русских и неэстонцев сильно ограничен из-за отсутствия гражданства.

Русское меньшинство в Эстонии считают «политически неблагоприятным», а за его спиной видят тень «недружественной соседней державы». Все это накладывает своеобразный отпечаток на участие русских в местной политической и общественной жизни.

¹ История Таллина с начала 60-х годов XIX столетия до 1970 года / Сост. Р. Пулла. Таллин, 1972. С. 41; *Исаков С.* Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии. История культуры. Ч. I. Таллин, 2008. С. 140–141

² *Исаков С.* Указ. соч. С. 140–141, 162.

³ История Таллина с начала 60-х годов XIX столетия до 1970 года. С. 171.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ *Граф М.* Эстония и Россия. 1917–1991. Анатомия расставания. Таллин, 2007. С. 106.

⁶ *Järve P., Wellmann C.* Minorities and Majorities in Estonia: Problems of Integration at the Threshold of the EU. Flensburg, 1999. P. 43.

⁷ До 1934 г. допускалось публичное употребление традиционных топонимов на русском языке. Например, Таллин–Ревель, Тарту – Юрьев и т.д.

⁸ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Ред. С. Исаков. Тарту, 2000. С. 25.

⁹ Там же. С. 26–27

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. М., 2008. С. 40.

¹² *Исаков С.* Указ. соч. С. 206.

¹³ *Пономарева Г.* Система русского образования // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). Тарту, 2001. С. 193.

¹⁴ *Исаков С.* Указ. соч. С. 224; Татьяна Шор в своей обстоятельной статье приводит выписку из итогового годового доклада русского национального секретаря А. Янсона, пересказанного в статье А. Бакструба «Культурная работа среди русского меньшинства: доклад А.К. Янсона», опубликованной в столичной газете «Последние известия» № 280 от 4 декабря 1925 г. В публикации указано, что в конце 1925 г. в ведении Министерства народного просвещения было 204

начальных русских училища с числом учащихся 9869, из них 3236 – в городских школах. *Шор Т.* Проблемы культурной автономии на страницах русской периодики в Эстонии в 1925–1930 гг. // На перекрестке культур: Русские в Балтийском регионе. Ч. 2. Калининград, 2004. С. 129.

¹⁵ Русское национальное меньшинство... С. 197.

¹⁶ В Эстонии с 1919 г. было введено обязательное бесплатное начальное образование. Прогимназии и гимназии учреждались местными самоуправлениями, и обучение в них было платным. Наряду с государственными (городскими) гимназиями существовали частные гимназии, учреждаемые физическими или юридическими лицами. С 1919 г. в Эстонии работали и так называемые эмигрантские гимназии, обучение в которых оплачивалось международными эмигрантскими организациями. Эмигрантская гимназия в Нарве просуществовала до 1938 г.

¹⁷ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). С. 197.

¹⁸ Там же. С. 199.

¹⁹ *Пономарева Г., Шор Т.* Русская печать и культура в Эстонии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Таллин, 2009. С. 7–8.

²⁰ *Исаков С.* Русские в Эстонии. 1918–1940: Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 55.

²¹ *Исаков С.* О русской диаспоре в Эстонии 1920–1930-х годов и о возможности использования ее опыта в наши дни: Доклад, прочитанный на Таллинских чтениях Рижского гуманитарного семинара 28 февраля 2008 г. // Архив авторов.

²² О культурной и общественной жизни русских в Эстонии 1920–1930-х годов подробнее см.: *Исаков С.* Русские в Эстонии... С. 52–74; Русское национальное меньшинство... С. 99–192.

²³ Эстония // Электронная еврейская энциклопедия. Ассоциация по изучению еврейских общин в диаспоре. 01.08.2012 (<http://www.eleven.co.il>).

²⁴ *Шор Т.* Указ. соч. С. 115–139.

²⁵ «По причине сокращения числа совершеннолетних граждан, внесенных в национальный список культурного самоуправления немецкого национального меньшинства, по сравнению с общей численностью совершеннолетних граждан немецкой национальности, установленной по переписи 1 марта 1934 г., деятельность культурного самоуправления немецкого национального меньшинства считается прекращенной с 1 января 1940 г.». Постановление о прекращении деятельности культурного самоуправления немецкого национального меньшинства. Ст. 1. Издано Правительством Республики 21 декабря 1939 г. (Riigi Teataja. 1939. № 117. С. 2038–2039).

²⁶ Там же.

²⁷ Эстония // Электронная еврейская энциклопедия.

²⁸ Русские в Эстонии: Сб. статей / Сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллин, 2000. С. 92.

²⁹ Это касается только репрессий в период с 21.06.1940 г. по 22.06.1941 г. см., например: *Eesti ajalugu, v. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni* (История Эстонии. Т. 6. От Освободительной войны до восстановления независимости) / Ed. S. Vahtre. Tartu, 2005. С. 176–177.

³⁰ *Исаков С.* Культура русской эмиграции в Эстонии. 1918–1940: Статьи. Очерки. Архивные публикации. Таллин, 2011. С. 21.

³¹ Финский историк С. Цеттерберг называет цифру в 25 тыс. эвакуированных (*Zetterberg S. Eesti ajalugu* (История Эстонии). Tallinn, 2009. С. 505.

- ³² Данные о национальном составе призывников отсутствуют. Можно предположить, что национальный состав призывников примерно соответствовал демографической структуре населения.
- ³³ *Zetterbrg S.* Op. cit. С. 506.
- ³⁴ *Eesti ajalugu.* V. VI. С. 194.
- ³⁵ Там же. С. 191.
- ³⁶ Там же. С. 201.
- ³⁷ *Eesti ajalugu. Kronoloogia (История Эстонии. Хронология)* / Сост. S. Vahre. Tallinn, 2007. С. 268.
- ³⁸ *Eesti A&O (Эстония. А-О).* Tallinn, 1993. С. 96.
- ³⁹ *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1945–1956). Тарту, 2008. С. 290–291.
- ⁴⁰ *Dragadze T.* Ethnic Conflict as Political Smokescreen // *Ethnicity and Intra-State Conflict* / Eds. H. Wiberg, C.P. Scherrer. Aldershot, 1999. P. 267.
- ⁴¹ *Zaslavsky V.* The Evolution of Separatism in Soviet Union under Gorbachev // *From Union to Commonwealth: Nationalism and Separatism in the Soviet Republics* / Ed. G.W. Lapidus. N.Y., 1992.
- ⁴² *Ahde P., Rajasalu T.* Economic Structures // *Estonia and Finland: A Retrospective Socio-economic Comparison* / Eds. O. Lugus, P. Vartia. Helsinki, 1993. P. 71.
- ⁴³ *Hallik K.* Eestimaa muulased: ajalooline ja demograafiline taust (Иногородцы Эстонии: исторический и демографический аспект) // *Vene küsimus ja Eesti valikud (Русский вопрос и выбор Эстонии)* / Ed. M. Heidmets. Tallinn, 1998. С. 23.
- ⁴⁴ *Park A.* Ethnicity and Independence: The Case of Estonia in Comparative Perspective // *Europe-Asia Studies.* Vol. 46 (1994). № 1. P. 69–87.
- ⁴⁵ *Полещук В.* Латентный этнический конфликт в Эстонии на примере ситуации в Таллине // *Этнополитика.* 2005. № 4. С. 26.
- ⁴⁶ 2000 Population and Housing Census: Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages II. Tallinn, Statistikal Office of Estonia. 2001. Table 8.
- ⁴⁷ Народный фронт Эстонии. Хартия. Программа. Принята Народным конгрессом Народного фронта Эстонии 2 марта 1988 г. Таллин, 1988. Раздел IV («Национальный вопрос»), п. 2.
- ⁴⁸ *Karklins R.* Ethnic relations in the USSR: The Perspective From Below, Boston and London: Allen & Unwin, 1986; *The Integration of Non-Estonians into Estonian Society: History, Problems and Trends* / Ed. A. Kirch. Tallinn, 1997.
- ⁴⁹ *Wiegandt M.H.* The Russian Minority in Estonia // *International Journal on Group Rights.* 1995. № 3. P. 117.
- ⁵⁰ С 1,197 млн до 1,567 млн человек. Департамент статистики. Публичная база данных. 01.08.2012 (www.stat.ee).
- ⁵¹ О процессах старения эстонского общества см.: *Puur A., Põldma A.* Population ageing in Demographic View // *Social Trends 5.* Tallinn, Statistics Estonia, 2010.
- ⁵² 2000 Population and Housing Census, Education and Religion, IV. Tallinn, Statistical Office of Estonia, 2002. Tables 10–12, 18–20. Расчеты Е. Хелемяэ (Институт международных и социальных исследований Таллинского университета).
- ⁵³ Департамент статистики. Исследование иммигрантского населения 2008 г. Публичная база данных. 01.08.2012 (<http://pub.stat.ee>).
- ⁵⁴ *Semjonov A.* Estonia: Nation Building and Integration. Political and Legal Aspects // *National Integration and Violent Conflict in Post-Soviet Societies: The Cases of Estonia and Moldova* / Ed. P. Kolstoe. Lanham; Boulder; N.Y.; Oxford, 2002. P. 113.
- ⁵⁵ Мы согласны с Р. Брубейкером, что национальное меньшинство – это не некая внутренне унифицированная группа с четкими внешними границами. Оно,

- скорее, является «нечетким и несовершенным выражением конкурирующих друг с другом установок (stances), и самым “важным” будет не только решить, какую установку следует принять за национальное меньшинство, но и то, *желает ли* рассматриваемая “группа” (или возможная группа) осознавать и представлять себя в качестве национального меньшинства» (*Brubaker R.* National Minorities, Nationalising States, and External National Homelands in the New Europe // *Dædalus.* Vol. 121 (1995). № 2. P. 113–114).
- ⁵⁶ 2000 Population and Housing Census: Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages II. Tallinn, Statistikal Office of Estonia, 2001. Tables 7–8.
- ⁵⁷ *Ibid.* Table 18.
- ⁵⁸ *Ibid.*
- ⁵⁹ Согласно правилам переписи 2000 г. (п. 77), отвечать на этот вопрос было обязательно. Считалось, что лицо владеет языком, если может на нем читать, писать или говорить. «Лицо считается владеющим языком, если оно может справиться с чтением, письмом и разговором (восприятием на слух) в знакомых ему языковых ситуациях. Если лицо может выразить себя в знакомых ситуациях общения, хорошо понимает речь на každодневные темы, в общих чертах понимает текст несложного содержания и может составить короткий информационный текст (краткое сообщение, заполнение типового документа или бланка), то его владение языком считается достаточным, чтобы ответить на вопрос утвердительно. Если же какой-либо из указанных навыков отсутствует, но другой значительно превышает указанные требования, то и тогда это следует считать утвердительным ответом. Например, лицо можно считать владеющим языком, если оно: 1. говорит достаточно свободно, но не может писать, или 2) может читать иноязычную специальную или интересующую его литературу, но не может говорить, 3) либо понимает иноязычные радио/телепередачи, но не может говорить или писать» (*Ibid.*).
- ⁶⁰ 2000 Population and Housing Census Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages... Table 48.
- ⁶¹ Statistical Office of Estonia. Population of Estonia by Population Censuses I. Tallinn, 1995. Table 2.28.
- ⁶² *Ibid.* P. 14.
- ⁶³ 2000 Population and Housing Census: Education Statistikal Office of Estonia, Religion VI. Tallinn, 2002. P. 31.
- ⁶⁴ 2000 Population and Housing Census: Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages II. Table 39.
- ⁶⁵ *Ibid.* Table 45.
- ⁶⁶ Результаты всех данных имеются на сайте Центральной избирательной комиссии (www.vvk.ee).
- ⁶⁷ Министр по делам народонаселения Э. Эфендиев (2002–2003 гг.).
- ⁶⁸ Департамент статистики. Публичная база данных. 01.09.2012 (pub.stat.ee).
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ В 2010 г. дети до 14 лет составляли 16% среди эстонцев и 13% среди неэстонцев. Лица старше 60 лет составляли в этих группах соответственно 22 и 23%. Расчеты авторов. Департамент статистики. Публичная база данных. 01.08.2012 (pub.stat.ee).
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Данные Эстонской образовательной инфосистемы на 10 ноября 2011 г. представлены Министерством образования и науки ЭР 24 января 2012 г. по запросу.

- ⁷³ Security Policy of the Republic of Estonia. Annual Review 2004. Tallinn, 2005. P. 16.
- ⁷⁴ Эстония: Межэтнические отношения и проблема дискриминации в Таллине. Таллин, 2006. С. 49.
- ⁷⁵ Proos I. Eestivenelaste keeleoskus ja suhtumine 2007. aasta gümnaasiumireformi (Владение языком и отношение к гимназической реформе 2007 г. русских Эстонии) // Uuringu Integratsiooni monitooring 2005 aegade (Отчет исследования «Мониторинг интеграции 2005 г.»). Tallinn, 2005. Tabel 7.
- ⁷⁶ Proos I., Pettai I. Rahvussuhted ja integratsiooni perspektiivid Eestis. Sotsioloogilise uurimuse materjalid (Национальные отношения и перспективы интеграции в Эстонии: Материалы социологического исследования). Tallinn, 2007. С. 28; Proos I., Pettai I. Русская молодежь Эстонии: Положение и ожидания нового поколения. Материалы социологического исследования. Таллин, 2008. С. 35. Опросы проводились по репрезентативной выборке.
- ⁷⁷ Hallik K. Rahvuspoliitilised seisukohad parteiprogrammides ja valimisplatvormides (Взгляды на национальную политику в партийных программах и избирательных платформах) // Vene küsimus ja Eesti valikud (Русский вопрос и выбор Эстонии) / Ed. M. Heidmets. Tallinn, 1998. С. 95.
- ⁷⁸ Государственная программа «Интеграция в эстонском обществе в 2000–2007 гг.». Таллин, 2000.
- ⁷⁹ Estonian Integration Strategy. 2008–2013. Section 3.2.
- ⁸⁰ Smith D.J. Non-territorial Autonomy and Political Community in Contemporary Central and Eastern Europe, paper to be presented at the panel «Non-territorial autonomy and new modalities for national self-determination». Political Studies Association Conference. Belfast, 3–5 April. 2012 [P. 5].
- ⁸¹ Security Policy of the Republic of Estonia. Annual Review 2011. Tallinn, 2012. P. 9–11.

ДЕМОГРАФИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИИ В XX–XXI ВЕКАХ

В.В. Волков

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ К НАЧАЛУ XX ВЕКА

Исторические источники свидетельствуют о существовании русских подворий в Ливонии во времена средневековья, которые, впрочем, исчезают в начале XVII в. при присоединении Лифляндии к Швеции. Русские поселения старообрядцев, бежавших от преследований, появляются в Латгалии (территории Восточной Латвии) уже в конце XVII в. Второй центр русской жизни постепенно складывается в Риге, когда Лифляндия становится частью Российской империи. Бурный экономический рост во второй половине XIX в. стал самым важным фактором притока русских в Лифляндию и Курляндию. Причем в 1860-е годы русские составляли четверть всех рижан. Вообще, Рига со второй половины XIX в. и до Первой мировой войны – чрезвычайно динамичный город в масштабах всей империи и емкий центр притяжения переселенцев: с начала 1860-х годов до 1914 г. ее население выросло с 78 до 558 тыс. Такими темпами роста могли похвастаться только крупнейшие центры юга европейской части России¹. К этому времени русские стали второй по численности после латышской этнической группой Латвии. Как показывает А. Федотов, росту численности русских и их удельному весу в совокупном населении Латвии способствовали такие факторы, как более высокие темпы их естественного прироста, по сравнению с латышами, а также широкое переселенческое движение в этот период латышей в Центральную Россию, Сибирь, на Северный Кавказ, а также в Америку².

Впрочем, в конце XIX – начале XX в., когда в Ригу устремились латыши из сельских районов, доля русских среди горожан падает примерно до 20%, хотя общее число рижан существенно выросло. К началу Первой мировой войны в Риге проживали почти

100 тыс. русских. По материалам первой всероссийской переписи населения 1897 г. на территории Латвии было 231,2 тыс. русских, или 12% ее населения, а перед Первой мировой войной – более 300 тыс.³ Серьезное уменьшение численности русского населения связано с массовой эвакуацией во время войны.

Материалы переписи населения 1897 г. по Риге говорят о том, что подавляющее большинство русских было занято в промыслах и торговле, на транспорте и в строительстве. При этом русские существенно опережали другие этнические группы по удельному весу среди работников администрации, суда и полиции. Так, среди 27,5 тыс. самодеятельного русского населения города в этой сфере были заняты 2,4% всех русских рижан, 0,4% всех рижан-латышей, 1,1% рижан-немцев, 0,05% рижан-евреев. Более трети всех работников администрации, суда и полиции в Риге на время переписи были русскими. Безусловно, это явилось следствием перевода всего делопроизводства прибалтийских губерний со второй половины 1880-х годов на русский язык, сопровождаемого резким увеличением доли русских в административных и судебно-полицейских органах. Характерно, что латышские эмигрантские историки, анализировавшие русификацию эпохи Александра III, ничего не говорят о сознательной замене чиновников из немцев и латышей на русских⁴. Среди мужчин каждый третий русский рижанин был военным (ср.: 0,5% рижан-латышей и 1% рижан-немцев). Однако удельный вес русских рижан был ниже, чем у рижан-немцев среди работников образования (1,0% и 3,2%, соответственно), в науке, литературе и искусстве (0,3% и 1,6%), в здравоохранении (0,7% и 1,8%). По сравнению же с латышами в этих сферах деятельности русские были представлены либо так же (наука, литература и искусство), либо лучше (сферы образования и здравоохранения)⁵.

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. 1918–1940 ГОДЫ

Мировая война и эвакуация населения привела к более чем двукратному сокращению русского населения в образованной в 1918 г. Латвийской Республике. Причем наиболее сильно уменьшилось русское городское население. Так, если в 1913 г. в Риге проживали 99,6 тыс. русских, то в 1920 г. только 12,0 тыс. Однако в начале 1920-х годов в Латвию хлынул поток беженцев и эмигрантов из Советской России, что привело к частичной компенсации довоенной численности русского населения в Латвии. К тому же к Латвии по договору с Советской Россией отходили

Таблица 1

Доля русского и латышского населения Латвии в 1920–1935 годах по данным переписей населения*

Национальность	Год			
	1920	1925	1930	1935
Латыши всего, тыс.	1161,4	1354,1	1395,0	1472,6
%	72,8	73,4	73,4	75,5
Русские всего, тыс.	124,7	193,6	201,8	206,5
%	7,8	10,5	10,6	10,6
Все население, тыс.	1596,1	1844,8	1900,1	1950,5

* Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. gadā (Четвертая перепись населения в Латвии) / Ред. М. Skujenieks. Rīga, 1936. С. 292.

некоторые районы, населенные преимущественно русским населением⁶. В Латвийской Республике русские проживали во всех исторических частях страны, однако явно лидировали два центра расселения: Рига, где русское население в 1935 г. составляло около 30 тыс. человек (чуть более 7% населения города), и восточный регион Латгалия, где русских на тот год проживало примерно 154 тыс., большинство из которых были небогатыми сельскими жителями⁷. Данные о статистике русского населения Латвийской Республики приведены в таблице 1.

К 1935 г. в Латвии проживали 206,5 тыс. русских, из которых 74,5% (154,0 тыс.) были жителями Латгалии, а 13,3% – Риги (28,3 тыс.). Среди всех исторических регионов Латвии наибольший удельный вес русских наблюдался в Латгалии, как в целом (29%), так и в латгальских городах (в Резекне среди всего населения русские составляли 20%, а в Даугавпилсе – 18%). В Риге удельный вес русского населения был 7,4%. В современной научной литературе говорится о 168,3 тыс. русского населения, или о его доли в 8,8% в структуре латвийского населения на 1935 г.⁸ Такая заниженная цифра связана с методикой подсчета латвийского населения на период последней довоенной переписи населения 1935 г., которая учитывает население в нынешних границах Латвийской Республики без учета части нынешнего Пыталовского района Псковской области, переданного в 1944 г. РСФСР.

Русские отличались самым большим естественным приростом по сравнению с другими этническими группами Латвии. В 1935 г. этот показатель по всему населению Латвии составлял

3,5 на 1000 жителей, у латвийских русских – 11,9, у латышей – 2,7, поляков – 5,2, а у эстонцев и немцев он был даже отрицательным – минус 9,9 и минус 7,3 соответственно. Таким образом, русские, составляя десятую часть населения Латвии, обеспечивали 36% его естественного прироста. Более 80% русского населения Латвии к середине 1930-х годов было занято в сельском хозяйстве, что значительно выше удельного веса всех латвийцев, занятых в этой сфере экономике (68%). При этом русские, по сравнению со средними показателями по стране, были недостаточно представлены в промышленности (10% и 15% соответственно), в органах государственного управления и самоуправления, полиции, судах (1,7 и 3,3%), в здравоохранении (0,6% и 1,5%), а также среди работников свободных профессий, образования и искусства (1,1% и 1,8%)⁹.

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЛАТВИИ С 1940 ПО 1990 ГОД

Период после Второй мировой войны характеризуется самым высоким удельным весом русских в населении Латвии. Общая численности русских к 1989 г. достигла 905,5 тыс. человек, или 34% всего населения, что стало возможно в основном благодаря миграции из РСФСР и других союзных республик. В таблице 2 приводятся данные о численности русских и их удельном весе в течение советского периода.

В современной латвийской науке этот процесс оценивается крайне негативно. Миграция русского и в целом славянского на-

Таблица 2

Русское население Латвии в 1950–1980-е годы*

Национальность	Год			
	1959	1970	1979	1989
Латыши всего, тыс.	1297,9	1341,8	1344,1	1387,8
%	62,0	56,8	53,7	52,0
Русские всего, тыс.	556,5	704,6	821,5	905,5
%	26,6	29,8	32,8	34,0
Все население, тыс.	2093,5	2364,1	2502,8	2666,6

* Официальные данные переписей населения.

селения в Латвию характеризуется как проявление русификации¹⁰, как результат сознательной «политики по принудительному перемещению населения»¹¹, как вид «колонизации, которую осуществлял на протяжении 45 лет тоталитарный режим», которая привела к появлению в Латвии «чрезмерной доли инородцев»¹². Однако следует отметить, что в латвийской демографической науке нет обстоятельных исследований о послевоенной миграции русского населения в Латвию. В качестве общей экономической причины называется форсированная индустриализация. Историки нередко говорят о 400 тыс. мигрантов из разоренных войной районов славянских республик СССР в первое послевоенное пятилетие как об «экономических беженцах»¹³. (Историки упоминают о русских беженцах с конца 1943 г., правда, конкретная статистика не приводится¹⁴.)

Западные ученые, характеризуя особенности представленности русских в латвийской общественной и экономической жизни советского периода, отмечают крайнюю противоречивость социального статуса этой этнической группы. Если речь идет о высоком удельном весе русских в военной элите, компартии, административном аппарате промышленных предприятий, руководстве КГБ, то используется понятие «привилегированное положение». В то же время нельзя говорить о том, что в материальном плане русское население Латвии было в лучшем положении, нежели латышское¹⁵. Такая оценка в целом соответствует действительности. Структура занятости латвийского населения в экономике Латвии в 1989 г. говорит о чрезвычайно высокой выраженности «индустриальных черт» именно у русского населения. Так, если 33,5% латышей были заняты в промышленности и строительстве, то у латвийских русских эта доля достигала 45,7%. Это было даже выше средних показателей по РСФСР и СССР (42,3% и 39,0% соответственно). А вот в сфере образования, здравоохранения, в науке, культуре и искусстве русские в Латвийской ССР были явно недостаточно представлены по сравнению с латышами (15,0% и 18,5% соответственно). Этот показатель занятости русских был еще ниже по сравнению с общими показателями по РСФСР и СССР (19,4% и 19,0% соответственно)¹⁶.

Следует отметить, что удельный вес русского населения Латвийской ССР в сферах высококвалифицированного умственного труда в последние десятилетия существования СССР соответствовал общесоюзным показателям второй половины 1960-х годов. Поэтому вполне можно говорить о серьезной деформации социальной структуры русского населения Латвии как по сравнению с латышами, так и по сравнению со всем советским обществом.

Не случайно стремление обустроиться в Латвии нередко сменялось желанием уехать отсюда. Как правило, латвийские демографы не анализируют данные о возвращении русских из Латвии в другие регионы СССР, несмотря на то что они широкодоступны: так, если в 1950-е и 1960-е годы доля уехавших по отношению к прибывшим на жительство в Латвию составляла 70–72%, то в 1970-е годы она резко увеличилась – до 78,1%, а в 1980-е достигла уже 83,7%¹⁷.

В целом рост доли русских, уезжавших из Латвии, был связан как с улучшением качества жизни в РСФСР в последние десятилетия советской власти, так и с явным укреплением русского национального сознания. На 1960–1980-е годы приходится численный рост и усиление общественного влияния интеллигенции¹⁸. Наиболее приемлемый путь попадания в эту социальную группу, которая отождествлялась в массовом сознании с «советским средним классом», а также способность трансформировать этот социальный статус в социальные и материальные возможности многие русские связывали с переездом в РСФСР. Особенно это касалось молодежи, поступавшей в российские вузы. Причем укрепление русской идентичности было характерно, видимо, как для русских России, так и для русских Латвии.

Рост русского населения в советский период истории Латвии обуславливался и высокими темпами естественного прироста. Несмотря на то что, по данным четвертой переписи населения Латвии, доля русского населения в нынешних границах страны в 1935 г. составляла всего 8,8%, к середине 1990-х годов в Латвии насчитывалось уже 289,1 тыс. русских граждан, или 16,3% всех тех, кого автоматически власть признала гражданами Латвии. При этом латышей среди граждан Латвии было на тот период 78,7%, что примерно соответствует удельному весу латышей перед Второй мировой войной¹⁹. Этот высокий рост числа русских граждан Латвии к 1990-м годам совсем не связан с процессом натурализации, которая началась только в 1995 г. Такое двукратное превышение числа русских граждан Латвии в начале 1990-х годов по сравнению с довоенным временем главным образом можно объяснить тем, что для русских в первой половине XX в. темпы естественного прироста были одними из самых высоких в Европе, значительно превышая темпы прироста латышей²⁰. Следует также отметить, что рост удельного веса русских среди граждан Латвии по сравнению с довоенным периодом связан и с существенным сокращением населения страны в 1939–1945 гг. Перед Второй мировой войной произошла репатриация большинства представителей немецкой общины Латвии в Германию (свыше 50 тыс. человек). В годы холокоста практически полно-

стью погибли латвийские евреи (около 70 тыс.), а также половина латвийских цыган (2 тыс.). За время Второй мировой войны латышское население уменьшилось на 250 тыс. человек (прежде всего погибшие в ходе боевых действий, а также эмигрировавшие на Запад)²¹. Вследствие сталинских массовых депортаций 1941 и 1949 гг. погибли примерно 10 тыс. латвийских граждан, 80% из которых были латыши²²; только часть из депортированных в отдаленные районы СССР вернулась в Латвию.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА В ЛАТВИИ (ПОСЛЕ 1991 ГОДА)

По данным Центрального статистического управления, перепись населения Латвии 1 марта 2011 г. говорит о том, что в стране проживают 2070 тыс. человек, из них латышей – 1285 тыс. (62,1% населения), а русских – 557 тыс. (26,9%)²³. Однако, по данным Управления по делам миграции и натурализации (УДМН), на 1 июля 2012 г. все население составляло 2208 тыс., латышей – 1315 тыс. (59,5% населения) и русских – 598 тыс. (27,1%)²⁴. Такая разница в цифрах, скорее всего, связана с тем, что данные УДМН учитывают всех зарегистрированных по месту жительства, не принимая во внимание людей, временно или навсегда покинувших страну. 73,3% всех латвийских русских проживают в девяти крупнейших городах страны, что говорит о чрезвычайно высокой территориальной концентрации этой этнической группы. К тому же 56,5% русских приходится на два крупнейших города с богатой культурной и общественной традицией русской жизни – Ригу и Даугавпилс²⁵.

К 2012 г. доля русского населения Латвии сократилась по сравнению с пиком, отмеченным последней советской переписью в 1989 г., с 34,0 до 26,9%. Этот показатель примерно соответствует концу 1950-х годов. Таким образом, за последние двадцать лет и абсолютная численность, и доля русского населения Латвии уменьшились настолько, насколько они увеличились за тридцатилетие перед восстановлением независимости. Снижение численности русских в Латвии связано с эмиграцией из страны, а также с отрицательным естественным приростом. Замедляет снижение численности латвийских русских ориентация на заключение браков в основном среди русских и русофонов, а также стремление русских родителей обеспечить своим детям основное школьное образование преимущественно на русском языке.

Весь период восстановленной независимой Латвии с 1991 г. – это период эмиграции русских, как и большинства других этнических меньшинств (за исключением цыган), из страны. По данным Центрального статистического управления (ЦСУ), наивысший уровень эмиграции русского населения был достигнут в 1991–1996 гг., когда в целом отрицательное сальдо миграции по всем этническим группам составило почти 148 тыс. человек (в год примерно 24,6 тыс.). Такие же темпы эмиграции приходится на последнее время начиная с 2008 г. (примерно 27,6 тыс. в год)²⁶. Электронные базы данных ЦСУ не содержат информации об этнической принадлежности мигрантов. Однако в выпущенном в 2007 г. сборнике статистических данных «Демография» есть информация об этничности эмигрантов. Согласно этим данным, во второй половине 1990-х годов русские среди всех эмигрантов составляли 55–65%, в первой половине 2000-х – свыше 80%, а в 2006 г. – примерно половину²⁷.

На более активную, по сравнению с латышами, эмиграцию в 1990-е годы и первой половине 2000-х годов оказывали влияние особенности социальной структуры русского населения Латвии. Так как удельный вес русских был наиболее высок среди работников индустриальных отраслей экономики, транспорта и управления, которые в наибольшей степени пострадали в результате реформ после 1991 г., а большая часть прежних экономических связей оказалась нарушенной, доля безработных среди русских была выше, чем среди латышей. К этому добавились проблема незнания многими русскими латышского языка, ставшего единственным государственным языком, и отсутствие у значительной части из них латвийского гражданства.

К середине 1990-х годов уровень безработицы среди русских был 19%, среди латышей 14%. Уменьшение безработицы в целом по всем этническим группам в последующее время, однако, не приводило к заметному сокращению разрыва ее показателей среди латышей и этнических меньшинств. К середине 2000-х годов выявились серьезные отличия структуры занятости латышей и представителей этнических меньшинств. Так, если среди работников физического труда высокой и низкой квалификации удельный вес представителей этнических меньшинств составлял в 2005 г. 48,3 %, то соответствующая доля латышей – 39,5 %. Среди работников высококвалифицированного умственного труда представители этнических меньшинств составляли 27,2%, а латыши – 38,5%. В 2000-е годы средняя зарплата русских была примерно на

$\frac{1}{10}$ ниже, чем у латышей. Но при этом, как отмечает норвежский исследователь А. Аасланд, различия в материальном положении между русскими и латышами не столь значительны, как в большинстве других этнически смешанных странах Европы²⁸. Даже те представители русских общественных организаций, кто резко критичен по отношению к латвийской этнополитике, в качестве главной причины эмиграции русских называют общеэкономические причины²⁹.

Латвийские русские крайне незначительно представлены среди латвийской политической, административной, научной и творческой элиты. В Латвии нет доступной статистики о структуре занятости в народном хозяйстве среди этнических групп страны. Одно из немногих исследований по этой теме А. Пабрикса, выполненное в начале 2000-х годов, показывает, что удельный вес латышей среди работников министерств к 2002 г. достигал 92%, тогда как удельный вес латышей среди граждан Латвии на то время был 76%. В то же время русские работники министерств составляли около 6% при их удельном весе среди граждан государства в 17%. Пабрикс в своем исследовании высказался за «пропорциональное представительство» представителей этнических меньшинств в государственных учреждениях³⁰. Выступая в Фонде «Либеральная миссия» профессор Латвийского университета Ю. Розенвалдс (Juris Rozenvalds) привел пример из одного недавнего социологического исследования, согласно которому лишь менее трети латышей соглашались на активное участие не латышей в процессе управления государством: «То есть на уровне кокошников, народных танцев, пожалуйста. Но как только речь заходит об управлении, на уровне обыденного сознания срabатывает известный тормоз, и люди говорят: “Нет”»³¹.

На протяжении всей новейшей истории Латвии в составе правительства не было ни одного министра русской национальности. В 2012 г. среди примерно 750 руководителей подразделений центральных аппаратов 13 министерств (министр, его заместители, советники, парламентский секретарь, госсекретарь и его заместители, руководители и заместители руководителей отделов и департаментов, руководители проектов) представители этнических меньшинств составляли примерно 5%³². Незначителен и удельный вес представителей этнических меньшинств среди ректоров государственных вузов. Так, из ректоров 6 государственных университетов нет ни одного русского; из остальных 13 государственных вузов только один ректор, родившийся в смешанной русско-латышской семье³³. Несколько русских ректоров представляют лишь частные высшие учебные заведения Латвии.

Интересно, что удельный вес русских среди представителей высшего слоя государственного аппарата практически полностью соответствует и удельному весу социальных ожиданий участников мониторинга, проводившегося в середине 2000-х годов: лишь 5% русских респондентов полагали, что в сфере госуправления для латвийских русских карьера может сложиться успешно³⁴.

Определить эмиграционный потенциал русского населения пока представляется затруднительным. Проведенные социологические исследования дают противоречивые данные о желании русских эмигрировать из Латвии. Так, в исследовании 2007 г. «Географическая мобильность рабочей силы» доказывалось, что потенциал трудовой миграции за границу одинаков как у русских, так и латышей³⁵. Исследования экономиста М. Хазана, напротив, указывают на существенные различия в эмиграционном потенциале различных этнических групп Латвии. По его данным, доля нелатышей, желающих поработать за границей, достигала в 2000 г. 25%, а латышей – 8%. Такое заметное различие Хазан объясняет худшими социально-экономическими условиями, в которых находятся представители этнических меньшинств по сравнению с латышами. На высокую мотивацию к трудовой эмиграции у этнических меньшинств влияет и их меньшая привязанность к Латвии, чем это проявляется у латышей. На усилившееся желание среди латвийских русских искать работу за пределами Латвии во время тяжелого экономического кризиса 2008–2010 гг., по мнению Хазана, повлияли и новые правила правительства, расширившие круг работников, как в общественном, так и частном секторе, которым необходимо знать латышский язык на самом высоком уровне. Однако, по оценке этого экономиста, доля представителей различных этнических групп Латвии, реально планирующих эмигрировать, примерно одинакова и составляет 8–10%³⁶.

Российская Федерация в 1990-е и первую половину 2000-х годов была лидером по приему латвийских эмигрантов не только по сравнению с любой другой страной мира, но, как правило, со всеми другими странами вместе взятыми. Только с началом тяжелого экономического кризиса 2008–2010 гг. Россия, хотя и увеличивает количество принимающих мигрантов из Латвии, но теряет лидирующие позиции по сравнению с некоторыми странами ЕС. Так, если до 2005 г. на российское направление в среднем приходилось примерно 70–80% эмигрантов из Латвии, то в 2006 г. уже чуть более трети³⁷.

В среде латвийских демографов и экономистов бытуют разные оценки эмиграции русского и в целом славянского населе-

ния из страны. Профессор Б. Межгайлс, исходивший из представления о Латвии как о «традиционно образованном этнически гомогенном национальном государстве» (говоря о 80% латышей в годы войны), охарактеризовал этнодемографическую ситуацию после 1945 г. как «пертурбацию». А после 1991 г. – как «медленное, но последовательное разрешение» этой ситуации³⁸. Профессор П. Эглите полагает, что после провозглашения независимости Латвии была поставлена задача «по возможности снизить долю колонистов, прибывших из других республик СССР за 45-летний период. Этой цели служила поддержка добровольного возвращения прибывших инородцев и их потомков на их историческую родину»³⁹. Профессор М. Хазан же считает, что эмиграция из Латвии особенно со второй половине 2000-х годов стала серьезным препятствием для социального и экономического развития страны. По его данным, если доля людей с высшим образованием среди латышей-эмигрантов составляет 23%, то среди граждан Латвии – нелатышей – 36%⁴⁰.

Естественный прирост русского населения

К середине 2000-х годов вырисовывается картина общих тенденций естественного прироста населения Латвии. Для всех этнических групп, за исключением цыган, он был негативным. В таблице 3 приводятся сравнительные данные по естественно-

Таблица 3
Естественный прирост населения в Латвии в 1990–2006 годах*

Национальность	Год								
	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Все население всего, тыс.	3,1	17,3	12,0	13,3	12,5	11,4	11,7	11,3	10,8
%	100,0								
Латыши всего, тыс.	1,5	-7,7	-4,8	-5,4	-5,1	-4,3	-4,5	-3,7	-3,2
% от всего населения	48,4	44,5	40,0	40,6	40,8	37,7	38,5	32,7	29,6
Русские всего, тыс.	0,9	-6,4	-4,5	-5,0	-4,7	-4,5	-4,7	-4,9	-5,1
% от всего населения	28,2	37,2	37,9	37,8	37,7	39,5	40,2	43,6	47,4

*Demogrāfija. Statistisko datu krājums (Демография: сборник статистических данных). Rīga, 2007. С. 22. Расчеты автора.

му приросту латышей и латвийских русских с 1990 по 2006 г. (К сожалению, более свежие данные пока не опубликованы.) Как видно из таблицы 3, в 1990 г. удельный вес положительного естественного прироста, который приносили русские и латыши в совокупный естественный прирост населения, примерно соответствовал удельному весу этих этнических групп. В последующие два десятилетия наблюдался негативный прирост всего латвийского населения. Однако русские, по сравнению с латышами, особенно сильно пострадали от естественной депопуляции: хотя доля русского населения составляла тогда не менее 30% всего населения, его «вклад» в совокупный отрицательный прирост возрос с 37% в 1995 г. до 47% в 2006 г. Вообще, превышение доли негативного естественного прироста над долей в совокупном населении Латвии характерно и для других крупнейших этнических меньшинств. Так, в 2006 г. латвийские белорусы составляли 3,8% населения страны, а их удельный вес в негативном естественном приросте населения – 10,5%; для украинцев эти показатели были соответственно 2,5 и 4,6%; для поляков – 2,4 и 5,7%; для литовцев – 1,4 и 2,6%⁴¹.

Демографы обратили внимание на существенное уменьшение удельного веса русских во всех 33 административно-территориальных районах Латвии к середине 2000-х годов. Причем самое большое снижение на 9–10 процентных пунктов оказалось в Лиепе и Вентспилсе, приморских городах, где ранее располагались советские военно-морские базы⁴². Латвийские демографы прогнозируют значительное уменьшение числа представителей этнических меньшинств к 2030 г., в частности, по причине снижения естественного прироста среди нелатышей, в том числе и по сравнению с нынешними поколениями латышей⁴³.

Характер этнической и лингвистической самоидентификации русских Латвии

Изменения численности этнической группы зависят не только от характера миграционного поведения и особенностей естественного прироста. Важным фактором выступают установки на воспроизводство собственной этнической и лингвистической идентичности либо ориентации на ассимиляцию в иных культурах и этнических сообществах.

Данные переписи населения 2000 г. содержат наиболее полную информацию о лингвистической идентичности этнических групп Латвии. Русские и латыши – это единственные этнические группы, чья этническая идентичность практически полностью совпадает с лингвистической: для 94,5% латвийских русских род-

ной язык – русский, а для 95,6% латышей родным является латышский язык. В то же время значительно меньшая часть других этнических групп считала родным «язык своей национальности» (от 7,9% у евреев, 18,8% у белорусов, до 68,7% у цыган). Русские в течение двух десятилетий восстановленной государственности продолжают оставаться единственным этническим меньшинством Латвии с очень высоким уровнем воспроизводства этнолингвистической идентичности. Учитывая высокую долю латвийских белорусов (72,8%), украинцев (67,8%), евреев (79,1%), татар (68,2%) и др., для кого русский язык является родным, справедливо предположить, что русский язык, даже не имея статуса государственного языка, продолжает выполнять важные коммуникационные функции для гражданского общества. Свыше 70% латышей знают русский язык, а у этнических меньшинств этот показатель еще выше – более 90%. При этом распространение русского языка в коммуникационной среде самих латвийских русских более широко, чем распространение государственного языка: немногим более половины (52,3%) русских владеют латышским языком, что, правда, на 30 процентных пунктов выше, чем в 1989 г.⁴⁴

Одним из показателей высокой актуализации символической идентичности русских является практически полное совпадение у них записанной в документах и называемой во время переписи «национальности» (свыше 96%). Немногим выше этот показатель оказался у латышей (почти 99%), но ниже у евреев (91%), поляков и украинцев (по 86%). По данным демографа А. Берзиньша, в ходе переписи на данные о доли русских в населении влияла стратегия самоидентификации представителей иных этнических групп, особенно белорусов, украинцев, литовцев и поляков. В ходе переписи населения 2000 г. русскими себя идентифицировали 5,7 тыс. латвийских украинцев (10,3 % от их общего числа), 7,8 тыс. белорусов (8,9%), 3,1 тыс. поляков (5,6%). Ниже этих цифр оказались пропорции самоидентификации себя с латышами у литовцев, поляков и белорусов. В то же время 2,5 тыс. человек, которые по документам были русскими, во время переписи назвали себя белорусами (0,4%), 1,4 тыс. (0,2%) – поляками, 1,3 тыс. – украинцами (0,2%). Взаимный «обмен этничностями» характерен и для русских и латышей. Так, 10,5 тыс. (0,8%) человек, являвшихся по документам латышами, во время переписи населения определили себя русскими, а 13,4 тыс. (2,2%) русских «по документам» идентифицировали себя как латыши⁴⁵.

Русская идентичность воспроизводится также через институт семьи и брака. Русские, как и латыши, по сравнению с другими этническими группами в Латвии ориентированы в основном на заключение этнически гомогенных браков. К сожалению, нынешняя база данных Центрального статистического бюро не содержит информации об этнических характеристиках естественного движения населения (данные о заключении браков и разводах, о рождаемости и смертности). Однако более ранние статистические сборники дают картину этнически однородных и разнородных браков, заключавших русскими в Латвии с 1990 по 2006 г. Традиционно в Латвии распространены этнически смешанные браки. Однако доля таких браков у различных этнических групп существенно отличается. Самый большой удельный вес этнически смешанных браков характерен для латвийских этнических меньшинств, за исключением русских. Для белорусов, украинцев, поляков и литовцев он составлял 90% и выше. Для русских мужчин – на уровне 40%, для русских женщин – от 40% в середине 1990-х годов до 45% к середине 2000-х. У латышей межэтнические браки составляли примерно 20%⁴⁶. В целом такой удельный вес межэтнических браков был характерен для этих этнических групп в Латвии и в советское время.

Учитывая подавляющую долю лингвистически русифицированных среди украинцев, белорусов, евреев и большой удельный вес лингвистической русификации среди поляков и литовцев, можно утверждать, что большинство браков представителями этнических меньшинств заключаются с латвийскими русофонами. В то же время удельный вес русских, заключавших брак с латышами (латышками), примерно такой же, как удельный вес межэтнических браков в латышской среде. Так, в 2006 г. удельный вес браков русских мужчин, заключенных с латышками, составлял 23,5% от всех заключенных ими браков. Удельный вес браков с мужчинами-латышами для русских женщин составил 27,2%. Среди родившихся в 2006 г. детей, зарегистрированных русскими, только 1710, или 56,8% родились от русских матерей, а 25,2% – от латышек, 4,8% – от белорусок, 3,8% – от поляков, 3,6% – от украинок, 5,8% – от матерей другого этнического происхождения⁴⁷.

Важнейшим институтом поддержания и воспроизводства русской культурной идентичности выступают учебные заведения и программы, предлагающие образование на русском языке или билингвальное образование (сочетание предметов на русском языке и латышском в пропорции 40/60). Из таблицы 5 видно число школьников, посещающих школы с русским языком обучения, а также двухпоточные латышско-русские школы. За более чем двадцатилетний период проявляются две тенденции: если до школьной реформы 2004 г., предполагавшей существенное увеличение пропорции учебных предметов на латышском языке в школах этнических меньшинств, в школах с русским языком обучения училось около трети латвийских школьников и их удельный вес среди всех школьников Латвии постоянно сокращался, то после реализации требований реформы произошла некоторая стабилизация, и на русском языке отныне обучаются чуть больше четверти школьников страны. Следует заметить, что эта реформа не привела к заметному постоянному росту интереса среди этнических меньшинств к школам с латышским языком обучения. При этом доля школьников, обучающихся на русском языке, за последние два года даже несколько возросла⁴⁸ (см. табл. 4).

Таблица 4

Число школьников общеобразовательных и двухпоточных латышско-русских школ* с русским языком обучения**

Количество школьников	1990/91 уч. год	В средн. за 1991–1995 гг.	В средн. за 1996–2001 гг.	В средн. за 2001–2005 гг.	В средн. за 2006–2011 гг.	2010/11 уч. год	2011/12 уч. год
Всего в Латвии, тыс.	387,7	367,0	376,4	332,2	251,1	227,5	215,5
Обучающихся на русском языке всего, тыс. %	155,2 40,2	139,1 37,9	117,6 31,2	87,9 26,5	60,2 24,0	54,4 23,9	53,3 24,7

* Кроме спецшкол и спецклассов.

** Izglītības iestādes 2011/2012. mācību gada sākumā (Учреждения образования в начале 2011/12 учебного года). 15.12.2012 (<http://www.csb.gov.lv>). Расчеты автора.

Выбор русского и немецкого языков по отношению к английскому в качестве учебного предмета*

Язык	Учебный год					
	1996/97	2000/01	2005/06	2009/10	2010/11	2011/12
Английский язык						
всего, тыс.	192,9	282,2	254,9	198,9	188,4	181,7
%	100,0					
Русский язык						
всего, тыс.	87,0	101,7	105,7	87,8	81,8	75,3
%	45,1	33,9	41,6	44,2	43,6	41,2
Немецкий язык						
всего, тыс.	72,7	61,4	50,7	29,8	27,2	25,8
%	37,8	26,3	20,0	15,1	14,4	14,3

* Svešvalodu apguve vispārīzglītītajās skolās (Освоение иностранных языков в общеобразовательных школах). 17.12.2012 (<http://data.csb.gov.lv>). Расчеты автора.

Ранее были доступны данные о числе первоклассников в школах с латышским и русским языком обучения, что является четким показателем ориентации родителей школьников на ту или иную модель воспроизводства этнической идентичности. С 1992 по 2001 г. количество первоклассников в школах с русским языком обучения постоянно снижалось – с 30,5 тыс. до 14,0 тыс. С 2002 г. отмечается рост этого показателя, и к 2008 г. он составляет 18,5 тыс. школьников⁴⁹.

Интересна и информация об иностранных языках, которые выбирают латвийские школьники в качестве учебного предмета (в Латвии русский язык также является иностранным). Данные с 1996 г. показывают неизменный приоритет английского языка. Вторым по популярности является русский язык, а третьим – немецкий, но удельный вес выбора русского языка и в абсолютном значении, и по отношению к выбору английского и немецкого постоянно менялся. Если принять за 100% выбор английского языка в соответствующий учебный год, то в выборе русского и немецкого языка проявились такие тенденции: с середины 1990-х до начала 2000-х годов росло количество латвийских школьников, выбравших русский язык, но по отношению к популярности английского языка он серьезно терял свои позиции (с 45,1% до 33,9%). Но в первое десятилетие XXI в. интерес к русскому языку стабильно рос, приблизившись по популярности к показателям середины 1990-х годов.

Снижение интереса к русскому языку как учебному предмету за последние несколько лет можно объяснить именно влиянием возросшей эмиграции из Латвии в англоязычные страны. Но если в середине 1990-х годов немецкий язык стал серьезно претендовать на место второго по популярности иностранного языка, выбираемого латвийскими школьниками, то к настоящему времени он серьезно отстал от русского языка. Очевидно, что высокая доля выбора русского языка в качестве учебного предмета связана с ориентацией русской и русскоязычной молодежи на общеобразовательную школу с русским языком обучения, а для всей латвийской молодежи – с пониманием того, что полноценная интеграция молодежи в социально-экономическую жизнь Латвии невозможна без овладения русским языком (см. табл. 5)⁵⁰.

Статья 9 латвийского Закона об образовании предполагает, что высшее образование в государственных университетах, академиях, институтах можно получить только на государственном языке⁵¹. Однако в частных вузах разрешается составлять программы на иностранных языках, в том числе и на русском. В 2012/13 учебном году такие программы на русском языке были

в большинстве частных высших учебных заведениях (в 10 из 14)⁵². Наличие высших частных учебных заведений, предлагающих программы на русском языке, – это отражение устойчивых потребностей значительной части русского и русскоязычного населения Латвии в том, чтобы коммуникационная среда латвийского гражданского общества функционировала бы не только на государственном языке, но и на языке крупнейшего этнического меньшинства страны.

Русские в Латвии более столетия являются второй по численности после латышей этнической группой страны. Несмотря на заметные миграционные тренды, а также отрицательный естественный прирост, в обозримом будущем удельный вес русского населения Латвии будет оставаться значительным. Благодаря выработываемым с XIX в. механизмам воспроизводства своей этнической и лингвистической идентичности на территории Латвии русские создают важнейшие предпосылки для сохранения осознанного культурного многообразия страны.

¹ Подсчитано по: Рашин А. Население России за 100 лет (1811–1913). М., 1956. С. 93.

² Федотов А. Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. 15.12.2012 (<http://www.russkije.lv/ru>).

- ³ Otrā tautas skaitīšana Latvijā 1925. gadā 10. februārī (Вторая перепись населения в Латвии 10 февраля 1925 г.) / Ред. М. Skujenieks. Rīga, 1925. С. 68; *Skujenieks M.* Латвия: земе и iedzīvotāji (Латвия: страна и население). Rīga, 1927. С. 300–301; *Фейгмане Т.* Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига, 2000. С. 3–4, 8.
- ⁴ *Plakans A.* Rusifikācijas politika: Latvieši. 19. gadsimta 90. gadi (Политика русификации: латыши. 1890-е годы) // *Latvijas vēstures institūta žurnāls.* 1996. № 1. С. 70–86.
- ⁵ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XXI. Лифляндская губерния. СПб., 1905. С. 160–161.
- ⁶ *Фейгмане Т.* Указ. соч. 2000. С. 5.
- ⁷ Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. gadā (Четвертая перепись населения в Латвии) / Ред. М. Skujenieks. Rīga, 1936. С. 292.
- ⁸ См., например: *P. Eglīte.* Padoņņu okupācijas demogrāfiskās, sociālās un morālās sekas Latvijā (Моральные, социальные, демографические последствия советской оккупации в Латвии) // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis.* 2011. № 3/4. С. 88.
- ⁹ Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. gadā (Четвертая перепись населения в Латвии в 1935 г.). С. 285–291, 517–522.
- ¹⁰ *Ī. Zile.* Latvijas rusifikācija (1940–1990) (Русификация Латвии (1940–1990)) // *Latvijas vēsture.* 1991. № 1. С. 32–33.
- ¹¹ *Zelča V.* Migrācijas lielākās plūsmas 19. gs. sākums – 1991. gads (Самые большие потоки миграции с начала XIX в. по 1991 г.) // *Pārskats par tautas attīstību, 2010/2011: Nacionālā identitātes, mobilitāte un rīcībspēja (Обзор национального развития в 2010–2011 гг.: национальная идентичность, мобильность и способность действовать) / Ред. В. Зера, Е. Кļаве.* Rīga, 2011. С. 53.
- ¹² *Eglīte P.* Padoņņu okupācijas demogrāfiskās, sociālās un morālās sekas Latvijā (Моральные, социальные, демографические последствия советской оккупации в Латвии) // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis.* 2011. № 3/4. С. 86.
- ¹³ *Zelča V.* Op. cit. С. 62.
- ¹⁴ *Зеллис К.* Русские в Латвии в период нацистской оккупации: между пропагандой и действительностью // *Беларусь і Германія: гісторія і сучаснасць / Ред. А. Каваленя.* Мінск, 2010. С. 162.
- ¹⁵ *Aasland A.* Russians and the Economy // *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions / Ed. N. Muižnieks.* Rīga, 2006. P. 63.
- ¹⁶ 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā (Результаты переписи населения 1989 г. по Латвии). Rīga, 1989. С. 118–119; СССР в цифрах в 1987 г.: (Краткий статистический сборник). М., 1988. С. 182; Российская Федерация в 1992 г.: Статистический ежегодник. М., 1993. С. 122; СССР в цифрах в 1990 г. М., 1991. С. 44; СССР в цифрах в 1966 г. М., 1967. С. 137–138.
- ¹⁷ Подсчитано по: Statistika – iedzīvotāju reģistrs (Статистика: регистр жителей). 20.12.2012 (<http://www.pmlp.gov.lv>).
- ¹⁸ *Руткевич М.* О социальной структуре советского общества // *Социологические исследования.* 1999. № 4. С. 22–23.
- ¹⁹ *Latvija. Pārskats par tautas attīstību 1995 Vispārējs tautas attīstības izvērtējums Latvijā (Латвия. Обзор национального развития в 1995 г. Общая оценка национального развития в Латвии).* Rīga, 1995. С. 23.
- ²⁰ *Руткевич М.* Указ. соч. С. 22–23.
- ²¹ 1949. gada marta deportācijas (Депортации в марте 1949 г.). 20.12.2012 (<http://lv.wikipedia.org>); 1941. gada jūnija deportācijas Latvijā (Депортации в июне 1941 г.). 20.12.2012 (<http://lv.wikipedia.org>); *Holokausts Latvijā (Холокост в Латвии).* 20.12.2012 (<http://www.letonika.lv>); *Cigāni (Цыгане)* 20.12.2012

(<http://lv.wikipedia.org>); *Vācbaltieši (Балтийские немцы).* 20.12.2012 (<http://lv.wikipedia.org>).

- ²² Это были в основном умершие в ссылке, а также в тюрьмах; 341 человек был расстрелян, а 215 умерли в дороге. См.: *Zālīte I., Dimante S.* Četrdesmito gadu deportācijas. Struktūranālie (Депортации сороковых годов. Структурный анализ). 20.12.2012 (<http://vip.latnet.lv>).
- ²³ Подсчитано по: 2011. gada tautas skaitīšana – Datubāze (Перепись населения 2011 г.: база данных). 15.12.2012 (<http://data.csb.gov.lv>).
- ²⁴ Подсчитано по: Statistika – iedzīvotāju reģistrs (Статистика: регистр жителей). 20.12.2012 (<http://www.pmlp.gov.lv>).
- ²⁵ 2011. gada tautas skaitīšana – Datubāze (Перепись населения 2011 г.: база данных). 15.12.2012 (<http://data.csb.gov.lv>).
- ²⁶ Подсчитано по: *Iedzīvotāju ilgtermiņa migrācija.* (Долгосрочная миграция населения) 15.12.2012. (<http://data.csb.gov.lv>).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Aasland A.* Op. cit. P. 55–62.
- ²⁹ *Гуцин В.* Русские Латвии в условиях дефицита демократии. Рига, 2009. С. 60.
- ³⁰ *Pabriks A.* Etniskās proporcijas, nodarbinātība un diskriminācija Latvijā (Этнические пропорции, занятость и дискриминация в Латвии). Rīga, 2002. С. 25.
- ³¹ Юрис Розенвалдс. 10.12.2012 (<http://liberal.ru>).
- ³² Подсчитано по: *Aizsardzības ministrijas vadība un struktūrvienību vadītāji (Руководство и руководители структурных подразделений Министерства обороны).* 20.12.2012 (<http://www.mod.gov.lv>); *Kontakti (Контакты).* 20.12.2012 (<http://www.tm.gov.lv>); *Struktūra un kontakti (Структура и контакты).* 20.12.2012 (<http://www.iem.gov.lv>); *Kontakti (Контакты).* 20.12.2012 (<http://izm.izm.gov.lv>); *LR Kultūras ministrija (Министерство культуры ЛР).* 20.12.2012 (<http://www.km.gov.lv>); *LR Labklājības ministrija (Министерство благосостояния ЛР).* 20.12.2012 (<http://www.lm.gov.lv>); *LR Ārlietu ministrija (МИД ЛР).* 20.12.2012 (<http://www.mfa.gov.lv>); *LR Ekonomikas Ministrija (Министерство экономики).* 20.12.2012 (<http://www.em.gov.lv>); *Kontakti (Контакты).* 20.12.2012 (<http://www.sam.gov.lv>); *Kontakti (Контакты).* 20.12.2012 (<http://www.vm.gov.lv>); *Ministrijas struktūra (Структура министерства).* 20.12.2012 (<http://www.zm.gov.lv>); *Vides aizsardzības un reģionālās attīstības ministrijas darbinieki (Работники Министерства защиты среды и регионального развития).* 20.12.2012 (<http://www.varam.gov.lv>); *Kontakti (Контакты).* 20.12.2012 (<http://www.fm.gov.lv>).
- ³³ *Latvijas Rektorū Padome (Совет ректоров Латвии).* 20.12.2012 (<http://www.aic.lv>); *Николаев С.* Алексей Наумов – «День рождения» и после // *Час (газета).* 2009. 26 янв.
- ³⁴ *Скринник В.* Комплексный мониторинг. Динамика политического поведения русских диаспор в государствах Евросоюза (на примере Германии, Латвии, Румынии, Эстонии). М., 2007. С. 248.
- ³⁵ *Darbspēka ģeogrāfiskā mobilitāte (Географическая мобильность рабочей силы) / Ред. Z. Krišjāne.* Rīga, 2007. С. 69–70.
- ³⁶ *Hazans M.* Latvijas emigrācijas mainīgā seja: 2000–2010 (Меняющееся лицо латвийской эмиграции: 2000–2010 гг.) // *Pārskats par tautas attīstību, 2010/2011...* С. 71–74, 87.
- ³⁷ Подсчитано по: *Demogrāfija. Statistisko datu krājums (Демография. Сборник статистических данных).* Rīga, 2007. С. 106–107.
- ³⁸ *Mežgailis B.* Etnodemogrāfiskā perturbācija Latvijā un tās seku likvidēšana (Этнодемографическая пертурбация в Латвии и ликвидация ее последствий). Rīga, 1996. С. 6, 19, 55.

³⁹ Eglīte P. Iedzīvotāju politikas uzdevumi un rīcības veidi izceļošanas seku novēršanai (Задачи и виды мероприятий демографической политики по предотвращению последствий эмиграции) // Demogrāfiskā attīstība Latvijā 21.gadsimta sākumā (Демографическое развитие в Латвии в начале XXI в.) / Ред. P. Zvidriņš. Rīga, 2006. С. 77–78.

⁴⁰ Hazans M. Op. cit. С. 70, 77.

⁴¹ Подсчитано по: Demogrāfija. Statistisko datu krājums. С. 22.

⁴² Подсчитано по: Bērziņš A. Iedzīvotāju etniskā sastāva izmaiņu raksturojums (Характеристика изменений этнического состава населения) // Demogrāfiskā attīstība Latvijā 21. gadsimta sākumā. С. 139–142.

⁴³ Eglīte P. Op. cit. С. 87–91.

⁴⁴ Latvijas 2000. gada tautas skaitīšanas rezultāti (Результаты переписи населения Латвии в 2000 г.). Rīga, 2002. С. 15–16.

⁴⁵ Bērziņš A. Op. cit. С. 143–144.

⁴⁶ Подсчитано по: Demogrāfija. Statistisko datu krājums. С. 54–55.

⁴⁷ Там же. С. 70

⁴⁸ Подсчитано по: Izglītības iestādes 2011./2012. mācību gada sākumā (Учреждения образования в начале 2011/12 учебного года). 15.12.2012 (<http://www.csb.gov.lv>).

⁴⁹ Волков В. Понятие «этническое меньшинство» в латвийской социологии 1991–2009 гг. // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 17. М., 2010. С. 97.

⁵⁰ Подсчитано по: Svešvalodu arguve vispārīzglītojošajās skolās (Освоение иностранных языков в общеобразовательных школах). 17.12.2012 (<http://data.csb.gov.lv>).

⁵¹ Izglītības likums (Закон об образовании). 17.12.2012 (<http://www.likumi.lv>).

⁵² Latvijas augstskolas (Высшие школы Латвии). 20.12.2012 (<http://lv.wikipedia.org>).

РУССКИЕ В НЕЗАВИСИМОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТВЕ: ДЕМОГРАФИЯ, СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ*

А. Марцинкявичюс

Социальное положение русских в Литве в разные исторические периоды до сих пор является малоисследованной проблемой. Больше всего внимания в литовской историографии уделяется анализу культурной деятельности русской интеллигенции, а также истории и традициям русских религиозных общин в межвоенный период. За последние годы появились первые публикации, анализирующие разные аспекты социальной адаптации русского населения с 1918 по 1940 г.¹ Гораздо менее изучена в этом отношении жизнь русских в советской Литве. Эта тема прежде была менее интересным объектом для исследователей, чем время независимой литовской государственности, хотя интерес к нему сейчас заметно повышается. Исследователи советского периода часто сталкиваются с необходимостью переосмыслить существующие в историографии и массовом сознании установки и стереотипы. Не является исключением и русское население, интерес к которому до сих пор проявляется лишь в контексте трагических для литовского народа событий (аннексия, репрессии и т.п.).

Цель настоящей статьи – рассмотреть основные аспекты демографии, социального положения, идентичности русских в межвоенной и советской Литве. Двадцатилетие восстановления государственности является достаточным отрезком времени для пересмотра различных стереотипов, а также для нового анализа социального положения русских. К тому же спад волны литовского национализма начала 1990-х годов позволяет исследовате-

* Статья подготовлена в рамках исследований, проведенных в ходе постдокторской стажировки (2011–2012 гг.). Стажировка финансировалась Структурными фондами Европейского союза в рамках проекта «Осуществление постдокторских стажировок в Литве».

лям сосредоточиться на проблемах не только культурной, но и социально-экономической жизни советского периода. Анализ положения русских может оказаться полезным при выборе стратегии конструирования их нынешней идентичности, поскольку дает возможность учесть малоизвестный до сих пор исторический опыт. Причем важно осмыслить в рамках этого анализа ситуацию не одного какого-то отдельного сегмента, но отношения разных сегментов русского населения, их внешние связи с «большим» литовским обществом.

Подобный подход к изучению социального положения русских в прошлом особенно важен потому, что в центре внимания находится этническая группа, состоявшая из представителей различных миграционных потоков. Это зачастую упускается даже в исследованиях историков, хотя из-за различных политических, экономических и культурных перипетий разные группы русских сильно различались между собой по своему гражданскому и юридическому статусу, религиозной принадлежности, а также по уровню образования, профессиональным и языковым навыкам, мотивам и стремлению к адаптации в литовском обществе. В некотором смысле такие различия были существенны для русских даже в советский период, хотя политика союзного центра пыталась стереть различия между этническими группами населения всей страны и создать новую внеэтническую идентичность. В литовской историографии требуется альтернатива научным исследованиям, в которых история русских воспринимается в этноцентрических терминах. Такой подход позволил бы преодолеть существующие стереотипы и выделить целый спектр новых проблем для исследования.

Изучение социального и демографического положения, идентичности этнических групп затрагивает множество разных аспектов. В настоящей статье представлен анализ лишь основных из них. Как известно, этничность не является какой-то стабильной во времени и по содержанию категорией. Оно меняется, как менялось соответственно в ходе истории содержание «русскости». Даже такой важный источник для познания общества, как всеобщая перепись населения, является лишь относительным отражением существующей этнической структуры. Особенно это характерно для советского периода, когда конструирование этничности в ходе переписей, и не только, стало объектом политической идеологии КПСС. Отчасти политические меры способствовали созданию в переписях населения Советского Союза «требуемой» властью этнической структуры. Поэтому очень важно учесть подобные факторы при анализе статистических данных из разных исторических периодов развития Литвы и других стран Балтии.

Русские в межвоенной Литве были небольшой общиной по сравнению с соседними странами Балтии и с основными очагами белой эмиграции. Численность русских следовало бы назвать одним из главных факторов, существенно влиявших на ход их социальной адаптации. По данным первой всеобщей переписи населения Литвы 1923 г., всего в стране (без Вильнюсского и Клайпедского краев) проживали 50 460 русских. Они составляли четвертую по величине этническую группу Литвы (2,5%), уступая в процентном соотношении литовцам (83,9%), евреям (7,6%) и полякам (3,2%)². После присоединения к Литве в 1923 г. Клайпедского края с многочисленным немецким населением русские по численности (50 727 человек) и процентной доле (2,4%) оказались на пятом месте.

Абсолютное большинство русских (82,2%) проживали в сельской местности. По этому показателю они были в схожей ситуации с литовцами (83,3%) и поляками (82,5%). От всех этих групп отличались немцы (58,2%) и евреи (5,2%), для которых проживание в сельской местности было менее свойственным. Самой высокой долей русских среди всего населения отличались северо-восточные уезды страны, в том числе Зарасайский (15,4%), Рокишкский (6,6%) и Утенский (4,5%), а также Каунасский (5,8%) уезд в центральной Литве. В отдельных волостях этих уездов русские составляли от одной пятой до трети всего населения. Между тем доля русских в крупнейших городах Литвы достигала 14,8%. В Зарасай этот показатель составлял 18,9%, Укмерге – 5,2%, Йонаве – 3,7%, Паневежисе – 3,3%, Каунасе – 3,2%, Расейняй и Юрбаркасе – по 2,5%. В городках с населением до двух тысяч жителей доля русских (3,2%) была самой низкой среди всех этнических групп. Во всех крупнейших городах русские по численности и процентной доле отставали от литовцев и евреев, а во временной столице Литвы Каунасе – также от поляков и немцев. Однако в Каунасе проживало более чем треть (39,1%) всего городского русского населения³.

Оценивая ход социальной адаптации русских в Литве, важно обратить внимание не только на данные переписи как таковые, но и учитывать, как эти данные воспринимались русским населением. На основе сохранившихся источников можно утверждать, что это восприятие было связано с ощущением больших человеческих потерь. Причем эти потери считались фактором, сильно осложнившим социальную адаптацию русских не только в количественном, но также и в качественном отношении. Неслучай-

но русский общественный деятель Литвы Александр Тыминский (1884–1959) с сожалением писал, что в начале Первой мировой войны «русское чиновничество, домовладельцы, помещики, ремесленники, лица свободных профессий, все то, что составляло интеллигенцию, отхлынуло из Литвы, и многие уже не вернулись обратно, будучи задержанными революцией и новой политической обстановкой»⁴.

Литовское общество, которое со второй половины XIX в. преследовало цель создать свое национальное государство, такие потери среди русского населения оценивало как логическое следствие развала Российской империи. От переписи 1923 г. литовцы ждали результатов, подтверждающих, что они составляют большинство населения и являются «истинными хозяевами» страны. Пребывание многочисленных этнических меньшинств или групп мигрантов на территории Литвы не отражало их интересов. Неудивительно, что в инструкции Центральной комиссии по проведению в Литве всеобщей переписи от 23 июля 1923 г. местным отделениям предписывалось тщательно провести отбор заведующих ими и переписчиков, чтобы этнические меньшинства не пытались завысить число своих членов⁵. В итоге данные переписи 1923 г. отражали число русских, имевших литовское гражданство. Остальные были причислены к категории неграждан или «иностранцев». Их национальность (этничность) вообще не указывалась. Эти русские в каком-то смысле остались «невидимыми» для литовского общества. Например, при возникновении необходимости решать проблемы и учитывать потребности русского меньшинства литовское правительство принимало во внимание лишь число граждан⁶.

Нужно заметить, что конструирование этнического состава населения в ходе каждой из переписей в значительной степени зависит от политики и идеологии государства. Как заметил в одной из своих работ известный российский историк и антрополог В.А. Тишков, для переписчиков в Российской империи не существовало такой категории, как самоидентификация, а население государства не знало, что такое национальность. В графах переписи 1897 г. указывался родной язык индивидов, что позже стало основанием для реконструкции этнического состава населения Российской империи. По словам В.А. Тишкова, часто не учитывается, что «русский» в XIX в. и «русский» в XX в. различались так же, как и содержание этнонима «татарин». Причем русскими в Российской империи могли считаться все, говорившие по-русски и исповадовавшие православие⁷. Литовское общество довоенной и межвоенной Литвы, в отличие от русских, скептически оцени-

вало российскую перепись 1897 г. по политическим соображениям. Численность литовцев (в том числе и жмудинов) в Виленской, Ковенской и Сувалкской губерниях считалась намеренно заниженной, а русских – завышенной⁸.

Основным фактором, определявшим этническую принадлежность индивидов в ходе переписи 1923 г., была именно самоидентификация. Поэтому весьма условным является утверждение того же А. Тыминского, что «из ста пятидесяти тысяч русских, обитавших на территории нынешней Литвы, вернулась едва треть»⁹. В данном случае важно учитывать, что подразумевалось под этнонимом «русские» в Российской империи. Как известно, в статистике XIX в. в качестве «русских» чаще всего определялись три восточнославянские группы (великороссы, малороссы и белорусы). Например, по данным переписи 1897 г., численность великороссов в Виленской, Ковенской и Сувалкской губерниях, значительно превышавших территорию межвоенной Литвы, достигала 175 955 человек (4,7% всего населения). К тому же на территории этих губерний значилось 956 268 белорусов (из них 891 903 в Виленской губернии) и 4683 малоросса¹⁰. Для анализа динамики численности русского населения чаще всего берутся показатели великороссов, хотя такой выбор, на наш взгляд, требует от исследователей более подробных объяснений.

В статистике межвоенной Литвы уже наблюдались отдельные категории русских и белорусов, а также украинцев. Необходимо учитывать, какие из этих категорий отбирались для сравнения количественной динамики русских в период с 1897 до 1923 г. (например, великороссы – русские, великороссы и белорусы – русские). С одной стороны, отсутствуют надежные источники, указывающие на факторы или мотивы, которые влияли на самоопределение русских межвоенной Литвы в вопросе о национальности. С другой стороны, нам известно, что в русской общине были представители разных миграционных потоков. Следовательно, есть основание предполагать, что «русскость» для них необязательно означала единое понимание значения русского языка и культуры, истории России, связи с Литвой и исторической родиной и т.п. Были случаи, когда люди сталкивались в ходе переписи с проблемой обозначения своей этнической идентичности или по привычке отвечали на вопрос о национальности такими категориями, как «православный», «старовер» или «литовец русской национальности»¹¹.

Одним из больших старожильческих сегментов русской общины Литвы были потомки старообрядцев, бежавших от никоновской церковной реформы из России в Речь Посполитую в период

со второй половины XVII до конца XVIII в. Благоприятными факторами для иммиграции старообрядцев стала терпимость здешнего населения к их религии и обрядам, а также экономические интересы литовских и польских помещиков¹². Образ старообрядцев, в отличие от православных, был весьма положительным в Речи Посполитой из-за отсутствия у них политических и экономических амбиций. В 1923 г. в Литве проживали 31 778 русских старообрядцев, которые составляли 63% всего русского населения, имевшего гражданство страны¹³. Они сохранили в межвоенный период не только свою конфессионально-этническую самобытность, но и имели самостоятельную церковную организацию, в которой насчитывалось 50 с лишним приходов. Этот период считался среди старообрядцев одним из самых успешных за всю историю их жизни в Литве¹⁴.

Вторым крупным старожильческим сегментом среди русских были мигранты (переселенцы) и потомки мигрантов, поселившиеся на территории так называемых литовских губерний с середины XIX до начала XX в. Многие из них служили в вооруженных силах и государственном аппарате Российской империи. Однако после восстаний 1831 г. и 1863–1864 гг. губернские власти также поощряли переселение в Литву русских крестьян, как православных, так и старообрядцев¹⁵. Они пользовались льготами при трудоустройстве или приобретении земли. Им не нужно было и они не ставили себе целью узнать местную культуру или адаптироваться к местному обществу: для их нужд в городах и поселках открывались православные церкви и русские школы. Поэтому в сознании литовцев межвоенной Литвы была свежа память о навязывании им со стороны русских чужого языка, культуры, веры и т.п., что, в свою очередь, осложняло их социальную адаптацию¹⁶.

Еще одним сегментом русской общины стали представители белой эмиграции. Многим из них Балтийские государства казались привлекательными как временное убежище от режима большевиков. Однако белоэмигранты, в отличие от старожильческого русского населения, считали, что должны участвовать в созидании будущей, освобожденной от большевиков России. Среди них было много людей, получивших хорошее образование, с профессиональным опытом и т.п. Большинство из этих беженцев исповедовали православие. Подобные факторы влияли на формирование соответствующего образа белой эмиграции во многих странах Европы. Однако Литва оказалась среди государств Восточной Европы, которые переживали волну этнонационализма. Эти государства, в отличие от Франции, Чехословакии или Королевства сербов, хорватов и словенцев, настороженно относились

к русским беженцам¹⁷. Вследствие подобного отношения в Литве существовал очень скромный очаг белой эмиграции.

По данным переписи 1923 г., 78,5% экономически самостоятельного русского населения занималось сельским хозяйством. Доля русских в промышленности составляла 7,5%, на государственной службе – 3,2%, в торговле – 0,8%, на транспорте – 1,1%, в «других сферах» – 8,9%. Процентной долей в сельском хозяйстве, на государственной службе и транспорте русские мало отличались от других этнических групп (лишь евреи составляли всего 6% всех сельских работников). В промышленности русских опережали евреи (22%) и немцы (17%). В торговле среди всех этнических групп страны явно доминировали евреи (30%)¹⁸. До Первой мировой войны литовцы в большинстве своем составляли сельское население. Нехватка собственных интеллигентов и специалистов высокой квалификации оставалась острой проблемой в первое десятилетие развития независимой Литвы. Но именно это обстоятельство позволило представителям этнических меньшинств и мигрантам применить свои навыки в разных сферах трудовой деятельности. Русские стали востребованными работниками в различных учреждениях, на государственных и частных предприятиях. Они устраивались как в сфере умственной (служащие, офицеры, судьи и адвокаты, учителя, художественная интеллигенция, инженеры и т.п.), так и физической деятельности (рабочие заводов и фабрик, строители, работники транспорта и т.п.)¹⁹.

Для представителей белой эмиграции государства Балтии в экономическом плане были менее привлекательными, чем индустриальные регионы Западной Европы. В Литве, не считая сельского хозяйства, относительно развитой была лишь легкая и пищевая промышленность. К тому же существовала неширокая сеть культурных и научных учреждений. Это способствовало трудоустройству лишь очень ограниченной части русских мигрантов в Литве. Социальную адаптацию старожильческого населения облегчало наличие у них гражданства, но им часто могло не доставать способностей для достижения желаемого статуса в обществе. На ситуацию русских на рынке труда повлияла аграрная реформа 1922 г. Вследствие этой реформы без земельных участков или с сильно урезанными наделами остались не только крупные помещики (Зубовы, Васильчиковы и др.), но и часть крестьян. Земельная реформа нередко оценивалась ими как намеренное вытеснение русских с трудового рынка на селе. К тому же русские выделялись из всего населения наиболее высокой рождаемостью. В связи с этим крестьянам становилось все сложнее обеспечить

работой всех членов семьи. Сельская молодежь искала работу в городах, в то время как люди пожилого возраста не хотели менять трудовую квалификацию²⁰.

Белоэмигранты чаще, чем представители русского старожильческого населения Литвы, обладали хорошим образованием, но их трудоустройству на престижную работу мешал статус иностранцев. Им нужно было получать, а затем ежегодно продлевать временное разрешение от МВД на жительство и трудоустройство в стране. Важным условием для карьеры всех работников государственных учреждений постепенно стало знание литовского языка. С середины 1920-х годов для служащих этих учреждений устраивались экзамены по литовскому языку. Хотя первая попытка сдать экзамен не была решающей, но провал при последующих попытках, как правило, означал для служащего потерю рабочего места. В целом же слой образованных людей среди русских был в несколько раз тоньше, чем у других этнических групп Литвы. Кроме того, инженерная или врачебная деятельность не могла иметь такого резонанса в обществе, как научные труды русских профессоров или театральные постановки балетмейстеров. С начала 1930-х годов представители этнических меньшинств, как и русские мигранты, постепенно вытеснялись с государственной службы. Мигранты воспринимались прежде всего как рабочая сила, «отнимающая кусок хлеба» у литовского населения²¹. Многие из них пришлось искать работу в частном секторе.

Важной причиной неудачной адаптации многих русских на трудовом рынке следует считать и низкий уровень образования, самый низкий среди всего населения Литвы показатель грамотности. По данным переписи 1923 г., лишь 38,4% русских старше 10 лет были грамотными (т.е. умели писать и читать). Этот показатель был выше среднего лишь в Каунасе (69,0%), Шяуляе (64,1%), Паневежисе (52,4%) и Укмерге (59,5%), а также в Вилкавишском (68,0%) и Мариямпольском (64,4%) уездах. Самым низким уровнем грамотности обладали русские в тех уездах, где преобладали старообрядцы. Так, в Рокишском уезде умеющих читать и писать среди русских было лишь 27,0%, а в Зарасайском – 24,0%²². Показатели других этнических групп были выше почти в два раза. Кроме того, у русских отмечалась значительная разница в показателях грамотности мужчин и женщин, которая составляла 48,7% и 28,6% соответственно. Между тем в остальных этнических группах этот разрыв не превышал 10%²³.

С учетом этих обстоятельств русские часто соотносились в общественном сознании межвоенной Литвы либо с личностями исключительного таланта, либо с малообразованной массой кре-

стьян. Однако следовало бы поговорить об успехах и неудачах адаптации русских. Например, с безработицей русские сталкивались не только в поселках, но и в городах, а среди бедных русских крестьян иногда встречались преуспевающие хозяева. Стоит отметить, что русские, в отличие от немцев или поляков, не могли рассчитывать на материальную помощь со стороны своей исторической родины. Неудовлетворенность социальным статусом стала поводом для эмиграции части русских из Литвы в крупные очаги белой эмиграции, а также в страны Южной Америки и Африки. По официальным данным, с 1928 по 1939 г. страну покинули не менее 923 русских; при этом важно учитывать, что эмиграция часто осуществлялась нелегальным способом²⁴. К сожалению, анализ динамики демографических и других показателей среди русских и всего населения сильно осложняет тот факт, что в независимой Литве до 1940 г. не была проведена вторая всеобщая перепись населения. В противном случае в источниках был бы зафиксирован более точный образ того, как менялась социальная и этническая структура Литвы за двадцать с лишним лет. Следующей же переписи в условиях суверенной государственности пришлось ждать до 2001 г.

РУССКИЕ В ЛИТВЕ В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ АННЕКСИИ

«Статистическая инвентаризация» населения Литвы в советский период являлась составной частью так называемых всесоюзных переписей, периодичность и срок проведения которых определялся решениями Москвы. Как известно, в СССР довоенная перепись состоялась в 1939 г., т.е. до аннексии Балтийских стран, а после окончания Второй мировой войны советское правительство откладывало проведение всеобщей переписи из-за политических соображений. По этой причине следующая после 1923 г. перепись населения на территории Литвы была проведена лишь в 1959 г. Естественно, что за 36 лет произошло множество событий, оказавших влияние на этнический состав общества. Среди них следует выделить репатриацию немцев в Германию до начала Второй мировой войны (1939–1940) и после войны (1955–1959), холокост евреев, лишивший Литву в годы немецкой оккупации около 90% представителей этой этнической группы, а также репатриацию поляков в Польшу (1944–1947, 1955–1959), которая происходила по соглашению между правительством Литовской ССР и коммунистической Польши. Есть основания считать, что серьезные численные потери в годы Второй мировой войны понесли

многие традиционно проживавшие в Литве этнические группы, включая и русских, хотя из-за отсутствия надежных данных сложно воссоздать истинный масштаб таких потерь. В частности, на численности литовцев значительно сказались сталинские репрессии и депортации в 1940-х – начале 1950-х годов, а также вооруженная борьба против советского режима, которая продолжалась до середины 1950-х годов. Вместе с тем к моменту переписи 1959 г. часть заключенных были освобождены из лагерей и вернулись в Литву, поэтому она не отражает демографической ситуации, сложившейся в период репрессий и депортации. За 50 лет советской власти в результате внутренней миграции населения СССР наблюдался значительный рост числа этнических групп или «национальностей», представители которых проживали в Литве. В 1923 г. таких групп насчитывалось всего 25, а в 1979 г. в Литве уже проживали представители 54 национальностей²⁵. Это значит, что в целом это цифра была еще большей.

На протяжении советского периода русские стали второй по численности этнической группой Литвы, уступая лишь литовцам. В 1959 г. число русских достигло 231 014 человек (8,5%), в 1970 г. – 267 989 (8,6%), в 1979 г. – 303 493 (8,9%), а в 1989 г. – 334 500 (9,4%)²⁶ (см. табл. 1). Русские стали преимущественно городским населением. Уже в 1959 г. горожане составляли 77,0% русского населения²⁷. Столь высокие показатели не были свойственны для русских в другие исторические периоды развития

Таблица 1

Национальный состав населения Литвы по данным переписей населения, %*

Национальный состав	Год переписи					
	1959	1970	1979	1989	2001	2011
Литовцы	79,3	80,1	80,0	79,6	83,5	84,2
Русские	8,5	8,6	8,9	9,4	6,3	5,8
Белорусы	1,1	1,5	1,7	1,7	1,2	1,2
Украинцы	0,7	0,8	0,9	1,2	0,7	0,5
Поляки	8,5	7,7	7,3	7,0	6,7	6,6
Евреи	0,9	0,8	0,4	0,3	0,1	0,1
Немцы	0,4	0,4	0,7	0,7	0,1	0,1
Другие	0,6	0,4	0,7	0,7	1,4	1,5

* Sipavičiienė A. Historical Overview of International Migration Development of Lithuania // Lietuvos demografiniai pokyčiai ir gyventojų politika: Demographic Changes and Population Policy in Lithuania / Ed. V. Stankūniene. Vilnius, 1995. P. 95; 2011 m. gyventojų surašymo rezultatai (Результаты переписи населения 2011 г.). 15.12.2012 (www.stat.gov.lt/uploads/Lietuvos_gyventojai_2011.pdf).

Литвы. Хотя, согласно данным переписи 1897 г., довольно высокая численность русских была отмечена в некоторых городах Виленской, Ковенской и Сувальской губерний, это в основном можно отнести на счет присутствия там бюрократического аппарата и вооруженных сил Российской империи²⁸. Однако вряд ли можно считать постоянным русским населением представителей этих социальных групп, так как они выполняли на территории Литвы прежде всего служебные задачи. Многие из них эвакуировались в начале Первой мировой войны в глубь России и не вернулись обратно. После окончания войны более многочисленным постоянным русским населением стали потомки крестьян, переселенных имперской властью в Литву из других губерний во второй половине XIX – начале XX в.

Показатели численности русского населения и его территориального распределения, которые отражены в переписях советского периода, наверное, неслучайно объясняются в научных работах литовских историков как результат исключительно послевоенной миграции. Однако до настоящего времени демографическое положение русских в советский период остается изученным довольно поверхностно, не говоря уже о проблемах их социальной адаптации и идентичности. На наш взгляд, здесь требуется более тщательный научный анализ, который ответил бы на ряд важных вопросов. Например, как сложились судьбы старожильского русского населения после аннексии Литвы, а также во время и по окончании Второй мировой войны? Нет пока четких ответов и на вопрос, как складывались отношения в повседневной жизни русского старожильского населения с теми, кто поселился здесь в советский период? Что происходило с идентичностью русских в Литве? К сожалению, во всех всесоюзных переписях очень сложно различить границы между отдельными сегментами русского населения. Это часто приводит исследователей к стереотипическим обобщениям в отношении упомянутой этнической группы.

В начале и середине 1940-х годов страх за свою судьбу стал причиной для эмиграции из Литвы на Запад той части русского старожильского населения, которая была *a priori* настроена против советского режима и хорошо осознавала, что ее ждет в случае ареста. Нет каких-либо сведений о масштабности этого процесса, но известно, что среди таких русских беженцев были в основном образованные люди, достигшие определенного (высокого) статуса в литовском обществе межвоенного периода (священники, деятели культуры, представители интеллигентных профессий), члены русских национальных и эмигрантских организаций, бывшие белогвардейские офицеры и т.п. Процесс этот,

за редкими исключениями имел стихийный характер. По имеющимся архивным документам накануне Второй мировой войны русские, имевшие немецкие корни, жен/мужей, предков или родственников немецкого происхождения, пытались воспользоваться репатриацией немцев, которая тогда проводилась согласно особым межгосударственным соглашениям. Некоторой части из них таким образом удалось покинуть Литву и попасть через Германию в другие страны мира, но этот сюжет демографического развития русского населения Литвы до сих пор нуждается в более тщательном анализе²⁹.

Исследования литовских историков показывают, что часть старожильского русского населения вместе с представителями других этнических групп подверглась сталинским репрессиям и депортациям, причем не только по социальному («классовому») признаку, но и из-за активного участия в общественной жизни межвоенной Литвы. В 1940–1941 гг. советскими органами были арестованы 6606 человек, среди которых 262 (4,0%) были русской национальности. Ранним утром 16 июня 1941 г. началась и четыре дня продолжалась массовая депортация жителей Литвы в Сибирь и другие регионы СССР. Русские составляли 1,1% всех сосланных лиц³⁰. Трагическая судьба чаще всего постигала русских, живших в крупных городах (чиновники, члены общественных организаций, бывшие белые офицеры и т.п.). Меньше подверглись репрессиям те русские, которые жили в провинции и занимались сельским хозяйством, за исключением состоятельных хозяев («кулаков»). Дальнейшим советским репрессиям помешала оккупация Литвы немецкими войсками с 1941 по 1944 г. По словам одного из свидетелей тогдашних событий – Анатолия Сокольского, когда в конце 1944 г. стало очевидным возвращение Красной Армии, значительная группа еще оставшегося русского старожильского населения бежала из Литвы, оставив здесь все свое имущество³¹.

Однако большая часть русского старожильского населения в советский период осталась жить в Литве. Анализ социальной характеристики этой группы осложнен тем, что всесоюзные переписи не ставили своей целью получить детальный социальный портрет русских в союзных республиках. Наоборот, почти все социальные категории, при помощи которых можно было бы отличить старожильское русское население от приезжих, исключались из программы переписей. В том числе был исключен вопрос о религиозной идентичности. Вследствие этого часть местных русских стала как бы «невидимой» группой общества, и это, в свою очередь, сильно влияло на образ русских как таковых в мас-

совом сознании литовского населения. Имеется возможность выделить очаги старожильского населения в Литве при сравнении некоторых данных переписей 1923 г. и переписей советского периода, но более детальную информацию следует искать в других исторических источниках. Эту работу литовским ученым еще предстоит сделать в ближайшем будущем. Однако в любом случае важно подчеркнуть, что русские в советской Литве не являлись этнической группой населения, обозначаемой каким-то одним термином («старожилы», «мигранты», «оккупанты» и т.п.).

К старожильскому русскому населению следует причислить многих членов православных и старообрядческих общин, хотя данные об их численности являются весьма противоречивыми. В конце 1944 г., по данным Высшего старообрядческого совета, на территории Литвы проживали всего 66 720 старообрядцев³². Вильнюсский православный архиерей Корнилий утверждал в июне 1945 г., что доверенная ему епархия окормляла 22 812 верующих³³. Еще до начала 1950-х годов большинство представителей русского старожильского населения работали в колхозах. В отличие от литовцев они не оказывали никакого сопротивления органам советской власти. Поэтому русские нередко становились объектом насилия со стороны литовского антисоветского движения, что побуждало их пополнять ряды истребительных отрядов. Все это сильно осложняло взаимоотношения между русским и литовским населением, а также в целом способствовало уничтожению традиционного уклада жизни жителей провинции. Коллективизация сельского хозяйства, а также индустриализация создали предпосылки для ускоренной урбанизации, для миграции жителей из деревень в города. В результате исчезли некоторые сельские очаги старожильского русского населения Литвы, основанные еще в период Российской империи.

Очевидно, что одним из основных факторов, влиявших на рост численности русского населения в Литве, была внутрисюзная миграция. Интенсивность этого процесса была разной в зависимости от текущего политического положения, как в самой Литве, так и в СССР в целом. Есть основания считать, что на протяжении первого послевоенного десятилетия Литва оставалась малопривлекательным местом для постоянного жительства граждан из других союзных республик, прежде всего из-за активного вооруженного сопротивления литовских националистов советскому режиму. Численность русских, не считая натурального прироста среди старожильского населения, в этот период возрастала за счет притока кадров партийных, советских и репрессивных органов. Ситуация значительно изменилась в хру-

щевский период, когда миграция жителей по стране поддерживалась властью как один из основных инструментов для укрепления интернационализма. По подсчетам литовских историков, с 1960 по 1989 г. в Литву прибыли 733 тыс. русских и русскоязычных (в среднем 24,5 тыс. за год), причем 207 568 (около 30%) из них остались здесь на постоянное жительство. Периодами наиболее интенсивной миграции считается 1970–1974 гг. (40 тыс. человек) и 1975–1979 гг. (31 тыс.)³⁴.

Последствия внутрисоюзной миграции значительно влияли на этническую и социальную структуру крупных городов Литвы. Уже в 1959 г. доля русских среди населения Вильнюса достигла 29,4%, Клайпеды – 35,7%, Шауляя – 13,1%, Каунаса – 11,7%, Паневежиса – 11,5%³⁵. Притоку русских и людей других национальностей в Вильнюс способствовали несколько важных факторов, в том числе значительное снижение численности жителей в сравнении с довоенным периодом, статус столицы союзной республики, выработанные центральным и местным правительством планы экономического развития города и т.п. Клайпеда помимо того, что осталась после Второй мировой войны почти без местного населения, стала важным для СССР морским портом. В порту требовались для работы политически лояльные работники, в качестве которых литовцы зачастую не рассматривались. Поэтому в городе наблюдалось значительное присутствие людей нелитовского этнического происхождения. Росту численности русских в обоих городах способствовал поток миграции из центральных районов СССР в Калининградскую область. Некоторая часть этих мигрантов ссаживалась с поездов в Литве, получив предложения о работе от руководителей местных производственных предприятий³⁶.

Следует подчеркнуть, что в 1970–1980-е годы по инициативе и указанию правительства СССР в Литве, как и в других союзных республиках, развивались разные отрасли промышленности. В связи с этим возрастал контингент работников из других союзных республик, а некоторые отрасли стали почти полностью «русскоязычными». Однако в Литве, по сравнению с другими республиками советской Прибалтики, почти не было городов или регионов с преобладающим русским населением. Редким исключением можно считать город Снечкус (теперь – Висагинас), в котором с середины 1970-х годов началось строительство атомной электростанции. В 1979 г. русские составляли 66,2% населения города³⁷. В 1960-е годы в Литву из других союзных республик приезжали в среднем по 4,7 тыс. человек в год, в 1970-е – 7,3 тыс., а в 1980-е – 10 тыс.³⁸ Следует также отметить, что в 1985 г. при-

рост населения Литвы за счет миграции был на 5 тыс. человек выше, чем в 1975 г.³⁹

Надо сказать, что в советский период на основе внутрисоюзной миграции сформировался новый по социальному статусу и составу, причем преобладающий по размерам сегмент русского населения Литвы. Во многом культура, взгляды и образ жизни советских мигрантов, коммунистическая пропаганда оказывали влияние на все население Литвы. Конечно, центральной властью допускались и некоторые формы идентичности для «титовых» этнических групп союзных республик, но это мало затрагивало самих русских. Такая политика правительства СССР не была безрезультатной, она способствовала разрушению культурной идентичности не только других «нетитовых» этнических групп, но и русского старожильческого населения. Сказанное не означает, что среди представителей этого населения не было сторонников советской власти. Многие из них довольно легко адаптировались к новому режиму, хотя и не пользовались полным доверием со стороны советских органов. В сознании не только русских, но и всего общества советской Литвы изменилось наполнение понятия «русскости». Советизация разных сфер жизни Литвы отождествлялась не только с политическим режимом, но и с конкретной этнической группой, т.е. с русскими. Их повышенный статус вызывал открытое и скрытое неудовольствие в литовском обществе на протяжении всего советского периода. Неслучайно среди русского старожильческого населения нашлись те, кто в советский период называл себя литовцами, видя в действиях и образе жизни новых мигрантов девальвацию привычной им «русскости».

Вместе с тем стереотипическим является отождествление советских мигрантов исключительно с такими образами русских, как партийная номенклатура, офицерство или промышленный пролетариат. Важна не только численная, но и качественная оценка состава русского населения советской Литвы. Политическая лояльность советскому режиму еще не означала, что оно было однородным по разным социальным признакам или образу взаимоотношениями с литовским обществом. В связи с этим интересным является исследование российского социолога Р.Х. Симоняна, который выделяет 8 групп русского (русскоязычного) населения Литвы и других Прибалтийских советских республик, каждая из которых отличалась специфическими особенностями в отношениях с титульным населением, своими ориентациями и установками к началу 1990-х годов⁴⁰. Очевидно, что часть русских и литовцев объединяли общие интересы, причем не только в некоторых сферах трудовой или творческой деятельности, но и

деятельности, которая вызывала подозрение со стороны органов советской власти (интерес к запретной литературе, западной рок-музыке, движение хиппи и т.п.). В подобных случаях, которые естественно не были массовыми, этнический фактор становился второстепенным или вообще не важным. Например, известный поэт и публицист Георгий Ефремов вспоминает: «По приезде в Вильнюс я – в первые же недели моего студенческого ученичества – познакомился с Марцелиусом Мартинайтисом и Йонасом Стрелкунасом, тогда же узнал их стихи, редко и мало печатаемые. Ощущал ли я какой-то барьер, отстраненность литовцев (не каких-то усредненных литовцев, а тех, к кому меня тянуло и тянет)? Нет, нет и нет. Выразусь определеннее. Культурная, творческая, духовная атмосфера Вильнюса представлялась мне более плодотворной и здоровой, чем в тогдашней Москве»⁴¹. С 1970-х годов получило известность во всей Европе джазовое трио Вячеслава Ганелина, Владимира Тарасова и Владимира Чекакина, которое оказало огромное влияние на развитие джазовой музыки в Литве. Поэтому нужно учитывать, что проблема идентичности русских в Литве является не такой однозначной в сравнении с голой статистикой всеобщих переписей.

По словам Л. Остапенко, социальное, языковое, этнокультурное и политическое доминирование в масштабах всего Советского Союза не стимулировало адаптационные навыки русских в советский период. Из-за обширного территориального расселения и высокого фактического статуса русского языка они в меньшей степени, чем другие этнические группы СССР, ощущали связь с этнической территорией. К началу 1990-х годов почти 60% русских в Литве работали в индустриальных отраслях, что превосходило соответствующий показатель во всех других бывших союзных республиках. Большинство городской русской интеллигенции было занято на производстве (53%), а по численности научных сотрудников русские в Литве занимали среди русского населения других республик бывшего Союза предпоследнее место, художественно-творческой интеллигенции – последнее⁴². Добавим еще, что, по данным последней советской переписи 1989 г., большинство русских были заняты в Литве в следующих хозяйственных сферах: промышленности (36,4%), строительстве (10,4%), на транспорте (9,8%), в управлении (9,4%) и образовании (6,9%). Русские выделялись среди других этнических групп самой высокой долей инженерно-технических специалистов, а также рабочих в сфере машиностроения и обработки металлов⁴³. По мнению известного литовского социолога Н. Касаткиной, подобные особенности отраслевого и социально-профессионального состава русских со-

хранялись в Литве на протяжении многих лет и стали привычными. Хотя слабое представительство русских в структурах управления, среди гуманитарной, научной и творческой интеллигенции и вызывало недовольство у части русского населения, отраслевое разделение труда многими не воспринималось как этническая дискриминация. По словам социолога, напротив, прочно занимая определенную нишу в хозяйственной структуре советской Литвы, русские ощущали свое положение как достаточно стабильное⁴⁴. Вызовом этой стабильности стало начало движения за восстановление независимости Литвы в конце 1980-х годов, а распад СССР в 1991 г. стал ее концом.

РУССКИЕ ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЛИТВЫ

После распада СССР в русской диаспоре Литвы произошли серьезные количественные и качественные изменения. Данные всеобщих переписей населения показывают, что в период между 1989 и 2001 г. в Литве число русских сократилось с 344,5 тыс. до 219,8 тыс., их процентная доля упала с 9,4 до 6,3 от всего населения. Основным фактором таких резких количественных изменений следует считать эмиграцию. По данным Министерства социальной защиты и труда Литовской Республики, в 1993 г. из Литвы эмигрировали 16 тыс. жителей, из которых 10 тыс. выехали в Российскую Федерацию. Наиболее интенсивной репатриация была в 1992 г., когда Литву покинули 29 тыс. человек. Всего за первые пять лет после восстановления независимости из Литвы выехали 96 тыс. человек, из которых 58% составили русские (около 57 тыс.), 14% – украинцы и 11% – белорусы⁴⁵. Однако миграционные вопросы нельзя объяснять только статистикой, которая к тому же достаточно условная. Например, до сих пор не исследовался социальный состав русских эмигрантов, а потому нет точного ответа на вопрос, какую часть от общего числа составили военные и члены их семей или лица, работавшие на предприятиях военно-промышленного комплекса.

Основным фактором, стимулировавшим эмиграцию русских из Литвы, следует считать политические события конца 1980-х – 1990-х годов, вследствие которых резко изменился статус русских (из доминирующей группы они попали в меньшинственную). По словам социолога Н. Касаткиной, изменению статуса сопутствовало то, что восстановление государственности Литвы в значительной степени проходило под знаком противостояния союзному центру, отмежевания от всего советского, которое во многом

соотносилось с «русским». В некоторых случаях «советское» и «русское» становилось синонимами («русская армия», «русская политика»), что еще сильнее осложняло адаптацию русских к новым условиям. По мнению ученого, в советский период русские заняли в Литве свою нишу, которая их в значительной степени устраивала. Их социальный статус был сравнительно высоким по отношению как к «титальному» населению, так и к русским в РСФСР. Мигранты этого периода были не только молодыми, образованными и социально активными людьми, но в значительной степени также квалифицированными специалистами, занятыми в приоритетных отраслях советской экономики, что ставило их в более привилегированное положение по отношению к другой части населения. Распад СССР и радикальная трансформация общества лишили значительную часть русского населения подобных преимуществ. Разрушенными оказались прежние социальные ниши. Впоследствии это стало сказываться на особенностях адаптации русских к новым социальным условиям, так как в трудовой сфере для русских обострились многие специфические проблемы (например, при трудоустройстве работников военно-промышленного комплекса, воздушного и морского транспорта). На фоне разрушения предприятий и экономических связей, существовавших между центром и союзными республиками, многие представители русской интеллигенции и квалифицированные специалисты уехали на историческую родину⁴⁶.

По мнению современных исследователей, среди прочих факторов, повлиявших и до их пор влияющих на численность русских, следует отметить вступление Литвы в Евросоюз в 2004 г., а также миграционные процессы, происходящие на территории всего Европейского континента. Все это имеет огромное значение как для формирования единой социальной идентичности населения Литвы, так и для движения рабочей силы по странам Евросоюза, причем вне зависимости от этнического происхождения. В результате этих процессов изменилась численность, интенсивность и вектор миграции русских. Одновременно происходит миграция граждан Российской Федерации в Литву, вызванная экономическими причинами, в частности поиском работы. По данным Департамента миграции Литовской Республики, в начале 2009 г. российские граждане составляли около половины всех иммигрантов из стран, не принадлежащих к ЕС⁴⁷. Но пока рано искать ответ на вопрос, сколько из этих людей постоянно проживают в Литве или сколько из них останется здесь на постоянное жительство. Наконец, важным фактором, влияющим на динамику численных показателей русского населения, является процесс ассимиляции.

Таблица 2

Доля русского населения в крупнейших городах Литвы по данным переписей населения, %*

Город	Год переписи					
	1959	1970	1979	1989	2001	2011
Вильнюс	29,4	24,5	22,2	20,2	14,0	12,0
Каунас	11,7	10,5	8,3	8,3	4,4	3,8
Клайпеда	35,7	30,8	29,6	28,2	21,3	19,6
Шауляй	13,1	11,4	11,0	10,5	4,8	4,1
Паневежис	11,5	8,3	6,7	5,9	2,9	2,4

* 1959 m. visasajunginio gyventojų surašymo duomenys: Lietuvos TSR miestai ir rajonai (Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г.: города и районы Литовской ССР). Vilnius, 1962; Lietuvos TSR gyventojai: 1979 m. sąjunginio gyventojų surašymo duomenimis (Население Литовской ССР по данным всесоюзной переписи 1979 г.). Vilnius, 1980; 1989 metų visuotinio gyventojų surašymo duomenys (Данные всеобщей переписи населения 1989 г.). Vilnius, 1991; Gyventojai pagal lytį, amžių, tautybę ir tikyba: Lietuvos Respublikos gyventojų ir būstų 2001 m. visuotinio surašymo rezultatai (Население по полу, возрасту, национальности и религии: результаты переписи населения и жилых помещений Литовской Республики 2001 г.). Vilnius, 2002; 2011 m. gyventojų surašymo rezultatai (Результаты переписи населения 2011 г.). 15.12.2012 (www.stat.gov.lt/uploads/Lietuvos_gyventojai_2011.pdf).

Имеются данные, что уже в ходе переписи 2001 г. некоторая часть русских называла себя литовцами, исходя из места рождения или проживания, как это типично для некоторых стран Европы⁴⁸.

Сокращение численности не только русских, но многих этнических групп Литвы отражают данные переписей. По данным прошедшей в 2011 г. переписи, в Литве живут люди 154 национальностей (в 2001 г. – 115). Среди более 3 млн жителей страны 176,9 тыс. считают себя русскими. Доля литовцев составляет 84,2%, поляков – 6,6%, русских – 5,8%, белорусов – 1,2% (см. табл. 1). За прошедшее после переписи 2001 г. десятилетие сократилось число членов всех этнических групп. Причем у русских этот показатель составляет 19,5%. Это больше в среднем, чем среди литовцев (11,9%), поляков (14,8%) и белорусов (15,5%), но меньше чем среди украинцев (27,0%) и некоторых других этнических групп. Нужно отметить, что общая численность населения городов в Литве за десятилетие сократилась на 12,9%, включая все крупнейшие города. Кроме того, в городе Висагинас, где русские составляли в 2001 г. 52,4% населения, этот показатель понизился до 23,2%. Это наверняка связано с отъездом из города части русских после закрытия Игналинской АЭ. Вместе с тем сократилась доля русских во всех крупнейших городах Литвы (см. табл. 2). Стоит заметить, что 89,4% русских в Литве своим родным языком считают русский язык, по вероисповеданию доминируют право-

славные – 51,5%, католики составляют 11,9% и старообрядцы – 11,8%. Значительная доля среди них считают себя неверующими (11,6%)⁴⁹. Опубликование данных переписи 2011 г. в Литве только началось, поэтому не исключено, что последующий материал более точно отразит демографию и социальное положение русского населения. В силу перечисленных выше факторов также можно предположить, что в ближайшем будущем разные аспекты демографии, социального статуса и идентичности русских Литвы останутся интересным объектом для научных исследований.

¹ Анализу положения православной церкви в Литве посвящены работы А. Марцинкявичюса и С. Каубриса, Р. Лаукайтиса, старообрядческой церкви – Г. Поташенко, Н. Морозовой, культурной жизни – П. Лавринца и др. Социальное положение русских в межвоенной Литве отражено в книге и статьях Н. Касаткиной и А. Марцинкявичюса.

² Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys (Население Литвы: Данные первой всеобщей переписи 17 сентября 1923 г.). Kaunas, 1925. С. XXXVI.

³ Ibid. С. 41.

⁴ Тыминский А. Русская общественная жизнь в Литве // Русский календарь на 1932 г. Ковно, 1931. С. 1.

⁵ Секретное сообщение председателя Центральной комиссии по проведению переписи Антанаса Меркиса от 6 июля 1923 г. № 508 председателю комиссии по проведению переписи Биржайского-Пасвальского уезда // Центральный государственный архив Литвы (Далее: ЦГАЛ). Ф. 1381. Оп. 1. Д. 113. С. 41.

⁶ По данным Каунасского отделения Нансеновского комитета по делам беженцев, в Литве численность людей «без гражданства», среди которых, скорее всего, преобладали русские, в 1929 г. составляла 10 604 человек, в 1932 г. – 6234, в 1935 г. – 5451, а в 1937 г. – 5199 (Статистические сведения о числе бесподанных в Литве за последнее десятилетие // Новые дни. 1937. 17 сент. № 38).

⁷ Тишков В. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 189–190.

⁸ Klimas P. Lietuva: jos gyventojai ir sienos (Литва: население и границы). Vilnius, 1917. С. 54.

⁹ Тыминский А. Русская общественная жизнь в Литве // Русский календарь на 1932 г. Ковно, 1931. С. 1.

¹⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Санкт-Петербург, 1904. Т. 4 (Виленская губерния); Т. 17 (Ковенская губерния); Т. 59 (Сувальская губерния).

¹¹ Kasatkina N., Marcinkevičius A. Rusai Lietuvos Respublikos visuomenėje 1918–1940 m.: Istorinės retrospektyvos konstravimas (Русские в обществе Литовской Республики в 1918–1940 гг.: конструирование исторической ретроспективы). Vilnius, 2009. С. 40.

¹² Поташенко Г. Староверие в Литве: Вторая половина XVI – начало XIX вв.: Исследования, документы и материалы. Vilnius, 2006. С. 143, 162.

¹³ Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys. С. 41.

¹⁴ Поташенко Г. Русские Литвы в 1918–1940 гг.: Государство, Старообрядческая церковь, лояльность староверов // Русские в Литве (1918–1940): Определение проблемы. Vytautas Magnus University. Факультет гуманитарных наук. Центр славистики / Ред. А. Ковтун. Каунас, 2004. С. 32–47.

¹⁵ Vėbra R. Lietuvių visuomenė XIX a. antroje pusėje: socialinės struktūros bruožai (Литовское общество во второй половине XIX в.: черты социальной структуры). Vilnius, 1990.

¹⁶ Kasatkina N., Marcinkevičius A. Op. cit. С. 255–262.

¹⁷ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 35–36.

¹⁸ Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys. С. LX.

¹⁹ Kasatkina N. Rusų inteligentijos integracija į tarpukario metų Lietuvos kultūrą (Интеграция русской интеллигенции в культуру межвоенной Литвы): disertacija socialinių mokslų daktaro laipsniui gauti: [rankraštis]. Vilnius, 1994.

²⁰ Kasatkina N., Marcinkevičius A. Op. cit. С. 171.

²¹ Garšva B. Svetimšaliai darbo srityj Lietuvoj (Иностранцы в Литве в сфере трудовой деятельности) // Tautos ūkis. 1930. Nr. 1. С. 5–6.

²² Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys. С. 124–131.

²³ Марцинкявичюс А. Социальная адаптация русских в межвоенной Литве (1918–1940) // Диаспоры. 2011. № 2. С. 131–132.

²⁴ Kasatkina N., Marcinkevičius A. Op. cit. С. 171.

²⁵ Lietuvos TSR gyventojai: 1979 m. sąjunginio gyventojų surašymo duomenimis (Население Литовской ССР по данным всесоюзной переписи 1979 г.). Vilnius, 1980. С. 16.

²⁶ 1989 metų visuotinio gyventojų surašymo duomenys (Данные всеобщей переписи населения 1989 г.) Vilnius, 1991.

²⁷ 1959 m. visasąjunginio gyventojų surašymo duomenys: Lietuvos TSR miestai ir rajonai (Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г.: города и районы Литовской ССР). Vilnius, 1962.

²⁸ Kasatkina N., Marcinkevičius A. Russians in Lithuania According to the 1897 and 1923 Censuses: Comparative Analysis // Etniško studijos. 2008. 1/2. Vilnius, 2008. P. 44–47.

²⁹ Список лиц (литовцев, русских), пытающихся уехать в Германию (1941 г.) // ЦГАЛ. Ф. R-839. Оп. 1. Д. 16. С. 2–13.

³⁰ Lietuva 1940–1990 (Литва в 1940–1990 гг.) / Ed. A. Anušauskas. Vilnius, 2005. С. 139–140.

³¹ Сокольский А. Русские в независимой Литве // Новое русское слово. 1985. 23 янв.

³² Заявления Высшего старообрядческого совета от 15 октября 1944 г. № 497 Совету народных комиссаров Литовской ССР // ЦГАЛ. Ф. R-181. Оп. 1. Д. 1. С. 29.

³³ Число приходов и прихожан Литовской православной епархии (1945 г.) // ЦГАЛ. Ф. R-238. Оп. 3. Д. 7. С. 14.

³⁴ Lietuva 1940–1990. С. 522.

³⁵ 1959 m. visasąjunginio gyventojų surašymo duomenys: Lietuvos TSR miestai ir rajonai.

³⁶ Lietuva 1940–1990. С. 401.

³⁷ Lietuvos TSR gyventojai: 1979 m. sąjunginio gyventojų surašymo duomenimis.

- ³⁸ Отчет Государственного комитета статистики Литовской ССР от 14 февраля 1990 г. о результатах всеобщей переписи 1989 г. // ЦГАЛ. Ф. R-363. Оп. 18. Д. 1603d. С. 112.
- ³⁹ Отчет Центрального статистического управления Литовской ССР от 27 февраля 1986 г. Культурному отделу при Совете министров Литовской ССР о миграции населения // ЦГАЛ. Ф. R-754. Оп. 4. Д. 12225. С. 25–30.
- ⁴⁰ *Симоная Р.Х.* Россия и страны Балтии. М., 2003. С. 93–103.
- ⁴¹ *Ефремов Г.* Мы люди друг другу. Литва: будни свободы. 1988–1989. М., 1990. С. 7.
- ⁴² *Остапенко Л.* Русские в Литве: Сфера труда и проблемы адаптации // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Ред. В. Тишков. М., 1997. С. 235–252.
- ⁴³ 1989 metų visuotinio gyventojų surašymo duomenys.
- ⁴⁴ *Касаткина Н.* Русские в современной Литве: меньшинство, диаспора или часть гражданского общества // *Etniškumo studijos*. 2007. N 2. Vilnius, 2007. С. 24.
- ⁴⁵ Там же. С. 18–42.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Žibas K.* Trečiųjų šalių imigracijos į Lietuvą tendencijos (2004–2008) (Тенденции иммиграции из стран третьего мира в 2004–2008 гг.) // *Etniškumo studijos*. 2009. N 2. Vilnius, 2009. С. 17–32.
- ⁴⁸ *Бразаускаене Е., Лихачева А.* Русские в современной Литве: Языковые практики и самоидентификация // *Диаспоры*. 2011. № 2. С. 61.
- ⁴⁹ См.: Департамент статистики Литвы. 15.12.2012 (www.stat.gov.lt).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭСТОНИИ

Е.К. Хелемяэ

ЭТНИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ НЕРАВЕНСТВА

С точки зрения классиков социологии К. Маркса, М. Вебера, В. Зомбарта присущая капитализму экономическая деятельность является сугубо рациональной, свободной от таких «пережитков» традиционного общества, как культурные предпочтения¹. Этничность также относили к разряду пережитков, ей предстояло само собой исчезнуть по мере индустриального развития общества. В этом смысле этническое неравенство не являлось для классиков существенным объектом исследования. До недавнего времени аналогичный подход был характерен и для современных экономистов и социологов. *Homo economicus* сводился к одномерно рациональному типу индивида, не обремененному необходимостью следовать общественным нормам и выполнять обязательства по отношению к другим членам общества². Такой индивид руководствуется исключительно своими экономическими интересами. Американский социолог М. Грановеттер «оживил» эту рациональную схему, выдвинув тезис «включенности» (*embeddedness*) экономической деятельности в социальные отношения³. Действия и решения экономических субъектов вовсе не свободны от политических или этнических влияний, среда экономической деятельности может быть, в известном смысле, этнически определена. С глобализацией экономики, растущими миграционными потоками в индустриально развитые страны, эскалацией этнонациональных конфликтов интерес к проблемам этничности резко возрос. Так, например, политическая социология сфокусировалась на влиянии политических решений на процессы миграции и интеграции прибывающих в принимающее общество, а для исследователей социальной стратификации общества актуальной стала тема этнического неравенства. Статус мигранта или принадлежность к этническому меньшинству часто оборачиваются

принадлежностью к низшим слоям общества, будучи следствием не неких специфических черт национального «характера», а классификации принимающей стороной прибывающих как неких «других»⁴. Соответственно и этничность (или представление о ней как о разделяющей людей границе) представляется крайне важным механизмом социальной стратификации и неравенства возможностей⁵.

Исследования этнической стратификации в целом можно разделить на две группы: акцентированные преимущественно на индивиде и учитывающие влияние структуры рынка труда и институциональные условия. Подходы к этническому неравенству характеризует ныне стремление все больше рассматривать достоинства, ресурсы, капиталы и т.п. индивида в связке с той средой, где они появляются и где их возможно использовать.

Структура рынка труда характеризуется особенностями его сегментации (по отраслевому или профессиональному принципу)⁶. При этом крайней формой экономической обособленности отличается так называемая этническая экономика, этнические анклав⁷. Наибольшее неравенство же генерирует так называемая иерархическая модель сегментации рынка труда, предполагающая наличие четко выраженной доминирующей этнической группы⁸. Особенности модели и соответствующий тип этнических отношений увязывают с численным соотношением этнических групп⁹. *Доминирование* в обществе проявляется и в экономике; *патернализм* характерен для малочисленной элиты, контролирующей рынок труда, на котором преобладают представители другой этнической группы (рынок этнически не разделен); *конкуренция* наблюдается на таком рынке труда, где важна не этническая принадлежность, а индивидуальные способности работника (рынок этнически не разделен).

Политологические теории прямо увязывают происхождение доминирования не с соотношением численности этнических групп, а с политической властью. Модель этнического контроля напрямую увязывает доминирование в экономике с политическим господством соответствующей этнической группы¹⁰. Анализируя ситуацию в Эстонии в рамках этой модели, К. Халлик и В. Петтай пришли к выводу, что обретшее независимость эстонское государство, ограничив доступ неэстонцев к политическим ресурсам, способствовало ситуации, которую они охарактеризовали как социально-экономическую зависимость неэстонцев от эстонцев¹¹.

В сравнительных исследованиях большое внимание уделяется влиянию институциональной среды на формирование этническо-

го неравенства на рынке труда, в частности социальной политике государства (направлена ли она на снижение рисков либо заставляет приниматься за наименее престижную работу)¹². Степень этнического неравенства на рынке труда во многом зависит также от системы образования, от того, насколько обеспечен равный доступ к образованию, каковы условия для инвестирования в человеческий капитал (включая капитал, специфичный для данного государства).

Социально-экономические и политические условия, а также доминирующая идеология либо усиливают, либо снижают склонность работодателей и работников принимать этнически мотивированные решения, что может способствовать значительному разделению рынка труда по национальному признаку.

Из объяснений этнического неравенства, которые делают акцент преимущественно на индивиде, наиболее распространенным является теория человеческого капитала. Если этническое неравенство на рынке труда Эстонии объяснять, исходя из этой теории, то нужно учитывать, что понятие «человеческий капитал» может использоваться в узком и широком значении. В первом случае имеются в виду прежде всего знания, навыки и опыт, которые позволяют успешно справляться с трудовыми заданиями. В данном случае ограничиваются только учетом образования и/или сферы занятости (индикатор особенностей опыта работы), и/или возраста (индикатор стажа работы). «Человеческий капитал» в широком значении включает в себя наряду с образованием и опытом работы также, например, знание местного языка и культуры. Обычно аналогичный по объему и характеру «человеческий капитал» в одном общественном контексте может оказаться полезнее, чем в ином, так как требуемый на рынке труда «человеческий капитал» различается в зависимости от страны.

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ РЫНКА ТРУДА

Эстонию нередко рассматривают как своего рода экспериментальную лабораторию. В советское время ряд хозяйственных экспериментов опробовали в Эстонии. В начале постсоветского периода она прослыла авангардом неолиберальной трансформации общества. Неолиберальность эстонской экономической модели проявлялась не только в решительном самоустранении государства от вмешательства в экономику, в стремительной и радикальной приватизации, но и в создании социально-экономической

среды, обеспечивающей доминирование работодателя и крайне неблагоприятной для наемной рабочей силы.

Структурные изменения экономики Эстонии в 1990-е годы были более радикальными, чем в большинстве постсоциалистических стран. Резко сократились объемы производства в традиционных отраслях, в первую очередь в промышленности и сельском хозяйстве. Быстро стали расти новые виды экономической деятельности, занятость в которых не компенсировала, однако, спад занятости в традиционных отраслях. Резкое сокращение общего уровня занятости и изменение соотношения первичного, вторичного и третичного секторов в экономике не могли не отразиться на изменении спроса на рабочую силу.

Изменения эти имели разные последствия для этнических сегментов экономики Эстонии. Дело в том, что к концу 1980-х годов социальным последствием советского стиля хозяйствования стало формирование двух экономик – союзной и местной – с соответствующим разделением работников. В союзной экономике преобладало «неместное» население, а в местной (в частности, в сельском хозяйстве), соответственно, эстонцы. Поскольку большинство так называемых союзных производств были сконцентрированы либо на северо-востоке, либо в Таллине, то этническое расслоение сферы занятости закреплялось также и территориально. Но в силу специфики советской экономической системы отраслевое расслоение этнических групп могло иметь и фактически имело стратификационные признаки. Главным источником расслоения часто выступали институциональные, политически определяемые приоритеты в перераспределении ресурсов¹³.

Перевод экономики на рыночные отношения создал новую ситуацию на рынке труда. С восстановлением рыночных институтов, отказом от узкоидеологических приоритетов в управлении экономикой исчезло и бюрократическое министерско-отраслевое перераспределение ресурсов, а с ним изменилась и социально-экономическая иерархия сфер занятости в экономике. В частности, занятость в тяжелой промышленности не только существенно сократилась, подвергнув неожиданным рискам работавших там людей, но и социально-экономическая отдача от работы в тяжелой промышленности существенно уменьшилась. Из приоритетных в советской Эстонии «местных» отраслей еще более драматичной оказалась рыночная судьба сельского хозяйства. Таким образом, в условиях эстонской этнически сегментированной экономики ее структурные изменения означали реструктурирование самой экономической основы этнической стратификации. В то же время отраслевое расслоение по этническому признаку сохранялось и

Таблица 1

Индекс участия эстонцев трудоспособного возраста (15–74) в секторах экономики*

Сектор экономики	Год								
	1989	1993	1997	2000	2001	2004	2008	2010	2011
Первичный	134	131	129	134	137	135	139	139	136
Вторичный	80	81	84	81	81	87	88	88	90
Третичный	101	103	104	107	106	104	104	103	103

* Исследование трудовой занятости в Эстонии. Индекс участия эстонцев рассчитывается: соотношение доли эстонцев в данном секторе экономики и доли эстонцев в занятом населении Эстонии.

в ходе рыночных реформ. В этом смысле маркетизация экономики, приведшая к групповой вертикальной мобильности работников различных отраслей, не могла не сопровождаться групповой социально-экономической мобильностью «закрепленных» за ней этнических групп (см. табл. 1).

В условиях осознания перекоса экономики в сторону сверхиндустриализации и избыточного сельского хозяйства, веры в магическую силу рынка и господства неолиберального индивидуализма (каждый сам отвечает за последствия своего выбора в пользу оказавшихся теперь неактуальными сфер деятельности и сам ищет возможность приспособиться к рыночным реалиям) само собой разумеющимся стало отсутствие значимой институциональной поддержки людям, попавшим под колеса реструктуризации экономики. Важным фактором на рынке труда является защищенность от безработицы (стабильность рабочего места). В условиях сегментированного рынка труда очень важно было к началу реформ оказаться в востребованном сегменте.

Этническая сегментированность отраслей народного хозяйства и профессиональной структуры часто считается главной причиной того, что безработица среди незстонцев была выше, чем среди эстонцев на протяжении всего периода после восстановления независимости Эстонии.

На фоне тектонических структурных и институциональных перемен судьбы жителей Эстонии в огромной степени стали зависеть от наличия у них достаточного количества (накопленных до трансформации) ресурсов. При этом немаловажное значение имел характер ресурсов и/или их конвертируемость. В то же время сама первоначальная позиция на рынке труда также была существенным (будь то со знаком плюс или минус) капиталом. При этом значимость капиталов менялась по мере продвижения ре-

форм, а их наличие или отсутствие способствовало, в частности, формированию новой модели этнической стратификации.

В принципе можно предположить, что на индивидуальном уровне решающую роль в процессе трансформации общества должны были играть разные (социальный, политический, человеческий и т.п.) капиталы и их конвертируемость. В силу сегментации рынка труда рыночные перспективы индивида во многом предопределялись отраслевой принадлежностью места его работы. А поскольку сегментация в значительной мере совпадала с этническими границами, то в сущности речь идет о том, что эстонцы и неэстонцы обладали различными структурными капиталами.

Структурное происхождение разных возможностей русских и эстонцев на новом рынке труда связано также с территориальной обособленностью, особенно на северо-востоке, где наибольшая концентрация неэстонцев.

В начале 1990-х годов особенно ценным капиталом стал молодой возраст, т.е. в обществе резко изменилась и общественная оценка жизненного опыта, приобретаемого с возрастом. Смена поколений произошла как в государственных структурах, так и в экономике. Новые предприятия в большинстве случаев были созданы и управлялись молодыми.

Не объясняет поражения неэстонцев на рынке труда и теория человеческого капитала, так как к концу 1980-х годов уровень образования неэстонцев трудоспособного возраста был в целом выше, чем у эстонцев.

«СТЕКЛЯННЫЙ ПОТОЛОК» ДЛЯ НЕЭСТОНЦЕВ: СТРУКТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЛИ НЕДОСТАТОК КАПИТАЛОВ?

В ходе реформ после восстановления независимости Эстонии особенно возросла важность такого аспекта человеческого капитала, как владение эстонским языком. Оно начало оказывать серьезное влияние на перспективы людей на рынке труда. В первые годы независимости существенно сократилась доля неэстонцев, которые работали руководителями (см. табл. 2). Этому способствовала также политика правительства 1992–1995 гг. (известная под лозунгом «Очистим площадку!»). Данная политика не была ориентирована конкретно на неэстонцев. Однако если добавить к выдавливанию прежних руководителей также требование знать эстонский, то становится понятным, почему многие занятые на руководящих постах неэстонцы были вынуждены сменить

Таблица 2

Индекс участия эстонцев в отдельных профессиональных группах трудоспособного возраста (15–74)*

Профессиональные группы	Год							
	1989	1993	1997	2000	2001	2004	2008	2010
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	105	110	115	115	118	108	117	114
Профессионалы высшей квалификации	105	111	115	115	119	115	114	110
Разнорабочие	93	85	82	89	85	86	81	83

* Исследование трудовой занятости в Эстонии.

место работы. И на сегодня знание эстонского языка является важным капиталом для занятия руководящих должностей. По общему правилу отсутствие эстонского гражданства законодательно не ограничивает возможности людей на рынке труда. Однако к ряду должностей в публичной сфере (в иерархии рынка труда это должности среднего и высшего уровня) предъявляется требование иметь гражданство Эстонии.

Все чаще из исследований о положении неэстонцев на рынке труда следует вывод, что не только риск безработицы не сбалансирован этнически, но существует и так называемый стеклянный потолок: при наличии одинаковых предпосылок неэстонцы реже эстонцев занимают высшие ступени на служебной лестнице.

Данные исследования трудовой занятости в Эстонии позволяют выявить причины, от которых зависит не только риск безработицы (см. табл. 3), но и такие аспекты трудовой самореализации неэстонцев и эстонцев, как работа руководителем/ведущим специалистом (см. табл. 4) и соответствие работы образовательному уровню (см. табл. 5). Мы имеем дело с общей характеристикой периода 2000–2010 гг.

Как видно из таблицы 3, среди факторов, влияющих на риск безработицы, существенную роль играют как индивидуальные, так и структурные. Риск безработицы зависит в значительной мере от сегмента рынка труда – это относится как ко всем занятым, так и к наиболее образованной части занятых.

Из показателей человеческого капитала важным является образовательный уровень: так, риск безработицы у людей с основным образованием в 2,5 раз выше, чем у лиц с высшим образова-

Таблица 3

Факторы риска оказаться безработным, 2000–2010 годы
(данные логистической регрессии)*

Фактор	Все экономически активное население в возрасте от 25 до 54 лет	Экономически активное население с высшим образованием в возрасте от 25 до 54 лет	
	Риск выше, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск выше, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск ниже, чем в сравняваемой группе (в разах)
Человеческий капитал: специфичный для государства (владение неэстонцами государственным языком и наличие гражданства – по сравнению с эстонцами)			
незначительный (низкий уровень владения эстонским языком, не является гражданином Эстонии)	1,99	3,65	
средний	1,75	2,00	
значительный (владеет эстонским языком, гражданин Эстонии)	1,29	2,04	
Образование (по сравнению с высшим образованием):			
основное	2,47		–
среднее	1,37		–
среднее специальное на базе среднего			–
Возраст (как опыт работы – по сравнению с возрастной группой 45–54):			
25–34			
35–44			
Сегмент рынка труда: регион (по сравнению с Таллином)			
Ида-Вирумаа	1,41		
остальные регионы Эстонии			
Сфера деятельности (по сравнению со здравоохранением, образованием и публичной службой):			
сельское хозяйство	2,51	1,90	
горная промышленность			

* Исследования трудовой занятости Эстонии 2000–2010 гг., расчеты автора. В таблице отражены только статистически значимые показатели.

Таблица 3 (окончание)

Фактор	Все экономически активное население в возрасте от 25 до 54 лет	Экономически активное население с высшим образованием в возрасте от 25 до 54 лет	
	Риск выше, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск выше, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск ниже, чем в сравняваемой группе (в разах)
торговля, транспорт	1,67	1,60	
финансы, недвижимость	1,62		
промышленность, энергетика, строительство	2,06	1,53	
гостиницы, рестораны и т.п.	2,30		
Пол (по сравнению с мужчинами): женщины			
Период (по сравнению с 2008–2010 гг.):			
2000–2003			
2004–2007	0,49		2,19

нием, и это при прочих равных условиях, использованных в нашей модели (внесенных в таблицу). Также из таблицы 3 следует, что требование специфичного для страны капитала, в свою очередь, является дополнением ко всем упомянутым в таблице ограничениям: при всех прочих равных условиях у неэстонца, даже с хорошим знанием государственного языка и эстонским гражданством, шансов избежать безработицы в 1,3 раза меньше, чем у эстонца. При этом показательно, что отсутствие специфического для государства капитала сопряжено с большими рисками именно для более образованного населения. Что касается структурных факторов, то риски безработицы больше зависят от отрасли, нежели от региона.

Сравнение периодов, как и следовало ожидать, показывает, что риск безработицы был наименьшим в 2004–2007 гг. Однако в этот период для наиболее образованного экономически активного населения различие между эстонцами и неэстонцами не было меньше, чем в период кризиса (см. табл. 6). Объясняется это тем, что риск безработицы увеличился для эстонцев в период кризиса даже больше, чем для русских.

Таблица 4

Условия для получения должности руководителя / специалиста высшей квалификации в 2000–2010 годах (данные логистической регрессии)*

Условия	Все занятые в возрасте от 25 до 54 лет	Занятые в возрасте от 25 до 54 лет с высшим образованием
	Шансы ниже, чем в сравняваемой группе (в разгах)	Шансы ниже, чем в сравняваемой группе (в разгах)
Человеческий капитал: специфичный для государства (владение неэстонцами государственным языком и наличие гражданства – по сравнению с эстонцами)		
незначительный (низкий уровень владения эстонским языком, не является гражданином Эстонии)	3,41	3,06
средний	2,09	2,07
значительный (владеет эстонским языком, гражданин Эстонии)	1,95	1,92
Образование (по сравнению с высшим образованием):		
основное	47,62	–
среднее	10,20	–
среднее специальное образование на базе среднего	4,98	–
Возраст (как опыт работы – по сравнению с возрастной группой 45–54):		
25–34	1,12	1,29
35–44	0,90	0,91
Сегмент рынка труда:		
Регион (по сравнению с Таллином)		
Ида-Вирумаа		
остальные регионы Эстонии	1,27	1,17
Сектор:		
Частный сектор (по сравнению с публичным)		
	1,41	1,39
Сфера деятельности (по сравнению со здравоохранением, образованием и публичной службой):		
сельское хозяйство	3,69	6,33
горная промышленность	2,99	2,57
торговля, транспорт	1,70	3,36
финансы, недвижимость		1,77
промышленность, энергетика, строительство	1,98	2,16
гостиницы, рестораны и т.п.	1,49	2,59

* Исследования трудовой занятости в Эстонии 2000–2010 гг., расчеты автора. В таблице отражены только статистически значимые показатели.

Таблица 4 (окончание)

Пол (по сравнению с мужчинами): женщины	1,48	1,83
Период (по сравнению с 2008–2010 гг.) 2000–2003 2004–2007		

Из таблиц 4 и 5 следует, что существенную роль играют как индивидуальные, так и структурные факторы этнического неравенства (как в том, что касается работы руководителем/ведущим специалистом, так и в вопросе соответствия работы образовательному уровню). Из показателей человеческого капитала самым важным для достижения положения руководителя/ведущего специалиста является образовательный уровень: так, шансов работать на таком месте у людей с основным образованием в 47 раз меньше, чем у лиц с высшим образованием, и это при прочих равных условиях, учтенных в нашей модели (внесенных в таблицу). Требование специфичного для страны капитала, в свою очередь, является дополнением ко всем упомянутым в таблице ограничениям: при всех прочих равных условиях у неэстонца, даже с хорошим знанием государственного языка и эстонским гражданством, шансов попасть на такую должность в два раза меньше, чем у эстонца. Что касается структурных факторов, то перспективы работы руководителем/ведущим специалистом больше зависят от отрасли и сектора экономики, нежели от региона.

Из таблицы 6 следует, что наиболее образованные неэстонцы остро ощущают нереализованность потенциала своего образования. То есть в этой группе максимальный уровень неоправданных надежд. В структурном плане этот риск сосредоточен в Таллине. Из таблиц 4 и 5 следует, что принадлежность к «неправильной» этногруппе является большим препятствием именно при доступе к лучшим рабочим местам и что это остро ощущается самой «конкурентоспособной» частью неэстонского населения. Уравнивание возможностей (например, адекватное использование образования) лучше получается на низших ступенях карьерной лестницы. Иными словами, мы сталкиваемся с феноменом так называемого стеклянного потолка.

Немаловажной представляется и динамика процесса: насколько стабильны не только несбалансированность риска безработицы, но и «стеклянный потолок», насколько они зависят от рыночных подъемов и спадов. В принципе возможны два сценария: по мере того, как неэстонцы адаптируются к официально

Таблица 5

Факторы риска нереализованности образования
(считают свое образование выше необходимого для выполнения работы),
2000–2010 годы (данные логистической регрессии)*

Фактор	Все занятые в возрасте от 25 до 54 лет		Занятые в возрасте от 25 до 54 лет с высшим образованием	
	Риск выше, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск ниже, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск выше, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск ниже, чем в сравняваемой группе (в разах)
Человеческий капитал:				
Специфичный для государства (владение неэстонцами государственным языком и наличие гражданства – по сравнению с эстонцами)				
незначительный (низкий уровень владения эстонским языком, не является гражданином Эстонии)	3,56		7,03	
средний	2,79		4,42	
значительный (владеет эстонским языком, гражданин Эстонии)	1,51		2,41	
Образование (по сравнению с высшим образованием):				
основное		2,40	–	
среднее		1,22	–	
среднее специальное на базе среднего	1,24		–	
Возраст (как опыт работы – по сравнению с возрастной группой 45–54):				
25–34		1,41		1,23
35–44		1,25		1,36
Сегмент рынка труда:				
Регион (по сравнению с Таллином):				
Ида-Вирумаа		1,49		1,25
остальные регионы Эстонии		1,51		
* Исследование трудовой занятости Эстонии 2000–2010 гг., расчеты автора. В таблице отражены только статистически значимые показатели.				

Таблица 5 (окончание)

Фактор	Все занятые в возрасте от 25 до 54 лет		Занятые в возрасте от 25 до 54 лет с высшим образованием	
	Риск выше, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск ниже, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск выше, чем в сравняваемой группе (в разах)	Риск ниже, чем в сравняваемой группе (в разах)
Сектор:				
Частный сектор (по сравнению с публичным)				
Сфера деятельности (по сравнению со здравоохранением, образованием и публичной службой):				
сельское хозяйство	2,85		2,68	
горная промышленность	2,05		4,03	
торговля, транспорт	1,47		4,04	
финансы, недвижимость	1,94		1,92	
промышленность, энергетика, строительство	1,76		3,14	
гостиницы, рестораны и т.п.	1,90		4,08	
Пол (по сравнению с мужчинами):				
женщины	1,87		1,43	
Период (по сравнению с 2008–2010 гг.):				
2000–2003	1,11			
2004–2007				1,21

установленным для них требованиям двуязычия на рынке труда и становятся гражданами Эстонии, уровень этнического напряжения снижается, «стеклянный потолок» постепенно исчезает. Другой сценарий: зафиксированное многими исследованиями ощущение неравенства возможностей неэстонцами передается и молодым (т.е. прожившим всю сознательную жизнь в Эстонской Республике), снижается мотивация, люди занижают планку.

Данные исследования трудовой занятости в Эстонии позволяют выявить эту динамику. В таблице 6 представлены результаты

Таблица 6

Положение неэстонцев и эстонцев с высшим образованием
в возрасте 25–54 лет на рынке труда*

	Год		
	2000–2003	2004–2007	2008–2010
Вероятность оказаться безработным:			
неэстонцы			
с высшим образованием, не владеющие эстонским языком и не являющиеся гражданами Эстонии	0,191	0,068	0,105
с высшим образованием, владеющие эстонским языком и являющиеся гражданами Эстонии	0,085	0,033	0,047
остальные с высшим образованием 25–54 лет с высшим образованием	0,064	0,042	0,079
эстонцы 25–54 лет с высшим образованием	0,115	0,045	0,069
эстонцы 25–54 лет с высшим образованием	0,018	0,012	0,034
Руководители и специалисты высшей квалификации:			
неэстонцы			
с высшим образованием, не владеющие эстонским языком и не являющиеся гражданами Эстонии	0,457	0,496	0,43
с высшим образованием, владеющие эстонским языком и являющиеся гражданами Эстонии	0,647	0,595	0,553
остальные с высшим образованием 25–54 лет с высшим образованием	0,573	0,523	0,559
эстонцы 25–54 лет с высшим образованием	0,553	0,545	0,527
эстонцы 25–54 лет с высшим образованием	0,728	0,712	0,742
Нереализованность образования (самооценка):			
неэстонцы			
с высшим образованием, не владеющие эстонским языком	0,316	0,290	0,430

* Исследование трудовой занятости Эстонии. Результаты моделей логистической регрессии, расчеты автора. В таблице учтены возраст, сфера (отрасль экономики) предприятия, сектор (частный или публичный), место жительства.

Таблица 6 (окончание)

	Год		
	2000–2003	2004–2007	2008–2010
и не являющиеся гражданами Эстонии с высшим образованием, владеющие эстонским языком и являющиеся гражданами Эстонии	0,155	0,123	0,141
остальные с высшим образованием 25–54 лет с высшим образованием)	0,235	0,228	0,260
эстонцы 25–54 лет с высшим образованием)	0,243	0,201	0,237
эстонцы 25–54 лет с высшим образованием)	0,061	0,059	0,058

модели логистической регрессии: вероятность того, что люди с высшим образованием либо окажутся без работы, либо займут позицию руководителя или специалиста высшей квалификации. Начало нынешнего века разделено на три периода. Из таблицы 6 следует, что к концу первого десятилетия нынешнего века этническое неравенство не только не уменьшилось, но и усугубилось. «Стеклянный потолок» никуда не делся даже для людей, хорошо владеющих эстонским языком и являющихся гражданами Эстонской Республики. Отразилось это и на оценках реализации респондентами своего образовательного потенциала. Из таблицы следует, что если для наиболее образованных эстонцев на риск ощущения своей неготовности практически не влияет общая экономическая ситуация, то для неэстонцев он зависит также и от рыночной конъюнктуры, уменьшаясь лишь на пике экономического роста. При этом оценки даже самых обеспеченных человеческим капиталом неэстонцев все же на протяжении всех периодов в среднем существенно пессимистичнее по сравнению с оценками эстонцев. Аналогичный вывод следует и из данных о вероятности безработицы. В итоге можно констатировать, что преимущество эстонцев на рынке труда зависит от ситуации в экономике и сохраняется неизменным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

То, насколько равными являются возможности на рынке труда, зависит, кроме владения государственным языком и наличия эстонского гражданства, от многих других обстоятельств, в том числе от сегмента рынка труда (в нашем случае от отрасли эко-

номики). Если принимать во внимание эти факторы (т.е. если неэстонцы и эстонцы работали бы в том же секторе экономики, в том же регионе и т.п.), то выясняется, что у неэстонцев по сравнению с эстонцами гораздо более скромные перспективы попасть на вершину карьерной лестницы и использовать должным образом полученное образование. Это одинаково верно для всех трех периодов последнего десятилетия.

Оценивая ситуацию с этническим контролем в Эстонии, К. Халлик и В. Петтай были оптимистичны, предсказывая уменьшение политической сегментации благодаря постепенному увеличению граждан Эстонии вследствие процесса натурализации. Однако в плане экономических перспектив они поостереглись что бы то ни было прогнозировать. Оптимистичной оказалась оценка М. Коммерчио, опубликованная уже после апрельских событий 2007 г.: по его мнению, модель этнического контроля в Эстонии себя оправдывает¹⁴. Однако, как показали события 2007 г., недовольство, накопленное родителями, вылилось в публичные протесты детей. Сравнение ситуации неэстонской молодежи, выросшей в Эстонской Республике, с эстонскими сверстниками выявило серьезные проблемы, обусловленные кумуляцией последствий этнического контроля¹⁵. Мало того, что возможности на рынке труда и в системе образования различались в соответствии с этническим разделением, молодые неэстонцы проигрывали также в уровне образования своим родителям.

Вывод однозначен: социально-экономическое неравенство, помноженное на ощущение безысходности из-за невозможности влиять на политические решения, является бомбой, которая может взорваться в любую минуту. Важнейшим фактором, от которого, по мнению автора, зависит будущее Эстонии (в том числе и в смысле структурной интеграции молодежи), может быть способность политической системы создать предпосылки для более равных этнических отношений¹⁶.

¹ Weber M. *Economy and Society*. Berkley, 1968; Sombart W. *Medieval and Modern Commercial Enterprise // Enterprise and Secular Change* / Eds. F.C. Lane, J.C. Reirisma. Homewood, 1953; Bonacich E. *Middleman Minorities and Advanced Capitalism // Ethnic Groups*. 1980. N 2. P. 211–219.

² Jevons W.S. *The Theory of Political Economy*. L., 1931; Lelizer V. *Pricing the Priceless Child*. N. Y., 1985.

³ Granovetter M. *Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology*. Vol. 91 (1985). N 2. P. 481–510.

⁴ Smith A.D. *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*. L., 1998; Petersoo P. *Reconsidering Otherness: Constructing Estonian Identity // Nations and Nationalism*. Vol. 13 (2007). N 1.

P. 117–133; *Ethnicity and Social Divisions: Contemporary Research in Sociology* / Eds. K. Halldén, E. le Grand, Z. Hellgren. Newcastle, 2008.

⁵ *Ethnicity and Social Divisions: Contemporary Research in Sociology*.

⁶ Hechter M. *Group Formation and the Cultural Division of Labour // American Journal of Sociology*. Vol. 84 (1978). P. 293–315.

⁷ Bonacich E., Mondell J. *The Economic Basis of Ethnic Solidarity*. Los Angeles. 1980. P. 110–115.

⁸ Hechter M. *Op. cit.* P. 293–315.

⁹ Bonacich E.A. *Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market*. Boulder. 1994. P. 474–486.

¹⁰ Lustick I. *Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism Versus Control // World Politics*. Vol. 31 (1979). N 3. P. 325–344.

¹¹ Pettai V., Hallik K. *Understanding Processes of Ethnic control: Segmentation, Dependency and Cooptation in Post-communist Estonia // Nations and Nationalism*. Vol. 8 (2002). N 2. P. 505–529.

¹² *Globalized Labour Markets and Social Inequality in Europe* / Eds. H-P. Blossfeld, S. Buchholz, D. Hofäcker, K. Kolb. N.Y., 2011.

¹³ Халлик К., Саар Э., Хелемяэ Е. Этническая сегментация на рынке труда: Что дает неэстонцам знание эстонского языка и наличие гражданства в Эстонии // Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии. М., 2001. С. 11–72.

¹⁴ Commercio M. *Systems of Partial Control: Ethnic Dynamics in Post-Soviet Estonia and Latvia // Studies in Comparative International Development*. Vol. 43 (2008). N 1. P. 81–100.

¹⁵ Vetik R., Helemäe J. *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve. The TIES Study in Estonia*. Amsterdam, 2011.

¹⁶ *Ibid.* P. 237.

ПРОТЕСТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО МЕНЬШИНСТВА В ЛАТВИИ

Т.Б. Богушевич

Мы должны объяснить, почему люди, ранее не выдвигавшие никаких требований, начинают это делать¹.

В основе латвийской этнополитики лежат три «кита»: политика в области гражданства, образования и языка. Решения, принятые в каждой из этих трех областей, были направлены на укрепление положения этнического большинства. В каждом случае их результатом было ограничение возможностей русскоязычных жителей. Однако только реформа образования, предполагавшая перевод средней школы полностью на латышский язык обучения, вызвала мобилизацию русскоязычного населения и породила массовое протестное движение. Мы рассмотрим причины и механизмы такой мобилизации русскоязычных в случае образования – и ее отсутствия в остальных случаях, но прежде – каждую из трех областей и то, как принятые решения повлияли на положение русскоязычного меньшинства. Затем опишем реакцию меньшинства на эти решения и попытаемся объяснить ее причины.

ПОЛИТИКА ГРАЖДАНСТВА

Референдум о восстановлении независимости Латвии прошел 3 марта 1991 г. 64,5% жителей страны проголосовали за независимость. Нелатыши на тот момент составляли 48% населения². Это предполагает, что независимость поддержали не менее четверти нелатышей³. 1 октября того же года Верховный совет Латвийской Республики принял решение «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных правилах натурализации»⁴. Это решение отняло возможность автоматически получить гражданство у приблизительно третьей части латвийских избирателей. Такое право предоставлялось только жителям Латвии, имевшим

гражданство первой независимой Латвийской Республики, а также их потомкам. Остальным предлагалась возможность получить гражданство в порядке натурализации, сдав экзамен по латышскому языку. Так, 61% русских, 80% белорусов и 94% украинцев стали лицами без какого-либо гражданства⁵. Лишь в апреле 1995 г. был принят специальный Закон о статусе тех граждан бывшего СССР, которые не имеют гражданства Латвии или другого государства⁶, который ввел уникальный статус «неграждан». Его получили лица, постоянно прописанные в Латвии на 1 июля 1992 г., которые не имели и не имеют гражданства Латвии или других государств (кроме бывших военнослужащих и членов их семей). «Неграждане» Латвии не являются гражданами, но и к лицам без гражданства в понимании международного права их отнести нельзя – так считают власти Латвии и такова точка зрения Конституционного суда⁷. В 2012 г. 34% русских, 55,6% украинцев и 54,6% белорусов в Латвии были «негражданами». Гражданство Латвии в 2012 г. имели 58,7% нелатышей⁸.

Вначале было объявлено, что натурализация начнется после 1 июля 1992 г. Однако статус лиц, не признанных гражданами Латвии, оставался неясным вплоть до 1995 г., когда был принят закон о статусе «неграждан». Не всем жителям было дано право натурализоваться. Например, такое право не предоставлялось военным и гражданским лицам, обслуживавшим военные объекты Российской Федерации. Такого права не было и у лиц, покинувших службу в вооруженных силах Российской Федерации после 1992 г. (если они не были призваны из Латвии и среди членов их семьи не было граждан Латвии)⁹. Департамент гражданства и иммиграции до июня 1993 г. весьма широко интерпретировал этот закон. В список военных лиц были включены все офицеры, уже закончившие службу, а также члены их семей. Под местом «прописки в воинских частях» работники департамента понимали прописку в жилых домах, построенных по заказу Балтийского военного округа и находящихся в его компетенции. Эти жители Латвии не были включены в Регистр жителей, а в их паспортах была сделана соответствующая отметка¹⁰. Среди прочих ограничений этим жителям было запрещено работать и свободно выбирать место жительства в Латвии, получать приватизационные сертификаты, получать пособие по уходу за детьми и бесплатное медицинское обслуживание, пособие по безработице и т.д. Согласно данным 1993 г., такой статус имели 20,2% неграждан в Риге и 18,4% неграждан по всей Латвии¹¹.

Как отметил Н. Муйжниекс, «у сужения политического сообщества были далеко идущие последствия в вопросе этнического

распределения политической власти. Доля латышей среди жителей в начале 1994 г. составляла 54,2%, а среди граждан, имеющих право голосовать, – 81%, среди депутатов – 88%, среди министров – 100%. Многие политики обосновывали необходимость очень жестких правил натурализации тем, что только так можно обеспечить латышам решающую роль в политике государства»¹².

Права бывших граждан Латвийской Советской Социалистической Республики, не получивших гражданства Латвии, но включенных в Регистр жителей, также были ограничены. Среди прочего, они потеряли право:

- голосовать (на выборах и на референдумах), быть избранными и основывать политические партии;
- работать по некоторым профессиям в общественном секторе (например, им было запрещено работать руководителями аптек, капитанами, пограничниками, трудовыми инспекторами, адвокатами, нотариусами, таможенниками, полицейскими, работниками служб пожарной безопасности и спасения, руководителями охранных фирм, судьями, прокурорами, охранниками мест заключения, пилотами и пр.)¹³;
- получать пенсию за рабочий стаж, приобретенный в советское время вне территории Латвии;
- получать компенсацию расходов на центральное отопление и заем на приобретение квартиры в новых домах;
- учиться в некоторых высших учебных заведениях (например, в Академии полиции и Академии национальной обороны);
- приобретать в собственность землю (на определенных территориях)¹⁴.

Кроме того, каждый «негражданин» получил на 15 приватизационных сертификатов меньше, чем гражданин¹⁵; «неграждане», родившиеся вне Латвии, получили еще на 5 сертификатов меньше.

Некоторые из этих прав с 2004 г. на территории Латвии гарантированы гражданам других стран ЕС, но недоступны латвийским «негражданам». Закон о гражданстве¹⁶, принятый в 1994 г., предусматривал, что жители, не имевшие гражданства Латвийской Республики до 1940 г. и не являющиеся потомками граждан, могут получить гражданство, сдав экзамен по натурализации – согласно квотам. Закон также устанавливал, что те, кто в определенный срок не обменяет советские паспорта или латвийский документ, удостоверяющий личность, на паспорт «негражданина», теряют статус «негражданина». К 2000 г. гражданство в порядке натурализации могли получить не более 230 тыс. человек. Начало про-

цесса натурализации отложили до 1 января 1996 г. Квоты были связаны с национальностью, местом рождения и возрастом¹⁷:

1) Латыши и потомки ливов могли натурализоваться вне очереди¹⁸; такое право предоставлялось и жителям довоенной Латвии, жителям, насильно ввезенным в Латвию во время Второй мировой войны, лицам, закончившим школу с латышским языком обучения, лицам, имевшим гражданство Эстонии или Литвы, а также супругам граждан Латвии.

2) Жители Латвии младше 20 лет, родившиеся в Латвии, могли подать заявку на экзамены по натурализации с 1996 г.; до 25 лет – с 1997 г., до 30 лет – с 1998 г., до 40 лет – с 1999 г., остальные – с 2000 г.

3) Остальные жители, въехавшие на территорию Латвии в несовершеннолетнем возрасте, могли подать заявку на экзамен с 2001 г., те, кому исполнилось 30 лет – с 2002 г., остальные – с 2003 г.

Одним из дополнительных барьеров на пути к натурализации можно считать и высокую пошлину, которая в период с 1995 до 2001 г. составляла LVL 30 (для сравнения – средняя зарплата в 1997 г. составляла LVL 120, минимальная зарплата в 1998 г. – LVL 42¹⁹). В рамках экзамена проходила проверка латышского языка, знания конституции и гимна Латвии, а также истории Латвии.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Закон о языке был принят в мае 1989 г. и существенно изменен в 1992 г.²⁰ Решение Президиума Верховного совета Латвийской Республики от 20 августа 1992 г. разъясняло работодателям право разрывать договор с работниками, чье знание латышского языка оказывалось недостаточным для исполнения профессиональных обязанностей. Началась языковая аттестация (сама аттестация была платной услугой). Были введены штрафы за языковые правонарушения. Закон также предусматривал, что высшее образование, финансируемое государством, начиная со второго курса, может быть только на латышском языке²¹.

Как отмечает Н. Муйжниекс, «в советское время языковая политика давала социально-экономическое преимущество тем, чьим родным языком был русский; в свою очередь, языковая политика Латвии дает преимущество тем, чьим родным языком является латышский»²².

Закон о языке ввел языковые требования в области занятости, создал систему языковой проверки и языковую инспекцию. Главным учреждением государственного управления, ответ-

ственным за политику в области государственного языка, стала Государственная языковая инспекция (*Valsts valodas inspekcija*), позже – Центр государственного языка (*Valsts valodas centrs*). У языковых инспекторов было право посещать не только государственные и муниципальные учреждения, но и частные предприятия. Они имели право встречаться с чиновниками, работниками и индивидуальными предпринимателями; требовать «прекратить языковые нарушения» и вызвать человека в Инспекцию государственного языка, если они констатировали нарушения Закона о государственном языке или нарушения других актов, проверять подлинность языковых удостоверений. До ноября 2001 г. они могли «изымать и проверять языковые удостоверения». Эту норму они трактовали как право устраивать дополнительные экзамены без предупреждения, например, неожиданно приходя на рабочее место лица²³. В период с 1992 по 1998 г. были проэкзаменованы 444 тыс. жителей²⁴.

В кодексе административных правонарушений²⁵ и сейчас упоминаются 14 видов языковых правонарушений, например:

- принятие на работу лица, не владеющего государственным языком в должном объеме;
- неиспользование государственного языка в должном объеме;
- не обеспечение перевода на мероприятиях и др.

Штраф за подобные нарушения составляет до LVL 500 для физических лиц, до LVL 1000 для юридических лиц. Административный арест на время от 10 до 15 суток может применяться к лицам, сдающим экзамен вместо другого лица²⁶. В числе других нарушений – «явное неуважение к государственному языку» (штраф до LVL 250). Закон также предусматривал штраф для работодателей, не установивших уровень необходимого владения государственным языком для своих работников, общающихся с клиентами или работающими с документами²⁷.

В реальности это означало ухудшение ситуации для значительной части русскоязычного меньшинства. Во-первых, они впервые столкнулись с необходимостью сдавать экзамены по латышскому языку, чтобы не потерять работу или получить новую. Во-вторых, на практике языковые проверки превратились в «экзамены длиной в жизнь» – даже жителей, сдавших экзамен по латышскому языку и получивших государственное удостоверение, языковые инспекторы в любой момент могли проэкзаменовать повторно. Если в ходе проверки жители не могли подтвердить, что их знания соответствуют полученной категории, по закону их должны были уволить. Кроме того, им нужно было платить денежный штраф и опять сдавать экзамен.

Были утверждены и другие законопроекты, ограничивающие возможности русскоязычных:

– 22 октября 1996 г. Кабинет министров принимает Правила о статусе безработного. Согласно этим правилам, лицо, не способное предъявить удостоверение о знании государственного языка, не могло получить статус безработного. Эта норма была ограничена после 30 сентября 1997 г. – языковые удостоверения нужно предъявлять только при устройстве на определенную работу. Норма была отменена 12 мая 1998 г.;

– в декабре 1996 г. Министерство образования и науки издало распоряжение, согласно которому предполагалось уволить всех учителей с недостаточным знанием латышского языка с 1 сентября 1998²⁸ по 8 июня 1999 г. Сейм принял новый Закон о государственном языке. Закон предусматривал, что и входящие и исходящие документы в учреждениях государственного управления могут быть только на латышском языке. В частной сфере также необходимо обеспечивать перевод выступлений на собраниях и заседаниях на латышский язык, если этого требует хотя бы один участник.

– 9 декабря 1999 г. Сейм повторно принял новый Закон о государственном языке, который вступил в силу с 1 сентября 2000 г.²⁹ В июне 2000 г. Министерство юстиции опубликовало проект правил применения закона. Проект предусматривал очень широкое языковое регулирование в частной сфере, невзирая на заявленный законом принцип пропорциональности – употребление государственного языка в частной сфере регулируется в случаях, если деятельность частных лиц затрагивает законные общественные интересы (общественную безопасность, здоровье, мораль, здравоохранение, защиту прав потребителей и охрану труда, безопасность на рабочем месте, общественно-административный надзор), и в таком объеме, чтобы необходимое ограничение, введенное в законных общественных интересах, было соразмерно с правами и интересами частных лиц. Так, государство устанавливало необходимую языковую категорию для руководителей негосударственных организаций. Правила вводили шесть языковых категорий вместо трех (высшая – «на уровне родного языка»). Если лицо теряет удостоверение о знании государственного языка, то нужно опять сдавать экзамен – дубликат не выдается. На мероприятиях нужно обеспечивать перевод на латышский язык – это относится и к опере, и к пантомиме. Под давлением ОБСЕ 22 августа 2000 г. эти правила были приняты в смягченном виде³⁰. В 2006 г. они были существенно пересмотрены, а в 2008 г. дополнено приложение, устанавливающее языковые категории для занятых в частной сфере. Эти нормы вступили в силу в 2009 и в 2010 гг.

Закон об образовании³¹ Верховный совет Латвийской Республики принял 19 июня 1991 г. Закон обуславливал, что в Латвийской Республике гарантировано право на образование на государственном языке, изучение которого обязательно во всех учебных заведениях. Одновременно этот пункт предусматривал, что у жителей другой национальности, проживающих в стране, есть право на образование на родном языке. 10 сентября 1995 г. Сейм принял поправки к Закону об образовании, согласно которым в общеобразовательных школах национальных меньшинств, в которых латышский язык не является языком обучения, с 1-го по 9-й класс – два, а с 10-го по 12-й класс – по меньшей мере три гуманитарных или точных предмета проходят в основном на латышском языке начиная с 1996/97 учебного года³².

29 октября 1998 г. Сейм принял новый Закон об образовании³³, вступивший в силу 1 июня 1999 г., по которому высшее образование в государственных и муниципальных высших учебных заведениях с сентября 1999 г. предоставляется только на латышском языке. В средней школе была проведена так называемая реформа образования. Она предусматривала, что с 1 сентября 2004 г. среднее образование в государственных и муниципальных учебных заведениях можно получить только на латышском языке. Это относилось и к так называемым школам, где преподавание осуществлялось по программам обучения меньшинств (т.е. на языках меньшинств, в том числе русском, украинском, польском).

12 августа 2003 г. Кабинет министров принял поправки к Закону об образовании³⁴. Они предусматривали, что с 1 сентября 2004 г. среднее образование можно получить на латышском языке согласно стандарту. Стандарт устанавливал пропорцию: не менее чем 60% на латышском языке (допускалось до 40% на языках меньшинств). 5 января 2004 г. Сейм закрепил эту пропорцию в Законе об образовании.

РЕАКЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО МЕНЬШИНСТВА: МАСШТАБ И ХРОНОЛОГИЯ ПРОТЕСТОВ

Политические решения в области гражданства, языка и образования существенно изменили положение русскоязычного меньшинства, ограничив его возможности по сравнению с советским периодом. Некоторые политики и даже государственные учреждения сразу после обретения Латвией независимости подчеркивали, что нахождение «инородцев» (cittautieši) в Латвии нелегитимно.

Н. Муйжниекс приводит цитату пресс-секретаря Департамента гражданства и иммиграции (ДГИ): «ДГИ все время напоминает и подчеркивает, что всем этим 700 000 жителям рано или поздно нужно будет уехать из Латвии»³⁵.

В такой ситуации потери статуса и резкого сужения возможностей можно прогнозировать мобилизацию меньшинства для коллективных действий против этих политических решений. Какова же была реакция меньшинства на эти ограничения? Попытаемся воссоздать хронологию акций протеста меньшинства против этнополитических решений, касающихся их напрямую³⁶.

Политика гражданства вызвала несколько протестов русскоязычного меньшинства. Состоялось восемь массовых акций протеста, в которых принимали участие по меньшей мере 1000 человек под разными лозунгами:

- в 1993 г. – 30 января, 4 июня и 28 ноября;
- в 1994 г. – 1 мая, 15 июля и 10 декабря;
- в 1996 г. – 15 октября;
- в 1998 г. – 17 марта.

Прошел также ряд акций протеста с меньшим количеством участников. Акции протеста в 1993 и в 1994 гг. были связаны с самоуправством работников Департамента гражданства и иммиграции и их отказом регистрировать отдельных жителей и целые группы жителей в Регистре жителей. Заявленной целью мероприятий было привлечение внимания к «апартеиду в Латвии». Менее крупные акции прошли в 1998 г. (за продление сроков действия паспортов СССР и за «нулевой вариант» гражданства) и в 2000 г. (за предоставление права голоса «негражданам»).

Однако все это были не связанные между собой спорадические акции протеста. Русскоязычное меньшинство не создало движения протеста против политики в сфере гражданства. Это произошло по нескольким причинам:

1. Решения в области гражданства означали объективное и существенное ухудшение положения меньшинства, у значительной части которого они отняли политические права, а также ограничили социальные и экономические права этой части населения.

2. В абсолютных цифрах это коснулось 900 тыс. человек, или 35% жителей Латвии. Трудно оценить точное количество, но известно, что в начале 1994 г., когда регистрация была фактически закончена, 1 720 300 постоянных жителей Латвии были зарегистрированы как граждане – примерно 67,04% от всех жителей Латвии в этом году (2 566 200 человек). Число жителей сократилось с 1990 г. Согласно данным Государственного статистического управления, в 1991 г. в Латвии проживали 2 667 900 человек.

Таким образом, более 900 000 жителей не получили гражданство в связи с решением Верховного совета, поскольку 1 720 300 человек, зарегистрированные как граждане в 1994 г., составляли 64,48 % от всех жителей Латвии в 1991 г.³⁷

3. Решения в области гражданства представители русскоязычного меньшинства восприняли негативно, считая их нелегитимными, а статус «негражданина» – унижительным, незаслуженным, связанным с большой неопределенностью³⁸. Даже в 2004 г. только 2% опрошенных русских жителей соглашались с политикой гражданства. Остальные считали, что гражданами нужно признать всех, кто родился в Латвии (40%); всех, кто жил в стране на момент обретения независимости (23%) или прожил в Латвии более семи лет (14%)³⁹.

Языковая политика также вызвала протесты, но еще более малочисленные⁴⁰:

– Самая крупная акция протеста (приблизительно 1500 участников) прошла 14 июня 2000 г.⁴¹;

– менее крупные акции прошли в 1998 и 1999 гг.⁴²

В период с 1998 по 2000 г. прошли разные протестные акции (ночевки у президентского дворца, марши протеста, пикеты), но все они были малочисленны (не более 60 участников). Это также имеет свои причины:

1. Репрессивный характер языковой политики в середине 1990-х годов (неожиданные повторные проверки с наложением штрафов и увольнением в случае неудачи, государственные экзамены на категорию), по сравнению с ситуацией советского времени, когда у русского языка был официальный статус, позволяет говорить о резком ухудшении ситуации русскоязычного меньшинства.

2. Языковая политика коснулась абсолютного большинства нелатышей: согласно данным переписи населения 1989 г., только 22,3% русских в Латвии заявили о свободном владении латышским языком⁴³.

3. Значительная часть русскоязычного меньшинства поддерживала идею о придании русскому языку статуса второго государственного: в 2004 г. такое мнение выразили 87% русских и 75% жителей другого этнического происхождения⁴⁴. Кроме того, язык – важный аспект идентичности русскоязычного меньшинства. Нет данных обо всем русскоязычном меньшинстве в целом, но 77% русскоязычной молодежи основой своей идентичности считали русский язык и только 54% – этническое происхождение⁴⁵.

Официальной целью реформы образования было повышение конкурентоспособности детей, для которых латышский язык – неродной. Перевод образования только на латышский язык обучения, начиная с 10-го класса, должен был подготовить их к получению высшего образования на латышском языке и выходу на рынок труда. Данные Государственной инспекции образования показывают, что в 2003 г. реформу образования полностью или частично поддерживали 47% родителей, чьи дети на тот момент учились в школах меньшинств⁴⁶. 50% учителей считали, что они достаточно хорошо подготовлены, чтобы преподавать свои предметы на латышском языке⁴⁷.

Трудно оценить, какое количество людей затронула реформа. По приблизительным оценкам – это 95 841 школьник, учившийся в школах с русским языком обучения, финансируемых государством, в 2003/04 учебном году⁴⁸, а также их родители и учителя, что составляет сравнимое количество.

Однако именно реформа образования вызвала самые массовые и интенсивные протесты в истории независимой Латвии. Четыре года подряд представители меньшинств проводили регулярные массовые акции протеста против этой реформы. В период с марта 2001 по сентябрь 2005 г. прошли 17 акций протеста, в каждой из которых участвовали как минимум 60 человек, в четырех акциях – более 1500 человек. Протестное движение создало свою символику и гимн. Согласно данным исследований, половина опрошенных школьников участвовали в акциях протеста против реформы и более половины тех, кто не мог участвовать, сожалеют об этом⁴⁹.

Почему же меньшинство, хотя и слабо протестовавшее против политических решений, напрямую ограничивавших его права и возможности (политика гражданства и языка), создало социальное движение против политики, официально направленной на улучшение его положения?

РУССКИЙ ПРОТЕСТ: ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ

В латышском политическом дискурсе доминировали три причины возникновения движения протеста против реформы образования. Движение рассматривалось как результат российской поддержки (финансовой и идейной), подстрекательства со стороны русскоязычных СМИ или манипуляция со стороны политиков – представителей меньшинства. Реже встречалось мнение, что учителя заставляли детей участвовать в акциях протеста из-за страха потерять работу⁵⁰.

Ответы опрошенных в период с сентября 2008 по апрель 2009 года

Интервьюруемые	Родители	Школьники	Учителя	Лидеры
Участовавшие в акциях	10	10	10	10
Не участвовавшие в акциях протеста	5	5	0	0
Всего:	15	15	10	10
Итого	50			

В свою очередь, в публичном информационном пространстве русскоязычного меньшинства (СМИ, высказывания политиков) преобладало мнение, что движение протеста против реформы возникло по трем причинам⁵¹. Во-первых, было «затронуту святое» – дети и качество их образования, а значит, их будущее. Во-вторых, язык – основа идентичности русского человека, и протест против реформы был связан с нежеланием терять свою идентичность. В-третьих, реформа была оскорблением для родителей, поскольку осуществлялась без какого-либо диалога с целевой аудиторией.

Мой ответ на этот вопрос основывается на результатах собственного качественного исследования, которое опиралось на:

– первичные данные – получены в ходе интервью с лидерами и участниками движения, а также с теми, кто был потенциальным участником, но непосредственно не принимал участия в протестах (родители, школьники, учителя) (см. табл.);

– вторичные данные – документы (статьи и другие публикации в прессе, данные опросов, списки участников, хронология событий, другие исследования)⁵².

Поскольку это качественное, а не количественное исследование, то в центре внимания была аргументация респондентов, их стратегии и понимание событий, а не статистическая частота моделей поведения. Полученные данные нельзя экстраполировать на всех участников движения протеста, однако они показывают основные тенденции и аргументы. Опрашивались только те лица, которых реформа коснулась или могла коснуться напрямую – школьники, родители и учителя:

1) Родители, у которых были дети школьного возраста, учившиеся в средних школах с русским языком обучения, финансируемых государством (пропорционально – мужчины и женщины);

2) Школьники, учившиеся во время реформы в 8–11 классах средних школ с русским языком обучения, финансируемых государством (пропорционально – мальчики и девочки). В рамках интервью со школьниками внимание уделялось в основном ин-

формации о развитии движения – кто и как распространял информацию об акциях протеста в школе, какой была позиция директора и учителей по отношению к реформе, кто призывал их участвовать;

3) Учителя, работавшие во время реформы в средних школах с русским языком обучения, финансируемых государством, которые могла затронуть реформа, т.е. учителя математики, географии, химии, физики и биологии;

4) Формальные лидеры движения, занимавшие руководящие позиции в негосударственных организациях, неформальных ассоциациях или парламентских фракциях партий, борющихся против реформы (Латвийская ассоциация в поддержку школ с русским языком обучения (ЛАШОР), Штаб защиты русских школ, политическое объединение «За права человека в единой Латвии», политическое объединение «Центр согласия»), которые представляли русскоязычное меньшинство и были наиболее активными (публично и в административном смысле) в организации движения протеста.

Все респонденты представляли разные школы с русским языком обучения, финансируемые государством и не осуществляющие особые программы обучения меньшинств (например, не было интервью с представителями из еврейской и украинской школ).

При анализе текстов интервью использовался метод анализа нарратива (*narrative analysis method*⁵³) и аксиальное кодирование⁵⁴.

Полученные данные подтверждают объяснение, касающееся будущего детей и зависимости их перспектив от качества образования. Беспокойство родителей главным образом было связано с тем, что реформа недостаточно хорошо обоснована и подготовлена. У родителей не удалось обнаружить чувства обиды из-за отсутствия диалога с ними на этапе подготовки реформы (впрочем, эти чувства были характерны для детей). Отсутствие диалога усилило их тревогу по поводу недостатков реформы и ее непродуманного претворения в жизнь.

В академической литературе можно встретить несколько теорий, объясняющих возникновение массовых протестных движений.

Во-первых, это теория мобилизации ресурсов, объясняющая возникновение движения протеста изменениями в доступности ресурсов (финансовых, организационных, идеологических)⁵⁵. В случае реформы эта гипотеза подтверждается только частично. Даже если объективно ресурсов стало больше, лидеры меньшинств не смогли их умело использовать. Их тактика и стратегия

мобилизации (и даже «персональный состав») не менялись ни в случае политики гражданства, ни в случае языковой политики, ни в случае реформы образования. Проще говоря, одни и те же люди все это время выступали с одними и теми же лозунгами и призывами против дискриминации и ущемления. Однако в случае реформы образования впервые сами участники движения начали обеспечивать необходимые ресурсы – деньги, агитационные материалы – и выполнять мобилизационные функции. Они (родители, учителя, дети) сами распространяли информацию, координировали действия между собой.

Политики, пытавшиеся организовывать движение, признают, что именно родители были инициаторами движения. Политики зачастую просто реагировали на инициативы родителей, а не руководили движением; им приходилось бороться за контроль и влияние с наиболее активными родителями. Вот цитаты из интервью с политическими лидерами движения:

«Истоки движения надо искать в начале 2003 г. ... Родители, почувствовав давление со стороны русской прессы, начали задавать вопросы – что будет дальше. Это были родители, которые наиболее активно интересовались будущим своих детей, реально работали в школьных советах. В разных школах стихийно начали проходить собрания. Политики начали на эти собрания ходить. После этого этим вопросом занялся и координационный совет общественных организаций, после этого... был создан Штаб (защиты русских школ. – Т.Б.). Заинтересованные представители школ начали на него выходить – и весь процесс пошел» (Владимир Бузаев, депутат Сейма от политического объединения «За права человека в единой Латвии» и активист Штаба защиты русских школ).

«Политики не были инициаторами движения... Если бы политиков не было или они были бы другого качества, то все удалось бы даже лучше. Это было осознанное понимание, в основе которого лежало будущее благополучие своих детей. Политики присоединились и возглавили (движение. – Т.Б.), но основной движущей силой оставались родители. Между ними и политическими «верхами» были конфликты и столкновения» (Игорь Ватолин, журналист, активист Штаба защиты русских школ).

«Я десять раз был в доме культуры Иманты, где именно родители арендовали зал и куда родительские комитеты как единомышленников приглашали политиков и общественных активистов» (Юрий Петропавловский, член правления партии ЗаПЧЕЛ, активист Штаба защиты русских школ).

Во-вторых, это теория рационального выбора и оценки последствий политического решения⁵⁶. На этом стоит остановиться подробнее.

Согласно данным исследования, главной причиной протеста родителей было то, что реформа образования затронула будущее и благосостояние их детей. Это для них было значительно важнее вопросов гражданства и статуса русского языка. Родителей интересовало качество образования детей, государство они считали поставщиком услуги, за которую они платят своими налогами. Кроме того, они ощутили последствия реформы. Именно поэтому протесты начались не тогда, когда было принято решение, а позже, когда школы начали осуществлять программы перехода на латышский язык обучения и дети столкнулись с первыми трудностями. Это подтверждает и тот факт, что родители, чьи дети легко перешли на латышский язык, были нейтрально или позитивно настроены по отношению к реформе. «Этнических» вопросов, таких, как идентичность, культурное наследие или сохранение языка, не было в их повестке дня. В свою очередь, решения в области гражданства и языка создали для них практические трудности, которые, тем не менее, были преодолимы.

Еще один фактор, который может объяснить участие в протестах, – это вера в то, что с помощью массовых протестов можно добиться отмены принятого ранее политического решения. В случае реформы образования участники были уверены, что правительство отменит решение, если увидит, что целевая аудитория его не поддерживает. Родители перестали участвовать, когда поняли, что их протест не имеет смысла и не будет принят во внимание. Они прямо не говорят об этом в своих интервью, но можно предположить, что в начале 1990-х годов русскоязычные жители весьма низко оценивали шансы добиться чего-либо с помощью акций протеста. Это можно объяснить политической нестабильностью и неясностью «правил игры», собственного статуса. Было трудно прогнозировать развитие событий и понять, как отстаивать свои интересы. Кроме того, на тот момент они не считали свои требования легитимными. В вопросах о языковой политике это подтверждают и ответы респондентов исследования.

В-третьих, это теория о снижении риска протеста и давлении со стороны лиц, облеченных полномочиями (учителей). Она предполагает, что инициаторами и движущей силой протестного движения должны были быть учителя⁵⁷. Данные исследования не подтверждают эту теорию.

В-четвертых, не подтверждается гипотеза, построенная на теории об окне возможностей, предполагающая возникновение особо благоприятных обстоятельств, которых не было ранее⁵⁸. Хотя во время реформы и незадолго до этого произошли изменения во внешнеполитическом контексте, а также во внутренней политике

страны, большинство участников об этом либо не знали, либо не считали, что это повышает их шансы на успех. Кроме того, эта теория не объясняет, почему подобное движение не возникло в начале 1990-х годов, когда «окна возможностей» были еще больше – российская армия все еще находилась на территории Латвии и потенциально могла бы поддержать протестующих, внимание и влияние внешних игроков (ОБСЕ, США) было значительным, а сама ситуация была более подвижной.

Важную роль в поддержке движения сыграли социальные сети и коммуникационная инфраструктура. Школы спонтанно стали центрами, где участники (как школьники, так и родители) встречались, делились информацией, рекрутировали других. Интенсивность участия активистов движения в школьных делах до реформы (например, членство в родительских комитетах) позитивно коррелирует с их вовлеченностью в движение протеста. Однако важно и то, что участники протеста не установили новых контактов с другими протестующими – всех активистов, с которыми они контактировали, они знали и до реформы. Это значит, что эти контакты, а также сами школы как «мобилизационные площадки» могли бы быть использованы ранее для организации протестов против политики в сфере языка и гражданства. Но этого не произошло.

Можно сделать вывод, что существенными факторами были следующие:

1. Эти социальные сети были связаны с определенными учреждениями – со школами; там эти сети возникали, развивались и поддерживались;
2. Участников объединяли интересы, связанные с этими институтами;
3. Политическое решение (реформа образования) затронуло их личные интересы, связанные с этими институтами.

Применимость теории относительной депривации (*relative deprivation theory*)⁵⁹ подтверждается только частично. Большинство респондентов не восприняли реформу как дискриминирующее политическое решение, чьей целью было намеренно ухудшить их ситуацию – как это было в случае политики гражданства. В их понимании это были непродуманные изменения в учебных программах как в способе предоставления услуги. Они верили, что решение будет отменено, если получатели услуги продемонстрируют, что не поддерживают эти изменения. Согласно этой теории, возможность возникновения протестного движения против политики гражданства была гораздо больше. Здесь же движущим фактором мобилизации было не только оскорбление и возмуще-

ние, как это было и в случае политики гражданства, а рациональная оценка последствий реформы.

По оценке участников протеста, реформа образования в перспективе привела бы к гораздо более опасным, сложно прогнозируемым и длительным последствиям, чем политика гражданства. Кроме того, эти последствия воспринимались более болезненно, потому что были индивидуализированы и влияли на конкретного ребенка и на его будущее, в отличие от коллективных последствий политики гражданства, когда была исключена почти целая этническая группа и менялся статус этой группы.

ПОЧЕМУ ИМЕННО ШКОЛЫ СТАЛИ «СТАЛИНГРАДОМ»?⁶⁰

Итак, несмотря на то что решения в сфере гражданства и статуса латышского языка были прямо направлены на укрепление положения этнических латышей и ограничение возможностей остальных жителей страны, русскоязычное меньшинство не мобилизовалось против этих решений. В свою очередь, реформа образования, официально направленная на повышение конкурентоспособности детей, для которых латышский язык не является родным, вызвала беспрецедентную по масштабу и продолжительности протестную мобилизацию русскоязычного меньшинства. Почему?

В целом решающей в создании протестного движения против реформы образования была комбинация двух факторов:

1. Мобилизационными структурами стали учреждения с хорошо развитыми социальными сетями и налаженными каналами обмена информацией. С этими учреждениями потенциальные участники связывали важные личные интересы. Распространение информации, рекрутирование активистов, аккумуляция ресурсов происходила в школах. СМИ распространяли информацию о реформе образования и интерпретировали ее как дискриминирующее и унижительное политическое решение, направленное на исключение меньшинства. Однако для опрошенных участников движения подобная интерпретация не характерна. Инициаторами движения стали родители, которые реагировали на предупреждения учителей и призывы других родителей включиться в протестное движение (высказываемые в основном в школах). Их интересы совпали с интересами учителей – сохранить образование на русском языке, потому что они верили, что в противном случае пострадает качество образования детей.

2. Повысилась «цена бездействия» и укрепилась вера в возможность успеха в случае участия:

– по мнению протестующих, бездействие могло привести к более опасным последствиям, чем в случае языковой политики и политики гражданства. На это указывает и тот факт, что родители начали активные действия только тогда, когда столкнулись с реальными последствиями реформы, видя, как их дети приспосабливаются к новым условиям;

– в случае реформы образования они верили, что добьются успеха, если в акциях протеста будет участвовать достаточно много людей. Поэтому движение пошло на спад, когда стало ясно, что акции протеста в том виде, в котором они происходили, а также участие родителей в них не способствуют достижению цели (полной отмены реформы).

В заключение обратим внимание на то, как сами участники объясняют свое решение публично протестовать против реформы образования. Важно отметить, что во всех интервью родителей высказывается мнение, что их дети должны знать латышский язык. Большинство опрошенных родителей также указывают, что они поддержали бы переход на латышский язык обучения, если бы этот переход был подготовлен заранее и проходил бы уже в начальной школе или даже в рамках дошкольного образования. Эти родители протестовали не против самого перехода на латышский язык, но против способа, каким правительство пыталось это делать, не подготовив ни техническую базу (учебники, учителя), ни самих учеников. В свою очередь, свое неучастие в акциях против политики гражданства они объясняют нестабильной ситуацией, нехваткой времени и других ресурсов, а неучастие в выступлениях против языковой политики – возможностью приспособиться к новым обстоятельствам и/или тем, что, по их мнению, эта политика была легитимной.

Что касается школьников, то те, кто участвовал в акциях против реформы образования, называют несколько факторов, повлиявших на их решение:

- желание поддержать образование на русском языке в целом;
- использование акций как предлог, чтобы не пойти в школу;
- «потому что все участвовали».

Важно, однако, отметить четко сформулированное школьниками желание учиться на родном языке; большинство из них, тем не менее, отметили, что их протест был направлен не против перехода на латышский язык, а против того, как он осуществлялся – в принудительном порядке, без диалога с целевой аудиторией. Те, кого не затронула реформа (кто собирался оканчивать школу или

у кого не было проблем с обучением на латышском языке), указали, что участвовали «из солидарности» с теми, кто знал латышский язык хуже, а также с «последующими поколениями» – теми, кто будет учиться после проведения реформы.

Важно отметить, что все активисты и те, кто их поддерживал, верили, что с помощью протестов можно добиться отмены реформы, и перестали участвовать в них, когда поняли, что не достигнут желаемого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ МОБИЛИЗАЦИИ

Какие выводы относительно перспектив мобилизации русскоязычного меньшинства можно сделать на основании данного исследования?

Во-первых, политики и СМИ, с одной стороны, а родители, с другой стороны, по-разному объясняют причины мобилизации против реформы образования. Родители реагировали не на пламенные призывы «защищать школы как Сталинград», а на практические проблемы, с которыми сталкивались их дети на уроках и при подготовке домашнего задания. Другие политические решения создали меньше проблем такого рода, или эти проблемы были преодолимы. История не терпит сослагательного наклонения, однако результаты исследования позволяют предположить, что движение против языковой политики (как создавшей больше практических трудностей) могло состояться, если бы эта политика напрямую затронула бы интересы конкретных учреждений, которые могли бы стать мобилизационными площадками русскоязычного меньшинства.

Во-вторых, тот факт, что восприятие каких-либо политических решений как несправедливых автоматически не приводит к мобилизации недовольной социальной группы, не означает, что политики могут игнорировать мнение меньшинства и не вовлекать его в принятие решений, касающихся его напрямую. Долгосрочное недовольство в какой-то этнической группе способствует ее отчуждению. Это, в свою очередь, создает почву для деятельности «этнических предпринимателей», заинтересованных в создании конфликта и нестабильности.

В-третьих, часть русскоязычного меньшинства верила, что с помощью протестов можно добиться отмены оспариваемого решения. В демократическом обществе это ценный ресурс. Противники реформы не радикализировались и не перешли к насильственным методам даже тогда, когда поняли, что их протест не привел

к желаемым результатам. Однако это не означает, что в будущем в схожей ситуации они будут действовать так же. Учитывая этот опыт протеста, они могут начать искать более эффективные способы защиты своих интересов. Поэтому, если такая вера в демократические методы еще сохраняется, ее необходимо поддерживать и укреплять.

- ¹ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of Contention. Cambridge; 2001. P. 32.
- ² Данные переписи населения 12 января 1989 г.
- ³ См.: Rozenvalds J. The Soviet Heritage and Integration Policy Development since the Restoration of Independence // How Integrated is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges / Ed. N. Muižnieks. Riga, 2010. P. 40.
- ⁴ Решение Верховного Совета Латвийской Республики «Par Latvijas Republikas pilsoņu tiesību atjaunošanu un naturalizācijas pamatnoteikumiem» («О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных праилах натурализации») // Ziņotājs. № 43. 1991 г.
- ⁵ Данные на 1993 г.: Бузаев В. Неграждане Латвии. Рига; 2007. С. 38.
- ⁶ Закон о статусе тех граждан бывшего СССР, которые не имеют гражданства Латвии или другого государства (Likums «Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības») // LV. № 63 (346). 25.04.1995; Ziņotājs. № 10. 25.05.1995.
- ⁷ Решение Конституционного суда от 7 марта 2005 г. в деле № 2004-15-0106; английский перевод см.: <http://www.satv.tiesa.gov.lv/upload/2004-15-0106.rtf> (01.11.2008)
- ⁸ Данные Регистра жителей на 1 января 2012 г.
- ⁹ Бузаев В. Указ. соч. С. 5.
- ¹⁰ Так называемая круглая печать. Людей, получивших такую отметку, называли «круглопечатниками».
- ¹¹ Бузаев В. Указ. соч. С. 23
- ¹² Muižnieks N. Etniskā stratifikācija Latvijā: padomju laikā un tagad (Этническая стратификация в Латвии: в советское время и сейчас) // Nacionālā politika Baltijas valstīs (Национальная политика в Балтийских государствах). Rīga, 1995. С. 115.
- ¹³ Полный список см.: Бузаев В. Указ. соч. С. 88.
- ¹⁴ Права «неграждан» были постепенно расширены после 1996 г. В 2008 г. было констатировано 75 различий в правах граждан и «неграждан» (Citizens of a Non-Existent State. Riga, 2008. P. 24–31).
- ¹⁵ Приватизационные сертификаты – это предоставляемое государством средство оплаты за приватизируемую государственную и муниципальную собственность. Более подробную информацию см.: Закон о приватизационных сертификатах (Likums «Par privatizācijas sertifikātiem») // LV. № 52 (335), 04.04.1995; Ziņotājs. № 9, 11.05.1995.
- ¹⁶ Закон о гражданстве (Pilsonības likums) // LV. № 93 (224). 11.08.1994; Ziņotājs. № 17. 08.09.1994.
- ¹⁷ В результате давления со стороны ЕС и Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств в 1998 г. в Латвии был проведен референдум по вопросу поправок к Закону о гражданстве. В результате система квот была отменена. См., например: *Poleshchuk V. Advice not Welcomed. Recommendations of the OSCE High Commissioner to Estonia and Latvia and the Response.* Munster, 2001. P. 81–82.

- ¹⁸ 16 марта 1995 г. латвийский парламент принял поправки к Закону о гражданстве, согласно которым этническим латышам и ливам гражданство предоставлялось автоматически, без сдачи экзаменов по натурализации. Поправки опубликованы в: LV. № 44 (327). 22.03.1995.
- ¹⁹ Правила Кабинета министров от 12 марта 1996 г. Nr.59 «Noteikumi par izmaiņām minimālajā darba algā» («Правила об изменениях минимальной заработной платы») // LV. № 49. 19.03.1996.
- ²⁰ Закон Латвийской Республики о языке (Latvijas Republikas Valodu likums) // Ziņotājs. 1992. № 15/16.
- ²¹ Эта норма вступила в силу 1 июля 1993 г.
- ²² Muižnieks N. Op. cit. С. 117.
- ²³ Изменения были внесены в законодательство после решения Комитета по правам человека ООН по делу «Игнатане против Латвии». С ноября 2001 г. повторные проверки запрещены.
- ²⁴ Dorodnova E. Challenging Ethnic Democracy: Implementation of the Recommendations of the OSCE High Commissioner on National Minorities to Latvia, 1993–2001. CORE Working Paper 9. Hamburg, 2003. P. 369 .
- ²⁵ Кодекс Латвии об административных правонарушениях (Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodekss) // Ziņotājs. 1984. № 51.
- ²⁶ В случае повторного правонарушения в течение года применяется уголовное наказание согласно статье 281 Уголовного закона (Krimināllikums, LV. 199/200 (1260/1261)), что может привести к лишению свободы на срок от 2 до 5 лет. Поправки к Уголовному закону опубликованы в: LV. № 107. 05.07.2007.
- ²⁷ Поправки к Кодексу административных правонарушений опубликованы в: LV. № 2. 07.01.2009.
- ²⁸ Распоряжение Министерства образования и науки № 175 от 18.12.1996.
- ²⁹ Закон о государственном языке (Valsts valodas likums) // LV. № 428/433 (1888/1893). 21.12.1999.
- ³⁰ Для более подробного описания см.: Dorodnova E. Op. cit. P. 97–120.
- ³¹ Закон об образовании Латвийской Республики (Latvijas Republikas Izglītības likums) // Ziņotājs. № 31. 15.08.1991.
- ³² Поправки к Закону об образовании Латвийской Республики опубликованы в: LV. № 123. 17.08.1995.
- ³³ Закон об образовании (Izglītības likums) // LV. № 343/344 (1404/1405). 17.11.1998.
- ³⁴ Правила Кабинета министров № 444 «Grozījumi Izglītības likumā» (Поправки к Закону об образовании) от 12.08.2003 // LV. 114 (2879). 15.08.2003.
- ³⁵ Labrīt (газета). 17.02.1993. С. 2.
- ³⁶ Здесь я опираюсь на несколько источников:
 1. Базу данных «Minorities at Risk» («Меньшинства, подвергающиеся риску») Т.Р. Гурра. Данные доступны до 2000 г. (См.: <http://www.cidcm.umd.edu/mar/chronology.asp?groupId=36701>);
 2. Хронологию событий в Латвии BBC (Chronology of Key Events) // BBC News: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/country_profiles/1108059.stm
 3. «Мониторинг интеграции» Латвийского центра прав человека, обобщающего информацию о публикациях, посвященных этнополитическим вопросам, в самых крупных газетах (См.: <http://www.humanrights.org.lv/html/25501.html>).
 4. Газеты на русском языке с наибольшими тиражами «Час» и «Вести сегодня» за 1994–2008 гг. (в прессе на латышском языке отображаются не все протестные акции русскоязычного меньшинства);
 5. Книгу В. Бузаева, в которой отображены акции протеста против политики гражданства и образования (См.: Бузаев В. Указ. соч.).

6. Интервью с организаторами протестов – В. Бузаевым, Г. Котовым, Ю. Соколовским, Б. Цилевичем.
7. Хронологию мероприятий, связанных с реформой образования, согласно данным политического объединения «За права человека в единой Латвии» в период за 2003–2005 гг. (См.: http://www.pctvl.lv/index.php?lang=ru&mode=party&submode=history&page_id=2107).
- Точное число участников акций протеста назвать невозможно. Разные источники информации по-разному оценивают посещаемость мероприятий. Пресса на русском языке обычно указывает большее число, чем западные источники (например, Би-би-си), а латышская пресса – меньшее. Иногда цифры отличаются в пять раз. В любом случае точное количество участников не столь важно. Важно знать, когда и против чего проходили публичные акции протеста меньшинства и что доступные данные четко отображают тенденции.
- ³⁷ Etnosituācija Latvijā – fakti un komentāri (Этноситуация в Латвии – факты и комментарии) / Ed. E. Vēbers. Rīga, 1994.
- ³⁸ Програма исследований и действий «Ceļā uz pilsonisko sabiedrību» («На пути к гражданскому обществу»). Rīga, 1998. С. 11, 15.
- ³⁹ Rose R. New Baltic Barometer VI: A Post-Enlargement Survey. Glasgow, 2005. Имеется на: <http://www.balticvoices.org/documents/spp-401.pdf>
- ⁴⁰ Интересно, что в акции протеста против распоряжения Министерства образования и науки, согласно которому учителя, недостаточно владеющие латышским языком, должны были быть уволены начиная с 1 сентября 1998 г., участвовали только 50 учителей, причем в сентябре, когда решение уже вступило в силу.
- ⁴¹ Преимущественно пожилые люди и подростки (согласно разным источникам, от 500 до 2000 человек) протестовали против проекта Закона о государственном языке.
- ⁴² Протесты были направлены главным образом против проекта Закона о государственном языке с целью не допустить его принятия.
- ⁴³ Kamenska A. The State Language in Latvia: Achievements, Problems and Prospects. Riga, 1995. P. 53.
- ⁴⁴ Etnopolitiskā spriedze Latvijā: konflikta risinājuma meklējumi (Этнополитическая напряженность в Латвии: поиски решения конфликта). Rīga, 2005. С. 39
- ⁴⁵ Volkovs V. Krievvalodīgās jaunatnes dzimtās valodas vieta integrācijas procesā Latvijā (Роль родного языка в процессе интеграции русскоязычной молодежи в Латвии): Материалы конференции «Etnopolitika ceļā uz pilsonisko sabiedrību» («Этнополитика на пути к гражданскому обществу»). 15–16 октября 1998 г. Рига, Латвия.
- ⁴⁶ Стенограмма заседания Конституционного суда по делу № 2004-18-0106 имеется на: http://www.satv.tiesas.gov.lv/upload/Steno_2004-18-0106.rtf
- ⁴⁷ Аршавская Т. Анализ исследований внедрения билингвального образования в школах Латвии. Рига, 2002. Имеется на: <http://www.lashor.lv/rus/arshavskaja.php>
- ⁴⁸ Silova I. From Sites of Occupation to Symbols of Multiculturalism. Reconceptualizing Minority Education in Post-Soviet Latvia. Greenwich, 2006. P. 113.
- ⁴⁹ Integration of Minority Youth in the Society of Latvia in the Context of the Education Reform. Riga, 2004. P. 61.
- ⁵⁰ См.: Integration Monitor in Latvia // <http://www.humanrights.org.lv/html/25501.html>; электронный бюллетень «Minority Issues in Latvia»: <http://www.cilevics.eu/minelres/MinIssues/title.html>
- ⁵¹ Etnopolitiskā spriedze Latvijā: konflikta risinājuma meklējumi.
- ⁵² С полной версией исследования можно ознакомиться в: *Boguševiča T. Mazākumtautību protesta kustību veidošanās: Latvijas krievvalodīgās minoritātes gadījuma analīze, Promocijas darbs.* Riga, 2009, а также: http://szf.lu.lv/files/petnieciba/Disertacija_Bogusevica.pdf
- ⁵³ См., например: Blakie N. Designing Social Research. Cambridge, 2000; Georgakopoulou A., de Fina A. Analysing Narratives as Practices // Qualitative Research. 8. 2008. P. 379; Fraser H. Doing Narrative Research. Analysing Personal Stories Line by Line // Qualitative Social Work. Vol. 3. №. 2. 2004. P. 179–201; Rogan A.I., Kock D.M. Chronicles From the Classroom: Making Sense of the Methodology and Methods of Narrative Analysis // Qualitative Inquiry. 11. 2005. P. 628; Stanley L. Madness to the Method? Using a Narrative Methodology to Analyse Large-scale Complex Social Phenomena // Qualitative Research. 8. 2008. P. 435; Freeman M., de Marrais K., Preissle J., Roulston K., St. Pierre E.A. Standards of Evidence in Qualitative Research: An Incitement to Discourse // Educational Researcher. Vol. 36. № 1. 2007. P. 25–32.
- ⁵⁴ Описание метода см. в: Blakie N. Op. cit. P. 236–256.
- ⁵⁵ См., например: Social Movements: Identity, Culture and the State // Eds. D.S. Meyer, N. Whittier, B. Robnett. N.Y., 2002; Snow D.A., Soule S.A., Kriest H. The Blackwell Companion to Social Movements. Oxford, 2004.
- ⁵⁶ См., например: Lichbach M.I. Is Rational Theory All of Social Science? Ann Arbor, 2003; Making Political Science Matter: Debating Knowledge, Research, and Method / Eds. F.S. Sanford, B. Caterino. N.Y., 2006; Rethinking Social Inquiry / Eds. H. Brady, D. Collier. Lanham, 2004.
- ⁵⁷ Gamson W.A. The Strategy of Social Protest. Homewood, 1975.
- ⁵⁸ См., например: Jenkins J.C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. Vol. 9. 1983. P. 527–553; McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency. 1930–1970. Chicago, 1982; Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. 2nd ed. Cambridge, 1998.
- ⁵⁹ Gurr T.R. Why Men Rebel. N.Y., 1970.
- ⁶⁰ «Школы – наш Сталинград!» – один из лозунгов движения против реформы образования.

ИЗ ОДНОГО СОЮЗА В ДРУГОЙ: ЗАПАДНАЯ НАУКА О БАЛТИЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКЕ В ПРЕДДВЕРИИ ВСТУПЛЕНИЯ В ЕС

Т.В. Агарин

Незадолго до распада Советского Союза в 1991 г. страны Балтии вновь появились на международной арене в качестве суверенных государств, почти сразу объявив достижение членства в Европейском союзе в качестве основного приоритета своей внешней политики. Для этого страны Балтии должны были и словом, и делом выказать уважение основополагающей ценности Евросоюза (ЕС) – достижению мира и стабильности внутри организации и у ее границ. Демократическая модернизация органов управления и провозглашение принципа верховенства закона, которые были одними из главных условий для вступления в ЕС, казалось, делали достижение этой цели более чем вероятной. Сам же Евросоюз получил санкцию на продвижение демократических идей в постсоветских государствах Балтии по примеру всех бывших «стран народной демократии».

В то время как балтийские политические элиты рассматривали вступление в ЕС в качестве главной цели своей внешней политики, европейские наблюдатели были в меньшей степени заняты проблемой «возвращения стран Балтии в Европу». Следуя за политиками, академические круги центральную роль отводили демократическим институтам, верховенству закона и ответственности чиновников перед теми, кто должен жить согласно их решениям. Чтобы понять, как западноевропейские политические обозреватели оценивали процессы строительства государства и нации, мы должны, во-первых, учитывать, что их исследования объясняют процесс принятия политических решений, вместо того, чтобы объяснять уже принятые решения. И, во-вторых, политологические и социологические исследования обычно были сосредоточены на внутренних интересах государств Балтии в контексте их вступления в ЕС. Большинство ученых и специалистов по

странам Балтии уделяли особое внимание проблеме преодоления опыта советской интеграции, имевшей как институциональный, так и практический аспекты. Многие ожидали этого преодоления в Балтийских странах лишь в отдаленной перспективе, когда государственный суверенитет станет играть более важную роль. Исследования, учитывающие оба эти подхода, не могли не заметить, что балтийская политика в большей своей части, ее идеалы и приоритеты развития были сформулированы и выработаны в контексте восстановления суверенной государственности.

Существенный интерес представителей всех социальных наук к странам Балтии наблюдался в процессе вступления Эстонии, Латвии и Литвы в Евросоюз. Многие ученые особо подчеркнули дефицит демократической ответственности в регионе; критический анализ ситуации показывает, что исследования, рассматривавшие внутренние этнополитические события, прямым образом отразились на восприятии вопросов безопасности и стабильности в Восточной Балтике. В самом деле, страны Балтии были оставлены с их противоречивым наследством советского прошлого, и, как мы увидим далее, национальные правительства стремились заняться прежде всего разными аспектами демографической и лингвистической ситуации, пренебрегая политическими и социальными последствиями краткосрочных решений, касающихся этнонациональных проблем. Какая-то часть этой политики попала под активную критику международных и российских наблюдателей, другая же ее часть привлекла меньше внимания и вызвала меньше критики. Западные исследователи Балтийских стран преимущественно сосредоточили свою критику на исходной точке строительства этнонациональных государств в регионе, хотя данная проблема была также отмечена и в некоторых российских исследованиях. Это было вызвано общей ориентированностью западной науки на исследование первопричин как фактора, влияющего на развитие актуальных политических и социальных процессов, с которыми столкнулось местное население до и после вступления в Евросоюз.

Вопрос о том, какие авторы в своих работах следуют парадигме социально-политического исследования, приемлемого для западных ученых, является, безусловно, весьма спорным. Я уделяю особое внимание теме этнополитики в странах Балтии и работам, которые часто цитируются западными учеными, когда они пишут на данную тему. Большое количество источников, которые широко используются в научных кругах Латвии, Литвы и Эстонии, я вынужден обходить стороной: беспристрастность и теоретическая обоснованность многих из них ставится под сомнение запад-

ными учеными и поэтому редко ими используются. Кроме работ, не фигурирующих в данной статье по причине их несоответствия стандартам теоретически обоснованного анализа фактов, я также не обсуждаю работы местных исследователей, в которых (несмотря на их беспристрастность) отсутствуют либо последовательное описание ситуации, либо теоретические заключения. В целом читатель найдет ссылки на местных ученых, когда они работают в западной парадигме; отсылая к статьям и книгам балтийских ученых, чьи работы не были благосклонно восприняты западным научным сообществом, я делаю необходимые примечания в тексте.

Чтобы дать читателю возможность лучше понять направление западных исследований политического и социального развития стран Балтии, отмечу, что большая часть трудов по этнополитике посвящена проблеме государственной эффективности, с которой связаны проблемы национального суверенитета. Моя задача состоит из трех частей. Во-первых, я обрисую в общих чертах причины заинтересованности западного сообщества в быстром вступлении стран Балтии в ЕС. Во-вторых, покажу, что «этническое политиканство» стало во многом приемлемо как часть демократического процесса, необходимого для объединения общества и укрепления государственного суверенитета, и рассмотрю воздействие законодательства, регулирующего процессы государственного строительства в регионе, на участие местных меньшинств в политических процессах. В-третьих, исследую международное влияние на внутреннюю политику стран Балтии и назову несколько причин признания успехов стран Балтии в деле международной и региональной интеграции со стороны международных организаций, что и позволит мне объяснить в заключительной части, почему европейские наблюдатели были озабочены последствиями вступления Балтийских стран в ЕС.

НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЧЛЕНСТВО СТРАН БАЛТИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Вхождение в Евросоюз бывших республик советской Прибалтики главным образом фокусировалось на анализе влияния евроинтеграции на национальные институты и политику¹. В то же время значительно меньше внимания было уделено изучению проблемы укрепления национального суверенитета этих стран после вхождения в ЕС². Страны Центральной и Восточной Европы прошли через масштабные социально-политические трансформации наряду с процессами демократизации³. Политический

консенсус по поводу членства в ЕС в этих странах был значительно шире, чем в большинстве стран, которые вошли в ЕС ранее. До момента вступления в ЕС этот консенсус являлся основным фактором укрепления и защиты национального суверенитета. Однако этот фактор ушел на второй план по окончании переговоров о членстве, причем сам характер «европеизации» приобрел иные черты. Взаимодействие с ЕС снизило риски нестабильности на национальном уровне. Укрепление суверенитета новых балтийских демократий, однако, можно объяснять по-разному.

Ранее уже озвучивалась критика по поводу недостаточного интереса Евросоюза к проблеме укрепления национального суверенитета и к внедрению программ интеграции общества⁴. В научной литературе, тем не менее, редко ставился другой вопрос: существует ли другая неявная концептуализация национального суверенитета, применяемая ЕС, которая не прописана в официальных документах⁵? Если существует, то основной задачей станет исследование того, что именно выдвигается в качестве требований ЕС по отношению к странам-кандидатам. Изучив литературу по данному вопросу, автор утверждает, что в ЕС применяется та или иная концепция национального суверенитета во время переговоров о вступлении⁶. Более того, из-за неявного характера этой модели трудно сказать, соответствует ли она принципам демократизации в контексте взаимоотношений стран-кандидатов и проживающих на их территории национальных меньшинств. Там, где наследие советского прошлого оставило свой отпечаток на структуре и характере социальных отношений, целый набор факторов нации- и государственностроительства нуждается в особом учете при анализе западных дискурсов относительно поддержки культурного разнообразия.

Универсальный подход ЕС не рассматривался обычно ни в контексте основных условий функционирования демократических институтов, ни в отношении внутренних процессов демократизации стран-кандидатов⁷. Неудивительно, что ЕС столкнулся с рядом проблем, занимаясь вопросом внутренней стабильности новых стран-участников, особенно стран Балтии. Бибер недавно представил доклад о текущей обстановке в западнобалканских государствах: «Чем более активно ЕС внедрял программы в тех областях политики, которые связаны с символами и фундаментальной структурой государства, тем больше он ограничивал собственный потенциал трансформации»⁸. Переговоры о вступлении в ЕС повлияли на характер идеологических дебатов относительно прав национальных меньшинств стран Балтии. Однако это мало повлияло на реальную ситуацию, и лишь немногие стандарты за-

падных демократий были применены в странах Центральной и Восточной Европы.

По верному замечанию, «имеющиеся исследования преимущественно сосредоточивались на влиянии и стратегии ЕС по продвижению демократии без достаточного изучения их природы и последствий реализации»⁹. Несколько исследований того, какие идеи и принципы продвигаются Евросоюзом, были осуществлены без систематического эмпирического обоснования результатов¹⁰. Шиммельфенниг указывает на то, что сохраняется потребность в изучении «природы вступления» в ЕС как процесса продвижения демократии и того, какую роль играют здесь скрытые аспекты этой политики¹¹. Несмотря на то что требования, которые применялись к странам Восточной и Центральной Европы, были намного жестче, чем на предыдущих этапах расширения ЕС¹², оценка успехов стран-кандидатов при выполнении конкретных политических требований была весьма затруднительной. Недостаток конкретики в отношении основных ценностей продвижения демократии затруднял оценку того, были ли требования выполнены. Это не касалось таких минимальных требований, как свободные выборы, независимое законотворчество и свобода политической конкуренции¹³. Оценка процесса вступления стран-кандидатов показала, что институциональные реформы трех ветвей власти были центральными в понимании демократизации¹⁴. Тем не менее для характеристики не хватало четкой концептуализации демократии и адаптации ее механизмов в соответствии с местными условиями. Формальный подход при оценке был применен ко всем новым членам, но на сегодняшний день в ЕС не существует консенсуса относительно того, как оценивать национальный суверенитет. Более того, в документах ЕС не существует четкого определения, что имеется в виду под этим термином¹⁵.

В странах бывшего Восточного блока попытки поощрить «европеизацию» предпринимались более последовательно и энергично, чем прежде. Это делалось с учетом не только нормативной ценности демократии, но и того вклада, который ожидался от нее для продвижения комплексной интеграции и стабильности в Европе. Этому способствовала прочная международно-правовая база: Хельсинские соглашения 1975 г., ставшие основой для укрепления прав человека, равно как и для утверждения суверенитета государств и нерушимости их границ. Так, некоторые ученые утверждают, что ЕС вовлекалась во внутреннюю политику Балтийских государств чаще всего в контексте опасений прибалтов по поводу вмешательства России в их внутреннюю политику¹⁶: в рамках такого подхода наблюдалась обеспокоенность вопросами

безопасности и защиты национальных интересов в ущерб проблеме сохранения культурного разнообразия¹⁷. Интеллектуальные модели, задействованные при изучении отношений России и Балтийских государств, зачастую являются тавтологическими и ограниченными, озабоченными тем, что национальные меньшинства могут сыграть «на руку» России, если им будут предоставлены равные права для участия во внутренней и, соответственно, европейской политике¹⁸. Вместо того чтобы разрабатывать инновационные и междисциплинарные подходы к сравнительному анализу этих проблем, ученые привычно озвучивают набор утверждений об особой зависимости национальных меньшинств от России. В дополнение к этому влияние Российской Федерации посредством дипломатических инструментов зачастую представляется как «неевропейское» и принадлежащее другой исторической эпохе¹⁹. На сегодняшний день это стало стандартным подходом при изучении стран Балтии и дополнительным фактором амбивалентности оценивания этих стран политическими элитами Востока и Запада.

Будучи открытыми для внешнего воздействия в процессе «европеизации» население Литвы, Латвии и Эстонии видело во вступлении в ЕС переход в новое качество после советской союзной республики. Советский Союз воспринимался ранее как внешняя угроза и как «другой» в процессе конструирования балтийских национальных идентичностей. Но на сегодняшний день укрепление национального суверенитета опять-таки рассматривается в качестве некой деятельности, противостоящей соседней России. В каждом из этих государств восстановление и развитие национального государства воспринимается как гарантия защиты языка и культуры «титальной» нации.

Как исследователь вопросов, связанных с политикой в Балтийских странах, я тоже утверждал, что балтийские общества оказались заикленными на прошлом, ведь рутинные взаимодействия между этническими сообществами характеризуются здесь как антагонистические отношения²⁰. Присоединение к ЕС во многом использовалось как подтверждение этнонационального верховенства национального большинства над меньшинствами – подход к защите прав человека в итоге все равно базируется на местном суверенном законодательстве. «Независимость» использовалась международными организациями для укрепления консенсуса элит перед вступлением. При этом в постсоветской Балтии этот консенсус включал еще представление о национальных меньшинствах как о «пятой колонне» России. Другие вопросы, например, степень зависимости русских меньшинств от позиции

России или польского меньшинства от Польши, никогда не были предметом исследования специалистов. «Опасность», исходящая от меньшинств, частично «объясняет» создание правительствами Латвии, Литвы и Эстонии институализированного неравенства для участия в процессе принятия политических решений. Это же позволяет России обвинять правительства западных государств и ЕС в целом в нарушении прав русскоговорящих меньшинств в регионе.

Таким образом, этнический состав каждого из этих государств оказывает большое влияние на то, каким образом суверенность «титულных» наций привносится в концепцию суверенной государственности и формирует различные политические дискурсы. Вопрос, насколько проводимая балтийскими правительствами политика может считаться дискриминационной в отношении русских национальных меньшинств, достаточно часто становился предметом исследования²¹. Как считают некоторые исследователи, этнополитика государств Балтики «отодвинула» эти меньшинства от ЕС как гаранта их прав²². Надо учитывать, что попытка экспорта демократии в Балтийские страны была предпринята в рамках контекстуальной поддержки идеи опасности от меньшинств²³. В некоторых трудах высказывается идея, что укрепление национального суверенитета играло центральную роль во внешних отношениях ЕС с бывшими республиками Советского Союза из-за опыта «советского коммунизма» в этих странах, причем местным политикам удалось проигнорировать интересы меньшинств²⁴. Также во многих случаях «поддержка демократии» балтийскими государствами на Украине, в Беларуси, Грузии и в Центральной Азии является, по западным оценкам, существенной. Это во многом укрепляет представления о суверенитете при принятии решений на национальном уровне, но не поддерживает процессы демократизации в отношениях общества и государства²⁵.

Описанные процессы затронули не только Балтийские государства (в которых политические элиты продолжают воспринимать российскую политику как внешнюю экзистенциальную угрозу, несмотря на членство в ЕС и НАТО), но также страны, в «демократизации» которых так или иначе заинтересован Запад (этот интерес зачастую интерпретируют как стремление к обнулению влияния Российской Федерации)²⁶. Как бы то ни было, пафос продвижения демократии Балтийскими странами и в целом ЕС затрудняет работу политических структур, ориентированных на улучшение взаимоотношений национального большинства и меньшинств и, более того, усложняет взаимодействие между Востоком и Западом.

В научной литературе отмечается, что политика государств Балтии была легитимирована на национальном и международных уровнях как неотъемлемая часть европейского дискурса национальных государств, причем в контексте «возвращения в Европу»²⁷. Тем не менее при научном анализе взаимоотношения Востока и Запада зачастую оценивались критически, поскольку в рамках процесса евроинтеграции на управление государством не должны влиять местные определения государствообразующей нации²⁸. Создавая и усиливая противоречия между этнонациональной идентичностью и реальными практиками гражданского участия, евроинтеграция затруднила процесс международной социализации для стран Балтии, дав им слишком мало времени для того, чтобы они могли «проявить» свою независимость на национальном уровне²⁹.

Научное обсуждение этих проблем значительно продвинулось после вступления государств Балтии в ЕС. За это время успело сформироваться два основных подхода в объяснении того, как государства бывшей советской Прибалтики смогли вступить в ЕС и почему они являются важной частью Евросоюза в наши дни. Во-первых, обычно обобщаются и отстаиваются различные версии понятия «суверенитета», которые используются разными органами ЕС и в постсоветских странах. Основное различие содержания касается права нации на самоопределение, которое тесно связано с политикой и процессом принятия решений в постсоветских странах³⁰. Такое понимание используется для обоснования безоговорочного верховенства национальных лидеров и национальных интересов, будь то вопросы гражданства, использование языка и т.д. Институты ЕС тоже признают большую значимость принятия решений на уровне ЕС и на национальных уровнях, хотя рассматривают тех, кто принимает решения, как представителей налогоплательщиков и тех, кого касаются принимаемые решения. Эта риторика основывается на идее верховенства коллективной идентичности (как и на всем постсоветском пространстве), но основной функцией ЕС является защита индивидуальных прав, свобод и равенства возможностей, в отличие от пропагандируемых элитами восточноевропейских государств «коллективных» целей³¹.

Во-вторых, недавние дискуссии в европейской науке относительно отношений национального большинства и меньшинств в постсоветских странах позволяют лучше понять причины взаимного недоверия между ними в контексте государственного регулирования. Пример этнополитики государств Балтии является здесь наиболее интересным. Современные исследователи Бал-

тийских государств сталкиваются с проблемой согласования логики национализации этих государств с социальным включением национальных меньшинств в условиях возрастающей культурной и лингвистической «титублиризации» этих обществ³². Оценки влияния международных организаций на государства Балтии исходят из того, что вступление в ЕС вынудило их выполнить обязательства в сфере социальной, культурной и языковой политики, которые укрепили доминирующую роль большинства³³. Однако активная вовлеченность ЕС в отстаивание прав национальных меньшинств не была адекватно воспринята и не создала основу для стабильной интеграции общества, «заморозив» особые идентичности меньшинств³⁴. Для решения многих проблемных моментов, на которые указывали представители национальных меньшинств и международные мониторинги, со стороны национальных правительств каких-либо шагов не последовало. Отсутствие политической реакции на проблемы, связанные с национальными меньшинствами в регионе, вновь подтвердил тот факт, что государства Балтии консолидировали свою позицию на высшем уровне принятия решений и реализации социальной политики.

Исходя из вышесказанного, необходимо сделать несколько уточнений в отношении международных аспектов этих проблем. В большинстве случаев правительства Балтийских государств смогли довести свои взгляды до зарубежной аудитории и, используя международные форумы, заручиться поддержкой в отстаивании национального суверенитета. Ссылки на внутреннюю политику, несомненно, являются важным элементом применяемой здесь стратегии и влияют на анализ того, что и как озвучивается на международном уровне правительствами Балтийских государств в отношении процессов демократизации, евроинтеграции и продвижения демократии³⁵. Одним из тезисов автора данной статьи является то, что постсоветские правительства Балтийских государств коллективно более обеспокоены своим суверенитетом, чем государства «старой» Европы³⁶. Различия в ходе укрепления и консолидации режимов напрямую зависят от демографических причин и восприятия потенциального влияния внешних акторов (России) на внутренние процессы. Таким образом, в основе политических действий, укрепляющих национальный суверенитет, лежит заявка, сделанная на начальном этапе государственного строительства в Балтийских странах, а именно заявка на строительство этнонациональных государств.

ГОСУДАРСТВО И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В ПОСТСОВЕТСКОЙ БАЛТИИ

Западное ученое сообщество в течение последних двадцати лет продолжает вести дискуссии о сути политических преобразований в странах Балтии. Большая часть ученых полагает, что главная трудность, с которой столкнулись балтийские общества, была результатом так называемого комплексного перехода (персональные и идеологические изменения в политическом руководстве, экономические реформы и строительство государственного аппарата). В литературе о демократическом государствовроительстве неоднократно подчеркивалась важность государственности. По словам Хуана Линца, «нет государства, нет верховенства закона, – значит, нет демократии»³⁷. Строительство государства и его адаптация к новой социальной, экономической и политической реальности, где по сравнению с советским периодом была уже серьезная борьба за ограниченные ресурсы, затрудняло консолидацию граждан вокруг государства как такового³⁸. Для обеспечения суверенитета стран Балтии после распада Советского Союза первой целью государствовроителей должна была стать консолидация «корпуса граждан». В этом разделе я начну свой анализ с описания процесса создания государственных институтов в странах Балтии и с описания того, как накладывавшиеся друг на друга процессы государствовроительства способствовали созданию и консолидации наций вокруг ценностей местного этнического большинства.

Авторы других статей настоящего сборника уже отметили некоторые особенности процессов государство- и нациестроительства в Балтийском регионе после распада СССР. В Эстонии и Латвии гражданами не были автоматически признаны подавляющее большинство местных меньшинств, что способствовало росту напряженности в отношениях между представителями этнолингвистических общин. Как следует из результатов политологических исследований, в Эстонии и особенно в Латвии эта политика сделала для многих представителей «нетитульной» этничности затруднительным участие в принятии политических решений³⁹. Этот факт был отмечен как потенциальный фактор дестабилизации местных демократических процессов⁴⁰. Кроме того, так как большинство неграждан Латвии и Эстонии де-факто утратили какое-либо гражданство после краха СССР, особый интерес уделялся процессу натурализации⁴¹. Вместе с тем Саюдис – литовское движение за независимость – позволил всем жителям республики выбирать гражданство постсоветской Литвы еще до достижения

независимости де-факто. В итоге более 90% ее меньшинств стали гражданами постсоветского государства уже в 1991 г.⁴² Однако имевшиеся на тот момент политические институты стран Балтии не были этнически беспристрастными, что затрудняло разрешение конфликтов между лидерами разных этнических сообществ. Они также не могли выступать посредниками при ведении переговоров между лидерами элит этнических групп и, соответственно, представляли особый интерес для местного научного сообщества как потенциально проблематичное наследие советского периода⁴³.

Нужно сказать, что западные исследователи не рассматривали ни потерю гражданства, ни требования натурализации как проблемы сами по себе. Схожие проблемы существуют во всех европейских странах. Что отличало местную ситуацию от западных стран, так это проблема массового безгражданства, которая касалась также тех членов общества, которые уже нескольких поколений жили в Балтийских странах, а некоторые из них даже активно участвовали в борьбе за независимость, поддерживали процессы демократизации и действовали в интересах местных «титulyных» групп. Критерии для натурализации в Латвии и Эстонии противоречили тому, что социология и политология Запада сочли бы подходящим для гармоничного государствовоительства и сотрудничества при восстановлении и переустройстве национальных органов власти в постсоветский период⁴⁴. Пока балтийские ученые занимались умалением значения фактически проявленной лояльности меньшинств к государству, обосновывали введение экзаменов для получения гражданства и разрабатывали тесты на знание государственного языка⁴⁵, ученые, работавшие в рамках научной парадигмы западного сообщества, подвергали сомнению целесообразность этих политических решений как неуместных с учетом местных реалий⁴⁶. Особенно часто указывалось на тот факт, что большая часть представителей меньшинств должна будет формализовать свое отношение к местному «титulyному» сообществу, а не к государству⁴⁷.

Данный вопрос был обстоятельно рассмотрен политологами, изучающими воздействие госучреждений на свободу в обществе⁴⁸; социологами, анализирующими долгосрочные процессы социальной сплоченности⁴⁹; антропологами и лингвистами, исследующими эффект «квазисегрегации» на культурные практики и (социо)лингвистические процессы⁵⁰. Многочисленные академические исследователи причин и факторов напряженности между властями стран Балтии и русскоязычными меньшинствами исходили из предположения, что принятие определенных по-

литических решений в регионе было обусловлено той или иной формой национализма. Принцип государственного континуитета позволил странам Балтии основать госучреждения, которые были ответственны в первую очередь перед гражданами, которыми в подавляющем большинстве были представители титульной этнической группы. Этнический фаворитизм политических институтов позволил некоторым ученым классифицировать Эстонию и Латвию как демократические государства ограниченной формы или «этнические демократии»⁵¹. Поскольку, например, эстонская и литовская конституции определяют государства как страны одной особой этнической группы, политика мультикультурализма позволила лишь укрепить этническое превосходство и даже институализировать его как нечто, соответствующее букве и духу конституции. Хотя Конституция Латвии не определяет какую-либо этническую группу в качестве «основного» носителя государственности и принадлежность государства к некоей этнической группе, это не помешало тамошней политической элите внедрить принцип этнического доминирования через другое законодательство, например, законодательство о государственном языке и т.п.⁵²

Литва стала объектом более сдержанного интереса и меньше подверглась критике, поскольку, как утверждалось в исследованиях, она использовала более либеральную версию проекта государственного строительства⁵³. Более внимательное рассмотрение покажет, однако, что так называемый нулевой вариант гражданства в Литве был опять-таки шагом на пути строительства государства, где приоритет отдается «титulyной» нации (как в Латвии и Эстонии)⁵⁴. Хотя почти все жители Литвы – граждане и неграждане – имеют пассивные и активные избирательные права и могут представлять свои интересы через политические партии, в том числе действующие на местном и республиканском уровне «этнические» партии, они также должны приспособливаться к этнополитическому господству «титulyной» этнической группы.

Эти проблемы, как и, на более позднем этапе, институционализация этнической иерархии были отмечены во многих работах⁵⁵. Местные социальные исследования по вопросу воздействия институтов этнических государств на этнические отношения в странах Балтии были очень важны⁵⁶: «титulyные» нации пытались монополизировать принятие политических решений, потому что они де-факто, хотя и не всегда явно, оттеснили от этого процесса представителей меньшинства. Многие ученые сосредоточили основное внимание на процессе консолидации политического управления по инициативе «титulyных» элит в Латвии, Литве и

Эстонии⁵⁷. Даже ученые из стран Балтии соглашались, что условия для приобретения постсоветского гражданства уменьшили для «нетитульного» населения возможность для участие в принятии политических решений, особенно для переселившихся сюда в советское время⁵⁸. То, что «титульные» языки были сделаны единственными официальными языками в этих странах на начальной стадии демократического перехода, впоследствии оценивалось как решающий шаг для обеспечения «титульного» управления политическим и социальным развитием в регионе⁵⁹. Но обширные труды о ситуации в Балтийских государствах не были соотнесены с исследованиями того, как языковое регулирование сказалось на способности местных меньшинств поддерживать процесс строительства демократии. Чаще авторы балтийских работ предполагают, что «нетитульные», особенно мигрировавшие в советское время группы представляли собой нечто в роде препятствия для связи государственных институтов с членами национального сообщества⁶⁰.

Перспектива присоединения к ЕС переключила внимание на политические институты, являющиеся гарантами внутренней стабильности. История национальных государств показывает, как группы граждан, подобно странам Балтии, сформировали ядро западноевропейского понимания «нации». Однако на Западе уже не наблюдалось того несоответствия между этническим составом населения и этнокультурными принципами, закрепленными в политических структурах национального государства, и поэтому исследования касались в первую очередь вопросов внутриполитической стабильности в регионе. Это объяснялось тем, что если страны Балтии присоединятся к ЕС, то их национальные интересы и стабильность будут иметь влияние на восприятие внутренней стабильности в ЕС. Проблемы людей, не имевших гражданства Латвии и Эстонии, стали одним из направлений исследований западной науки. В целом местные авторы по тематике социального климата в регионе нередко концентрировались на процессе принятии тех решений, которые играли центральную роль в формировании идентичностей как «титульных», так и меньшинственных групп⁶¹. Большинство моих западных коллег также подчеркивали, что в странах Балтии созданные для принятия политических решений условия в целом ограничивают возможности балтийских обществ для перехода к более открытому, более равноправному обществу там, где вопросы политической важности имеют приоритет над проблемами сохранения этнической или языковой идентичности⁶². Сам автор ранее изучал влияние различных социальных структур на оценку возможностей

балтийских меньшинств к участию в политическом, демократическом процессе принятия решений⁶³.

Внедрение законов о государственном языке всюду в странах Балтии привело к значительным ограничениям участия в политической деятельности меньшинств и снизило уровень их взаимодействия с должностными лицами. Интересно, что все три государства очень схожи в этом отношении. И Латвия, и Литва, и Эстония приписали «титульным» языкам основную ценность, вокруг которой все политическое сообщество и политические процессы должны вращаться вот уже два десятка лет. Языковые законы были среди первых законодательных актов, принятых при получении большей автономии от союзного центра в конце 1980-х годов. В Эстонии Закон о языке от 18 января 1989 г. утверждал, что необходимо защитить эстонский язык, и по сути объявил Эстонию моноязычным государством. После провозглашения независимости Закон о языке 1995 г. аннулировал ранее существовавшее обязательство для государственных лиц Эстонии говорить на других языках, находясь на службе. Первая версия латвийского языкового закона 1989 г. также позволяла использование языка национальных меньшинств в общественной сфере, но была дополнена в 1992 г. Закон о языке в редакции 1992 г. уже потребовал, чтобы вся официальная коммуникация осуществлялась на латышском языке. С учетом того, что около $\frac{3}{4}$ «нетитульного» населения не могли общаться на нем на достаточном уровне, это создало серьезную помеху для участия меньшинств в публичной жизни. С тех пор языковое законодательство было дополнено и частично изменено при участии международных организаций, однако, без участия самих представителей меньшинств. В результате переговоров с ОБСЕ и Еврокомиссией Закон о государственном языке 1999 г. сохранил значительный контроль над использованием языка в частной сфере, который, однако был ограничен принципом пропорциональности. Схожие изменения были сделаны и в эстонском законодательстве.

В Литве Декрет (Решение) о языке был принят Верховным советом Литовской ССР в январе 1989 г. Там подчеркивалась необходимость стимулировать нелитовцев к публичному и официальному общению на языке большинства. Закон о государственном языке (1995) регулировал использование и защиту государственного языка, гарантируя его применение в качестве главного инструмента общения во всех областях общественной жизни. Закон об этнических меньшинствах (1989) и Закон об образовании (1991) были разработаны в рамках той же логики языковой политики.

Одноязычный государственный подход в целом приветствовался европейскими организациями как удачный. С ноября 2001 г. (на практике – с 1992 г.) эстонский язык формально является единственным официальным языком парламента Эстонии, а год спустя, в октябре 2002 г., он был также формально сделан рабочим языком местных органов администрации – это должно было способствовать социальной сплоченности вокруг идеи национального государства и его языка (до этого времени эстонский язык продвигался за счет установления для кандидатов в депутаты всех уровней языковых требований, которые были отменены под давлением извне). В Латвии все кандидаты на работу в государственных учреждениях также должны демонстрировать знание языка на достаточно высоком уровне. Регистрируясь как кандидаты, люди, закончившие школы на негосударственном языке, должны приложить копию свидетельства, подтверждающего их знание языка. Таким образом, доступ к выборным должностям де-факто ограничен для тех граждан, которые не владеют государственным языком на «перфектном уровне».

Данная политическая динамика не осталась незамеченной в академических кругах. Особенно часто подчеркивается тот факт, что использование негосударственных языков в контактах с органами власти и управления было ограничено правовыми актами уже в первое десятилетие независимости стран Балтии⁶⁴. Стремление сделать государственные языки единственными языками Латвии, Литвы и Эстонии шло бок о бок с укреплением роли государства в управлении местными политическими процессами и с утверждением суверенитета на национальной территории и особенно критически было оценено учеными из среды балтийской эмиграции⁶⁵. Такой центристский подход к формированию политических институтов и впоследствии к принятию политических решений, касающихся всего населения, нередко в западных исследованиях подвергался критике⁶⁶. Балтийские исследователи отвергают данную критику ссылкой на особенности местной демографической ситуации, на «негативный» советский опыт двуязычия и т.п., но на деле их аргументы сводятся к восприятию «титულიной» нации как лидера в процессе консолидации государственных институций⁶⁷. Западная наука соглашается с такими заключениями, касающимися ведущей роли национального сознания в процессе демократического развития в Балтии, но упоминает, что языковое законодательство, которое регулирует вопросы общения и таким образом способствует обратной связи между государственными учреждениями и местными сообществами, только укрепляет

этническое превосходство большинства⁶⁸. Часто делается вывод, что была проведена «санация» культур большинства, предотвращено их смешивание с культурами меньшинства и т.д.⁶⁹ Особенно распространены выводы, касающиеся непредвиденных результатов политики государственностроительства⁷⁰.

Исследования постоянно подтверждают, что установление доминирующего положения «титულიных» языков в странах Балтии привело к росту социальной напряженности, тогда как центральной задачей государственных институтов и политических элит является как раз, наоборот, ее снятие. В следующем разделе будет показано, что, хотя «ранние» политические решения стремились сформировать органы государства, они в то же самое время укрепили статус «титულიных» наций и их языков. Однако при этом наблюдалось движение в том самом направлении, которое и ожидалось от суверенных государств европейскими наблюдателями.

ВЗГЛЯД НА ОЦЕНКИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Повсюду в постсоциалистической Европе либерально-демократические стандарты лежали в основе программы достижения равенства, причем «этнокультурное правосудие» стало первоочередной задачей новых/обновленных политических институтов⁷¹. В условиях новой государственности конфликты между политическими институтами должны были разрешаться согласно демократическим стандартам, а сами институты должны были служить всем без исключения гражданам. Отражая принципы, прописанные в Хельсинских соглашениях, от государств стали также требовать защищать национальные культуры и языки, нередко в непростых демографических условиях, чтобы предупредить возможность локальных или национальных конфликтов. Перспектива присоединения к ЕС переключила внимание на политические институты, являющиеся гарантами внутренней стабильности.

Роль международных организаций стала объектом особого внимания в период между открытием переговоров балтийских правительств о присоединении к ЕС в 1995 г. и подписанием соглашения об их вступлении в организацию в 2003 г. Многие исследователи исходили из предположения, чтобы переговоры с ЕС укрепляли демократию, ведь в их рамках поощрялась открытость при принятии решений, а к участию привлекались все члены общества. Ученые, занимавшиеся Балтийским регионом в период

его вступления в ЕС, предположили, что необходимые для евроинтеграции политические реформы будут оказывать долгосрочное воздействие на демократический потенциал национальных государств. Оглядываясь назад, различия между позициями ученых и экспертов представляются теперь незначительными. Хотя и те, и другие объясняют процесс политических и институциональных реформ как результат давления со стороны Евросоюза в основном с целью усилить демократизацию в бывших советских республиках перед присоединением к ЕС. Они же подчеркивают, что процесс вхождения стран Балтии в ЕС имел также целью дать местному населению возможность влиять на политические институции и на процесс принятия политических решений в приемлемых для местной концепции государственности рамках. Исследования уделяют много внимания демократическому переходу, международному сотрудничеству и сверке действий стран Балтии с установленными в ЕС нормами и правилами⁷². При этом указывается на возросшую способность государства к эффективному управлению, проведению реформ и в конечном итоге к принятию суверенных политических решений. Сравнительные политологические исследования, однако, систематически критиковали такой подход, когда вопрос о балтийском суверенитете поднимался в увязке с европейской интеграцией⁷³. Переход к новой экономической системе и смена политического режима были всего лишь преобразованиями на пути к рыночной экономике и «национальной демократии», но они редко осмыслились как процессы, внешние по отношению к постсоветским национальным ценностям⁷⁴. Только после того, как страны Балтии присоединились к ЕС, было представлено больше свидетельств о роли, сыгранной «научными сообществами» в укреплении европейских стандартов управления и верховенства закона во внутренних делах новых стран-членов⁷⁵.

Часто утверждается, что «сложный» этнический состав балтийских обществ стал первопричиной ограничительной политики в области языка и гражданства, а также обусловил слабость местной политики мультикультурализма. Несмотря на стремление к упрочению политической стабильности на окраинах Европы и позже в ЕС путем предоставления национальным элитам возможности следовать своим собственным представлениям о стабильности и суверенитете, большая часть исследователей недооценивает то обстоятельство, что «домашние заготовки» местных политических элит отражали более широкую европейскую тенденцию развивать замороженные политические модели. Соответственно, ученые, анализирующие страны Балтии как при-

меры «этнодемократических государств», выдвигают на первый план исключительное влияние «титовых элит» на политические процессы⁷⁶. Балтийские же ученые, исследуя политику в области гражданства, языка и интеграции, во главу угла ставят представителей «титовых» наций и их деятельность, без учета довольно больших групп меньшинств в регионе⁷⁷. В отличие от местных академических кругов во всех западных трудах без исключения балтийские общества рассматриваются как состоящие и из большинства, и из меньшинств⁷⁸. Важно, что во всех трех Балтийских странах меньшинства поддерживали процессы евроинтеграции и таким образом в достаточной для западного научного исследователя степени доказали свою приверженность демократическим ценностям. Когда обсуждается процесс влияния международных организаций на внутреннюю политику в рамках подготовки к вступлению в ЕС, весьма позитивно оценивается единодушная поддержка вступления в ЕС со стороны меньшинств⁷⁹.

Это обстоятельство особенно важно в свете укореняющейся либеральной политической традиции в ЕС, которая рассматривает гражданское общество, народное представительство и рыночные отношения как обязательные компоненты демократии. Первые два компонента, как обычно полагают, включены в основу политической культуры данного общества; они стали производной от традиций гражданского общества, поддержанного политическими институтами, национальными конституциями, юридическими практиками и законами⁸⁰. Так, европейские наблюдатели вообще и советники ЕС в частности призывали к большей ответственности государств (и политических элит) Балтии перед людьми, которыми они управляют. Таким образом они содействовали росту обязательств государств перед всем обществом, а не только перед «большинствами». Действительная ценность, приписанная рыночной экономике в постсоветских регионах, однако, оспаривалась, в особенности международными организациями, продвигающими идею экономических свобод для усиления ответственности государства перед управляемыми членами общества⁸¹. Исследования часто свидетельствовали, что местным социальным элитам редко удавалось подтолкнуть представителей большинства признавать особые интересы меньшинств в области этнических отношений, в политическом процессе и т.п. Неудивительно, что большинство ученых приходят к заключению, что давление европейских наблюдателей на балтийских чиновников не было слишком эффективным⁸²: в странах Балтии многие меньшинства так и не стали гражданами, не наблюдалось достойного

привлечения представителей меньшинства к принятию политических решений, а этнические отношения в целом улучшились незначительно. Несмотря на то что были созданы многочисленные неправительственные организации, их влияние на политические элиты и, следовательно, на принятие политических решений и на способность участвовать в строительстве демократических институтов регулярно подвергалось сомнению⁸³. В результате часто ставится вопрос: как без решения этих проблем вообще стало возможным вступление стран Балтии в ЕС в 2004 г.?

Точка зрения, разделяемая видными исследователями проблем региона, заключается в том, что при вступлении в ЕС форма политических институтов оказалась важнее их содержания. Европейские наблюдатели в своих анализах ситуации в странах-кандидатах делали упор не на анализе уже достигнутого в результате демократических реформ: прежде всего речь шла о возможностях и потенциале развития демократических практик после вступления стран Балтии в ЕС. Это обстоятельство только недавно стало привлекать внимание аналитиков балтийской этнополитики. Большое количество политических акторов, партий и неправительственных организаций, рассматриваемых в прошлом в качестве гарантов демократического развития, само по себе мало говорит об их фактической способности объединить общество и обеспечить функционирование государства. Во-первых, политическая интеграция в странах Балтии и ее формальное сходство со многими государствами-членами ЕС практически не дают возможности понять, как на самом деле происходит процесс принятия решений. Формирование национальных элит шло одновременно с укреплением определенной этнонациональной идентичности во всех трех постсоветских мультиэтнических обществах Балтии. Это привело к укреплению этнического характера балтийских обществ как принадлежащих и управляемых «большинствами» без участия меньшинств. Во-вторых, национальное самосознание было определено в этнических терминах, и оно имело эксклюзивный, исключаящий характер на протяжении всего периода вступления в ЕС. Различия в восприятии государства в этнических группах большинства и меньшинства не нашло отражения во внутривнутриполитической динамике и оказало разрушительное воздействие на социальную интеграцию и объединение всех граждан за границами этнических «сект». Тот, кто получил выгоду от этнической ангажированности недавно появившихся политических институтов, не был заинтересован в переделе или в улучшении государственных институций, сформированных так, чтобы служить именно большинству.

В странах Балтии, где политические руководители действовали от лица граждан, в основном состоящих из «титульного» населения, от лица которых они требовали сначала независимости, а позднее интеграции в ЕС, процесс демократизации мог быть оформлен как процесс противостояния требованиям меньшинств, часто определяемым как форма антигосударственной деятельности. Многие политологические тексты уже после вступления стран Балтии в ЕС анализируют способы, которыми элиты конструировали коллективную идентичность в каждом государстве, минимизировали воздействие этнических меньшинств на государственную политику и подавляли их участие в общественной жизни. Умеренность политических требований ЕС балтийские политические элиты интерпретировали как повод для дальнейшего ужесточения местного этнополитического режима.

Хотя Евросоюз привержен идеям единства и сотрудничества, соответствующая повестка дня формируется на уровне государств, а не этнических общин, что и привело к нейтрализации восприятия проблем меньшинств в Балтийских странах после их вступления в ЕС. Это мало помогло меньшинствам – ведь проводниками европолитики были местные элиты. Поскольку процесс вступления в ЕС также «сертифицировал» местные политические институции как демократичные и совместимые с европейскими нормами государственности, они так и остались инструментом национальных политических элит для адаптации меньшинств к (этно)национальному государству и к «этнически пристрастному» обществу. Западные политологические исследования ясно дали понять, что строительство национального государства за счет меньшинств в долгосрочной перспективе может привести в дестабилизации ситуации в регионе и даже в целом в ЕС. Несмотря на это, интеграция меньшинств в странах Балтии ультимативно требует от них адаптации под институты, законы и правила государствовоительства, что де-факто уменьшило возможности этнических меньшинств участвовать в общественной сфере, несмотря на отсутствие откровенных дискриминационных запретов по признаку этничности⁸⁴.

Показательно, что не только западные, но и балтийские исследователи делают подобные выводы. Артис Пабрикс приходит к выводу, что доля русских, украинцев и других меньшинств среди занятого населения значительно ниже, чем их доля в населении⁸⁵. Пабрикс также показывает, что еще меньше представителей меньшинств трудится на рабочих местах, соответствующих их квалификации⁸⁶. В Литве представители «титульной» группы преобладают среди законодателей, высших должностных лиц и

белых воротничков, так же как и среди специалистов⁸⁷. Поляки составляют 4% в каждой из упомянутых групп, а русские 5 и 6%, соответственно. Ситуация схожа и в Эстонии, где представители меньшинства занимают скромную долю в государственном аппарате⁸⁸. Наблюдения за общественными интеграционными процессами в Эстонии перед вступлением в ЕС показывают, что «неосновные народы» находят работу главным образом в сферах транспорта, коммуникации, торговли, полиции или спасательных служб, а также являются поставщиками услуг: они либо подчиненные, либо начальники низшего, редко среднего уровня. Хотя в судах не получено многочисленных свидетельств дискриминации меньшинств на основе этнической принадлежности, социально-экономическая стратификация обществ привела к асимметрии экономических возможностей разных этнических сообществ⁸⁹.

А. Асланд и Т. Флётен исследовали процессы адаптации меньшинств к социально-экономическим и политическим изменениям и привлекли внимание к тому факту, что социальное неравенство накладывает существенный отпечаток на возможности участия меньшинств в общественной и политической деятельности в Латвии и Эстонии⁹⁰. Члены групп меньшинств Литвы также больше работают в частном секторе и хуже представлены в общественном секторе. Исследование Н. Касаткиной и Т. Леончикаса показало, что, в отличие от Эстонии, в Литве нет никаких статистически заметных различий в уровне дохода среди этнических групп⁹¹. В работе «Процесс и контекст адаптации» авторы утверждают, однако, что одна пятая их респондентов в Литве говорит, что важно принадлежать к «титულной» национальности, чтобы быть успешными на рынке труда. Схожие исследования социальной ситуации перед вступлением в ЕС в Латвии, Литве и Эстонии объясняют различное распределение большинства и меньшинств по социальным стратам языковыми ограничениями, служащими барьером для работы на государственной службе и в публичном секторе, для участия в политической жизни, а также для оказания влияния на политику⁹².

Когда в странах Балтии политика социальной интеграции набирала обороты в конце 1990-х годов, социальные процессы все больше и больше осознавались как ведущие к политической, но ни в коей мере не к этносоциальной стабильности. Государственная политика интеграции и деятельность учреждений, ответственных за ее внедрение, помогли очертить рамки участия меньшинств в социальной, экономической и, не в последнюю очередь, политической жизни страны. Вообще, западные социальные исследования признали, что балтийские «большинства» отказались от ассимиляции как наиболее эффективного средства обеспечения

социальной и политической стабильности, но заявили об интеграции меньшинств в контролируемые большинством сообщества, что стало своеобразным каналом кооптирования. Только в Литве, где всесторонняя система правовой защиты прав меньшинств и механизмов социальной интеграции была разработана еще в последние годы существования Советского Союза, организации национальных меньшинств активно работали с правительством с 1995 г. над проектами интеграции.

В то время как господство титульных групп уже было продекларировано в конституциях или других законах, национальные программы интеграции изображали представителей меньшинств как (возможных) участников процесса, подчеркивая роль законодательства о гражданстве и языке. При этом никаких особых усилий не было сделано, чтобы обеспечить поддержку интеграции в политической сфере⁹³. Программы молчаливо восприняли как данность, что русскоязычные меньшинства не являются составной и стратегической частью балтийских обществ и что они де-факто отстранены от политического участия. Разработанные фактически без участия меньшинств документы дают в полной мере понять, что большинство думает о роли меньшинств в общественных процессах, особенно когда ссылаются на идеалы либеральной демократии, определяемой в этнокультурных терминах и отражающей представления большинства⁹⁴. В целом проводники политики интеграции продолжают разглагольствовать о равенстве всех жителей государства посредством наделения их тем же самым набором прав, в то время как «титулный» язык продвигается как основной маркер политической идентичности в государстве⁹⁵.

К началу 2000-х годов участие в политической и социальной жизни, а также социальная успешность представителей меньшинств и «титулных» групп заметно различались в каждом из Балтийских государств. Местные исследования эту проблему объясняли почти исключительно неприспособленностью «нетитульных» жителей к новой государственности⁹⁶, пути развития которой были выбраны «большинствами» Латвии, Литвы и Эстонии, а также плохим уровнем владения государственным языком. Международные наблюдатели, особенно политологи и социологи, исследующие развитие социальных процессов, зачастую подчеркивают, что именно выбранные стратегии государство-строительства являются первопричиной наблюдаемого сейчас социально-политического неравенства в Балтии. Ученые, исследующие проблемы государство-строительства, соглашаются, что равное участие в процессе выработки политических решений –

это основной гарант политической стабильности. Политические институты, государственные органы и представители всех этнических сообществ должны согласовывать друг с другом решения, касающиеся государственного развития. Именно эти вопросы нашли яркое отражение в западных исследованиях балтийской политики, где меньшинства получили только ограниченное представительство⁹⁷.

Несмотря на то что международные организации часто утверждали, что демократизация в Балтии идет по правильному пути и меньшинства должны опираться на местные институты права⁹⁸, международное академическое сообщество критически оценивает качество демократии в Балтийском регионе. Исследования, проведенные во время вступления Балтийских государств в ЕС, подчеркивают наличие серьезных препятствий к достижению идеала хорошо функционирующего политического режима. Большинство ученых исходило из предположения, что интегрированные структуры обеспечивают предсказуемые ответы на запросы граждан к их легитимным представителям. В идеале политические институты должны были бы облегчить посредничество между всеми членами общества, нести ответственность перед всеми жителям, а ради эффективной политики укреплять доверие и этническое сотрудничество. Однако все эти факторы отсутствуют в Балтийском регионе. Несмотря на то что в чем-то этнополитика была скорректирована накануне вступления в ЕС, это почти не затронуло проблемы политического участия «нетитульных» жителей. Политика интеграции балтийских обществ просто законсервировала ранее сформировавшееся неравенство между разными этнолингвистическими группами. Джеффри Придам, среди прочего, показал, что коммунистическое прошлое региона препятствовало тому, чтобы местные элиты создали условия для развития политических процессов и создания институтов, которые были бы открыты для будущих изменений⁹⁹. Требования ЕС о большей либерализации и открытия каналов для участия меньшинств в политической жизни привело лишь к неискреннему формулированию демократически ориентированных принципов. Принятые в результате внешнего давления, они в конечном счете мало способствовали закреплению демократических практик. Теперь государственные учреждения работают на государственном языке и функционируют практически исключительно как представители интересов большинства, что мало гарантирует формальное равенство возможностей жителей и граждан страны. Даже если бы представители меньшинств больше работали бы в государственных учреждениях, для многих из них недостаток социальных связей с «титутными» населением приводил бы к оттеснению от

важнейших политических ресурсов. В этом отношении большое число неграждан в Эстонии и Латвии особенно показательно, потому что политические процессы в этих странах протекают в условиях почти нулевого вклада меньшинств (несмотря на формально проводимые консультации).

После того как страны Балтии присоединились к ЕС, ученые (а также автор этой статьи) обсуждали особенности демократического развития в регионе и условия для консолидации демократии. Как подчеркивается в большинстве исследований, организационная структура демократии и ее функционирование в регионе зависят от разных условий, но важно, что они должны быть восприняты местными «большинствами» как имеющие действительную ценность для всей совокупности живущих в этих странах людей: граждан и неграждан, представителей большинства и меньшинств. Однако, поскольку распространение демократии в Балтийском регионе имело место в контексте строительства этнических государств, эти страны восприняли членство ЕС как нечто необходимое для дальнейшей консолидации этнического доминирования, лишь формально отражающего принципы европейской либеральной демократии.

Как мы увидим в заключительной части, интеграция в ЕС была привлекательна для местных правительств и законодателей ЕС тем, что в ее рамках постулировался суверенитет и привилегии национальных элит в процессе принятия решений на «местном уровне». Безусловно, в этом смысле страны Балтии не отличаются от стран Восточной Европы, которые уделяют больше внимания отношениям с «историческими родинками» их национальных меньшинств. Однако, как я продемонстрировал на примере ряда работ о балтийской этнополитике, политика добрососедства ЕС в целом или некоторые аспекты политики развития демократии основываются на той идее, что стабильность необходима не только в самом ЕС, но и у его границ. Эти аспекты оказывают определенное влияние на вопросы, касающиеся построения национальных государств и адекватного представительства национальных меньшинств в Балтийском регионе.

ВЫВОДЫ

За короткий период времени Балтийские государства прошли путь от советских союзных республик до стран-кандидатов на вступление в ЕС и в конечном счете вошли в его состав. Автор рассмотрел и проанализировал внутреннюю политику в отношении национальных меньшинств, представители которых являются в своих странах носителями уязвимой политической идентич-

ности, на которую определенное влияние оказала и политика ЕС в отношении постсоветских государств. Особое внимание уделено тому, как в западной науке рассматривается роль «Европы» в интеграционных процессах и какое место она занимает в национальных нарративах в Латвии, Литве и Эстонии. Таким образом, ключевой частью моей статьи является анализ тезиса, озвучиваемого большинством исследователей государств Балтии, что ЕС способствует развитию демократии в регионе. Реже признается, что это развитие тесно связано с укреплением роли государства в принятии политических решений, и еще реже, что возможность участия в принятии этих решений «широких масс» является весьма ограниченной. Также западными учеными обычно не признается ограничение доступа к принятию политических решений почти одной лишь «государствообразующей» этногруппой.

Наш анализ предыдущих исследований о стратегиях государственного строительства в странах Балтии указывает на то, что критике подвергается сам институциональный дизайн, который предполагает адекватное участие представителей «нетитульной» национальности. Ограничения по языку, как в случае с Эстонией и Латвией, резко ухудшили условия для политического участия представителей национальных меньшинств, из-за чего они редко рассматривают государственные институты как защищающие их интересы. Эти меньшинства нередко характеризовались как несущие потенциальную угрозу безопасности стран Балтии, как до вступления в ЕС и НАТО, так и после него. Проведенное исследование государственной политики по интеграции национальных меньшинств тоже указывает на неадекватность в представлении их интересов, на незначительную защиту их культурных и языковых интересов со стороны государства. В этой связи, как свидетельствует анализ научной литературы, правительства Балтийских государств систематически критиковались за изолирование этнических меньшинств от процесса принятия политических решений для достижения полного контроля и ограничения влияния меньшинств в политической сфере. Неудивительно, что правительства Балтийских стран не видят взаимосвязи между подобной политикой и проблемами интеграции общества.

После обширного обзора литературы вернемся к основному вопросу рассматриваемой темы: «Каков основной результат европейской интеграции Балтийских государств в ЕС, которые до сих пор представлены многочисленным национальными меньшинствами и большинством?» Западная наука имеет несколько готовых ответов на этот вопрос. Политологи утверждают, что

вступление в ЕС создало унифицирующее нормативное пространство, в котором цели национального большинства доминируют над целями меньшинства в отношении равного политического участия, что является необходимой составляющей политической стабильности и государственной функциональности, особенно в контексте международных отношений. Социологи предлагают еще более краткий ответ – политические институты определяют общественную структуру, снижают конфликтный потенциал, предотвращают возможность социального противостояния и поддерживают социальное взаимодействие. Все это имеет несколько иное преломление в контексте взаимодействия национального большинства и меньшинств в Балтийских государствах. Явная маргинальность представительства национальных меньшинств в политических элитах и на ключевых позициях социальной структуры вынуждает представителей «нетитульной» этнической группы создавать параллельные социальные структуры, отдельные от «титульных» этногрупп, а также отличные от социальных структур «исторической родины», т.е. России, Украины и пр. Примечательно, что последние исследования в области социолингвистики подтверждают эту точку зрения.

Политологи долгое время указывали на потенциальную угрозу, исходящую от недовольства социальными институтами для политической стабильности. Социологи утверждали, что культурное и языковое доминирование большинства в странах Балтии, ограничения на использование языков национальных меньшинств и недостаток социальной интеграции национальных меньшинств подразумевают ограниченное взаимодействие большинства и меньшинств при создании политических институтов, что может дать почву для социальных конфликтов. В любом случае, массовые публичные протесты в Эстонии (2007), Латвии (2004) и продолжающиеся протесты на преимущественно польскоязычном востоке Литвы свидетельствуют, что проблема политического участия меньшинств останется в странах Балтии в повестке дня на ближайшие десятилетия.

¹ *Agarin T., Brosig M.* Minority integration in Central Eastern Europe. Between ethnic diversity and equality. Amsterdam, 2009; *McGarry J., Keating M.* European integration and the nationalities question. N.Y., 2006; *Rose R., Berglund S., Munro N.* Baltic Identities and Interests in a European Setting: A Bottom Up Perspective. Glasgow, 2005.

² *Keating M.* Plurinational democracy: stateless nations in a post-sovereignty era. Oxford, 2004; *Preece J.J.* National minorities and the European nation-states system. Oxford, 1998.

- ³ *Offe C.* Capitalism by democratic design? Democratic theory facing the triple transition in East Central Europe // *Social Research*. Vol. 58. 1991. N 4; *Richter E.* upheavals in the East and Turmoil in Political Theory: Comments on Offe's 'Capitalism by Democratic Design' // *Ibid.*
- ⁴ *Agarin T.* Cooptation as Integration? National Programme «Integration of Society in Latvia» on Minority Participation // *Minority integration in Central Eastern Europe. Between ethnic diversity and equality* / Eds. T. Agarin, M. Brosig. Amsterdam, 2009; *Malloy T.H.* Social Cohesion Estonian Style: Minority Integration through constitutionalised hegemony and fictive pluralism // *Ibid.*
- ⁵ *Fausest E., Volgy T.J.* Intergovernmental Organizations (IGOs) and Interstate Conflict: Parsing Out IGO Effects for Alternative Dimensions of Conflict in Postcommunist Space // *International Studies Quarterly*. Vol. 54. 2010. N 1; *Galbreath D.J.* Putting the colour into revolutions? The OSCE and civil society in the post-soviet region // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 25. 2009. N 2–3; *Ganev V.I.* History, Politics, and the Constitution: Ethnic Conflict and Constitutional Adjudication in Postcommunist Bulgaria // *Slavic Review*. 2004.
- ⁶ *Galbreath D.* The Politics of European Integration and Minority Rights in Estonia and Latvia // *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 4. 2003. N 1; *Linz J.J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996.
- ⁷ За исключением: *Elsuwege P.* Van From Soviet Republics to EU Member States. A Legal and Political Assessment of the Baltic States' Accession to the EU. Leiden, 2008; *Kochenov D.* EU Enlargement and the Failure of Conditionality: Pre-accession Conditionality in the Fields of Democracy and the Rule of Law. The Hague, 2008.
- ⁸ *Bieber F.* Building Impossible States? State-Building Strategies and EU Membership in the Western Balkans // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. 2011. N 10.
- ⁹ *Fawn R.* Battle over the box: international election observation missions, political competition and retrenchment in the post-Soviet space // *International Affairs*. Vol. 82. 2006. N 6.
- ¹⁰ *Crawshaw S.* Moscow Battles with Balts: Calls for CSCE Factfinding Mission to Look at Treatment of Russian Minority // *The Independent (газета)*. 1992. 5 September.
- ¹¹ *Schimmelfennig F.* European regional organizations, political conditionality, and democratic transformation in Eastern Europe // *East European Politics and Societies*. Vol. 21. 2007. N 1. P. 126.
- ¹² *Galbreath D.J.* European Integration through Democratic Conditionality: Latvia in the Context of Minority Rights // *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 14. 2006. N 1.
- ¹³ *Schimmelfennig F., Sedelmeier U.* Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of Central and Eastern Europe // *Journal of European Public Policy*. Vol. 11. 2004. N 4.
- ¹⁴ *Pridham G.* Securing the Only Game in Town: The EU's Political Conditionality and Democratic Consolidation in Post-Soviet Latvia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 61. 2009. N 1; *Schimmelfennig F., Cirtautas A.M.* Europeanisation Before and After Accession: Conditionality, Legacies and Compliance // *Europe-Asia Studies*. Vol. 62. 2010. N 3.
- ¹⁵ *Aalberts T.E.* The Future of Sovereignty in Multilevel Governance Europe – A Constructivist Reading // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 42. 2004. N 1; *Schmidt V.A.* Democracy in Europe: the EU and national politics. Cambridge, 2006.
- ¹⁶ *Galbreath D.J., Lamoreaux J.W.* The Baltic States as «Small States»: Negotiating the «East» by Engaging the «West» // *Journal of Baltic States*. Vol. 39. 2008. N 1; *Galbreath D.J., Lašas A.* The «Baltic» Factor in EU–Russian Relations: In Search of Coherence and Co-operation in an Era of Complexity // *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 19. 2011. N 2.
- ¹⁷ *Galbreath D.J., Lašas A., Lamoreaux J.W.* Continuity and change in the Baltic Sea Region: comparing foreign policies. Amsterdam. 2008.
- ¹⁸ *Lejins A.* Baltic Security Prospects at the Turn of the 21st Century. Helsinki, 2000; *Mouritzen H.* Bordering Russia: Theory and Prospects for Europe's Baltic Rim. Aldershot, 1998.
- ¹⁹ *Owen C.* Political Theory and Community Building in Post-Soviet Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. 2012. N 6; *Sakwa R.* «New Cold War» or twenty years' crisis? Russia and international politics // *International Affairs*. Vol. 84. 2008. N 2.
- ²⁰ *Agarin T.* A cat's lick. Democratisation and minority communities in the post-Soviet Baltic. Amsterdam, 2010; *Idem.* Civil society versus nationalizing state? Advocacy of minority rights in the post-socialist Baltic states // *Nationalities Papers*. Vol. 39. 2011. N 2.
- ²¹ *Bell M.* The Implementation of European Anti-Discrimination Directives: Converging towards a Common Model? // *The Political Quarterly*. Vol. 79. 2008. N 1; *Dobson J., Jones G.* Ethnic discrimination: public policy and the Latvian labour market // *International Journal of Manpower*. Vol. 19. 1998. N 1/2; *Hogan-Brun G.* Language in society across the Baltic Republics: A comparative overview // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 36. 2005. N 3; *Hughes J.* «Exit» in Deeply Divided Societies: Regimes of Discrimination in Estonia and Latvia and the Potential for Russophone Migration // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 43. 2005. N 4.
- ²² *Aptekar S.* Contexts of exit in the migration of Russian speakers from the Baltic countries to Ireland // *Ethnicities*. Vol. 9. 2009. N 4; *Kronenfeld D.A.* Ethnogenesis without Entrepreneurs: The emergence of a Baltic Russian Identity in Latvia // *Narva und die Ostseeregion – Narva and the Baltic Sea Region* / Ed. K. Brüggemann. Narva, 2004; *Toomet O.* Learn English, not the local language! Ethnic Russians in the Baltic states // *The American Economic Review*. Vol. 101. 2011. N 3.
- ²³ *Jutila M.* Taming Eastern Nationalism: Tracing the Ideational Background of Double Standards of Post-Cold War Minority Protection // *European Journal of International Relations*. Vol. 15. 2009. N 4; *Roe P.* Reconstructing Identities or Managing Minorities? Desecuritizing Minority Rights: A Response to Jutila // *Security Dialogue*. Vol. 37. 2006. N 3.
- ²⁴ *Galbreath D.J., McEvoy J.* European integration and the geopolitics of national minorities // *Ethnopolitics*. Vol. 9. 2010. N 3–4; *Roe P.* The Intrastate Security Dilemma: Ethnic Conflict as a Tragedy? // *Journal of Peace Research*. Vol. 36. 1999. N 2.
- ²⁵ *Howard M.M.* The weakness of civil society in post-Communist Europe. Cambridge, 2003; *Lane D.* Civil Society Formation in the Post-Socialist EU Member 5. States // *The Capacity of Central and East European Interest Groups to Participate in EU Governance* / Eds. H. Pleines, D. Obradovic. Stuttgart, 2007.
- ²⁶ *Brown J.D.J.* A Stereotype, Wrapped in a Cliché, Inside a Caricature: Russian Foreign Policy and Orientalism // *Politics*. Vol. 30. 2010. N 3; *Pridham G., Vanhanen T.* Democratization in Eastern Europe: Domestic and International Perspectives. L., 1994.
- ²⁷ *Lehti M., Smith D.J.* Post-Cold War Identity Politics: Northern and Baltic Experiences. L., 2003; *Mikkel E., Pridham G.* Clinching the «Return to Europe»: the referendum on EU accession in Estonia and Latvia // *EU Enlargement and Referendums*. 2005.

- ²⁸ Cheskin A. History, conflicting collective memories, and national identities: how Latvia's Russian-speakers are learning to remember // Nationalities Papers. Vol. 40. 2012. N 4; *Solska M.* Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania // Europe-Asia Studies. Vol. 63. 2011. N 6.
- ²⁹ *Nielsen K.L., Berg E., Roll G.* Undiscovered avenues? Estonian civil society organisations as agents of Europeanisation // Trames. 2009. N 3; *Svendson M.J.V.* Preparing for Living with Europe: Europeanisation of the Latvian Executive // Policy. IV. 2004. 20 January.
- ³⁰ *LeRoux K., Wright N.S.* Does Performance Measurement Improve Strategic Decision Making? Findings From a National Survey of Nonprofit Social Service Agencies // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. Vol. 39. 2010. N 4; *McRae K.D.* Contrasting Styles of Democratic Decision-Making: Adversarial versus Consensual Politics // International Political Science Review. Vol. 18. 1997. N 3.
- ³¹ *Donskis L.* Identity and Freedom: Mapping Nationalism and Social Criticism in Twentieth-century Lithuania. L., 2002; *Gruber D.* Zuhause in Estland? Eine Untersuchung zur sozialen Integration ethnischer Russen an der Außengrenze der Europäischen Union. Münster, 2008; *Rupp D.* Die Rusländische Föderation und die russischsprachige Minderheit in Lettland: eine Fallstudie zur Anwaltpolitik Moskaus gegenüber den russophonen Minderheiten im «Nahen Ausland» von 1991 bis 2002. Stuttgart, 2007; *Silova I.* The Manipulated Consensus: globalisation, local agency, and cultural legacies in post-Soviet education reform // European Educational Research Journal. Vol. 1. 2002. N 2.
- ³² *Budryte D.* Taming Nationalism? Political Community Building in the post-Soviet Baltic States. Aldershot, 2005; *Lane T.* Lithuania: Stepping Westward. L., 2002; *Pabriks A., Purs A.* Latvia: the Challenges of Change. L., 2002; *Poulsen J.J.* Nationalism, Democracy and Ethnocracy in the Baltic Countries // The Politics of Transition in the Baltic States / Ed. J. Dellebrant and O.N. Umea, 1994; *Smith D.J.* Estonia: Independence and European Integration. L., 2002; *Smith G.* The Baltic States: The National Self-determination of Estonia, Latvia, and Lithuania. N.Y., 1996; *Zake I.* Nineteenth-century nationalism and twentieth-century anti-democratic ideals: The case of Latvia, 1840s to 1980s. Lewiston, N.Y., 2008.
- ³³ *Evans G.* Ethnic Schism and the Consolidation of Post-Communist Democracies // Communist and Post-Communist Studies. Vol. 31. 1998. N 1; *Kaufmann E.P.* Rethinking Ethnicity: Majority Groups and Dominant Minorities. L., 2004; *Nishimura M.* The OSCE and Ethnic Conflicts in Estonia, Georgia and Tajikistan: A Search for Sustainable Peace and Its Limits // European Security. Vol. 8. 1999. N 1.
- ³⁴ *Budryte D.* Today's Politics and Yesterday's Embitterments: Ethnic Restructuring and its Aftermath in the Baltic states // Diasporas and Ethnic Migrants. Germany, Israel and Post-Soviet Successor States in Comparative Perspective / Ed. M.R.R. Ohlinger. L., 2003; *Lane T.* Nationalism and National Identity in the Baltic States // Journal of Area Studies. Vol. 1. 1994. N 4; *Misiunas R.* National Identity and Foreign Policy in the Baltic States // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / Ed. F.S. Starr. Armonk; New York, 1994.
- ³⁵ *Börzel T.A., Risse T.* Venus Approaching Mars? The European Union's Approaches to Democracy Promotion in Comparative Perspective // Democracy Promotion in the US and the EU Compared. Basingstoke, 2008; *Kochenov D., de Ridder E.* Democratic Conditionality in Eastern Enlargement: Ambitious Window Dressing // European Foreign Affairs Review. Vol. 16. 2011. N 5; *Poleshchuk V.* Advice Not Welcomed: Recommendations of the OSCE High Commissioner to Estonia and Latvia and the Response. Münster, 2001.
- ³⁶ *Baylis J.* European Security in the Post-Cold War Era: The Continuing Struggle between Realism and Utopianism // European Security. Vol. 7. 1998. N 3; *Bernik I., Malnar B.* Political Culture in Post-Communist Europe: Radical Cultural Change or Adaptation on the Basis of Old Cultural Patterns // Political Culture in Post-Communist Europe. Aldershot, 2003; *Haerpfer C., Milosinski C., Wallace C.* Old and New Security Issues in Post-Communist Eastern Europe: Results of an 11 Nation Study // Europe-Asia Studies. Vol. 51. 1999. N 6.
- ³⁷ *Linz J.J.* Democracy Today: An Agenda for Students of Democracy // Scandinavian Political Studies. Vol. 20. 1997. N 2.
- ³⁸ *Danjoux O.* L'Etat, C'est Pas Moi. Framing Citizenship(s) in the Baltic Republics. Lund, 2002; *Kuzio T.* Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // Politics. Vol. 21. 2001. N 3.
- ³⁹ *Aasland A.* Citizenship Status and Social Exclusion in Estonia and Latvia // Journal of Baltic Studies. Vol. 23. 2002. N 1; *Zielonka J.* The quality of democracy after joining the European Union // East European Politics and Societies. Vol. 21. 2007. N 1.
- ⁴⁰ *Agarin T.* Russian Speaking Communities and Democratic Consolidation in the Post-Soviet Baltic Societies // Promoting Democratic Values in the Enlarging Europe: The Changing Role of the Baltic States from Importers to Exporters / Eds. H. Pääbo, A. Kasekamp. Tartu, 2006; *Evans G., Lipsmeyer C.S.* The democratic experience in divided societies: The Baltic states in comparative perspective // Journal of Baltic Studies. Vol. 32. 2001. N 4.
- ⁴¹ *Järve P.* Two Waves of Language Law in the Baltic States: Changes of Rationale? // Journal of Baltic Studies. Vol. 23. 2002. N 1; *Miniotaite G.* Convergent Geography and Divergent Identities: A decade of transformation in the Baltic states // Cambridge Review of International Affairs. Vol. 16. 2003. N 2.
- ⁴² *Burant S.R.* Overcoming the Past: Polish-Lithuanian Relations, 1990–1995 // Journal of Baltic Studies. Vol. 27. 1996. N 4; *Burant S.R.* Belarus and the «Belarusian Irredentia» in Lithuania // Nationalities Papers. Vol. 25. 1997. N 4; *Christophe B.* Staat versus Identität: Zur Konstruktion von «Nation» und «nationalem Interesse» in den litauischen Transformationsdiskursen (1987–1995). Köln, 1997.
- ⁴³ *Jansons A.* Ethnopolitics in Latvia: Ethnopolitical Activities of State Institutions and Non-governmental Organisations and Their Influence on the Social Integration Process // Etniskumo Studijos/Ethnicity Studies. 2003; *Lūhiste K.* Explaining trust in political institutions: Some illustrations from the Baltic states // Communist and Post-Communist Studies. Vol. 39. 2006. N 4; *Zepa B., Kucs A.* The Case of Latvia // International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea / Ed. S.S. Akermark. Marienham, 2006.
- ⁴⁴ *Barrington L.* The Domestic and International Consequences of Citizenship in the Soviet Successor States // Europe-Asia Studies. Vol. 47. 1995. N 5; *Bauböck R.* From aliens to citizens: redefining the status of immigrants in Europe. Avebury, 1994.
- ⁴⁵ *Apine I., Volkovs V.* Latvijas krievu identitāte: vesturisks un socioloģisks apcerējums (Латвийская русская идентичность: историческое и социологическое эссе). Riga, 2007; *Beresnevičiūtė V.* The Role of Civil Society in Promoting Ethnic and Religious Tolerance in Lithuania // The Role of Civil Society in Promoting Ethnic and Religious Tolerance in Central, South Eastern and Eastern Europe Stiftung Fur Liberale Politic // Ed. J. Matrai. 1999; *Kasatkina N., Leončikas T.* Lietuvos etninio grupių adaptacija: kontekstas ir eiga (Адаптация этнических групп Литвы: Контекст и процесс). Vilnius, 2003; *Kirch M.* Identification Diversity in Estonia: Grounds for Integration or Grounds for Desintegration? // Changing Identities

- in Estonia: Sociological Facts and Commentaries / Eds. D.D. Laitin, M. Kirch. Tallinn, 1994.
- ⁴⁶ *Commercio M.E.* Systems of partial control: ethnic dynamics in post-Soviet Estonia and Latvia // *Studies in Comparative International Development (SCID)*. Vol. 43. 2008. N 1; *Kolstø P.* National-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies: An Investigation of Latvia and Kazakhstan. Oxford, 1999; *Kolstø P.* National Integration and Violent Conflict in Post-Soviet Societies: The Cases of Estonia and Moldova. Oxford, 2002; *Romanov A.* The Russian Diaspora in Latvia and Estonia: Predicting language outcomes // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 21. 2000. N 1.
- ⁴⁷ *Gray V.* Identity and Democracy in the Baltics // *Democratization*. Vol. 3. 1996. N 2; *King C., Melvin N.J.* Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union. Boulder, CO, 1998; *Laitin D.D.* Identity in Formation: the Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. L., 1998.
- ⁴⁸ *Moravcsik A., Vachudova M.A.* National Interests, State Power, and EU Enlargement // *East European Politics and Societies*. Vol. 17. 2003. N 1; *Pridham G., Agh A.* Prospects for democratic consolidation in East-Central Europe. Manchester University Press, 2001; *Smith D.J.* Framing the National Question in Central and Eastern Europe: A Quadratic Nexus? // *The Global Review of Ethnopolitics*. Vol. 2. 2002. N 1; *Tesser L.M.* The Geopolitics of Tolerance: Minority Rights under EU Expansion in East-Central Europe // *East European Politics and Societies*. Vol. 17. 2003. N 3.
- ⁴⁹ *Mole R.* The Baltic States from the Soviet Union to the European Union: Identity, Discourse and Power in the Post-Communist Transition of Estonia, Latvia and Lithuania. L., 2012; *Ugur M.* State-society interaction and European integration: a political economy approach to the dynamics and policymaking of the European Union // *Review of International Studies*. Vol. 23. 1997. N 4.
- ⁵⁰ *Popovski V.* National Minorities and Citizenship Rights in Lithuania. 1988–1993. Houndmills, 2000; *Silova I.* From Sites of Occupation to Symbols of Multiculturalism. Reconceptualizing Minority Education in Post-Soviet Latvia. Greenwich, CT, 2006; *Verschik A.* Research into Multilingualism in Estonia // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 26. 2005. N 5.
- ⁵¹ *Guelke A.B.* Democracy and ethnic conflict: Advancing peace in deeply divided societies. Basingstoke, 2010; *Smith G.* The Ethnic Democracy Thesis and the Citizenship Question in Estonia and Latvia // *Nationalities Papers*. Vol. 24. 1996. N 2; *Smooha S., Järve P.* The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe. Budapest, 2005.
- ⁵² *Ehala M.* The Bronze Soldier: Identity Threat and Maintenance in Estonia // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 40. 2009. N 1; *Karklins R.* Ethnic integration and school policies in Latvia // *Nationalities papers*. Vol. 26. 1998. N 2; *Schmid C., Zepa B., Snipe A.* Language Policy and Ethnic Tensions in Quebec and Latvia // *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 45. 2004. N 3–4.
- ⁵³ *Barrington L.* Nations, States and Citizens: An Explanation of the Citizenship Policies in Estonia and Lithuania // *Review of Central and East European Law*. 1995. N 2; *Coulby D.* Language and citizenship in Latvia, Lithuania and Estonia: Education and the brinks of warfare // *European Journal of Intercultural Studies*. Vol. 8. 1997. N 2.
- ⁵⁴ *Bulajeva T., Hogan-Brun G.* Language and education orientations in Lithuania: A cross-Baltic perspective post-EU accession // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Vol. 11. 2008. N 3–4; *Coulby D.* Language and citizenship in Latvia, Lithuania and Estonia: Education and the brinks of warfare // *European Journal of Intercultural Studies*. Vol. 8. 1997. N 2; *Hogan-Brun G., Ramoniene M.* Emerging Language and Education Policies in Lithuania // *Language Policy*. Vol. 2. 2003).
- ⁵⁵ *Myhill J.* Language, religion and national identity in Europe and the Middle East: a historical study. Amsterdam, 2006; *Shafir G.* Immigrants and Nationalists: Ethnic conflict and accommodation in Catalonia, the Basque Country, Latvia, and Estonia. Albany, 1995; *Varennnes F.* De Equality and Non-discrimination: Fundamental Principles of Minority Language Rights // *International Journal on Minority and Group Rights*. Vol. 6. 1999. N 3.
- ⁵⁶ *Haas A.* Non-violence in Ethnic Relations in Estonia // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 27. 1996. N 1; *Sirutavicius V.* Ethnic Relations in Lithuania until the Restoration of Independence in 1990 // *National Question in Lithuania: Acculturation, Integration and Separatedness? NATO Research Fellowship Programme 1996–1998*. Vilnius / Ed. R. Lopata. Vilnius, 1998; *Tabuns A.* Identity, Ethnic Relations, Language and Culture // *How Integrated is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges* / Ed. N. Muiznieks. Riga, 2010.
- ⁵⁷ *Commercio M.E.* Russian minority politics in post-Soviet Latvia and Kyrgyzstan: the transformative power of informal networks. Philadelphia, 2010; *Roeder P.G.* National Self-Determination and Postcommunist Popular Sovereignty // *Nationalism after Communism: Lessons Learned* // Eds. I. Krastev, A. Mungiu-Pippidi, 2004.
- ⁵⁸ *Gelazis N.M.* The Effects of Conditionality on Citizenship Policies and the Protection of National Minorities in the Baltic States / Eds. V. Pettai, J. Zielonka. Manchester, 2003; *Pettai V.* Understanding Politics in Estonia: The Limits of Tutelary Transition // *Demstar Research Report*. 2005. N 25.
- ⁵⁹ *Hale H.E.* The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. Cambridge, 2008; *Juska A.* Ethno-political transformation in the state of the former USSR // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. 1999. N 3; *Mole R.* The Impact of Political Discourse on Group Beliefs And Outgroup Antipathy Among Latvian Youth // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 38. 2007. N 3.
- ⁶⁰ *Kruusvall J.* Social Perception and Individual Resources of the Integration Process // *The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia* / Ed. M. Lauristin. Tartu, 2002; *Pollack D., Jacobs J., Müller O., Pickel G.* Political Culture in Post-Communist Europe: Attitudes in New Democracies. Aldershot, 2003; *Vihalemm T., Lauristin M.* Cultural Adjustment to the Changing Societal Environment: The Case of Russians in Estonia // *Return to the Western World* / Ed. M. Lauristin, T. Vihalemm. Tartu, 1997; *Zepa B., Supule I.* Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord // *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions* / Ed. N. Muiznieks. Riga, 2006.
- ⁶¹ *Isajiw W.W.* Ethnic identity retention in four ethnic groups: Does it matter? // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 21. 1990. N 3; *Lagerspetz M., Rikmann E., Ruutsoo R.* The Structure and Resources of NGOs in Estonia // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 13. 2002. N 1; *Vihalemm T.* Group identity formation processes among Russian-speaking settlers of Estonia: A linguistic perspective // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 30. 1999. N 1; *Vihalemm T., Masso A.* Identity Dynamics of Russian-speakers of Estonia in the Transition Period // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 34. 2003. N 1.
- ⁶² *Mishler W., Rose R.* Trust, Distrust and Scepticism: Popular Evaluations of Civil and Political Institutions in Post-Communist Societies // *Journal of Politics*. Vol. 59. 1997. N 2; *Steen A.* Accessioning Liberal Compliance? Baltic Elites and Ethnic Politics under New Institutional Conditions // *International Journal on Minority and Group Rights*. Vol. 13. 2006. N 2; *Uhlin A.* Post-Soviet civil society : Democratization in Russia and the Baltic States. L., 2006.

- ⁶³ *Agarin T.* Zugehörigkeit trotz Exklusion: Anerkennung zwischen den Minderheiten und Mehrheiten im post-sowjetischen Baltikum // Integration und Ausgrenzung im Osten Europas. Bremen, 2005; *Idem.* Gesellschaftliche Resonanz des Systemwandels in den baltischen Gesellschaften im intergenerationellen Vergleich // Osteuropa – 15 Jahre danach. Bremen, 2006; *Idem.* Thinking post-Soviet space in the Baltic States // Intercultural Spaces: Language, Culture, Identity / Eds. A. Pearson-Evans., A. Leahy. N.Y., 2007.
- ⁶⁴ *Bjorklund F.* Ethnic Politics and the Soviet Legacy in Latvian Post-Communist Education: The Place of Language // Nationalism and Ethnic Politics. Vol. 10. 2004. N 1; *Silova I., Catlaks G.* Minority Education in Post-Soviet Latvia: Balancing the Legacies of the Past and a vision for the future // Multicultural Education: Issues, Policies, and Practices / Eds. F. Salili, R. Hoosain. Greenwich, CT, 2001.
- ⁶⁵ *Jubulis M.A.* Nationalism and Democratic Transition: The Politics of Citizenship and Language in Post-Soviet Latvia. Lanham; London, 2001; *Stukuls-Eglitis D.* Imagining the Nation: History, Modernity and Revolution in Latvia. Pennsylvania, 2002.
- ⁶⁶ *Klingemann H.-D., Fuchs D., Zielonka J.* Support for democracy and autocracy in central and eastern Europe // Democracy and Political Culture in Eastern Europe. L., 2006.
- ⁶⁷ *Druviete I.* Sociolinguistic situation and language policy in the Baltic states. Riga., 2000; *Kirch A., Tuisk T., Talst M.* The Aspect of Culture in the Social Inclusion of Ethnic Minorities. Final Report: Estonia.; *Koreinik K.* Public discourse of (de) legitimization: the case of South Estonian language // Journal of Baltic Studies. Vol. 42. 2011. N 2; *Lopata R.* National Question in Lithuania: Acculturation, Integration and Separatedness? NATO Research Fellowship Programme 1996–1998. Vilnius, 1998; *Martin H.F., Suplinska I., Lazdina S., Kalsbeek T.W.A.* Latgalian: the Latgalian language in education in Latvia. Leeuwarden, 2009; *Ozolins U.* The Impact of European Accession upon Language Policy in the Baltic States // Language Policy. Vol. 2. 2003. N 3.
- ⁶⁸ *Agarin T., Hornsby M.* Language sectarianism: Regional languages between the national past and a European future // European Studies / Ed. L. Maracz. Amsterdam, 2012; *Hornsby M., Agarin T.* The End of Minority Languages? Europe's Regional Languages in Perspective // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. Vol. 11. 2012. N 1; *Kaufmann E., Haklai O.* Dominant ethnicity: from minority to majority // Nations and Nationalism. Vol. 14. 2008. N 4; *Rueschemeyer D., Rueschemeyer M., Wittrock B.* Participation and Democracy, East and West: Comparisons and Interpretations. Armonk, NY, 1998.
- ⁶⁹ *Lagerspetz M.* Consolidation as hegemonization: The case of Estonia // Journal of Baltic Studies. Vol. 32. 2001. N 4; *Vetik R.* Multiculturalism as a model for democratic consolidation // Perspectives on Democratic Consolidation in Central and Eastern Europe / Eds. D. Berg-Schlosser, R. Vetik. Boulder, CO, 2001.
- ⁷⁰ *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996; *King C., Melvin N.J.* Diaspora politics: ethnic linkages, foreign policy, and security in Eurasia // International Security. Vol. 24. 2000. N 3; *Melvin N.J.* Russians beyond Russia the politics of national identity. L., 1995; *Snyder T.* The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. L., 2003.
- ⁷¹ *Kymlicka W., Opalski M.* Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. Oxford, 2001. P. 21–23.
- ⁷² *Kelley J.G.* Ethnic Politics in Europe: The Power of Norms and Incentives. Oxford, 2004; *Malksoo M.* From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe // Security Dialogue. Vol. 37. 2006. N 3; *Waterbury M.A.* Internal exclusion, external inclusion: diaspora politics and party-building strategies in post-Communist Hungary // East European Politics & Societies. Vol. 20. 2006. N 3.
- ⁷³ *Brennan N.J.* European integration and human rights' cultures in Eastern Europe: the EU and abolitions of capital punishment // University of New Brunswick Law Journal. Vol. 47. 1998; *Carey S.* Undivided loyalties: Is national identity an obstacle to European integration? // European union politics. Vol. 3. 2002. N 4; *Laitin D.D.* Culture and National Identity: «The East» and European Integration // West European Politics. Vol. 25. 2002. N 2.
- ⁷⁴ *Epstein R.A., Sedelmeier U.* Beyond conditionality: international institutions in postcommunist Europe after enlargement // Journal of European public policy. Vol. 15. 2008. N 6; *Sedelmeier U.* Is Europeanisation through conditionality sustainable? Lock-in of institutional change after EU accession // West European Politics. Vol. 35. 2012. N 1.
- ⁷⁵ *Galbreath D.J., McEvoy J.* The European Minority Rights Regime: Towards a Theory of Regime Effectiveness. New York ; London, 2011; *Jutila M.* Desecuritizing minority rights: Against determinism // Security Dialogue. Vol. 37. 2006. N 2.
- ⁷⁶ *Kuus M.* European Integration in Identity Narratives in Estonia: A Quest for Security // Journal of Peace Research. Vol. 39. 2002. N 1; *Pettai V., Hallik K.* Understanding Processes of Ethnic Control: segmentation, dependency and co-operation in post-communist Estonia // Nations and Nationalism. Vol. 8. 2002. N 4.
- ⁷⁷ *Kalmus V., Vihalemm T.* Distinct Mental Structures in Transitional Culture: An Empirical Analysis of Values and Identities in Estonia and Sweden // Journal of Baltic Studies. Vol. 37. 2006. N 1; *Kasatkina N.* The adaptation of ethnic minority groups: Defining the problem (Case of Lithuania) // Etniskumo Studijos/Ethnicity Studies (2004); *Lauristin M., Vihalemm T.* Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition. Tartu, 1997; *Muiznieks N.* How Integrated is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges. Riga, 2010.
- ⁷⁸ *Hughes J., Sasse G.* Monitoring the Monitors: EU Enlargement Conditionality and Minority Protection in the CEECs // Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2003. N 1; *Rechel B.* What Has Limited the EU's Impact on Minority Rights in Accession Countries? // East European Politics & Societies. Vol. 22. 2008. N 1.
- ⁷⁹ *Moravcsik A., Vachudova M.A.* National Interests, State Power, and EU Enlargement // East European Politics and Societies. Vol. 17. 2003. N 1; *Vachudova M.A.* Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration After Communism. Oxford University Press, USA, 2005.
- ⁸⁰ *Galbreath D.J.* Securitizing Democracy and Democratic Security: A Reflection on Democratization Studies // Democracy and Security. Vol. 8. 2012. N 1; *Sasse G.* Securitization or Securing Rights? Exploring the Conceptual Foundations of Policies towards Minorities and Migrants in Europe // Journal of Common Market Studies. Vol. 43. 2005. N 4.
- ⁸¹ *Orenstein M.A.* What Happened in East European (Political) Economies?: A Balance Sheet for Neoliberal Reform // East European Politics and Societies. Vol. 23. 2009. N 4; *Schimmelfennig F.* The Community Trap: Liberal Norms, Rhetorical Action, and the Eastern Enlargement of the European Union // International Organization. Vol. 55. 2001. N 1.
- ⁸² *Bielasiak J.* Party Competition in Emerging Democracies: Representation and Effectiveness in Post-Communism and Beyond // Democratization. Vol. 12. 2005. N 3; *Held D.* Democratic Accountability and Political Effectiveness from

- a Cosmopolitan Perspective // Government and Opposition. Vol. 39. 2004. N 2; Zellner W. On the Effectiveness of the OSCE Minority Regime: Comparative Case Studies on Implementation of the Recommendations of the High Commissioner on National Minorities of the OSCE. Hamburg, 1999.
- ⁸³ Orr S.D. Identity and Civil Society in Latvia, Poland, and Ukraine: Women's NGOs // East European Politics and Societies. Vol. 22. 2008. N 4; Orr S.D. Ethnic Identity and Civil Society in Latvia, Poland and Ukraine: The Case of Environmental NGOs // Ethnopolitics. Vol. 11. 2012. N 2; Uhlin A. Which characteristics of civil society organizations support what aspects of democracy? Evidence from Post-communist Latvia // International Political Science Review. Vol. 30. 2009. N 3.
- ⁸⁴ Schulze J. Understanding the 'Conditionality Gap' in Estonia and Latvia. The influence of EU Conditionality and Russia's Activism on Minority Inclusion. George Washington University: Dissertation, 2008; Schulze J. Cultural Integration and Adaptation // Integration of Second Generation Russians in Estonia Country report on TIES survey in Estonia / Ed. TIES. Tallinn, 2008.
- ⁸⁵ Pabriks A. Occupational Representation and Ethnic Discrimination in Latvia. Riga, 2002.
- ⁸⁶ Pabriks A. In Defiance of Fate. Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Latvia // Ethnic Inequalities and Public Sector Governance / Ed. Y. Bangura. Basingstok, 2006.
- ⁸⁷ Kasatkina N., Beresneviciute V. Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Lithuania // Ethnic Inequalities and Public Sector Governance / Ed. Y. Bangura. Basingstoke, 2006.
- ⁸⁸ Korts K. Inter-Ethnic Attitudes and Contacts Between Ethnic Groups in Estonia // Journal of Baltic Studies. Vol. 40. 2009. N 1; Kouts R. Media Reflections on Integration Concept: Monitoring of Estonian Media 1999–2003. Tartu, 2004.
- ⁸⁹ Kochenov D. EU Enlargement and the Failure of Conditionality: Pre-accession Conditionality in the Fields of Democracy and the Rule of Law. The Hague, 2008; Pettai V. Prospects for Multiethnic Democracy in Europe: Debating Minority Integration in Estonia // Schriften zur Rechtstheorie. Vol. 215. 2003. N 1; Chance to Survive: Minority Rights in Estonia and Latvia / Ed. V. Poleshchuk. Tallinn, 2009.
- ⁹⁰ Aasland A., Fløtten T. Ethnicity and Social Exclusion in Estonia and Latvia // Europe-Asia Studies. Vol. 53. 2001. N 7.
- ⁹¹ Kasatkina N., Leončikas T. Ethnic groups in Contemporary Lithuania: Dimensions of Adaptation // Acta Universitatis Latviensis. Vol. 680. 2005.
- ⁹² Kasatkina N., Kadzauskas G., Sliavaite K. Ethnic minorities and Public Policy: The Case of Lithuania // International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea / Ed. S.S. Akermark. Marienham, 2006; Poleshchuk V. Legal Aspects of National Integration in Estonia and Latvia. ECMI Report N 33. Flensburg, 2002.
- ⁹³ Cheskin A. Synthesis and Conflict: Russian-Speakers' Discursive Response to Latvia's Nationalising State // Europe-Asia Studies. Vol. 64. 2012. N 2; Gruber D. Zuhause in Estland? Eine Untersuchung zur sozialen Integration ethnischer Russen an der Außengrenze der Europäischen Union. Münster, 2008; Mackow J. Am Rande Europas? Nation, Zivilgesellschaft und aussenpolitische Integration in Belarus, Litauen, Polen, Russland und Ukraine. Freiburg, 2004.
- ⁹⁴ Agarin T. Cooptation as Integration?.. Brosig M.A. Plan for the Future? The Estonian State Integration Programme 2000–2007 // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. Vol. 7. 2008. N 2; Verkuyten M. Ethnic group identification and group evaluation among minority and majority groups: Testing the multiculturalism hypothesis // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 88. 2005. N 1.
- ⁹⁵ Kraus P. A union of diversity: language, identity and polity-building in Europe. Cambridge, 2008; Vihalemm T. Estonian Language Performance, Motifs of Its Acquisition and Ethno-Cultural Identity Among Russians in Estonia 1989–1997 / Eds. L. Rahnu, M. Lauristin. Tartu, 1999.
- ⁹⁶ Ehin P. Political support in the Baltic States, 1993–2004 // Journal of Baltic Studies. Vol. 38. 2007. N 1; Lühiste K. Support for strongman rule in ethnically divided societies: Evidence from Estonia and Latvia // Democratisation. Vol. 15. 2008. N 2.
- ⁹⁷ Budryte D., Pilinkaite-Sotirovic V. Lithuania: Progressive legislation without popular support // Minority rights in Central and Eastern Europe / Ed. B. Rechel. 2009; Galbreath D.J., Muiznieks N. Latvia: Managing post-imperial minorities // Ibid. Pettai V., Kallas K. Estonia: Conditionality amidst a legal straightjacket // Ibid.
- ⁹⁸ ECRI Third report on Latvia. European Commission against Racism and Intolerance. 2005; ECRI Third report on Estonia. European Commission against Racism and Intolerance. 2005; ECRI Third report on Lithuania. European Commission against Racism and Intolerance. 2005.
- ⁹⁹ Pridham G. EU Enlargement and Consolidating Democracy in Post-Communist States—Formality and Reality // Journal of Common Market Studies. Vol. 40. 2002. N 5.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЭТНОПОЛИТИКА: ПРИМЕР ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

Д.В. Коченов

Европейский союз (ЕС) оказывает значительное влияние на европейскую этнополитику. Основные подходы государств-членов ЕС к гражданству, идее дискриминации, политического представительства и к самой сущности понятий «государство» и «народ» подвержены его непосредственному влиянию. Влияние Евросоюза во всех сферах политики и права постоянно растет с момента его основания. Затяжной кризис еврозоны, вероятнее всего, обернется дальнейшей федерализацией объединенной Европы и усилением влияния органов ЕС¹. Полное описание этнополитики Евросоюза было бы сродни пятому подвигу Геракла, поэтому вначале мы ограничимся лишь самым общим ее описанием. Основным фокусом нашей статьи станет влияние европейской интеграции на этнополитику двух стран – Латвии и Эстонии – в долго- и среднесрочной перспективе. Мы рассмотрим вопрос о недавнем участии Евросоюза в формировании этнополитики Балтийского региона прежде всего через предъявление так называемых предварительных условий членства, выполнение которых было важнейшим этапом при подготовке вступления Балтийских государств в ЕС.

Сущность Евросоюза весьма своеобразна²: целью интеграции изначально не является достижение этнического, культурного либо языкового большинства, что непосредственно отражается на политике в отношении меньшинств. Последние просто не могут восприниматься в контексте Евросоюза вне связи с каким-либо государством-членом³. Несмотря на это, Европейский союз с первых дней своего основания оказывал серьезное влияние на европейскую этнополитику. Со вступлением в силу Римских договоров, которыми были созданы европейские сообщества, идеология национального государства, строящаяся, кроме «забвения и исторических ошибок»⁴ вокруг понятий «демос» и «национальные интересы», сменилась идеей супранациональности⁵

и общности интересов всех государств-членов⁶. Европейская республика – в формулировке Армина фон Богданди⁷ – является, таким образом, идеологическим антагонистом национального государства и не имеет своего «народа» как такового. Конституция Евросоюза (т.е. Римские договоры, как это уточнил Суд справедливости Евросоюза в деле *Les Verts*⁸) – представляет собой не что иное, как *costituzione senza popolo*⁹. Подобные изменения не могли не сказаться на самой сущности европейских государств. Джозеф Вайлер прав: как Тора превратила когда-то кучку рабов в народ Израиля, так и европейская интеграция способствовала созданию кардинально новой правовой и социальной системы в Европе¹⁰: основополагающие договоры европейских сообществ со временем стали не просто международно-правовыми документами, но основополагающими фактами новой правовой системы¹¹.

С собственным народом или без, но влияние Европейского союза на этнополитику континента, включая Балтию, трудно переоценить. Это связано прежде всего с тремя факторами, которые, в свою очередь, обусловлены необходимостью выполнения положений базовых договоров ЕС:

– правовым принципом свободы передвижения граждан Евросоюза¹²;

– принципом уважения к культурной и конституционной идентичности государств-членов Евросоюза¹³;

– и, наконец, специфическими нормами права Евросоюза, закрепляющими особый правовой статус некоторых национальных меньшинств¹⁴.

Эти факторы напрямую воздействуют на этнополитику государств-членов, включая страны Балтии, особенно в средне- и долгосрочной перспективе. Все три фактора будут рассмотрены в первой части данной статьи. Особенно большое значение имеет исследование долгосрочной перспективы европейской интеграции, особенно с учетом того, что многие ученые концентрируют внимание на анализе недавнего прошлого либо настоящего, забывая, что не все мы историки.

Во второй части мы сконцентрируемся на анализе правовой деятельности Евросоюза в Латвии и Эстонии в рамках политики условий, предваряющих их вступление в Евросоюз. Несмотря на солидный объем проделанной работы, Балтийские государства стоят лишь в самом начале пути к полной интеграции в социально-правовое пространство Евросоюза. Множество изменений еще впереди, и анализ некоторых из них будет представлен нами в заключении.

СРЕДНЕСРОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ТРИ РЕШАЮЩИХ ФАКТОРА

Говоря о среднесрочной перспективе влияния Евросоюза на этнополитику, отправной точкой служит то, что Латвия или Эстония подвержены влиянию права Евросоюза в той же степени, что и остальные государства-члены. Это определяет решающую роль Евросоюза в ряде областей, а именно в том, что касается: 1) свободы передвижения граждан по всей территории ЕС; 2) уважения культурного разнообразия государств-членов; 3) защиты этнических меньшинств (возведенной в Лиссабонском договоре 2009 г. в ранг целей европейской интеграции¹⁵). Все это будет сильно влиять и уже влияет на право Балтийских государств и на структуру их общества. С анализа этих трех факторов мы и начнем.

Первый из вышеупомянутых факторов связан прежде всего с (трудовой) миграцией. Хотя ее и не было в изначальных планах «отца Европы» Жана Монэ (Jean Monnet), договоры 1950-х годов, заложившие первоосновы евроинтеграционного процесса, включали в себя положения о свободе передвижения рабочих, включенные под давлением Италии, заинтересованной в экспорте своей рабочей силы¹⁶. Позднее в Маастрихтском договоре 1993 г. произошла кодификация «неформальных положений *acquis communautaire*»¹⁷: в договор были включены положения о европейском гражданстве, которое стало производным от гражданства государств-членов ЕС¹⁸. В итоге уж и нетрудовые мигранты подпали под действие европейского права. Гражданство с наибольшей вероятностью будет играть решающую роль в развитии права Евросоюза в ближайшие десятилетия¹⁹. Из чисто экономического союза, где каждый должен был вносить посильную лепту в дело создания общего рынка²⁰, ЕС превратился в воплощение интеграционных процессов, которые переросли собственно экономическое содержание, о чем свидетельствуют многие недавние решения Суда справедливости в Люксембурге²¹. Вместе с тем недавние «прогрессивные» решения суда имеют прямое отношение к идеям *fédération européenne*²² Плана Шумана²³. Безработные, убогие и изгои, включая зачастую и представителей меньшинств, могут теперь в полной мере опираться на права, изначально предоставлявшиеся Евросоюзом лишь экономически активным членам общества²⁴.

Право свободы передвижения граждан играет решающую роль при формировании населения, т.е. «народов»²⁵ государств-членов. Конституционная система Евросоюза опирается здесь на два ключевых принципа: 1) практически полный запрет госу-

дарствам препятствовать свободе передвижения граждан ЕС по территории Евросоюза²⁶ (что включает в себя абсолютное право проживать, работать и воссоединиться с семьей в любой стране ЕС²⁷); 2) запрет дискриминации по принципу гражданства²⁸. На практике это означает, что право ЕС запрещает любую дифференциацию граждан ЕС по признаку гражданства везде, где применяется право Евросоюза. Исключения из этого принципа очень редки²⁹. Иными словами, государствам прямо запрещено создавать льготные правовые условия для своих граждан. Что же касается этнополитики, то даже кардинальные изменения этнолингвистического и культурного состава населения не могут служить оправданием для возведения барьеров на пути свободного передвижения граждан. Все это не так актуально для больших стран, но в маленьких государствах последствия этой политики могут быть очень заметны. Например, 70% жителей Люксембурга не являются подданными великого герцога – и это не что иное, как результат неукоснительного соблюдения права ЕС вкупе с экономической привлекательностью самой богатой страны в мире. Важную роль здесь сыграл и тот факт, что в Люксембурге размещены многие органы ЕС, например Суд справедливости.

По сути государства-члены Евросоюза автоматически, полностью и безвозвратно потеряли возможность контролировать миграционные потоки граждан ЕС, проводить различия между ними на основании гражданства и создавать социально-правовые условия, благоприятные в первую очередь для их собственных граждан. По словам Гэррета Дэйвиса, национальное гражданство в контексте Евросоюза попросту упразднено³⁰ – оно уже не может, строго говоря, создавать правовые последствия в рамках применения права ЕС. Евросоюз защищает право всех граждан ЕС (т.е. граждан любого государства-члена ЕС) быть самими собой, где бы они ни решили жить на союзной территории. Любые экзамены по культуре, языку и т.п. рассматриваются в данном контексте как прямая либо косвенная дискриминация по признаку гражданства и поэтому исключены из правового поля, находясь под абсолютным запретом.

Тот факт, что население Эстонии не состоит наполовину из финнов, а население Латвии из португальцев, может быть объяснен лишь сравнительной бедностью этих стран. Как видно на примере Люксембурга, в случае изменения к лучшему экономической ситуации, этнолингвистический состав населения может поменяться очень быстро. Европейский союз при своем учреждении поставил во главу угла идеал свободы. Свобода в данном контексте понимается как индивидуальная свобода, она нимало не ограничена этнолингвистическими мифологиями³¹. В контек-

сте этнической демократии, построенной в Эстонии и Латвии³², напряженность между основополагающими постулатами государственности этих стран и принципами европейской интеграции будет только нарастать. Рано или поздно подход к этнополитике в этих странах должен будет измениться, ибо даже самое ограничительное толкование права ЕС не оставит шансов для сохранения без каких-либо изменений тамошних специфических режимов. В контексте права ЕС подобные противоречия всегда разрешались в пользу идеалов свободы и недискриминации, а не этнонационалистических идеалов³³.

Для Балтийского региона актуальным является и то, что право ЕС отчасти применяется к так называемым гражданам третьих стран³⁴: например, также их защищают положения права ЕС, которые запрещают дискриминацию по целому ряду признаков на всей территории союза³⁵. Директива Евросоюза о гражданах третьих стран, проживающих в Евросоюзе длительное время³⁶, распространяется, например, на всех неграждан Латвии и Эстонии и предусматривает ограниченное право на свободу их передвижения в пределах ЕС³⁷. Более того, как показал в своей классической работе Питер Булез³⁸, право проживания на территории ЕС наступает у этих людей на основании положений евродирективы, поэтому они подпадают под запрет дискриминации по признаку гражданства, содержащийся в ст. 18 Договора о функционировании Европейского союза. Это значительно расширяет возможности меньшинств без гражданства ЕС бороться за свои права в судах³⁹.

Вместе с обязательными к соблюдению европейскими директивами в национальное право всех государств-членов ЕС вошел принцип пропорциональности⁴⁰, который запрещает им, пусть и опосредованно, ограничивать в правах любое лицо без каких-либо рациональных объяснений и способом, явно не пропорциональным защищаемым государством общественным интересам. На практике это означает, что даже скрытая дискриминация в виде дороговизны оформления видов на жительство⁴¹ или несбалансированных языковых требований⁴² противоречит европейскому праву и, следовательно, противозаконна вне зависимости от того, что по этому поводу сказано в национальном праве конкретного государства-члена ЕС⁴³. «Обязанность сотрудничать», налагаемая договорами ЕС на все органы власти государств-членов⁴⁴, в купе с принципом верховенства права ЕС означает, что им воспрещается применять национальные законы, нарушающие конкретные положения права ЕС или противоречащие принципу пропорциональности. В итоге множество законов и подзаконных актов на-

ционального уровня повсеместно в Евросоюзе попросту нельзя применять. Все это противодействует «тирании большинства»⁴⁵ и таким образом содействует укреплению демократии, ведь парламентские популисты теперь ограничены в выборе целей для своей деятельности⁴⁶. Данная ситуация, возведенная Гэрретом Дэйвисом в ранг принципа европейского права, получила наименование «humiliation of the State»⁴⁷: Евросоюз защищает своих граждан от благоглупостей их национальных законодательств, тем самым в каком-то смысле «унижая» государства-члены.

Второй основополагающий принцип Европейского права, позволяющий Евросоюзу заметно влиять на этнополитику государств-членов, следует рассматривать с учетом принципа «унижения государств». Этот принцип связан с закрепленным в договорах ЕС требованием уважительного отношения европейского права к культуре и самобытности государств-членов, включая их национальную идентичность и правовое своеобразие⁴⁸. Как показал Брюно де Витте, уважение национальной идентичности прежде всего заключается в том, что Европейский союз не имеет права «гармонизировать» (т.е. стандартизировать на союзном уровне) законодательство и общие подходы государств-членов к культуре и образованию. Тем самым гарантируется, что все государства-члены сохраняют свое своеобразие⁴⁹. Иными словами, речь идет об основополагающем постулате классической теории федерализма: федерализм может способствовать укреплению свободы только в том случае, если сохраняется существенная разница между субъектами федерации как в правовом, так и в культурном и моральном плане⁵⁰. С учетом права свободно выбирать страну проживания уважение к национальной идентичности, гарантирующее различия между государствами, европейская интеграция предоставляет гражданам (и порою негражданам) ЕС возможность «голосовать ногами», пересекая невидимые границы⁵¹.

Несмотря на философскую и юридическую значимость национальных различий, уважение к национальной идентичности не означает полного запрета на регулирование Евросоюзом соответствующих областей. Еще полвека назад судья Пьер Пескатор обосновал отсутствие подобного запрета телеологическим характером толкования европейского права⁵². Все европейские правовые нормы всегда трактуются в свете целей, которые они стремятся достичь⁵³. Как следствие, если национальное регулирование вопросов, лежащих вне сферы компетенции Евросоюза, противоречит достижению определенных целей, установленных в законодательстве или договорах ЕС, то подобное регулирование будет нарушать право ЕС. Государства, апеллирующие к национальной идентичности для того, чтобы проигнорировать описанное выше

европейское понимание свободы, будут всего лишь нарушителями права ЕС, которым придется защищаться в Суде справедливости. Более того, ни один орган этих государств, будь то суд или муниципалитет, не должен исполнять требования национального законодательства, противоречащие целям евроинтеграции. Это действительно «унижение», но лишь для таких государств, как Греция, Венгрия или Румыния, которые по разным причинам не могут осознать и в полной мере соблюдать на национальном уровне принципы функционирования права ЕС. Таким образом, защищаемая договорами ЕС национальная идентичность – это не этнолингвистический фетиш, а комплексное динамическое понятие, основанное, скорее, на осознании различий между государствами, нежели на конкретных постулатах идентичности, которые надумают провозгласить конкретные государства⁵⁴. Поэтому препятствовать поездкам из Ирландии с целью совершения абортов запрещено; нельзя требовать от итальянских бизнесменов говорить по-эстонски или по-словенски; недопустимо депортировать из Бельгии французских девушек, честно зарабатывающих свой хлеб в баре, «подозрительном с точки зрения морали»⁵⁵, и т.п.

Принципы свободы передвижения и уважения культурно-го разнообразия оказывают сильное влияние на возможности государств-членов устанавливать национальные режимы защиты национальных меньшинств (третий фактор). Действительно, Евросоюз оказывает опосредованное влияние на режимы защиты меньшинств, установленные государствами-членами. Брюно де Витте, Габриель фон Тоггенбург и Кристин Хенрард затронули этот вопрос еще десять лет назад: несмотря на патетичную риторику, у Евросоюза нет четкого подхода к проблеме защиты меньшинств и каких-либо реальных полномочий в этой сфере⁵⁶. Более того, в свете двух основополагающих факторов, приведенных выше, Европейский союз де-факто *затрудняет* создание режимов защиты меньшинств, ибо подобные режимы способны войти в противоречие с незыблемыми постулатами *acquis communautaire*.

Итак, у Евросоюза нет в этой сфере полномочий, как нет и консенсуса государств-членов о том, какую форму должна принять такая политика. Тем не менее Евросоюз гарантирует принцип недискриминации, что является первым из двух необходимых компонентов классической системы защиты меньшинств. Второй заключается в предоставлении меньшинствам специальных прав, которыми не обладают представители этнического большинства⁵⁷. На практике о защите меньшинств можно говорить лишь в контексте ограничения сферы применения права ЕС на определенных

территориях, населенных меньшинствами. Подобные ограничения можно юридически оформить в виде особых протоколов к договорам о вступлении в Евросоюз⁵⁸. Уже после присоединения к ЕС изъятия определенных территорий из-под действия европейского права маловероятно⁵⁹. Гренландия является единственным примером подобного развития событий⁶⁰. К подписанию особых протоколов прибегла Великобритания (для защиты самобытности о. Мэн и Нормандских о-вов), Дания (применительно к Фарерским о-вам), а также Финляндия (для территорий на крайнем севере, населенных саами, и для шведскоговорящих Аландских о-вов)⁶¹. Такой способ территориального ограничения действия права ЕС возможен, лишь когда меньшинства проживают компактным образом на (удаленных) территориях. Следовательно, общий подход ЕС к защите меньшинств можно, скорее, охарактеризовать как осторожно-скептический (даже если официальные документы этого не признают). Единство и эффективность права ЕС – вот факторы, поставленные во главу угла. Евросоюз не занимается борьбой с космополитизмом и его не интересует защита меньшинств как таковая. Речь идет, перефразируя Джереми Уолдрона, о космополитической альтернативе строительству странных «искусственно самобытных» сообществ – «Диснейлэндов»⁶². Однако ЕС сочувственно относится к уязвимым (изолированным) группам меньшинств, по крайней мере пока их защита не таит угрозы нормальному функционированию европейского права.

Для нашей статьи особое значение имеют основные вехи развития принципов европейского права, призванные формировать балтийскую этнополитику в свете описанных выше трех основополагающих факторов. Несмотря на весь скепсис, можно и нужно рассматривать конкретные действия Евросоюза, направленные на достижение определенных этнополитических целей в Латвии и Эстонии в течение десяти лет, предшествовавших их вступлению в ЕС. В ходе нашего рассмотрения мы сможем отметить несколько интересных нюансов.

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЧЛЕНСТВА

Европейский союз сделал несколько важных попыток улучшить защиту прав меньшинств в странах Центральной и Восточной Европы в ходе подготовки этих стран к вступлению в ЕС. Ранее настолько остро эта проблема в Евросоюзе не стояла. Иными словами, Европейский союз начал задумываться над регулированием в этой области права лишь в связи с грядущим расширением

на Восток. Оно и понятно: как пояснил Ян Клабберс, «никто не хочет идти в постель с плохими парнями»⁶³. Именно поэтому копенгагенские критерии 1993 г. с самого начала включали критерий уважения и защиты меньшинств⁶⁴ – эти критерии Совет Европейского союза использовал для подготовки стран Центральной и Восточной Европы к членству в ЕС.

В рамках подготовки расширения и формулирования политики по отношению к меньшинствам Европейский союз столкнулся с огромным количеством проблем. У него не было ни соответствующего опыта, ни полномочий, ни стандартов, ни отлаженного механизма мониторинга развития событий в этой области. Все эти проблемы нужно было решить достаточно быстро (что, отметим, не могло не сказаться на качестве предложенных решений). Как бы то ни было, Евросоюз начал проводить политику «предварительных условий членства», т.е. увязал перспективы вхождения в Евросоюз с проведением определенных реформ в государствах, желающих стать членами организации⁶⁵.

Первоначально нужно было решить вопрос, на чем основываются полномочия органов ЕС заниматься проблемами меньшинств в странах-кандидатах. Вопрос стоял особенно остро в свете того, что эти органы не были уполномочены заниматься такими проблемами в государствах-членах. Однако задачей Еврокомиссии является подготовка стран-кандидатов к соблюдению базовых принципов, на которых основывается право ЕС. Эти принципы включают демократию, правовое государство и защиту прав человека. Исходя из этого, было бы нелогично утверждать, что анализ процесса реформирования в государствах-кандидатах должен касаться лишь областей соответствующей внутренней компетенции ЕС. Поэтому Еврокомиссия совершенно правильно заключила, что она может оценивать соблюдение фундаментальных принципов государствами-кандидатами вне зависимости от того, что отнесено к компетенции Евросоюза в положениях договоров, касающихся разграничения полномочий Евросоюза и государств-членов⁶⁶. Более того, государства-кандидаты не являются пока членами ЕС, а посему говорить об ограничении компетенции не приходится⁶⁷. Тогда же (в 1993 г.) было решено включить также защиту меньшинств в ряд обязательных критериев оценки готовности государств-кандидатов к вхождению в Евросоюз.

За стандартами далеко ходить не пришлось: Еврокомиссия полагалась на мнения органов ОБСЕ⁶⁸ и Совета Европы⁶⁹. Безусловно, подобное заимствование стандартов вкуче с отсутствием внутренней компетенции создало множество проблем: вместо того, чтобы обозначать абсолютный минимум, стандарты ОБСЕ,

как показал Уилл Кимлика, стали неверно трактоваться странами-кандидатами и Еврокомиссией как «достаточные»⁷⁰. Более того, мониторинг реформ в странах-кандидатах не был в должной мере увязан с шагами на пути евроинтеграции, что фактически привело к провалу стратегии предварительных условий членства как принципа расширения Евросоюза⁷¹ и иногда к недостаточным реформам в государствах-кандидатах. Несмотря на все эти оговорки, поистине титаническая работа была проделана как на уровне Евросоюза, так и в странах-кандидатах. Эта работа привела в конечном итоге к включению принципа защиты меньшинств в текст Договора о Европейском союзе (ст. 2)⁷³. За какие-то двадцать лет право и политика Евросоюза в этой сфере оказались полностью перестроены. Кроме того, важные реформы в этой области были проделаны под давлением Евросоюза в государствах-кандидатах и особенно в интересующих нас Латвии и Эстонии.

Уже к середине 1990-х годов Евросоюз построил комплексную систему практического применения принципа предварительных условий членства⁷⁴ и потому мог оказывать прямое воздействие на страны-кандидаты. Потенциальный успех политики расширения Евросоюза гарантировало очевидное стремление ряда стран к вступлению в ЕС. Более того, следование рекомендациям Еврокомиссии было возведено в ранг обязательств, обращенных к странам-кандидатам, превращая сугубо политические копенгагенские критерии в правовые документы, обязательные для исполнения⁷⁵. В случае отказа проводить реформы помощь, предназначенная для стран-кандидатов, могла быть сокращена⁷⁶. В конечном итоге даже само вступление в Евросоюз могло быть отложено, причем на неопределенный срок.

На самом деле Евросоюз не был чрезмерно строг со странами-кандидатами. Не было замечено никаких «отступлений» от намеченного пути: как только страна-кандидат признавалась Еврокомиссией соответствующей копенгагенским критериям, начинались переговоры, за которым следовало само вступление⁷⁷. В документах о копенгагенских критериях, особенно во мнениях Еврокомиссии о заявках на вступление, в периодических докладах комиссии, ежегодных отчетах и других типах юридических документов⁷⁸, напрямую указывалось, что политика ряда стран-кандидатов в сфере этнополитики – гражданства, языка, борьбы с дискриминацией – также подлежит оцениванию, как и вопросы, напрямую связанные с транспонированием в национальное законодательство положений *acquis communautaire*.

Этнополитика стран-кандидатов сыграла определенную, хоть и далеко не ключевую роль при подготовке расширения Евросоюза. Особого внимания удостоилась дискриминация в отношении

цыган (рома) в разных странах – лишение представителей этой этнической группы гражданства Чехии после распада Чехословакии⁷⁹, ситуация с венгерскими меньшинствами в Румынии и Словакии и, наконец, «русскоязычное» меньшинство в Латвии и Эстонии. Хотя Еврокомиссия официально провозгласила, что идентичные критерии будут применяться при оценке реформ во всех странах-кандидатах, анализ правовых документов позволяет убедительно доказать, что на практике применялись два кардинально противоположных подхода: идея полной ассимиляции по отношению к русскоговорящим в Латвии и Эстонии и идея защиты языка, культуры и идентичности меньшинств во всех остальных случаях⁸⁰. Подобные разночтения бросают тень на политику Евросоюза и одновременно свидетельствуют как о малой заинтересованности делегаций Еврокомиссии в Таллине и Риге, так и о слабости организаций, борющихся за права меньшинств в Балтийских государствах. Последним явно не удалось убедить Еврокомиссию принять более деятельное участие в том, что происходило с русскоговорящими меньшинствами в странах Балтии. Вопрос о возможных причинах подобного подхода может стать предметом особого исследования⁸¹.

Прояснив общий контекст подготовки к членству в Евросоюзе, сконцентрируемся на политике Брюсселя по отношению к защите меньшинств в Латвии и Эстонии. Все документы Еврокомиссии, которые имели отношение к «Стратегии 2000», посвященной практической реализации копенгагенских критериев⁸², уделяли особое внимание политике в сфере гражданства и языка в двух Балтийских государствах. Например, документ 1998 г. приветствовал проведение в Латвии референдума по Закону о гражданстве и называл «достойной сожаления»⁸³ ситуацию в Эстонии, где Закон о гражданстве не позволял детям-апатридам становиться гражданами страны. Эта оценка изменилась в 1999 г., когда поправки к эстонскому Закону о гражданстве позволили детям родителей-апатридов становиться гражданами Эстонии⁸⁴. Позитивная оценка принятых в Латвии и Эстонии поправок к законам о гражданстве не распространялась, однако, на общую ситуацию с защитой меньшинств в этих странах⁸⁵.

К удивлению ряда экспертов⁸⁶, Еврокомиссия дала в целом позитивную оценку ситуации с защитой меньшинств в Латвии и Эстонии уже в самых первых документах, опубликованных в контексте применения принципа предварительных условий членства, что в конечном итоге и привело к началу переговоров. Вопрос о начале переговоров был решен на заседании Европейского Совета в Люксембурге. Причем сделано это было, по словам Марка Мареско, «удивительным образом»⁸⁷: фактически без

каких-либо объяснений переговоры с Эстонией было предложено начать раньше, нежели с Латвией. С учетом одинаково плачевной ситуации с правами меньшинств в обеих странах такое решение дискредитировало и Латвию, и саму Еврокомиссию.

Отчеты Еврокомиссии о состоянии дел в двух государствах на момент подачи заявок о членстве (одобренных 15 июля 1997 г.) позволяют оценить масштаб проблемы. Согласно тогдашней оценке Еврокомиссии, «примерно 35% населения Эстонии составляют меньшинства, включая неграждан... В эту 35-процентную группу входят те 23% [населения], которые не являются гражданами Эстонии (численностью около 335 тыс. человек, в основном русского происхождения)»⁸⁸. В Латвии «меньшинства, включая неграждан, составляют примерно 44% населения... Латыши являются меньшинством в семи из восьми крупнейших городов страны. В эти 44% входят те 28% населения, т.е. примерно 685 тыс. человек, которые не имеют гражданства Латвии, и большая часть этой группы, которая состоит из бывших граждан СССР, не имеет вовсе никакого гражданства»⁸⁹. Таким образом, занимаясь оценкой политики в области гражданства, Еврокомиссия затрагивала вопрос о статусе более миллиона человек, которые составляли значительную часть населения в соответствующих странах-кандидатах. Приведя такие факты и заключив, что одна из двух стран готова к началу переговоров, Еврокомиссия серьезно подорвала доверие к самой идее предварительных условий членства. Несмотря на это, затрагивание вопроса гражданства меньшинств, который лежит за пределами внутренней компетенции Евросоюза, само по себе уже явилось важным шагом к формированию Европейского подхода к этнополитике. Усиленное внимание к гражданству меньшинств привело, впервые в истории европейского права, к тому, что Еврокомиссия сформировала собственный подход к понятию национального меньшинства, отличный от размытой общепринятой формулировки Франческо Капоторти, часто используемой в мировой юридической практике⁹⁰. Уже благодаря этому невозможно утверждать, что все усилия Евросоюза были тщетны.

Еврокомиссия начала свой анализ с того, что защита прав меньшинств в двух Балтийских государствах должна оцениваться, исходя из фактической ситуации, т.е. «вне зависимости от гражданства и различий в личном статусе, связанными с отсутствием гражданства Латвии»⁹¹. Почти идентичные замечания можно найти во мнении, касающемся заявки Эстонии⁹². Таким образом, уже с 1997 г. Еврокомиссия указала странам-кандидатам на то, что Евросоюз отдает предпочтение фактам, а не национальным мифологиям – то, о чем говорилось в предыдущей части статьи.

Шаг, сделанный Еврокомиссией, имел не только огромное символическое, но и практическое значение. Действительно, сами страны-кандидаты не рассматривали собственных русскоговорящих жителей как часть своего меньшинственного населения и, следовательно, считали, что копенгагенский критерий в отношении уважения и защиты прав меньшинств не касается этих групп. И Латвия, и Эстония исходили из того, что их политика по отношению к русскоговорящим не должна была повлиять на их заявки на членство в Евросоюзе: еще раньше большинство русскоязычного населения благодаря изобретательности законодательства, принятого в процессе распада СССР, не было признано гражданами стран проживания. Еврокомиссия сделала крайне важный шаг, дав понять, что подобные ожидания Риги и Таллина были напрасными.

В качестве примера отношения Балтийских государств к русскоговорящим меньшинствам можно привести определение «национального меньшинства», которое было принято Эстонией в рамках ратификации Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств⁹³:

«Эстония понимает под термином “национальное меньшинство” граждан Эстонии, которые проживают на территории Эстонии; имеют долговременные, устойчивые и длящиеся связи с Эстонией; отличаются от эстонцев по своему этническому происхождению, особенностям своего культурного и религиозного уклада или языку; руководствуются желанием совместными усилиями сохранить свои культурные традиции, религию и язык, лежащие в основе их общей идентичности».

Еврокомиссия отвергла подобный, основанный на гражданстве подход как «не имеющий отношения к делу»⁹⁴. Тем самым Евросоюзу представилась возможность направлять политику в области гражданства в Балтийских странах. Более того, Еврокомиссия зарезервировала за собой право применять копенгагенский критерий защиты прав меньшинств как к гражданам, так и к проживающим в этих странах иностранцам и апатридам. Если бы неграждане в Эстонии и Латвии были бы выведены из-под процедуры оценивания выполнения копенгагенского критерия со стороны Еврокомиссии, то Евросоюзу было бы крайне затруднительно оказывать какое-либо влияние на реформу местного законодательства о гражданстве, языке и борьбе с дискриминацией. Что касается защиты меньшинств как таковой, то она была бы просто невозможной, если бы Балтийские страны «избавились» от меньшинств благодаря словесной эквилибристике. Таким об-

разом у Еврокомиссии не было иного выбора, кроме как проигнорировать эстонское понимание термина «национальное меньшинство», принимая во внимание огромную долю иностранцев и лиц без гражданства в обеих странах-кандидатах.

На данный момент довольно трудно оценивать успешность попыток Еврокомиссии повлиять на латвийскую и эстонскую этнополитику. Не вызывает сомнений, однако, что потенциал политики предварительных условий членства не был реализован в полной мере. Анализируя документы Еврокомиссии о меньшинствах в странах Балтии, дуайен европейского права в сфере внешней политики профессор Марк Мареско сожалел, что «зачастую описание ситуации со стороны Еврокомиссии было поверхностным и неполным и, надо сказать, с использованием благодушной интонации по отношению к властям стран-кандидатов»⁹⁵. Читая мнения Еврокомиссии и ее ежегодные периодические доклады, трудно не согласиться с такой оценкой. Еврокомиссия пожертвовала своей объективностью в качестве докладчика перед Советом ЕС. Весьма вероятно, что с учетом всех ресурсов и инструментов в ее распоряжении можно было сделать гораздо больше⁹⁶. И все же Еврокомиссия сыграла важную роль в реформе законодательства о гражданстве и запрете дискриминации по различным основаниям в странах-кандидатах, включая Латвию и Эстонию.

Четко обозначив свое намерение заниматься проблемой неграждан в странах-кандидатах и тем самым декларируя свою готовность затрагивать вопрос о политике гражданства в своих мнениях и докладах, Еврокомиссия изначально сузила для себя пространство для маневра: уже в первых аналитических докладах, выпущенных в 1997 г., Еврокомиссия объявила (абсолютно бездоказательно), что все страны-кандидаты, за исключением Словакии, уже соответствуют копенгагенским политическим критериям. Еще более непостижимой была поспешность, с которой были начаты переговоры с одной из наиболее проблемных (с точки зрения прав национальных меньшинств) стран региона – с Эстонией. Как верно предположил Мареско, «правду и полную картину принятия такого неожиданного решения Еврокомиссии мы, видимо, никогда доподлинно не узнаем»⁹⁷. Как только Еврокомиссия от имени ЕС объявила, что критерии выполнены и можно начинать переговоры (пусть и с оговоркой о необходимости каких-то реформ), копенгагенские критерии во многом утратили роль «фильтра», подрывая всю стратегию предварительных условий членства для стран-кандидатов.

В своих мнениях о ситуации в Латвии и Эстонии на момент подачи заявок на вступление Еврокомиссия подвергла критике

несколько положений, касающихся национальной политики в области гражданства в контексте копенгагенского критерия. В-первых, и это очень важно с точки зрения статуса неграждан в двух странах, Еврокомиссия заведомо согласилась с тем, что «политика Советского Союза после 1945 г., направленная на поощрение поселения русскоязычных [в этих странах], во многом несет ответственность за нынешнюю ситуацию»⁹⁸. Подобный взгляд во многом оправдывал подход к меньшинствам, принятый в двух Балтийских странах. Особо показателен пример Латвии, где даже был создан особый статус полугражданства, по сути зарезервированный для меньшинств⁹⁹: переход от статуса «негражданин Латвии» к «полному» латвийскому гражданству, изначально фактически зарезервированному для «титального» большинства, был возможен лишь после выполнения условий натурализации. В Эстонии же официальные лица уклончиво называли многочисленных апатридов лицами с «неопределенным» гражданством¹⁰⁰. Еврокомиссия ошибочно приняла такой подход за «нормальный», и это во многом объясняет провал натурализационных мероприятий в двух странах, на которых комиссия попыталась сконцентрировать свое внимание.

В этом отношении весьма примечателен пример Литвы. Хотя все три балтийские республики имеют общую историю утраты независимости и советского доминирования, проблема безгражданства в Литве практически отсутствует, во многом благодаря радикально противоположному подходу к признанию личного юридического статуса лиц, принадлежащих к меньшинствам. Сваливая ответственность за нынешнюю ситуацию на советское прошлое (и игнорируя при этом литовский опыт), Еврокомиссия упустила шанс найти эффективное и быстрое решение проблемы, поскольку политика натурализации для лиц без гражданства оставалась в исключительной компетенции стран-кандидатов. В этом плане Еврокомиссия продемонстрировала кардинально разные подходы к натурализации в Латвии и Эстонии в сравнении с Чехией, где критерии натурализации были сформулированы таким образом, что большое число местных цыган оказалось без гражданства. В Чехии Еврокомиссия потребовала изменения *критериев натурализации* как таковых, что привело к быстрейшему решению проблемы¹⁰¹. Таким образом, изначальная позиция Комиссии по вопросу гражданства в Латвии и Эстонии вызывала вопросы.

В контексте Латвии и Эстонии Еврокомиссия сделала критический обзор натурализационных требований, которые обычно включали экзамены по языку, «гражданские» экзамены (на зна-

ние эстонской конституции или латвийской истории), а также некоторых других требований, таких, как «окна натурализации», установленные латвийским законом о гражданстве в августе 1994 г. Экзамены, по мнению Еврокомиссии, были связаны со следующими проблемами: они могли быть слишком сложными для сдачи; сборы за сдачу экзамена могли быть слишком велики; между подачей ходатайства и самим экзаменом предусматривался неразумно большой срок. Другие временные ограничения также могли в глазах Еврокомиссии ущемлять права меньшинств. В случае Эстонии срок «задержки» между подачей документов на гражданство и началом процедуры составлял один год, и Еврокомиссия осторожно заявила, что это, «возможно, не в полной мере оправданно»¹⁰². Особой критики удостоилось латвийское законодательство об «окнах натурализации». Последние представляли собой в основном увязывание права подавать заявления о натурализации с возрастом заявителя. Даже если заявитель соответствовал всем требованиям, гражданство не предоставлялось, если его подавал представитель той возрастной группы, которая на данный момент не была допущена к натурализации¹⁰³.

Еврокомиссия не считала успешной политику натурализации в Латвии и Эстонии. На момент публикации первых документов, анализирующих ситуацию в этих странах в контексте возможного вступления в ЕС, в Эстонии натурализовалось примерно 90 тыс. человек (начиная с 1992 г.)¹⁰⁴. В Латвии политика натурализации была еще менее успешной – лишь 4700 человек натурализовались после начала процедуры в 1995 г.¹⁰⁵ В целом это означало, что к 1997 г. только 94 700 человек из почти миллиона неграждан Эстонии и Латвии прошли натурализацию. Более того, Еврокомиссия отмечала падение год от года темпов натурализации. Согласно приведенным в докладах данным, скромные результаты политики натурализации возможно отражают тот факт, что некоторые факторы могли подрывать мотивацию становиться гражданами, поскольку это предполагало бы обязанность прохождения военной службы и могло затруднить поездки в Россию. Например, проживающие в Латвии неграждане с советскими паспортами не должны были ходатайствовать о российских визах в рижском консульстве¹⁰⁶, в отличие от натурализованных граждан. Хотя позже эта политика изменилась, когда Россия вводила на какой-то срок визовые требования для эстонских и латвийских жителей с паспортами иностранца/негражданина, Еврокомиссия отмечала, что негражданину получить визу по-прежнему легче¹⁰⁷. Любопытно, что подобные наивные предположения были включены в офици-

альные документы: никаких исследований мотивации неграждан сама Еврокомиссия не проводила¹⁰⁸.

Вместе с тем Еврокомиссия внимательно рассматривала примеры дискриминации на основании (отсутствия) гражданства. Например, во мнении о состоянии демократии в Латвии говорится, что житель без гражданства этой страны не только не может попасть на госслужбу, «где служебные обязанности связаны с национальным суверенитетом», но также не может работать частным детективом, адвокатом, пожарным, фармацевтом или членом летного экипажа. Также «неграждане Латвии» не могли владеть землей и голосовать (даже на местных выборах)¹⁰⁹. В Эстонии ситуация была несколько лучше. Например, неграждане имели право голоса на местных выборах к моменту принятия позиции комиссии.

Общий вывод Еврокомиссии был одинаков касательно ситуации в обеих странах: «права русскоязычного меньшинства (как с эстонским гражданством, так и без него) соблюдаются и гарантируются»¹¹⁰. Однако во мнениях можно увидеть и первые следы того влияния, которое было оказано со стороны Евросоюза. Настаивая на необходимости реформирования законов о гражданстве, Еврокомиссия заключила, что, принимая во внимание ежегодный уровень натурализации, «большое число... жителей еще долгое время будут составлять иностранные граждане и лица без гражданства», если только странами-кандидатами не будут приняты соответствующие меры¹¹¹. Последние связывались прежде всего с упрощением (но не кардинальным изменением) условий натурализации. При этом постулировалось, что натурализация этнических меньшинств как таковая необходима. В Эстонии в контексте положительной оценки упрощения условий натурализации Еврокомиссия приветствовала упрощение экзамена на гражданство по новым, введенным в январе 1997 г. правилам¹¹². В Латвии похвалы удостоились программы по обучению латышскому языку для русскоязычных при поддержке программы PHARE¹¹³. Еврокомиссия также выразила удовлетворение в связи с политикой выдачи специальных паспортов иностранца/негражданина апатридам в Латвии и Эстонии, что предоставляло им определенную свободу передвижения.

Однако, кроме положительных оценок усилий стран-кандидатов, Еврокомиссия также отмечала их недостатки, тем самым создавая давление и задавая направление для дальнейших правовых изменений. В отношении Эстонии, например, Еврокомиссия подчеркивала «недостаточность ресурсов, которые имеются у русскоязычных для изучения эстонского языка»¹¹⁴. Иногда

она прямо указывала на реформы, желательные в интересах Евросоюза. Например, рекомендовала эстонским властям рассмотреть вопрос о выдаче постоянных видов на жительство тем негражданам, которые ранее получали только пятилетний срочный вид на жительство¹¹⁵. Еврокомиссия также выразила свое явно негативное отношение к системе «окон натурализации» и к величине сборов за натурализационные экзамены в Латвии¹¹⁶.

Основной упор был сделан на условиях натурализации детей-апатридов в Латвии и Эстонии. Еврокомиссия потребовала приведения этих условий в полное соответствие со ст. 6 Европейской конвенции о гражданстве¹¹⁷, с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г.¹¹⁸, со ст. 7 Конвенции о правах ребенка 1989 г.¹¹⁹, которая устанавливала право на гражданство, а также со ст. 1(а) Конвенции о сокращении безгражданства 1966 г.¹²⁰ Эти документы устанавливают, что ребенок должен получать гражданство страны рождения, если иначе он окажется лицом без гражданства¹²¹. Анализируя ситуацию с гражданством детей, Еврокомиссия использовала в текстах мнений более жесткие выражения: «эстонские власти должны...»¹²² или «латвийские власти обязаны...»¹²³.

В целом в зависимости от важности вопроса в своих мнениях от 1997 г. Еврокомиссия использовала четыре основных приема для того, чтобы воздействовать на политику в сфере гражданства и защиты меньшинств стран-кандидатов:

- дать положительную оценку усилий страны-кандидата;
- выделить основные проблемы существующей системы натурализации, иногда вместе с предоставлением финансовой помощи для ее решения;
- сформулировать рекомендации с указанием путей дальнейшего развития реформы;
- дать прямое указание о необходимых изменениях в сфере натурализации.

Идентичные подходы использовались Еврокомиссией во всех документах вплоть до вхождения Балтийских государств в состав ЕС.

Мнения 1997 г. были особенно критичны в отношении двух аспектов политики натурализации: латвийских «окон натурализации» (которые Еврокомиссия называла «возрастными окнами») и законодательства о гражданстве детей, родившихся у родителей-апатридов (и в Эстонии, и в Латвии). По обоим вопросам позиция Еврокомиссии оставалась неизменной, что привело к принятию соответствующих поправок в законодательстве уже в 1998 г.

Латвия быстро откликнулась на давление со стороны Еврокомиссии, изменив свой Закон о гражданстве, позволив детям

родителей-апатридов получать гражданство при рождении и упразднив систему «окон натурализации». Оба шага были приняты в рамках референдума 3 октября 1998 г., демонстрируя эффективность вмешательства Евросоюза. Эстония оказала большее сопротивление условиям, озвученным Еврокомиссией, и реформа законодательства о гражданстве здесь произошла несколько позже, чем в Латвии. В докладе от 1998 г. Еврокомиссия подчеркнула, что в Эстонии не было улучшено положение детей, родившихся у родителей-апатридов¹²⁴. Поправки не заставили себя долго ждать. В 1999 г. измененный Закон о гражданстве вступил в силу. Поправка затронула 6 тыс. детей, родившихся у родителей-апатридов с момента восстановления эстонской независимости, и дополнительно примерно 1500 рождавшихся детей ежегодно¹²⁵.

В докладах Еврокомиссия представляла точные оценки числа неграждан и тех, кто получил паспорта иностранца/негражданина. Она отслеживала сокращение оснований для дискриминации апатридов (например, принятие Латвией нового закона об амнистии, который не дискриминировал на основании безгражданства)¹²⁶. Еврокомиссия приветствовала изменения в Латвии, направленные на ликвидацию дискриминации в профессиональной сфере¹²⁷ и языковой дискриминации неграждан, не владеющих государственным языком, рапортуя, что экзамены по натурализации были намного упрощены. При этом Еврокомиссия призывала к дальнейшему упрощению экзаменов по истории и рекомендовала снижение платы за рассмотрение ходатайств о натурализации¹²⁸. По мнению Еврокомиссии, Латвия выполнила основные рекомендации ОБСЕ в сфере гражданства в 1999 г.¹²⁹, а Эстония в 2000 г.¹³⁰ (что, по общему мнению, также привело к закрытию миссий ОБСЕ в Латвии и Эстонии 31 декабря 2001 г.). Увязка документов Комиссии с минимальными рекомендациями ОБСЕ и Совета Европы, которые в сущности не могли разрешить большую часть самых острых проблем балтийских меньшинств, подверглась серьезной критике со стороны видных ученых¹³¹. Подобная увязка, которую очень просто объяснить отсутствием каких-либо собственных стандартов Еврокомиссии в этой сфере, во многом скомпрометировала политику предварительных условий членства в отношении Латвии и Эстонии в сфере защиты национальных меньшинств.

Итак, существовала изначальная проблема отсутствия собственных стандартов ЕС, а также имелись прежде всего рекомендации Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств, недостаточные для решения проблем безгражданства и к

тому же весьма минималистски реализованные на практике, как это показал в своем детальном анализе В.В. Полещук¹³². К этому следует также добавить и общую непоследовательность подхода Еврокомиссии, которая по сути не проявляла настойчивости даже в отношении многих собственных рекомендаций. Важнейшие проблемы, будучи однажды упомянутыми, пропадали из последующих докладов Еврокомиссии без каких-либо объяснений, как случилось с некоторыми требованиями, предъявляемыми Эстонии¹³³. Примечательно, что бесчисленные примеры несерьезного отношения Еврокомиссии к рекомендуемым ею же реформам в Эстонии и Латвии можно найти и за пределами этнополитики¹³⁴.

То же касается и подхода Комиссии к продвижению определенных значимых инструментов международного права в странах-кандидатах. Так, Еврокомиссия регулярно отслеживала ратификацию Латвией и Эстонией международных соглашений, которые имели отношение к защите прав меньшинств и к проблемам гражданства. Иногда страны-кандидаты «настойчиво призывались»¹³⁵ к ратификации подобных документов. Примерами таких международных инструментов были: Конвенция ООН о статусе лиц без гражданства¹³⁶, Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств, Европейская конвенция о гражданстве.

Рамочная конвенция была ратифицирована Эстонией еще до начала переговоров о вступлении в ЕС. Но как мы показали выше, она сделала это с оговоркой, касающейся наличия эстонского гражданства, что лишило ратификацию конвенции всякого смысла с учетом местных реалий. Латвия вообще не ратифицировала Рамочную конвенцию до вступления в ЕС. Эстония не ратифицировала конвенцию о безгражданстве, а Латвия не распространила ее действие на «неграждан Латвии», отказавшись, как мы показали выше, признавать их апатридами. Европейская конвенция о гражданстве Таллином и Ригой до сих пор не ратифицирована (а Эстонией даже не подписана)¹³⁷. Таким образом, работа Еврокомиссии не была слишком успешной в том, что касается присоединения Эстонии и Латвии к международным документам по вопросам меньшинств и гражданства. Также (полное) присоединение ко всем этим документам почему-то не было сделано предварительным условием выполнения копенгагенского критерия в части уважения и соблюдения прав меньшинств.

Опубликованные Еврокомиссией итоги натурализации были более чем скромными, хотя сама комиссия их так не характеризовала. Ситуация меньшинств на момент вступления оставалась весьма сложной. Непростой она остается и сегодня, о чем свиде-

тельствуют опубликованные в данном сборнике материалы. Последняя серия постоянных докладов Еврокомиссии по Латвии и Эстонии пришлось на 2002 г. Там сообщалось, что доля неграждан в населении страны все еще очень высока: в Латвии – 22,4%, в Эстонии – 19,5% (включая 12,5% апатридов). Итоговые мониторинговые доклады 2003 г., к удивлению экспертов и представителей русскоязычных меньшинств, вообще обошли этот вопрос стороной. Представляется, что задание, касающееся изменения правового и практического положения меньшинств в Эстонии и Латвии, было *полностью провалено* Еврокомиссией в ходе подготовки вступления этих стран в ЕС. Перефразируя профессора Мареско, причины столь бесславного провала мы, видимо, доподлинно никогда не узнаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЭТНОПОЛИТИКА И БАЛТИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА КАК ЧЛЕНЫ ЕС

Формирование общих подходов к европейской этнополитике, выходящее за пределы защиты прав человека и мирного сосуществования государств-членов, не относится к целям европейской интеграции. Несмотря на это, европейское объединение уже самим фактом своего существования и постоянного развития оказывает глубокое воздействие на процессы, происходящие в данной сфере. Балтийские государства здесь не являются исключением из общего правила, касающегося всех государств-членов. Воздействие Евросоюза имеет глубокий системный характер и, несомненно, выйдет далеко за пределы европейской политики предварительных условий членства, которая проводилась в Балтийском регионе до 2003 г. Как бы ни были значимы эти условия, основные изменения, как мы показали, еще впереди.

Принципы свободы передвижения граждан, уважения культурного разнообразия и защиты меньшинств уже повлияли и еще будут влиять на правовое положение меньшинств в Балтийских странах. Пример Люксембурга показывает всю утопичность этнических микропроектов в контексте европейской интеграции: национальные идеалы создания эстонского либо латышского большинства на определенной территории напрямую *противоречат* основополагающим постулатам права Евросоюза. Более того, они противоречат идее уважения Евросоюза по отношению к культуре государств-членов: культура здесь не имеет ничего общего с официальными взглядами доминирующей этногруппы на «идеальную» этнолингвистическую ситуацию на определенной территории. Как раз наоборот: идея «культуры» должна формироваться

с учетом реального положения вещей, «социальных фактов»¹³⁸, как бы те ни противоречили официозно-мифологической версии «идеального» общества. То же касается и языка: право ЕС – как и международное право – не знакомо с «правом человека» заказать кофе на латышском языке где бы то ни было в ЕС, пусть даже в самой Латвии¹³⁹. Более того, в европейском праве подобные практики могут подпадать под запрет либо как прямая, либо как косвенная этническая дискриминация¹⁴⁰, и они не выживут в долгосрочной перспективе. С этим Балтийским государствам придется смириться, если только в их планы не входит выход из Евросоюза¹⁴¹.

В таком контексте становится очевидным потенциальный вклад Евросоюза в дело защиты национальных меньшинств. У этого влияния ЕС есть два аспекта. Во-первых, Европейский союз усложняет проведение дискриминационной политики государствами-членами. Более того, таковая напрямую запрещена европейским правом и запрет этот по сути безоговорочный, что со временем положительно скажется на защите меньшинств. Во-вторых, запрет этот также может ограничивать возможности для особой защиты этнолингвистических групп, как было показано выше. Прямое и опосредованное влияние Евросоюза в странах Балтии будет только возрастать, и это неизбежно отразится на их этнолингвистической политике.

¹ *Amttenbrink F.* Institutionelle Aspekte der neuen europäischen Finanzmarktregulierung und – aufsicht // *Europäisierte Regulierungsstrukturen und -netzwerke* / Eds. L. Gramlich, C. Manger-Nestler. Baden-Baden, 2011. P. 119. О федерализации см.: *Piris J.-C.* L'Union européenne: vers une nouvelle forme de fédéralisme? // 41 *Revue trimestrielle de droit européenne*. 2005. P. 243.

² О политической и юридической сущности европейской интеграции см.: *Schütze R.* From Dual to Cooperative Federalism. Oxford, 2009; *Idem.* On «Federal» Ground: The European Union as an (Inter)National Phenomenon // 46 *Common Market Law Review*. 2009. P. 1069; *Weiler J.H.H.* The Transformation of Europe // 100 *Yale Law Journal*. 1991. P. 2403. Применительно к защите этнических меньшинств см.: *Kochenov D.* European Union's Minority Protection // *International Approaches to Governing Ethnic Diversity* / Eds. W. Kymlicka, J. Boulden. Oxford, 2014.

³ *Kochenov D.* Op. cit.

⁴ «Забвение и историческая ошибка» – *фр. Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? et autres essais politiques. Paris, 1992 (1-е изд. 1882). P. 41.

⁵ *Weiler J.H.H.* The Community System: The Dual Character of Supranationalism // 1 *Yearbook of European Law*. 1982. P. 267.

⁶ *Allott Ph.* The European Community Is not the True European Community // 100 *Yale Law Journal*. 1991. P. 2485, 2497–2498.

⁷ *Von Bogdandy A.* The Prospect of a European Republic: What European Citizens Are Voting on // 42 *Common Market Law Review*. 2005. P. 913.

- ⁸ Суд справедливости Европейского союза. Решение по делу № 294/83 *Partie Ecologiste «Les Verts» v. Parliament*, [1986] ECR 1339.
- ⁹ «Конституция без народа» – ит. *Scoditti E.* Costituzione senza popolo: Unione europea e nazioni. Bari, 2001.
- ¹⁰ *Weiler J.H.H.* The Constitution for Europe: «Do the New Clothes Have an Emperor?» and Other Essays on European Integration. Cambridge, 1999. P. 5.
- ¹¹ *Eijsbouts W.T.* Het verdrag als tekst en als feit. De wedergeboorte van het Europese recht uit het vallen van de Berlijnse Muur (Договор как текст и как факт. Новое рождение европейского права из обломков Берлинской стены). Amsterdam, 2002.
- ¹² *Spaventa E.* Free Movement of Persons in the European Union: Barriers to Movement in their Constitutional Context. The Hague, 2007.
- ¹³ *de Witte B.* The Cultural Dimension of Community Law. Florence: IV–I Collected Courses of the Academy of European Law. 1993. P. 229.
- ¹⁴ *von Toggenburg G.* A Remaining Share or a New Part? The EU's Role vis-à-vis Minorities after the Enlargement Decade // The Protection of Minorities in Wider Europe / Eds. M. Weller et al. Basingstoke, 2008. P. 95; *de Witte B.* I diritti europei delle minoranze // I diritti in azione. Universalità e pluralismo dei diritti fondamentali nelle Corti europee / Ed. M. Cartabia. Bologna: Il Mulino, 2007. P. 393; *Kochenov D.* Op. cit.
- ¹⁵ Ст. 2 Договора о Европейском союзе
- ¹⁶ *Maas W.* Creating European Citizens. N.Y., 2007.
- ¹⁷ *Wiener A.* Assessing the Constructive Potential of Union Citizenship – A Socio-Historical Perspective // 1 European Integration online Papers. 1997. P. 1. Французский термин *acquis communautaire* используется без перевода на другие языки для отсылки к совокупности всех норм права ЕС.
- ¹⁸ *Lenaerts K.* «Civis europaeus sum»: From the Cross-border Link to the Status of Citizen of the Union // 3 Electronic Journal of the Free Movement of Workers in the European Union. 2011. P. 6; *Kochenov D.* Ius Tractum of Many Faces: European Citizenship and the Difficult Relationship between Status and Rights // 15 Columbia Journal of European Law. 2009. P. 169; *Dollat P.* La citoyenneté européenne: Théorie et statuts. Brussels, 2008; *Kostakopoulou D.* European Citizenship: Writing the Future // 13 European Law Journal. 2007. P. 623.
- ¹⁹ *Kochenov D., Plender R.* EU Citizenship: From an Incipient Form to an Incipient Substance? The Discovery of the Treaty Text // 37 European Law Review. 2012. P. 369.
- ²⁰ *Tryfonidou A.* Reverse Discrimination in Purely Internal Situations: An Incongruity in a Citizens' Europe // 35 Legal Issues of Economic Integration. 2008. P. 43; *Van Elsuwege P., Adam S.* Situations purement internes, discriminations à rebours et collectivités autonomes après l'arrêt sur *l'Assurances soins flamande* // Cahiers de droit européen. 2008. P. 655, 662–678.
- ²¹ *Ankersmit L., Geursen W. Ruiz Zambrano:* De interne situatie voorbij (Конец доктрины всецело внутренней ситуации) // Asiel- en Migrantenrecht. 2011. P.156; *Kochenov D.* A Real European Citizenship: The Court of Justice Opening a New Chapter in the Development of the Union in Europe // 18 Columbia Journal of European Law. 2011. P. 55; *Iglesias Sánchez S.* ¿Hacia una nueva relación entre la nacionalidad estatal y la ciudadanía europea? // 37 Revista de derecho comunitario europeo. 2010. P. 933.
- ²² «Европейская федерация» – фр.
- ²³ План (декларация) Шумана – предложение министра иностранных дел Франции Робера Шумана (Robert Schuman) объединить металлургическую, железорудную и угледобывающую промышленность Франции и Германии как

- первый шаг на пути строительства Европейской Федерации (9 мая 1950 г.). Являлся важнейшим этапом на пути создания Европейского союза.
- ²⁴ *Kochenov D., Plender R.* Op. cit. P. 369; *Spaventa E.* Seeing the Wood Despite the Trees?: On the Scope of Union Citizenship and Its Constitutional Effects // 45 Common Market Law Review. 2008. P. 13.
- ²⁵ О значении «народа» см.: *Kochenov D.* Ius Tractum of Many Faces. ... P. 197–205.
- ²⁶ Территория Евросоюза более-менее сопоставима с территорией 28 государств-членов, кроме их заморских владений, обладающих специальным статусом: *Kochenov D.* Europeesrechtelijke aspecten // Schurende Rechtsordes: Over de Europese Unie, het Koninkrijk en zijn Caribische gebieden / Eds. H.E. Bröring et al. Groningen, 2008. P. 63.
- ²⁷ *Van Elsuwege P., Kochenov D.* On the Limits of Judicial Intervention: EU Citizenship and Family Reunification Rights // 13 European Journal of Migration and Law. 2011. P. 443.
- ²⁸ *Davies G.* «Any Place I Hang My Hat?» or: Residence is the New Nationality // 11 European Law Journal. 2005. P. 43.
- ²⁹ *Kochenov D.* Rounding up the Circle: The Mutation of Member States' Nationalities under Pressure from EU Citizenship // RSCAS Working Paper. EUI Florence. N 23. 2010. P. 16–20.
- ³⁰ *Davies G.* Op. cit. 2005. P. 43
- ³¹ *Rokkan S.* State Formation, Nation-Building and Mass Politics in Europe. Oxford, 1999.
- ³² *Smooha S.* Types of Democracy and Models of Conflict Management in Ethnically Divided Societies // 8 Nations and Nationalism. 2002. P. 423; *Järve P.* Re-Independent Estonia // S. Smooha, P. Järve. The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe. Budapest, 2005; *Diatchkova S.* Ethnic Democracy in Latvia // Ibid.; *Sajó A.* Protecting Nation States and National Minorities: A Modest Case for Nationalism in Eastern Europe // University of Chicago Law School Roundtable. 1993. P. 53.
- ³³ *Bell M.* Racism and Equality in the European Union. Oxford, 2009; European Union Non-Discrimination Law: Comparative Perspectives on Multi-Dimensional Equality / Eds. D. Schiek, V. Chege. L., 2008.
- ³⁴ Термин права ЕС, используемый для обозначения апатридов и иностранцев, не обладающих гражданством какого-либо государства-члена Евросоюза.
- ³⁵ Equality Law in an Enlarged European Union: Understanding Article 13 Directives / Ed. H. Meenan Cambridge, 2007.
- ³⁶ Council Directive 2003/109 Concerning the Status of Third-Country Nationals Who Are Long-Term Residents. 2004 O.J. (L16) 44 (EC)
- ³⁷ Данным правом, к сожалению, не всегда легко воспользоваться на практике: *Carrera S.* What Does Free Movement Mean in Theory and Practice in an Enlarged EU? // 11 European Law Journal. 2005. P. 711–718.
- ³⁸ *Boeles P.* Europese burgers en derdelanders: Wat betekent het verbod van discriminatie naar nationaliteit sinds Amsterdam? (Европейские граждане и граждане третьих стран: Что означает запрет дискриминации по признаку гражданства со времени вступления в силу Амстердамского договора?) // 12 Sociaal-economische wetgeving. 2005. P. 502.
- ³⁹ Актуальность ст. 18 Договора о функционировании Европейского союза возрастает в свете того, что сама директива не содержит положений, запрещающих дискриминацию по признаку гражданства (или отсутствия гражданства).

- ⁴⁰ Ст. 5(4) Договора о Европейском союзе. Анализ принципа во всех сферах европейского права: *The Principle of Proportionality in the Laws of Europe* / Ed. E. Ellis. Oxford, 1999.
- ⁴¹ Суд справедливости Европейского союза, решения по объединенным делам № С-317/01 и С-369/01 *Shahin u Abatay*, [2003] I-12301.
- ⁴² *Kochenov D.* «Who Is One of Us?» The Nexus between Naturalisation, Language, and Minority Protection // *Four or More Languages for All: Language Policy Challenges of the Future* / Ed. K.J. Knudsen et al. Oslo, 2012.
- ⁴³ *Cohen-Eliya M., Porat I.* Proportionality and the Culture of Justification // *59 American Journal of Comparative Law*. 2011. P. 463.
- ⁴⁴ Ст. 4(3) Договора о Европейском союзе. О данном принципе см., например: *Gormley L.W.* Some Further Reflections on the Development of General Principles of Law within Article 10 EC // *General Principles of EC Law in a Process of Development* / Eds. U. Bernitz et al. The Hague, 2008. P. 303.
- ⁴⁵ Федералист № 10.
- ⁴⁶ *Kumm M.* The Idea of Socratic Contestation and the Right to Justification: The Point of Rights-Based Proportionality Review // *4 Law and Ethics of Human Rights*, 2010. P. 141.
- ⁴⁷ *Davies G.* Humiliation of the State as a Constitutional Tactic // *The Constitutional Integrity of the European Union* / Eds. F. Amtenbrink, P. van den Bergh. The Hague, 2010.
- ⁴⁸ См. ст. 6(с) Договора о Европейском союзе; ст. 167(1) Договора о функционировании Европейского союза.
- ⁴⁹ *De Witte B.* Trade in Culture: International Legal Regimes and EU Constitutional Values // *The EU and the WTO. Legal and Constitutional Issues* / Eds. G. de Búrca, J. Scott. Oxford, 2001. P. 237; *de Witte B.* Economische, sociale en culturele rechten: de rol van de Europese Gemeenschap (Экономические, социальные и культурные права: роль Европейского сообщества) // *De toenemende betekenis van economische, sociale en culturele mensenrechten* / Eds. Coomans et al. Leiden, 1994. P. 8
- ⁵⁰ *Kreimer S.F.* Federalism and Freedom // *574 Annals AAPSS*. 2001. P. 66.
- ⁵¹ *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty. Cambridge, MA, 1970
- ⁵² *Pescatore P.* La Cour en tant que juridiction fédérale et constitutionnelle // *Dix ans de jurisprudence de la Cour de Justice des Communautés européennes*, 1963. P. 520.
- ⁵³ *Von Bogdandy A., Bast J.* The European Union's Vertical Order of Competences: The Current Law and Proposals for Reform // *39 Common Market Law Review*. 2002. P. 227.
- ⁵⁴ Само понятие «идентичности» зачастую лишь усложняет анализ политико-правовых процессов: *Kostakopoulou D.* Political Alchemies, Identity Games and the Sovereign Debt Instability: European Identity in Crisis or the Crisis of Identity Talk? // *63 Review of International Affairs*. 2012. P. 97.
- ⁵⁵ Суд справедливости Европейского союза, решения по объединенным делам 116 и 116/91 *Adoui u Cornouaille* [1982] ECR 1665.
- ⁵⁶ *Henrard K.* Double Standards Pertaining to Minority Protection. Leiden, 2010; *The Protection of Minorities in the Wider Europe* / Eds. M. Weller et al. Basingstoke, Palgrave, 2008; *Minority Protection and the Enlarged European Union: The Way Forward* / Ed. von G. Toggenburg. Budapest, 2004.
- ⁵⁷ Решение Постоянной палаты международного правосудия в деле *Minority Schools in Albania*, [1935] P.C.I.J. P. 17.
- ⁵⁸ *Kochenov D.* The Summary of Contradictions: Outline of the EU's Numerous Approaches to Minority Protection // *31 Boston College International and Comparative Law Review*. 2008. P. 1.
- ⁵⁹ Принцип применения европейского права на всей территории союза во всей полноте был сформулирован еще в 1960-е годы: решение Суда справедливости Европейского союза в деле № 6/64 *Costa v. ENEL*, [1964] ECR 585. Истоки и функционирование принципа проанализированы, например в: *de Witte B.* Direct Effect, Supremacy, and the Nature of the Legal Order // *The Evolution of EU Law (1st ed.)* / Eds. P. Craig, G. de Búrca. Oxford, 1999. P. 177.
- ⁶⁰ См.: Treaty amending, with regard to Greenland, the Treaties establishing the European Communities [1985] OJ L 29/1.
- ⁶¹ *Kochenov D.* The Summary of Contradictions... P. 15–18.
- ⁶² *Waldron J.* Minority Cultures and the Cosmopolitan Alternative // *25 University of Michigan Journal of Law Reform*. 1992. P. 756. См. также: *Idem.* What Is Cosmopolitan? // *8 Journal of Political Philosophy*. 2000. P. 227.
- ⁶³ *Klabbers J.* On Babies, Bathwater and the Three Musketeers, or the Beginning of the End of European Integration // *Function and Future of European Law (proceedings of the International Conference on the Present State, Rationality and Direction of European Legal Integration)* / Eds. V. Heiskanen, K. Kulovesi. Helsinki, 1999.
- ⁶⁴ Presidency Conclusions, European Council (Copenhagen, 21, 22 June 1993), Bull. EC 6-1993. Критерии проанализированы, например, в следующих работах: *Hillion C.* The Copenhagen Criteria and Their Progeny // *EU Enlargement: A Legal Approach* / Ed. C. Hillion. Oxford, 2004; *Kochenov D.* Behind the Copenhagen Façade: The Meaning and Structure of the Copenhagen Political Criterion of Democracy and the Rule of Law // *8(10) European Integration online Papers*. 2004. P. 1.
- ⁶⁵ Детальный анализ теории «предварительных условий членства» и практического применения этого принципа проделан в работе автора: *Kochenov D.* EU Enlargement and the Failure of Conditionality. The Hague, 2008.
- ⁶⁶ Ст. 5(4) Договора о Европейском союзе.
- ⁶⁷ *Kochenov D.* EU Enlargement and the Failure of Conditionality.
- ⁶⁸ *Kymlicka W.* The Evolving Basis of European Norms of Minority Rights: Rights to Culture, Participation and Autonomy // *The Protection of Minorities in Wider Europe* / Eds. M. Weller et al. Basingstoke, 2008. P. 11.
- ⁶⁹ *Kochenov D.* An Argument for Closer Cooperation Between the EU and the Council of Europe in the Field of EU Enlargement Regulation // *2 Croatian Yearbook of European Law and Policy*. 2006. P. 311.
- ⁷⁰ *Kymlicka W.* Op. cit. P. 11.
- ⁷¹ *Kochenov D.* EU Enlargement and the Failure of Conditionality.
- ⁷² *De Ridder E., Kochenov D.* Democratic Conditionality in Eastern Enlargement: Ambitious Window-Dressing // *16 European Foreign Affairs Review*. 2011. P. 589; *Maresceau M.* The EU Pre-Accession Strategies: A Political and Legal Analysis // *The EU's Enlargement and Mediterranean Strategies, A Comparative Analysis* / Eds. M. Maresceau, E. Lannon. Basingstoke, 2001. P. 17.
- ⁷³ *Henrard K.* The Impact of the Enlargement Process on the Development of a Minority Protection Policy within the EU // *9 Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2002. P. 357.
- ⁷⁴ *Kochenov D.* EU Enlargement Law: History and Recent Developments: Treaty—Custom Concubinage? // *9 European Integration online Papers*. 2005. P. 1.
- ⁷⁵ *Kochenov D.* EU Enlargement and the Failure of Conditionality...
- ⁷⁶ Ст. 4 Постановления № 622/98, OJ L 85/1.

- ⁷⁷ В случае с Румынией члены Европейского парламента баронесса Е. Николсон (Е.Н. Nicholson) и А. Оостландер (А. Oostlander) призывали к приостановке переговоров, ссылаясь на то, что страна не удовлетворяет копенгагенским критериям: QE № 8683. 5 февраля 2004 г. Ст. 8.
- ⁷⁸ Детальный анализ всего спектра документов, используемых Еврокомиссией в контексте имплементации принципа предварительных условий членства, содержится в монографии автора: *Kochenov D.* EU Enlargement and the Failure of Conditionality. P. 65–80.
- ⁷⁹ *Kochenov D.* EU's Influence on the Citizenship Policies of the Candidate Countries: The Case of the Roma Exclusion in the Czech Republic // 3 Journal of Contemporary European Research. 2007. P. 124.
- ⁸⁰ *Kochenov D.* The Summary of Contradictions... P. 1.
- ⁸¹ См., например, статью Т. Агарина в данной книге.
- ⁸² European Commission. Agenda 2000: For a Stronger and Wider Union. COM(1997) 2000 final, 15 June 1997.
- ⁸³ European Commission. 1998 Composite Paper. P. 3.
- ⁸⁴ European Commission. 1999 Composite Paper. P. 15.
- ⁸⁵ Детальный анализ см.: *Hughes J., Sasse G.* Monitoring the Monitors: EU Enlargement Conditionality and Minority Protection in the CEECs // 1 Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2003.
- ⁸⁶ *Maresceau M.* Pre-Accession // The Enlargement of the European Union / Ed. M. Cremona. Oxford, 2003. P. 34; *Maresceau M.* The EU Pre-Accession Strategies: A Political and Legal Analysis // The EU's Enlargement and Mediterranean Strategies, A Comparative Analysis / Eds. M. Maresceau, E. Lannon E. Basingstoke, 2001. P. 17–18; *Kochenov D.* The Summary of Contradictions... P. 1.
- ⁸⁷ *Maresceau M.* Op. cit. P. 18.
- ⁸⁸ European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 1.
- ⁸⁹ European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 1.
- ⁹⁰ U.N. Economic and Social Council [ECOSOC], Sub-Committee on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities, Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities 569, U.N. Doc. E/CN.4/Sub.2/384/Rev.1 (1979) (prepared by Francesco Capotorti).
- ⁹¹ European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 1.
- ⁹² European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 1.
- ⁹³ Council of Europe, Framework Convention for the Protection of National Minorities. Strasbourg, February 1, 1995. CETS. N 157.
- ⁹⁴ European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 1.
- ⁹⁵ *Maresceau M.* Pre-Accession // The Enlargement of the European Union / Ed. M. Cremona. Oxford, 2003. P. 34.
- ⁹⁶ Это особенно явно следует из расхождений в документах, выпущенных Еврокомиссией и Институтом открытого общества в Будапеште.
- ⁹⁷ *Maresceau M.* The EU Pre-Accession Strategies: A Political and Legal Analysis. P. 18.
- ⁹⁸ European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 1; European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 1.
- ⁹⁹ О том, что статус «негражданина Латвии» сродни гражданству, свидетельствует множество характеристик, присущих этому статусу: он передается по наследству; он гарантирует запрет от дискриминации во многих областях; устанавливает абсолютное право проживания на территории предоставившего статус государства и право возвращения в такое государство из-за границы и т.д. То, что в Латвии официальная доктрина не признает подобный статус вариацией на тему гражданства, является по сути игрой словами. Статус проан-

- ализирован в: *Krūma K.* Country Report: Latvia. EUDO Citizenship Observatory Paper. Florence, 2010. P. 7.
- ¹⁰⁰ *Järve P., Poleshchuk V.* Country Report: Estonia. EUDO Citizenship Observatory Paper. Florence, 2010. P. 1.
- ¹⁰¹ *Kochenov D.* EU's Influence on the Citizenship Policies of the Candidate Countries... P. 124.
- ¹⁰² European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P.1; European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 2.
- ¹⁰³ European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 2.
- ¹⁰⁴ European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 1.
- ¹⁰⁵ European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 2.
- ¹⁰⁶ Ibid.
- ¹⁰⁷ European Commission. 2001 Latvian Report. P. 24.
- ¹⁰⁸ О психологических трудностях и виктимизации неграждане Эстонии поведали во многих интервью. См., например: *Vetik R.* The Statelessness Issue in Estonia // Statelessness in the European Union / Eds. C. Sawyer, B.K. Blitz. Cambridge, 2011
- ¹⁰⁹ European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 3.
- ¹¹⁰ European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 2.
- ¹¹¹ Ibid. P.1; European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 1.
- ¹¹² European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 1.
- ¹¹³ European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 2.
- ¹¹⁴ European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 2 Еврокомиссия указала, что решать соответствующие проблемы помогает программа PHARE.
- ¹¹⁵ European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 2.
- ¹¹⁶ European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 2.
- ¹¹⁷ Council of Europe, European Convention on Nationality, 6 November 1997. CETS. N 166.
- ¹¹⁸ International Covenant on Civil and Political Rights. GA res. 2200A (XXI). 21 UN GAOR Supp. (N 16) at 52, UN Doc. A/6316 (1966), 999 UNTS 171, in force since 23 March 1976. Эстония присоединилась 21 октября 1991 г., а Латвия ратифицировала 14 апреля 1992 г.
- ¹¹⁹ Convention on the Rights of the Child, GA res. 44/25, annex, 44 UN GAOR Supp. (N 49) at 167, UN Doc. A/44/49 (1989) in force since 2 September 1990. Эстония присоединилась 21 октября 1991, а Латвия 14 апреля 1992 г.
- ¹²⁰ United Nations, Convention on the Reduction of Statelessness, 989 UNTS 175, in force since 13 December 1975. Латвия подписала Конвенцию 14 апреля 1992 г.
- ¹²¹ *de Groot G.-R.* Strengthening the Position of the Children: Council of Europe's Recommendation 2009/13 // Council of Europe. Concepts of Nationality in a Globalised World. Strasbourg, 2011; *Van der Mei A. et al.* De arresten Ruiz Zambrano en McCarthy (Решения *Ruiz Zambrano* и *McCarthy*) // *Nederlandsch tijdschrift voor Europees recht.* 2011. P. 188.
- ¹²² European Commission. 1997 Opinion on Estonian Application. P. 2.
- ¹²³ European Commission. 1997 Opinion on Latvian Application. P. 2.
- ¹²⁴ European Commission. 1998 Estonian Report. P. 11.
- ¹²⁵ European Commission. 1999 Estonian Report. P. 12.
- ¹²⁶ European Commission. 1998 Latvian Report. P. 13.
- ¹²⁷ Ibid. В документе указано, что неграждане получили право работать фармацевтами, ветеринарными фармацевтами, пожарными и сотрудниками авиалиний.

- ¹²⁸ См.: European Commission. 1998 Latvian Report. P. 11.
- ¹²⁹ European Commission. 1999 Latvian Report. P. 17.
- ¹³⁰ European Commission. 2000 Estonian Report. P. 18.
- ¹³¹ См., например: *Kymlicka W.* Op. cit. P. 11.
- ¹³² *Poleshchuk V.* Advice not Welcomed. Recommendations of the OSCE High Commissioner to Estonia and Latvia and the Response. Münster, 2001.
- ¹³³ European Commission. 1999 Estonian Report. P. 12; European Commission. 2000 Estonian Report. P. 19.
- ¹³⁴ *Kochenov D.* EU Enlargement and the Failure of Conditionality...
- ¹³⁵ European Commission. 2002 Latvian Report. P. 30.
- ¹³⁶ United Nations, Convention Relating to the Status of Stateless Persons. 360 UNTS 117, in force since 6 June 1960. Латвия ратифицировала эту конвенцию 5 ноября 1992 г.
- ¹³⁷ Council of Europe, Treaty Office (<http://www.conventions.coe.int/>); UN, Treaty Collection (<http://treaties.un.org>).
- ¹³⁸ *Carens J.H.* Citizenship and Civil Society: What Rights for Residents? // *Dual Nationality, Social Rights and Federal Citizenship in the U.S. and Europe* / Eds. R. Hansen, P. Weil. N.Y., 2002. P. 109–113; *Kochenov D.* Rounding up the Circle... P. 32.
- ¹³⁹ *Ratner S.R.* Does International Law Matter in Preventing Ethnic Conflict? // 32 *New York University Journal of International Law and Politics*. 2000. P. 635.
- ¹⁴⁰ *Kochenov D., Poleshchuk V., Dimitrovs A.* Do Professional Legal Requirements Discriminate? A Legal Analysis: Estonia and Latvia in the Spotlight // *European Yearbook of Minority Issues*. N 10. 2013.
- ¹⁴¹ О том, насколько это сложный процесс, см.: *Lazowski A.* Withdrawal from the European Union and Alternatives to Membership // 37 *European Law Review*. 2012.

ВЛИЯНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ НА ЭТНОПОЛИТИКУ В ЛАТВИИ, ЛИТВЕ И ЭСТОНИИ

Б.Л. Цилевич

Одним из важнейших факторов, определивших этнополитику государств Балтии после восстановления независимости, была позиция международных организаций. Особо важное значение эта позиция имела в период так называемой политической кондициональности, когда Балтийские государства претендовали на вступление в международные организации (Совет Европы, Евросоюз, НАТО) и должны были продемонстрировать соответствие критериям членства в этих организациях. Роль ОБСЕ и ЕС подробно анализировалась в ряде публикаций¹. Оценкам и требованиям Совета Европы (СЕ) исследователи уделяли меньшее внимание. Однако позиция СЕ имела важное практическое значение. Достаточно вспомнить, что в отличие от ЕС и НАТО государства Балтии были приняты в Совет Европы в разное время – именно из-за существенных различий в развитии правовой системы в области демократии и прав человека.

В данной работе обобщены заключения из основных документов СЕ в процессе рассмотрения заявок государств Балтии о вступлении в организацию, результаты мониторинга выполнения взятых на себя обязательств, а также исполнения ряда релевантных международных инструментов.

СТРУКТУРА СОВЕТА ЕВРОПЫ И МЕХАНИЗМЫ МОНИТОРИНГА

Основная задача созданного в 1949 г. Совета Европы – защита прав человека, демократии и верховенства права на европейском континенте. СЕ является главным источником европейских стандартов в этих областях – практически все важнейшие региональные конвенции и соглашения разработаны под эгидой СЕ. В то же время СЕ занимается и мониторингом исполнения этих соглашений.

Функции, связанные с таким мониторингом, распределены между тремя основными органами СЕ – Парламентской ассамблеей (ПАСЕ), Конгрессом местных и региональных властей (КМРВ) и Комитетом министров (КМ) – и специализированными институтами. Среди последних можно отметить органы, наблюдающие за исполнением конкретных конвенций (например, Консультативный комитет Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств или Комитет экспертов Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств), и институты с более широкими полномочиями, не «привязанные» к конкретным конвенциям (например, Комиссар СЕ по правам человека или Европейская комиссия против расизма и нетерпимости).

Жесткое разграничение компетенции между различными институтами вряд ли возможно. Заключение и рекомендации разных органов СЕ зачастую относятся к одним и тем же проблемам и дополняют друг друга.

Естественно, Совет Европы не мог обойти вниманием проблемы, связанные со статусом и правами национальных меньшинств в государствах Балтии.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Вступление в СЕ

ПАСЕ² составляют делегации национальных парламентов государств-членов Совета Европы. Численность делегации зависит от числа жителей государства – от 2 до 18 членов и столько же так называемых заместителей. Состав делегации должен адекватно отражать политическое представительство в национальном парламенте, в противном случае мандат делегации может быть не утвержден (такие прецеденты были).

Для вступления в Совет Европы государство должно соответствовать определенным минимальным стандартам демократии и прав человека. Это соответствие проверяет именно ПАСЕ. Естественно, политические соображения здесь все же играют немалую роль – ведь, в отличие от заключений экспертных комитетов, в ПАСЕ решения принимаются голосованием политиков.

После получения официальных заявок на вступление в СЕ от Балтийских государств (сентябрь 1991 г.) Комитет министров, в соответствии с правилами, запросил мнение Ассамблеи. ПАСЕ назначила докладчика от Политического комитета и содокладчика от Комитета по юридическим вопросам и правам человека по каждой стране.

Докладчик по Эстонии венгр Й. Братинка в своем докладе³ отметил, что исключение большей части неэстонского меньшинства из участия в парламентских выборах является серьезным изъяном с точки зрения демократии, однако, по его мнению, этот недостаток не может служить препятствием для вступления в Совет Европы. Докладчик признал, что вступивший в силу Закон о гражданстве предусматривал адекватную процедуру натурализации, отметил право неграждан голосовать на местных выборах, а также сослался на рекомендации Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств, в частности в отношении определения статуса неграждан. Мнение содокладчика Р. Биндига из Германии было еще более позитивным⁴. В итоге в мае 1993 г. ПАСЕ рекомендовала Комитету министров пригласить Эстонию стать членом Совета Европы⁵.

Литва также стала членом Совета Европы в мае 1993 г.⁶ Докладчик британец Т. Бэнкс отмечал⁷ некоторые проблемы польского меньшинства, но они, по его мнению, не играли существенной роли. Позиция делегации Польши в ПАСЕ была представлена в качестве приложения к докладу Бэнкса: поляки указывали на ряд нерешенных вопросов, но в целом поддерживали вступление Литвы в СЕ.

Иначе сложилась ситуация с Латвией. Докладчик – датский политик и правозащитник О. Есперсен – отметил, что на момент рассмотрения заявки в Латвии не были приняты ни закон о гражданстве, ни закон, определяющий правовой статус неграждан, и это не позволяло говорить о соответствии юридической системы Латвии минимальным стандартам СЕ. Рассмотрение латвийской заявки было отложено. Лишь после принятия Закона о гражданстве Есперсен счел, что минимальные требования к членству в СЕ выполнены⁸, и в январе 1995 г. ПАСЕ одобрила вступление Латвии в Совет Европы⁹.

Мониторинг ПАСЕ

После существенного расширения Совета Европы за счет бывших государств соцлагеря и республик СССР вопрос о систематическом мониторинге соответствия законодательства и политики государств-членов стандартам СЕ стал особо актуальным. В 1993 г. ПАСЕ поручила двум комитетам – по политическим вопросам и по юридическим вопросам и правам человека – внимательно следить за соблюдением властями новых государств – членов СЕ обязательств, взятых на себя при вступлении в организацию, и дважды в год информировать Бюро ПАСЕ о прогрессе в

этой области. Однако объем работы оказался слишком большим, и в январе 1997 г. ПАСЕ приняла решение о создании специального Комитета по мониторингу. Одновременно было принято решение об учреждении процедуры постмониторингового диалога, который должен начинаться через год после закрытия мониторинга для обсуждения остающихся нерешенных проблем¹⁰.

Вступая в Совет Европы, Эстония взяла на себя обязательство проводить по отношению к национальным меньшинствам политику, основанную на принципах Рекомендации ПАСЕ 1201¹¹ – в то время Рамочная конвенция еще только разрабатывалась, и именно эта рекомендация, хотя и не являясь юридически обязывающим документом, служила основным ориентиром в области защиты меньшинств.

В январе 1997 г., еще до начала работы комитета по мониторингу, ПАСЕ приняла Резолюцию 1177¹², в которой было отмечено выполнение Эстонией большинства взятых на себя обязательств, в частности ратификация Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Среди трех оставшихся серьезных проблем ПАСЕ отметила политику по отношению к русскоязычному меньшинству, в частности предоставление видов на жительство и гражданства. Тем не менее ПАСЕ решила прекратить мониторинг Эстонии.

В сентябре 1997 г. ПАСЕ приняла Резолюцию 1339¹³, подготовленную уже комитетом по мониторингу, о завершении мониторинга в отношении Литвы. В этой резолюции, в частности отмечалось, что право использовать языки меньшинств в Литве юридически гарантировано в соответствии с принципами Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств.

Для Латвии процедура мониторинга оказалась значительно сложнее. При вступлении Латвия взяла на себя обязательства¹⁴ продолжать консультации и сотрудничество с СЕ в отношении исполнения Закона о гражданстве, а также разработки закона, определяющего статус и права неграждан. Кроме того, Латвия обязалась проводить политику в отношении меньшинств в соответствии с принципами Рекомендации ПАСЕ 1201.

В своем первом докладе¹⁵ в 1999 г. Т. Дейвис и Г. Янссон, несмотря на определенное давление, настаивали на продолжении процедуры мониторинга: по их мнению, несмотря на заметный прогресс, Латвия не выполнила ряд обязательств, в частности в отношении неграждан. Большинство ПАСЕ согласилось с мнением докладчиков, и мониторинг был продолжен. При обсуждении второго доклада¹⁶ в 2001 г. возникла интересная дискуссия о содержании обязательств, взятых Латвией при вступлении в СЕ:

допустимо ли требовать от Латвии ратификации Рамочной конвенции, если на момент вступления это обязательство не было сформулировано в явном виде? Ведь эта конвенция была открыта для подписания спустя несколько недель после вступления Латвии в Совет Европы.

Следует отметить, что к тому времени ситуация в ПАСЕ существенно изменилась. Было принято политическое решение об изменении стратегии расширения СЕ, и де-факто были снижены требования и критерии членства в организации. Это открыло ее двери перед рядом балканских и кавказских государств. По сравнению с их проблемами ситуация в Латвии выглядела гораздо более благоприятной. В этом контексте в январе 2001 г. ПАСЕ проголосовала за прекращение процедуры мониторинга Латвии¹⁷ при условии, что контроль за рядом вопросов, включая ратификацию Рамочной конвенции, будет продолжен в рамках постмониторинга.

Другие документы ПАСЕ

Помимо процедуры мониторинга, ПАСЕ рассматривала и другие доклады, имеющие отношение к проблемам этнополитики в Балтии.

Ряд общих резолюций о правах меньшинств, адресованных многим (или всем) государствам-членам СЕ, включают рекомендации, актуальные для государств Балтии. Например, Рекомендация 1766 (2006)¹⁸ о ратификации Рамочной конвенции, в частности, призывает отозвать оговорки, сделанные при ратификации Рамочной конвенции.

Особо следует отметить Резолюцию 1740 (2006)¹⁹ о роли родного языка в школьном образовании. Подготовка этого документа была инициирована российскими депутатами²⁰, и первоначально темой доклада было именно образование русского меньшинства в Латвии. Докладчиком был назначен французский депутат Ж. Лежандр²¹. В ходе бурных обсуждений комитет ПАСЕ договорился о более общей формулировке проблемы, и в итоговой резолюции Латвия была упомянута лишь наряду с другими государствами Европы.

Еще более острые дискуссии разгорелись вокруг доклада о правах национальных меньшинств в Латвии²² румынского сенатора А. Северина. Первая версия доклада была подготовлена исключительно на основе материалов, подготовленных правительством Латвии. Автору данной статьи пришлось представить объемные комментарии, содержавшие указания на ряд ошибок и неточностей. В итоге доклад был существенно переработан. Итоговая

Рекомендация 1527 (2006)²³ призывает Латвию ратифицировать 12-й Протокол к Европейской конвенции по правам человека об общем запрете дискриминации и Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, отозвать оговорки, сделанные при ратификации Рамочной конвенции, предоставить негражданам право избирать местные самоуправления, законодательно предусмотреть возможность использовать языки меньшинств в общении с административными властями в местах, где меньшинства живут в значительном количестве, и др.

КОНГРЕСС МЕСТНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ

Конгресс местных и региональных властей²⁴ является вторым, наряду с ПАСЕ, представительным органом СЕ. В его состав входят делегации местных и региональных самоуправлений государств-членов СЕ. Основной задачей Конгресса является мониторинг соблюдения положений Европейской хартии местного самоуправления²⁵ и поддержка самоуправлений Европы. Вопросы этнополитики Конгресс рассматривает именно в этом специфическом контексте.

В октябре 2008 г. Конгресс заслушал доклад²⁶ французского делегата Ж.-К. Фресона об участии латвийских неграждан в политической жизни на местном уровне и принял рекомендацию 257²⁷, в которой оценил законодательство, не предусматривающее участия неграждан в местных выборах, как не соответствующее духу Хартии местного самоуправления. КМРВ рекомендовал Латвии пересмотреть нормы закона и предоставить негражданам такое право, а также гражданство Латвии пожилым людям и родившимся в Латвии.

РАМОЧНАЯ КОНВЕНЦИЯ И РЕЗОЛЮЦИИ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств²⁸ считается первым юридически обязывающим международным соглашением по правам меньшинств (формально на несколько недель раньше была принята аналогичная конвенция СНГ²⁹, но этот важный документ, к сожалению, практически остался на бумаге). Рамочная конвенция является наиболее полным и детально разработанным инструментом, отражающим современные стандарты прав национальных меньшинств.

В то же время Рамочная конвенция является «документом принципов» – она не регламентирует права меньшинств детально, оставляя право на определение конкретных форм и методов реализации общих норм за государствами-участниками. Соответствие этих решений нормам конвенции оценивает специальный орган – Консультативный комитет (КК)³⁰, состоящий из 18 экспертов, выдвинутых государствами-участниками конвенции и утвержденных Комитетом министров. КК рассматривает периодические отчеты государств об исполнении Конвенции (первый отчет подается через год после вступления конвенции в силу для данного государства, в дальнейшем – каждые пять лет). КК учитывает и данные, полученные из других источников, в частности из «теневых» докладов неправительственных организаций. На основании мнения КК Комитет министров принимает резолюцию, в которой отмечаются как достижения, так и проблемы исполнения Рамочной конвенции в конкретном государстве. Если мнение КК является экспертным заключением (подкрепленным, впрочем, авторитетом СЕ), то резолюция КМ отражает официальную позицию Совета Европы.

Эстония ратифицировала Рамочную конвенцию в ноябре 1996 г., а депонировала в январе 1997 г. К моменту написания данной статьи КК принял три заключения об исполнении конвенции Эстонией: в 2001³¹, 2005³² и 2011³³ гг., соответственно, Комитет министров принял три резолюции: в 2002³⁴, 2006³⁵ и 2012³⁶ гг.

Основные критические замечания и рекомендации во всех трех резолюциях весьма близки (хотя становятся все более детальными). В частности, КМ отмечает, что число лиц без гражданства остается весьма значительным, и считает необходимым содействовать натурализации; указывает на некоторые несоответствия языкового законодательства Эстонии нормам конвенции, в частности относительно публичного размещения информации частного характера; отмечает, что закон о культурной автономии включает ряд устаревших элементов, не соответствует реальной ситуации и требует пересмотра; призывает к полному соблюдению норм Рамочной конвенции в ходе реализации реформы образования меньшинств. В резолюции 2005 г. появляются новые важные акценты. В частности, КМ отмечает необоснованно завышенные языковые требования для ряда должностей и профессий; непропорционально высокую безработицу среди лиц, принадлежащих к меньшинствам, а также недостаточное представительство меньшинств на госслужбе, особенно на высшем административном уровне.

Литва ратифицировала конвенцию в марте 2000 г. Заключения КК были приняты в 2003³⁷ и 2008³⁸ гг. Резолюция КМ³⁹ содержит в

основном замечания общего характера, за исключением указания на юридическую неопределенность относительно использования языка меньшинств в общении с административными органами, а также использования топонимов. Интересно, что одна из наиболее острых проблем – написание имен литовских поляков – в резолюции не упомянута, хотя Консультативный комитет в своем заключении уделил этому вопросу значительное внимание (проблема заключается, в частности, в законодательном запрете использования буквы «w», которая часто встречается в польских именах и фамилиях, но которой нет в литовском алфавите).

Латвия ратифицировала Рамочную конвенцию лишь через десять лет после подписания, в июне 2005 г. Заключение КК было принято лишь в октябре 2008 г.⁴⁰, а резолюция КМ⁴¹ – в марте 2011 г. Такая задержка явно указывает на напряженные дискуссии как на уровне КК, так и КМ. В качестве основных проблем КМ отмечает содержание деклараций (фактически оговорок), сделанных Латвией при ратификации конвенции, в частности в отношении использования языка меньшинств в общении с властями; опасность дискриминации на рынке труда из-за завышенных языковых требований, установленных нормативными актами; сокращение возможностей обучения на языках меньшинств; отсутствие механизмов, обеспечивающих эффективное участие лиц, принадлежащих к меньшинствам, в частности отсутствие права голоса у неграждан на местных выборах.

Несомненно, из всех существующих документов именно заключения Консультативного комитета, на которых основаны резолюции Комитета министров, содержат наиболее полный и адекватный анализ ситуации в области защиты меньшинств.

Стоит отметить, что ни одно из государств Балтии не ратифицировало и даже не подписало другой базовый документ СЕ о правах меньшинств – Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств⁴².

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ ПРОТИВ РАСИЗМА И НЕТЕРПИМОСТИ

Европейская комиссия против расизма и нетерпимости⁴³ (ЕКРН) – комиссия Совета Европы, задачей которой является мониторинг проблем расизма, дискриминации, ксенофобии, антисемитизма и нетерпимости в странах СЕ. В состав ЕКРН входят независимые эксперты – по одному от каждого государства-члена СЕ. Следует отметить, что мандат ЕКРН не базируется на какой-то определенной конвенции, поэтому объектом ее внимания яв-

ляются все государства СЕ, а не только участники определенной конвенции, как в случае Консультативного комитета Рамочной конвенции. ЕКРН публикует регулярные доклады о ситуации в каждой стране-члене ЕС.

Доклады по Эстонии были опубликованы в 1999⁴⁴, 2002⁴⁵, 2006⁴⁶ и 2010⁴⁷ гг. Начиная с первого доклада, ЕКРН отмечает, что русскоязычные жители непропорционально представлены в политике, администрации и других группах общества, в то же время уровень безработных в этой группе выше, чем среди этнических эстонцев. ЕКРН выражает озабоченность в связи с тенденцией маргинализации русскоязычного меньшинства. Комиссия призывает Эстонию принять меры для ускорения процесса натурализации, обеспечить доступные курсы эстонского языка, принять детально разработанное антидискриминационное законодательство и определить государственные институты, ответственные за его реализацию, а также содействовать восприятию групп меньшинств как неотъемлемой составной части общества Эстонии.

В докладах по Литве, опубликованных в 1997⁴⁸, 2003⁴⁹, 2006⁵⁰ и 2011⁵¹ гг., ЕКРН отмечает, в основном, проблемы, типичные для других европейских государств: положение цыганского (ромского) меньшинства, отношение к беженцам и лицам, ищущим убежища, необходимость усиления антидискриминационного законодательства. Впрочем, в своем последнем докладе ЕКРН выражает озабоченность тем, что закон 1989 г. о национальных меньшинствах утратил силу и не был заменен другим законодательным актом. ЕКРН рекомендует незамедлительно принять новый закон, который бы гарантировал лицам, принадлежащим к меньшинствам, как минимум, те же права, что и закон 1989 г., в частности право использовать свой язык в общении с властями, а также в топонимах.

Доклады ЕКРН по Латвии, опубликованные в 1999⁵², 2002⁵³, 2008⁵⁴ и 2012⁵⁵ гг., демонстрируют определенную динамику приоритетов в области компетенции ЕКРН. Первый доклад подчеркивал необходимость добросовестного исполнения и – в случае необходимости – быстрого пересмотра норм о натурализации, ликвидации необоснованных ограничений для неграждан, устранения нарушений в работе Департамента по делам гражданства и миграции. Последующие доклады уделяют больше внимания языковому законодательству и концепции интеграции общества. ЕКРН подчеркивает, что эта концепция должна учитывать интересы всех групп общества Латвии. Доклад 2012 г. подвергает критике ужесточение языковой политики и доминирование методов

принуждения и наказания, а не позитивных стимулов. Кроме того, ЕКРП рекомендует ряд мер для борьбы с «языком вражды».

Специфика ЕКРП предопределяет возможность этой комиссии затрагивать достаточно широкий круг вопросов без риска выйти за пределы своего мандата. Позиции ЕКРП нередко более радикальны и сформулированы менее дипломатично, чем заключения других органов Совета Европы, хотя внутренней координации и согласованию посылаемых «сигналов» уделяется должное внимание.

КОМИССАР ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Мандат Комиссара Совета Европы по правам человека⁵⁶ включает распространение информации и содействие лучшему пониманию и соблюдению прав человека в государствах-членах СЕ. Для выполнения своей миссии комиссар регулярно посещает страны-члены СЕ, чтобы в диалоге с властями и гражданским обществом определить ключевые проблемы и разработать рекомендации для их решения. Таким образом, мониторинг комиссара еще менее формализован, комиссар может поднимать весьма широкий круг вопросов, связанных, по его мнению, с правами человека.

В докладе 2004 г. комиссара А. Хиль-Роблеса о его визите в Эстонию⁵⁷ значительное место уделено вопросам защиты меньшинств и проблеме гражданства. Он рекомендует властям Эстонии облегчение натурализации, увеличение финансирования программ обучения эстонскому языку, а также расширение возможностей использования языков меньшинств в общении с административными органами.

Преемник Хиль-Роблеса Т. Хаммарберг в меморандуме правительству Эстонии об исполнении рекомендаций 2004 г.⁵⁸ отмечает определенный прогресс, который, однако, по его мнению, недостаточен. В частности, Хаммарберг подчеркивает, что законодательство Эстонии, допускающее ситуацию, когда рождающиеся у родителей-неграждан дети не получают эстонского гражданства и остаются апатридами, противоречит Конвенции ООН о правах ребенка. В своем меморандуме комиссар ссылается помимо доклада своего предшественника и на заключения Консультативного комитета и Европейской комиссии против расизма и нетерпимости.

В докладе 2004 г. о визите в Литву⁵⁹ комиссар затрагивает права национальных меньшинств и оценивает ситуацию весьма позитивно, особо подчеркивая законодательство об образовании,

позволяющее лицам, принадлежащим к меньшинствам, получить полный курс обязательного образования на родном языке. В рекомендациях комиссара упоминается только необходимость активных усилий, направленных на интеграцию литовских цыган (рома).

Впрочем, комиссар Хаммарберг в письме премьер-министру А. Кубилиусу в 2009 г.⁶⁰ оценивает ситуацию более критически, в частности в отношении написания личных имен лиц польского происхождения. Хаммарберг с осторожным оптимизмом оценивает решение Конституционного суда, которое легитимирует написание имен в личных документах помимо официального литовского также на других языках с использованием букв, не входящих в литовский алфавит, и выражает надежду, что это решение будет реализовано на практике.

Большая часть доклада 2003 г. комиссара Хиль-Роблеса о визите в Латвию⁶¹ (и большинство рекомендаций) посвящена проблеме гражданства и правам национальных меньшинств. Комиссар рекомендует облегчить и ускорить натурализацию, предоставить негражданам право голоса на местных выборах, законодательно закрепить право на использование языков меньшинств в общении с властями, в том числе письменном, обеспечить поддержку школ меньшинств, в частности подготовку учителей, преподающих на языках меньшинств.

В Меморандуме правительству Латвии в 2007 г.⁶² комиссар Хаммарберг отмечает, что большинство рекомендаций предшественника остались невыполненными. Комиссар приветствует ратификацию Рамочной конвенции, однако выражает озабоченность в связи с сопровождавшими ратификацию декларациями, фактически препятствующими ее полному исполнению. Хаммарберг вкратце повторяет основные рекомендации, особо подчеркивая необходимость предоставить негражданам право голоса на местных выборах.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Решения расположенного в Страсбурге Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) особо существенно влияют на ситуацию в государствах-членах Совета Европы: ведь, в отличие от всех других документов, имеющих рекомендательный характер, эти решения обязательны для исполнения. Помимо исправления конкретного нарушения и выплаты компенсации жертвам, государство, как правило, должно принять и так называемые меры

общего характера, которые исключали бы возможность повторения подобных нарушений. Нередко для этого приходится вносить поправки в законодательство или пересматривать административные практики.

Анализ решений ЕСПЧ по жалобам против государств Балтии⁶³, связанным с различными аспектами этнополитики, определенно заслуживает отдельной публикации. В рамках данной статьи мы ограничимся лишь кратким и заведомо неполным обзором таких дел.

Характерная особенность этой категории жалоб – их реальная или мнимая связь с юридической оценкой и квалификацией исторических событий, в частности обстоятельствами потери независимости странами Балтии в 1940 г. и ее восстановления в 1990–1991 гг., статусом их территорий и легитимностью органов власти различных режимов в 1940–1991 гг. и т.п. С этой точки зрения можно выделить три подгруппы дел.

«Классические» права. Жалобы, которые можно отнести к этой группе, указывают на нарушения «обычных» прав, которые не связаны напрямую с интерпретацией исторических событий. И в этих случаях государственная сторона нередко указывала на «особые исторические обстоятельства», которые предопределяют необходимость особых мер защиты, в частности государственного языка, выходящих за пределы обычной практики европейских государств. Однако в этих делах суд – независимо от решения – не считал необходимым рассмотрение аргументов исторического характера.

Так, в деле Подколзиной⁶⁴ суд констатировал, что порядок применения языковых требований к кандидатам в депутаты нарушает предусмотренное Конвенцией право быть избранным. В результате норма, ограничивавшая участие в выборах граждан, не владеющих свободно государственным языком, была отменена⁶⁵.

В отношении жалоб, касающихся искажения имен лиц, принадлежащих к меньшинствам, при их использовании на государственном языке, суд признавал их неприемлемыми и не рассматривал по существу⁶⁶. В этом вопросе суд занял консервативную позицию, в отличие от Комитета ООН по правам человека, который констатировал нарушение Международного пакта о гражданских и политических правах, рассматривая аналогичную жалобу гражданина Латвии⁶⁷.

Дела, связанные со статусом и правами жителей государств Балтии. В этих делах аргументация сторон и оценка ситуации была напрямую связана с интерпретацией исторических

событий, однако Суд принимал решение на основании общих соображений, не оценивая эти аргументы и интерпретации.

Большинство таких дел было связано с различными аспектами юридического статуса, права жить в Латвии и социальных прав «неграждан» и граждан других стран в Латвии и Эстонии (в Литве, благодаря «нулевому варианту» гражданства, таких проблем не было).

Решения суда по таким жалобам были различными. Впрочем, и конкретные обстоятельства различались весьма существенно. Так, жалобы Панченко⁶⁸, Шебашова⁶⁹, Михеевой⁷⁰ и ряд других были признаны неприемлемыми. В то же время в деле Сливенко Большая палата суда нашла нарушение права на частную и семейную жизнь (ст. 8) и частично удовлетворила жалобу⁷¹. В деле Сысоевых⁷² и деле Шевановой⁷³ суд также констатировал нарушения. Оба дела были переданы в Большую палату и прекращены после того, как заявителям был предложен постоянный вид на жительство.

Особо следует отметить дело Андреевой⁷⁴, в котором Большая палата сочла дискриминационным ограничение пенсий неграждан, работавших в Латвии на предприятиях так называемого союзного подчинения.

В то же время ЕСПЧ отклонил жалобу бывших военнослужащих Советской армии против Эстонии⁷⁵, которые оспаривали запрет на получение гражданской пенсии за стаж работы в Эстонии одновременно с российской пенсией для отставных военнослужащих.

Дела, связанные с ограничением прав и уголовным наказанием лиц, работавших на советские власти. Ряд таких дел касался, в частности люстрации (ограничения прав бывших работников КГБ, органов компартии и др.). Так, в «литовских» делах Сидабраса и Джиаутаса⁷⁶ ЕСПЧ признал нарушением конвенции запрет для бывших сотрудников КГБ работать на некоторых должностях в частной сфере. Аналогичные нарушения суд констатировал и в делах Райниса и Гаспаравичюса⁷⁷.

В двух случаях граждане Латвии оспаривали ограничение права быть избранным в связи с участием в деятельности компартии и службой в структурах, подчиненных КГБ. В деле Адамсона⁷⁸ суд признал нарушением конвенции запрет баллотироваться на выборах бывшему советскому офицеру-пограничнику (на основании того, что пограничные войска подчинялись КГБ). В деле Жданок⁷⁹ суд тоже нашел нарушение, однако Большая палата пересмотрела это решение и признала действия правительства Латвии соответствующими конвенции.

В ряде случаев жители государств Балтии оспаривали уголовное наказание за действия, которые они совершили, будучи сотрудниками различных советских органов. В некоторых случаях они были осуждены за деяния, совершенные в период противостояния властей государств, объявивших о восстановлении независимости, и институций, сохранявших лояльность СССР. Так, жалоба Куолелелеса, Бартошевичуса и Бурокаявичуса⁸⁰, утверждавших, что в их случае имело место применение закона с обратной силой, была отклонена.

Однако чаще суды Балтийских государств выносили приговоры за причастность к репрессиям сталинского режима. Жалобы Пенарта⁸¹, Колка и Кислого⁸² против Эстонии были признаны неприемлемыми. В деле Фарбтуха⁸³ суд констатировал нарушение ст.3 (неадекватные условия содержания в тюрьме 84-летнего осужденного, страдающего рядом серьезных заболеваний), однако не рассматривал соответствие вынесенного приговора нормам конвенции.

Из нескольких подобных дел против Латвии (дела Ларионова, Тэсса и пр.) наибольшую известность получило дело Кононова⁸⁴, в котором Большая палата признала, что осуждение бывшего красного партизана за военные преступления не противоречит конвенции.

В решениях по этим делам ЕСПЧ также стремился избегать оценки исторических событий и использования «политически нагруженных» терминов, однако это не всегда удавалось⁸⁵. Формально решения по делам этой группы не имели непосредственного отношения к этнополитике, однако их интерпретация, нюансы используемых терминов и общественный резонанс имели важное значение для формирования политического контекста и обоснования (или оспаривания) этнополитической стратегии государств Балтии.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ВЫВОДЫ

В целом оценки и рекомендации Совета Европы в меньшей степени связаны с политической конъюнктурой и соображениями безопасности и в значительно большей мере основаны на объективных правовых оценках реальной ситуации, чем оценки других международных организаций. Особенно это справедливо для экспертных органов, заключения которых не должны проходить согласование и утверждение на политическом или дипломатическом уровне (в частности, Европейская комиссия против расизма и нетерпимости).

В то же время, естественно, основные органы СЕ никак не могут быть полностью свободны от политических соображений. ПАСЕ – это парламентский, по определению, политический орган. В Комитете министров (позиция которого, как правило, имеет решающее значение) решения принимают представители правительств. Хотя при подготовке докладов и проектов рекомендаций широко используется помощь экспертов, в ПАСЕ окончательное решение определяется голосованием делегатов. КМ, как правило, стремится избегать голосования и принимать решения консенсусом, но не всегда это удается.

Таким образом, отношение ПАСЕ к этнополитике государств Балтии отражает некое усредненное отношение европейских парламентов в целом, а отношение Комитета министров – усредненную позицию европейских правительств.

Позиция членов ПАСЕ определяется как принадлежностью к национальной делегации, так и к политической группе. Традиционно левые группы – социал-демократы и коммунисты – более энергично выступают за права меньшинств и против любой дискриминации. Кроме того, для левых депутатов менее характерны антироссийские настроения, во многом определяющие позиции правых по проблемам национальных меньшинств в Балтии. В последние годы позиции левых в европейской политике слабеют: если десять лет назад социал-демократическая группа была крупнейшей в ПАСЕ, то сейчас она существенно уступает по численности ведущей правой группе так называемых народных партий. Это сказывается и на оценках ситуации в Балтии.

Вступление в Совет Европы ряда балканских и кавказских государств было связано с фактическим снижением стандартов. На фоне ситуации в ряде этих государств балтийские проблемы выглядят менее заслуживающими внимания.

Институции Совета Европы, как правило, стремятся формулировать свои оценки и рекомендации в сбалансированной и сдержанной форме, отмечая наряду с недостатками также достижения и прогресс. Такой формат отражает стремление СЕ не «заклеймить», а поддерживать конструктивный диалог для решения проблем. Это может вызвать определенное разочарование, а также создает условия для пропагандистских манипуляций на «внутреннем политическом рынке».

Насколько позиция Совета Европы практически повлияла на формирование этнополитики в государствах Балтии? На подобные вопросы практически невозможно дать точный ответ. В дискуссиях разного уровня и формата участвуют многие акторы, и

точно соотносить определенный результат с действиями каждого из них вряд ли реально. Несомненно, оценки и рекомендации СЕ имели ключевое значение на стадии вступления стран Балтии в Совет Европы, в частности решающим образом повлияли на либерализацию законодательства Латвии о гражданстве (отмена квот) и статусе неграждан. В дальнейшем страны Балтии более внимательно прислушивались к позициям Евросоюза и НАТО (до вступления в эти организации в 2004 г.), однако эти позиции в определенной степени были сформированы под влиянием СЕ (и ОБСЕ).

Существенно, что СЕ содействует сохранению актуальности ряда проблем стран Балтии на международном уровне. В частности, практически все органы и институты СЕ постоянно напоминают о необходимости содействия натурализации в Эстонии и Латвии и предоставления негражданам права голоса на местных выборах в Латвии.

Таким образом, роль СЕ в международной оценке этнополитики государств Балтии не стоит недооценивать.

¹ См., в частности: *Биркенбах Х.-М.* Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. Взгляд международных организаций на конфликт по вопросам гражданства в Эстонии и Латвии. М., 1998; *Dorodnova E.* Challenging Ethnic Democracy: Implementation of the Recommendations of the OSCE High Commissioner on National Minorities to Latvia, 1993–2001. CORE Working Paper 9. Hamburg, 2003; *Poleshchuk V.* Advice not Welcomed. Recommendations of the OSCE High Commissioner to Estonia and Latvia and the Response. Münster, 2001; *Sasse G.* EU Conditionality and Minority Rights: Translating the Copenhagen Criterion into Policy. EUI Working Papers. 2005. N/16. Florence, 2005; *Sarv M.* Integration by Reframing Legislation: Implementation of the Recommendations of the OSCE High Commissioner on National Minorities to Estonia, 1993–2001. CORE Working Paper 7. Hamburg, 2002; и др.

² Официальный сайт ПАСЕ см.: <http://assembly.coe.int>.

³ PACE. Report on the application of the Republic of Estonia for membership of the Council of Europe. Rapporteur Mr Bratinka, Hungary, Democratic Forum. Doc. 6810, 14 April 1993. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>)

⁴ PACE. Opinion on the application of the Republic of Estonia for membership of the Council of Europe. Rapporteur Mr Bindig, Germany, SPD. Doc. 6824, 5 May 1993. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

⁵ PACE. Opinion 170 (1993). Application by the Republic of Estonia for membership of the Council of Europe. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

⁶ PACE. Opinion 168 (1993). Application by the Republic of Lithuania for membership of the Council of Europe. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

⁷ PACE. Report on the application of the Republic of Lithuania for membership of the Council of Europe. Rapporteur: Mr Banks, United Kingdom, Labour. Doc. 6787, 2 March 1993. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

⁸ PACE. Report on the application by Latvia for membership of the Council of Europe. Rapporteur Mr Espersen, Denmark, Socialist Group. Doc. 7169, 6 October 1994. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

⁹ PACE. Opinion 183 (1995). Application by Latvia for membership of the Council of Europe. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

¹⁰ Об эволюции процедуры мониторинга и постмониторинговом диалоге см.: The monitoring procedure of the Parliamentary Assembly. AS/Mon/Inf(2011) 07rev, 7 September 2011. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

¹¹ PACE. Recommendation 1201 (1993). Additional protocol on the rights of minorities to the European Convention on Human Rights. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

¹² PACE. Resolution 1117 (1997). Honouring of obligations and commitments by Estonia. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

¹³ PACE. Recommendation 1339 (1997). Obligations and commitments of Lithuania as a member state. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

¹⁴ PACE. Opinion 183 (1995). Application by Latvia for membership of the Council of Europe. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

¹⁵ PACE. Honouring of obligations and commitments by Latvia. Information report. Co-rapporteurs: Mr Terry Davis, United Kingdom, Socialist Group, and Mr Gunnar Jansson, Finland, Liberal, Democratic and Reformers' Group. Doc. 8426, 24 May 1999. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

¹⁶ PACE. Report on honouring of obligations and commitments by Latvia. Co-rapporteurs: Mr Terry Davis, United Kingdom, Socialist Group, and Mr Gunnar Jansson, Finland, Liberal, Democratic and Reformers Group. Doc. 8924, 23 January 2001. 26.07.2012 (<http://assembly.coe.int>).

¹⁷ PACE. Resolution 1236 (2001). Honouring of obligations and commitments by Latvia. 26.07.2001 (<http://assembly.coe.int>).

¹⁸ PACE. Recommendation 1766 (2006). Ratification of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by the member states of the Council of Europe. 4.10. 2006 (<http://assembly.coe.int>).

¹⁹ PACE. Recommendation 1740 (2006). The place of mother tongue in school education. 10 April 2006 (<http://assembly.coe.int>).

²⁰ PACE. Education reform in Latvia. Motion for a resolution. Doc. 10076, 11.02.2004 (<http://assembly.coe.int>).

²¹ PACE. The place of mother tongue in school education. Report. Rapporteur: Mr Jacques Legendre, France, Group of the European People's Party Doc. 10837, 7.02.2006 (<http://assembly.coe.int>).

²² PACE. Rights of national minorities in Latvia. Report. Rapporteur: Mr Adrian Severin, Romania, Socialist Group. Doc. 11094, 8.11.2006 (<http://assembly.coe.int>).

²³ PACE. Resolution 1527 (2006). Rights of national minorities in Latvia. 17.11.2006 (<http://assembly.coe.int>).

²⁴ Официальная страница Конгресса – <http://www.coe.int/T/Congress>

²⁵ Хартия открыта для подписания 15.10.1985 г., официальный русский текст см.: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/122.htm>

²⁶ The Congress of Local and Regional Authorities. Chamber of Local Authorities. Local democracy in Latvia: the participation of non-citizens in public and political life at local level. Report by Jean-Claude Frécon, France (L, SOC). 31.10.2008 (<https://wcd.coe.int>).

²⁷ The Congress of Local and Regional Authorities. Recommendation 257 (2008). Local democracy in Latvia: the participation of non-citizens in public and political life at local level. 3.12.2008 (<https://wcd.coe.int>).

- ²⁸ Конвенция открыта для подписания 1.02.1995 г., официальный русский текст см.: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/157.htm>.
- ²⁹ Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Открыта для подписания 21.10.1994 г., текст см.: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02355&all=all>.
- ³⁰ Официальная страница Консультативного комитета – http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/2_Monitoring/ACFC_Intro_en.asp.
- ³¹ Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Opinion on Estonia, adopted on 14 September 2001. ACFC/INF/OP/I(2002)005 (<http://www.coe.int>).
- ³² Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Second Opinion on Estonia, adopted on 24 February 2005. ACFC/INF/OP/II(2005)001 (<http://www.coe.int>).
- ³³ Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Third Opinion on Estonia, adopted on 1 April 2011. ACFC/OP/III(2011)004 (<http://www.coe.int>).
- ³⁴ Council of Europe Committee of Ministers. Resolution ResCMN(2002)8 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Estonia. Adopted on 13 June 2002 at the 799th meeting of the Ministers' Deputies (<https://wcd.coe.int>).
- ³⁵ Council of Europe Committee of Ministers. Resolution ResCMN(2006)1 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Estonia. Adopted on 15 February 2006 at the 956th meeting of the Ministers' Deputies (<https://wcd.coe.int>).
- ³⁶ Council of Europe Committee of Ministers. Resolution CM/ResCMN(2012)9 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Estonia. Adopted on 13 June 2012 at the 1145th meeting of the Ministers' Deputies (<https://wcd.coe.int>).
- ³⁷ Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Opinion on Lithuania, adopted on 21 February 2003. ACFC/INF/OP/I(2003)008 (<http://www.coe.int>).
- ³⁸ Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Opinion on Lithuania, adopted on 28 February 2008. ACFC/OP/II(2008)001 (<http://www.coe.int>).
- ³⁹ Council of Europe Committee of Ministers. Resolution ResCMN(2003)11 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Lithuania. Adopted on 10 December 2003 at the 865th meeting of the Ministers' Deputies (<https://wcd.coe.int>).
- ⁴⁰ Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Opinion on Latvia, adopted on 9 October 2008. ACFC/OP/I(2008)002 (<http://www.coe.int>).
- ⁴¹ Council of Europe Committee of Ministers. Resolution CM/ResCMN(2011)6 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Latvia. Adopted on 30 March 2011 at the 1110th meeting of the Ministers' Deputies (<https://wcd.coe.int>).
- ⁴² Хартия открыта для подписания 5.11.1992 г., официальный русский текст см.: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/textcharter/Charter/Charterexpl_rus.pdf.
- ⁴³ Английская аббревиатура ECRI. Официальная страница Комиссии – <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri>.
- ⁴⁴ European Commission against Racism and Intolerance. Report on Estonia. 26 January 1999, CRI(99)2 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁴⁵ European Commission against Racism and Intolerance. Second report on Estonia. 26 June 2001, CRI(2002)1 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁴⁶ European Commission against Racism and Intolerance. Third report on Estonia. 24 June 2005, CRI(2006)1 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁴⁷ European Commission against Racism and Intolerance. Fourth report on Estonia. 15 December 2009, CRI(2010)3 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁴⁸ European Commission against Racism and Intolerance. Report on Lithuania. September 1997, CRI(97)56 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁴⁹ European Commission against Racism and Intolerance. Second report on Lithuania. 28 June 2002, CRI(2003)5 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁵⁰ European Commission against Racism and Intolerance. Third report on Lithuania. 24 June 2005, CRI(2006)2 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁵¹ European Commission against Racism and Intolerance. Fourth report on Lithuania. 22 June 2011, CRI(2011)38 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁵² European Commission against Racism and Intolerance. Report on Latvia. 13 March 1999, CRI(99)8 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁵³ European Commission against Racism and Intolerance. Second report on Latvia. 14 December 2001, CRI(2002)21 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁵⁴ European Commission against Racism and Intolerance. Third report on Latvia. 29 June 2007, CRI(2008)2 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁵⁵ European Commission against Racism and Intolerance. Fourth report on Latvia. 9 December 2011, CRI(2012)3 (<https://hudoc.ecri.coe.int>).
- ⁵⁶ Официальная страница Комиссара – <http://www.coe.int/t/commissioner>.
- ⁵⁷ Report by Alvaro Gil-Robles, Commissioner for Human Rights, on his visit to Estonia 27th – 30th October 2003. CommDH(2004)5, 12 February 2004 (<https://wcd.coe.int>).
- ⁵⁸ Memorandum to the Estonian Government. Assessment of the progress made in implementing the 2004 recommendations of the Commissioner for Human rights of the Council of Europe. CommDH(2007)12, 11 July 2007 (<https://wcd.coe.int>).
- ⁵⁹ Report by Alvaro Gil-Robles, Commissioner for Human Rights, on his visit to Lithuania 23–26 October 2003. CommDH(2004)6, 12 February 2004 (<https://wcd.coe.int>).
- ⁶⁰ Letter of the Commissioner for Human rights of the Council of Europe to Mr. Andrius Kubilius, Prime Minister of Lithuania. CommDH(2010)4, 9 December 2009 (<https://wcd.coe.int>).
- ⁶¹ Report by Alvaro Gil-Robles, Commissioner for Human Rights, on his visit to Latvia 5–8 October 2003. CommDH(2004)3, 12 February 2004 (<https://wcd.coe.int>).
- ⁶² Memorandum to the Latvian Government. Assessment of the progress made in implementing the 2003 recommendations of the Council of Europe Commissioner for Human Rights. CommDH(2007)9, 16 May 2007 (<https://wcd.coe.int>).
- ⁶³ Все решения ЕСПЧ доступны в базе данных суда: <http://www.echr.coe.int>.
- ⁶⁴ Podkolzina v. Latvia. 9.04.2002. Application N 46726/99.
- ⁶⁵ Правда, следует отметить, что отмена этой нормы была также политическим условием прекращения работы миссии ОБСЕ в Латвии, и этого также требовали США. Кроме того, одновременно с отменой этой нормы были приняты «компенсирующие» поправки к Конституции, которые, в частности, на конституционном уровне закрепили запрет на участие неграждан в местных выборах, а также на использование языков меньшинств в работе самоуправлений и в ответах на обращения в органы власти.

- ⁶⁶ Šiškina and Šiškins v. Latvia. 9/04/2002. Application N 59727/00; Kuhareca v. Latvia. 7/12/2004. Application N 71557/01; Mentzen/Mencena v. Latvia, 7.12.2004. Application N 71074/01.
- ⁶⁷ Raihman v. Latvia. 28/10/2010. Communication N 1621/2007.
- ⁶⁸ Pančenko v. Latvia. 28/10/1998. Application N 40772/98.
- ⁶⁹ Shebashov v. Latvia. 22/05/1999. Application N 50065/99.
- ⁷⁰ Mikhejeva v. Latvia. 12/09/2002. Application N 50029/99.
- ⁷¹ Slivenko v. Latvia. 9/10/2003. Application N 48321/99.
- ⁷² Sisojeva and others v. Latvia. 16/06/2005, 15/01/2007 (Grand Chamber). Application N 60654/00.
- ⁷³ Shevanova v. Latvia. 15/06/2006, 7/12/ 2007 (Grand Chamber). Application no. 58822/00.
- ⁷⁴ Andrejeva v. Latvia. 18/02/2009 (Grand Chamber). Application no. 55707/00.75 Tarkoiev and others v. Estonia. 4/10/2010. Applications Nos. 14480/08 and 47916/08.
- ⁷⁵ Sidabras v. Lithuania and Džiautas v. Lithuania. 27/07/2004. Applications nos. 55480/00 and 59330/00.
- ⁷⁶ Rainys v. Lithuania and Gasparavičius v. Lithuania. 7/04/2005. Applications nos. 70665 /01 and 74345/01.
- ⁷⁷ Ādamsons v. Latvia. 24/06/2008. Application N 3669/03.
- ⁷⁸ Ždanoka v. Latvia. 17/06/2004, 16/03/2006 (Grand Chamber). Application no. 58278/00.
- ⁷⁹ Kuolelis, Bartoševičius and Burokevičius v. Lithuania. 19/02/2008. Applications nos. 74357/01, 26764/02 and 27434/02.
- ⁸⁰ Penart v. Estonia. 24/01/2006. Application N 14685/04.
- ⁸¹ Kolk and Kislyiy v. Estonia. 17/01/2006. Applications nos. 23052/04 and 24018/04.
- ⁸² Farbtuhs v. Latvia. 2/12/2004. Application N 4672/02.
- ⁸³ Kononov v. Latvia. 17/05/2010. Application N 36376/04.
- ⁸⁴ Более подробный анализ позиции суда по неоднозначно интерпретируемым вопросам истории государств Балтии см. в: *Muižnieks N. Latvian-Russian Memory Battles at the European Court of Human Rights // The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations / Ed. N. Muižnieks. Riga, 2011. P. 219–230.*

ДИСКУРС ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИММИГРАЦИИ В ЛАТВИИ

Б. Зена

Интеграция осуществляется на всех уровнях и во всех сегментах общества, поэтому анализ интеграции охватывает исследование нескольких взаимосвязанных уровней и тематических направлений. Наше исследование базируется на теории интеграции иммигрантов канадского ученого Йозефа Карена. Он рассматривает интеграцию иммигрантов в трех измерениях: в первую очередь это формальные условия интеграции иммигрантов, определяемые государством. Й. Карен называет их требованиями, которые государство предусматривает на пути полноценного включения иммигранта в общество. Сами по себе законные права иммигрантов, обретенные таким путем, еще не означают, что на практике не существует неравенства, что выполнение формальных условий действительно создает возможности для полноценной интеграции на практике. Поэтому Й. Карен выделяет два неформальных измерения, которые пронизывают всю жизнь общества, но не являются в формальной политике и в законах. Это – ожидание, что означает неформальные социальные отношения и условия, то, чего представители государства и общественность ожидают – как иммигрантам следовало бы приспособливаться к существующей в государстве культурной среде и ценностям. В свою очередь, желания – это представления принимающего сообщества о том, к какому результату процесс интеграции должен прийти в будущем¹.

Й. Карен подчеркивает, что суверенное государство имеет право определять формальные требования для интеграции иммигрантов. Но как правом, так и обязанностью суверенного, демократического государства будет регулярно критически оценивать, ведут ли формальные и неформальные требования и ожидания по тому пути интеграции, какое государство желает пройти в плане включения иммигрантов в общество.

Наша задача при анализе интервью, взятых у должностных лиц государства и самоуправлений, – выявить те *дискурсы*, какие существуют в обществе и среди лиц, принимающих решения, под влиянием которых в Латвии формируется и осуществляется иммиграционная политика.

Дискурс – это *версия* относительно дел и событий, это приращение смысла делам и событиям под определенным углом зрения. Дискурс – это нечто больше чем отношение, которое менее устойчиво и более переменчиво. Дискурс – это то, что формирует отношения, обуславливает, какие отношения желательны. Дискурс – это установка, мнение о том, что правильно и желаемо. В свою очередь, анализ дискурсов раскрывает контекст, то, каким образом выше упомянутые установки образовались. Дискурс обретает большую власть и влияние, если его носители находятся как среди представителей государственной власти, так среди представителей общественности. Дискурс может приобрести значительное влияние, если ему следует большинство общества, особенно когда это проявляется в отношении к меньшинствам, включая нацменьшинства. Поэтому не случайно, что критический анализ дискурсов развивался как особое пространство анализа, где в центре внимания – дискурс как проявление отношений власти. Сегодня анализ дискурсов обретает все больший вес в социальных науках и исследованиях, так как дискурсы, доминирующие в обществе, как бы невидимым образом влияют на принятие решений, выработку законов и на их реализацию.

При выработке политики интеграции граждан третьих стран (т.е. стран, не входящих в Евросоюз) весьма уместен анализ дискурсов в качестве одного из аналитических инструментов, так как в первую очередь целевая группа политики здесь *меньшинства* – иммигранты, граждане третьих стран. Иммигранты – это группа, отношение к которой в латвийском обществе в значительной мере обуславливает социально-политический и исторический контекст: советская миграционная политика и ее последствия вплоть до сегодняшнего дня.

При исследовании дискурса «создателей» государственной политики и политики самоуправлений как один из теоретических подходов используется упомянутая выше теория интеграции иммигрантов Й. Карена. Исследователи процессов миграции акцентируют внимание на том, что при выработке политики интеграции иммигрантов национального уровня важно понимать локальные контексты, в которых интеграция и происходит². Поэтому в данном исследовании проанализированы также иммиграционная политика и точка зрения на интеграцию граждан третьих стран в

местные общины, существующие в тех самоуправлениях Латвии, где проживает большее количество граждан третьих стран (например, Лиепая, Рига, Елгава, Броцены и др.).

В интервью с «создателями политики» ясно обрисовывается *дискурс желаний*: это версия создателей политики о том, как должна проходить интеграция иммигрантов в обществе в целом и каков желаемый результат политики интеграции иммигрантов.

Рассуждая о политике интеграции мигрантов, должностные лица государства и самоуправлений высказывают убеждение*, что в государстве на уровне национальной политики должна быть ясная позиция относительно вопросов иммиграции. Она состоит в том, чтобы, с одной стороны, контролировать процессы иммиграции и, с другой, следить за тем, чтобы латыши оставались бы большинством населения и формировали бы основу нации.

«У нас есть проект основных установок на интеграцию общества... Согласно ему иммигранты есть одна из целевых групп интеграции общества, либо одна из проблем, как и везде в странах Европейского союза; проект не навязывает дефиниции, но нацеливает на то, чтобы мы думали над решением этой главной задачи» (Должностное лицо Министерства юстиции).

«В свою очередь, есть и другая проблема – так как мы, латыши, являемся маленьким народом, может получиться, что мы останемся в меньшинстве, если примем либеральную политику миграции» (Должностное лицо Министерства экономики).

Акцентируя внимание на значительности появления политики иммиграции, должностные лица указывают, что основной документ по этой проблеме уже существует в соседнем государстве – Литве и что в Латвии также есть профессионалы, которые способны сформировать эту политику, но необходима поддержка общества и политиков, чтобы она была выработана и утверждена.

«Мы, конечно, можем разработать иммиграционную политику ... эксперты есть, идеи есть, версии, есть даже готовая концепция ... просто необходима поддержка общества и политиков» (Должностное лицо Министерства благосостояния).

Должностные лица государства высказывают осторожность относительно подготовки новых документов, уклоняясь от составления широких, долгосрочных программ, принятие которых требует политического выбора. Если поддержки со стороны политиков не будет, вложенные в создание программы усилия пой-

* Позиции этих лиц в отношении политики интеграции мигрантов даются в статье курсивом. – Прим. ред.

дут насмарку. Формирующие политику лица предпочитают разрабатывать программы, которые прямо не задевают политически чувствительных вопросов.

«Управление по делам гражданства и миграции уже приступили к созданию проекта системы единой регистрации лиц, ищущих убежище. В рамках этой системы можно затронуть и занятость. Не знаю, будет ли выработана отдельная программа. У управления есть опыт, когда большая проделанная работа в дальнейшем не поддерживается» (Должностное лицо Министерства внутренних дел).

Должностные лица государства признают, что необходим нацеленный на перспективу документ политики иммиграции, но в то же время считают, что конструктивные дискуссии на эту тему невозможны в предвыборном году.

«Есть закон, закон об иммиграции, но нет концепции с видением перспективы через 5 лет, какое может быть направление движения. Я допускаю, что такая концепция необходима, в следующем году ее определенно ждать не приходится, так как будут выборы, и опять никто ничего подобного принять не пожелает» (Должностное лицо Министерства благосостояния).

Мнение представителей министерств показывает, что необходимость в рабочей силе иммигрантов уже осознана. Но в то же время пронизывающий латышское сообщество страх остаться в меньшинстве, утратить национальное самосознание уменьшает желание политиков к формулированию ясной иммиграционной политики в Латвии.

«Сейчас мы защищаемся понимаю, почему. Мы только неполные 20 лет независимы, и мы эту ситуацию стараемся сохранить. Это по-человечески, с точки зрения народа. С точки зрения политики, нужно думать шире... Подумать, что будет через 20 лет, прислушаться к ученым. Наш департамент страхования просчитал до 2050 г., что будет происходить в Латвии, и эти данные довольно страшные» (Должностное лицо Министерства благосостояния).

По мнению должностных лиц государства, отрицательную установку относительно рабочей силы иммигрантов можно объяснить теперешним кризисом, высокой безработицей, но при улучшении экономической ситуации могли бы возникнуть и более благоприятные обстоятельства для формирования политики иммиграции.

«Может быть, сейчас и не самый подходящий момент, но это и не оправдание, чтобы не говорить о проблеме ... Как только ситуация в государстве улучшится, эта проблема, и в то же время приобретение, каким являются люди из третьих государств, о себе будут напоминать больше» (Должностное лицо Министерства юстиции).

Более решительный подход к проблеме у должностных лиц регионального самоуправления. По их мнению, для развития Латвии иностранные граждане – полезный ресурс.

«При развитии циклов экономики, я думаю, нам будет необходима малоквалифицированная рабочая сила, которой могли бы стать иммигранты» (Должностное лицо самоуправления).

Должностные лица самоуправлений признают, что в будущем, когда в Латвии возобновится экономический рост, опять возникнет необходимость привлекать рабочую силу из других государств.

«Я думаю, что необходимо будет привлекать иностранную рабочую силу. Учитывая, что большая часть местных жителей, которые без работы, отправились искать лучшей жизни и работу вне государства, в Грецию, Великобританию, Испанию и еще куда-то. Латвия могла бы быть привлекательна для граждан третьих стран тем, что здесь не хватает рабочей силы» (Должностное лицо самоуправления).

С точки зрения должностных лиц самоуправления, отношение к иностранцам должно быть свободно от политических предубеждений, и этих людей нужно рассматривать как значительный ресурс для экономического развития Латвии.

«Мы не видим опасности в гражданах третьих стран. Простые люди. Они приходят из промышленных зон в других странах, из сферы сельского хозяйства. Они не могут быть угрозой для Латвийского государства» (Должностное лицо самоуправления).

Должностные лица самоуправления подчеркивают, что рабочую силу мигрантов нужно рассматривать как ресурс, нужный Латвии, и что нетерпимость относительно иностранных граждан – очень близорукая позиция и может навредить образу Латвии. Эксперт указывает, что важно было бы понимать значение рабочей силы иммигрантов и изменить широко распространенное в Латвии отрицательное отношение к приезжим. По его мнению, особенно важно, какое отношение к иммигрантам у тех, кто име-

ет большое влияние на формирование общественного мнения – у политиков, у представителей СМИ, у специалистов в сфере общественных отношений.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ВЛИЯНИЕ ИММИГРАНТОВ

Из сказанного государственными должностными лицами следует, что миграционная политика должна учитывать перспективы экономического развития государства. Эксперты говорят, что ставка на рабочую силу иммигрантов не стимулирует развитие технологий и что это в известной мере идет вразрез с ориентацией на высокотехнологичную экономику. Одновременно это также и вопрос влияния иммигрантов на рынок рабочей силы: во-первых они не должны увеличивать в стране безработицу; во-вторых, важно, чтобы не понижалась оплата местной рабочей силы.

«Если будет облегченный въезд, у работодателя не будет никакого стимула развивать производство. С экономической точки зрения предпринимателю выгоднее, если была бы доступна приезжая рабочая сила. Но нам нужно думать про все народное хозяйство в целом» (Должностное лицо Министерства экономики).

«У нас как цель все время высказывается мысль о экономике, основанной на знаниях. Облегчение въезда – определенно шаг в противоположном направлении. Именно по этой причине производитель не будет заинтересован в каких-то нововведениях, технологии или в чем-либо подобном и за те же самые деньги сможет нанять четырех чернорабочих» (Должностное лицо Министерства экономики).

«Уровень заработной платы иммигрантов невозможно понизить. Потому что это отрицательно скажется на всем рынке рабочей силы. За что борются развитые государства? Чтобы иммигранты не влияли на уровень безработицы и не сокращали оплату местных рабочих» (Должностное лицо Министерства экономики).

Государственные должностные лица как позитивный шаг оценивают законодательную инициативу, которая предусматривает облегченный порядок въезда для иностранных граждан, если они начинают свой бизнес. Это должно способствовать развитию бизнеса в Латвии, созданию новых рабочих мест. Эксперты также положительно оценивают облегчение въезда в страну для высококвалифицированной рабочей силы³.

«Идут на второе чтение поправки о предпринимателях, которых мы хотим привлечь, чтобы сформировать капитал из умных и богатых людей» (Должностное лицо Министерства внутренних дел).

Латвия заинтересована в приезде высококвалифицированных иммигрантов. В то же время возникает много нерешенных вопросов, которые значительно осложняют возможности потенциального студента приехать и жить в Латвии. Это и нехватка консульств Латвии во многих странах, и сложная процедура признания в Латвии документов, подтверждающих образование иностранных граждан. Существует также угроза для безопасности внешне отличимых меньшинств в Латвии.

«В первую очередь не решены консульские вопросы. Интерес к нашим высшим учебным заведениям есть и на Ближнем Востоке, и в Шри-Ланке. Но там нет посольства Латвии, чтобы оформить документы. Во-вторых, есть большая проблема с признанием документов об их образовании в Латвии; по-разному интерпретируются законы, требуются всякие печати, подтверждения. Все еще есть трудности и с Министерством образования в признании дипломов иностранцев. В-третьих, иностранные студенты, визуально отличные от местного населения, особенно часто соприкасаются с реальными угрозами для жизни, здоровья, их морально унижают...» (Должностное лицо Министерства юстиции).

Сказанное представителем Министерства юстиции свидетельствует, что заинтересованность Министерства образования и науки привлечь побольше иностранных студентов в систему высшего образования Латвии тормозится несколькими обстоятельствами. Например, привлечение студентов из стран СНГ осложняют законы республики, в которых определено, что в государственных высших учебных заведениях Латвии обучение должно вестись только на языках стран Европейского союза, и, значит, не могут быть предусмотрены учебные программы на русском языке. Вместе с тем эксперты признают, что преподавательский состав латвийских вузов во многих случаях не готов читать курс на английском или другом языке ЕС. Отказываясь от русского языка как учебного языка в вузах, государственные вузы Латвии потеряли определенный сегмент рынка, откуда могли бы прийти потенциальные студенты. Здесь в известной мере локальные национальные интересы, которые заставляют быть осторожными к иммигрантам из России, а интересы безопасности и антитерроризма ограничивают возможность привлечения иммигрантов из регионов, в которых распространен ислам.

«Один из вопросов состоит в том, как привлечь больше иностранных студентов в систему высшего образования Латвии ... Наша главная задача – обеспечить нормативную базу для сотрудничества с другими министерствами... Пусть закон о высшем образовании будет максимально благоприятным» (Должностное лицо Министерства образования и науки).

«В государственных университетах употребление русского языка не дозволено, кроме случаев, когда лекторы приглашены из других стран. В новом законе первоначально было предусмотрено для всех языков открыть эту возможность, но теперь Кабинет министров русский язык вычеркнул ... Преподавание разрешено только на языках Европейского союза» (Должностное лицо Министерства образования и науки).

В вопросе о привлечении иностранных студентов в вузы Латвии значительно отличаются позиции Министерства образования и науки и Министерства внутренних дел. Если первое заинтересовано в этих студентах, то позиция МВД весьма осторожна на том основании, что могут возникнуть неконтролируемые общины иностранных граждан, а это чревато такими отрицательными последствиями, как угроза для безопасности, неспособность обеспечить всех социальными услугами – образованием, здравоохранением и т.д.

«Мы видим, как во всей Европе образуются колонии из окончивших вузы иностранных студентов. Появляется десять китайцев, через месяц их уже сто, скоро тысяча и возникает полностью автономная республика. Этого мы хотим?» (Должностное лицо Министерства внутренних дел).

Международные контртеррористические мероприятия, проводимые в сфере безопасности в ЕС, определяют весьма строгие условия для притока иммигрантов из определенных регионов мира, ограничивая таким образом возможности вузов Латвии привлечь иностранных студентов.

«Во всех государствах Министерство образования находится в известном противоречии с Министерством внутренних дел из-за Шенгенского регулирования. Существуют опасения в отношении стран, которые вошли в список в связи с терроризмом и иммиграцией» (Должностное лицо Министерства образования и науки).

Представитель министерства признал, что поток иммигрантов трудно контролировать и есть риск, что иммигранты исполь-

зуют Латвию как транзитную страну, чтобы перебраться в Западную Европу. Как одно из решений эксперты считают ориентацию латвийских вузов на страны ЕС и привлечение студентов из Европы.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС О МИГРАЦИИ И МИГРАНТАХ

Из-за господствующего в обществе негативного отношения к иммигрантам должностные лица не заинтересованы оказывать им услуги. Нередко для отказа во въезде (или для высылки) указываются малозначительные поводы. Они объясняют свою позицию защитой рынка рабочей силы.

«Отрицательное отношение к иммигрантам не будет меняться» (Должностное лицо Министерства юстиции).

По мнению экспертов, скрытым поводом для ограничения миграции является необходимость платить иностранным рабочим среднюю заработную плату.

«Если ты можешь официально нанять работника за минимальную заработную плату, зачем платить этому работнику среднюю заработную плату?» (Должностное лицо Министерства благосостояния).

Доминирующее негативное отношение общества к иммигрантам даже допускает дискриминирующее отношение к ним как к рабочей силе, позволяет должностным лицам нарушать нормы поведения и вести себя с ними унижительным и грубым образом.

«Приходится встречаться с очень частыми проверками, контролем со стороны всевозможных государственных органов, Государственной трудовой инспекции, Пограничной службы, Службы иммиграции» (Должностное лицо самоуправления).

Представитель самоуправления считает, что в работе с иностранными гражданами очень важно, чтобы государственное должностное лицо выполняло бы свою работу в соответствии со служебными требованиями, чтобы отношение было свободно от политических пристрастий и предрассудков. По мнению эксперта, качество услуг Управления по делам гражданства и миграции, Управления натурализации, Пограничной службы имеет особенно большое значение, потому что они являются первыми органами, с которыми общается иностранный гражданин, и то, насколько корректным окажется общение с чиновниками, зависит его представление о государстве.

«Политическая установка у части работников Управления по делам гражданства и миграции есть. Но они могут не дать всю необходимую информацию, могут быть нетерпимы к человеку, могут доказывать ему, что он здесь не нужен...» (Должностное лицо самоуправления).

Прогнозируя изменения установок общества, государственные должностные лица указывают на некоторые обстоятельства, которые могли бы как воспрепятствовать, так и способствовать подобному отношению к иммигрантам. Историческая память, глубоко укоренившаяся в обществе, обуславливает осторожное либо даже отрицательное отношение к приезжим, но иные обстоятельства, например личный опыт работы за границей как иммигранта, позволяют воспринимать приезжих более терпимо.

«Поначалу, конечно, есть эта первая реакция – защитная реакция против иного и чужого» (Должностное лицо Министерства юстиции).

«Есть вещи, которые меняются, но они не меняются столь быстро, как, может быть, нам хотелось бы. Это, однако, связано с опытом человека, его представлениями о ценностях, стереотипами, и невозможно это столь быстро изменить. Очень многие, также те, кто уехал на поиски работы, уже теперь, может быть, изменили свое представление об иммигрантах» (Должностное лицо Министерства юстиции).

Среди представителей министерств распространено мнение, что негативное отношение общества к иммигрантам следует менять. Этого можно добиться, с одной стороны, информируя общественность, предусматривая особые учебные программы, например, в вузах, или организовывая мероприятия для более широких слоев общества, как, например, «дни терпимости», также популяризируя положительную практику через СМИ. Но, с другой стороны, эксперты подчеркивают необходимость соответствующих законов и норм, в которых были бы ясно определены границы, нарушение которых квалифицировалось бы как противоправное деяние. Эксперты признают, что для таких мероприятий в основном использовали фонды ЕС.

«Финансирование Европейского союза позволяет нам вести работу против дискриминации и в области повышения терпимости... Теперь все чаще об этом говорят, на телевидении есть хорошие примеры. Также проводится политика против дискриминации, что-то запрещается и нормативными актами» (Должностное лицо Министерства юстиции).

УСЛУГИ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Представители министерств признают, что иностранные граждане, которые имеют срочный вид на жительство, работают и платят налоги, тем не менее услуги здравоохранения получают только за плату. От работодателя требуется, чтобы в договоре на работу предусматривались страхование здоровья и компенсация платы за услуги системы здравоохранения. В свою очередь, в договоре должно быть указано, что работодателю работник очень нужен. От работодателя и иммигранта требуется соблюдение всех определенных государством правовых норм, от государства – обеспечение иностранных граждан занятостью и социальными услугами на законных основаниях.

«Нельзя работать без трудового договора. Трудовое законодательство требует, чтобы работодатель оплатил всевозможные тесты для проверки здоровья иммигранта ... Обязательное требование – наличие трудового договора. Но и работник не должен вести себя безответственно» (Должностное лицо Министерства здравоохранения).

По мнению экспертов, проблемы с получением услуг здравоохранения могут появиться, если работодатель не выполняет свои обязанности по отношению к своему работнику-иностранцу, как того требует правовое регулирование, а также из-за недостаточной осведомленности иностранца, как именно можно получить медицинские услуги.

«В принципе иммигрантам известна ситуация в стране, куда они едут. Могут возникнуть какие-то кризисные моменты. Работодатель также ответственен. Проблемы, наверное, появляются тогда, когда какая-то из сторон не выполняет свои обязанности» (Должностное лицо Министерства юстиции).

Должностные лица самоуправлений, опираясь на свой опыт, подчеркивают, что во многих случаях для иностранных граждан выгоднее договориться с работодателем и работать без трудового договора. Тогда уже только работодатель определяет, насколько соблюдается закон о занятости иностранных граждан и в какой мере для них обеспечены социальные услуги.

«Возможно, если с иммигрантом заключается трудовой договор, то он может получать меньше, чем в конверте. Если ему работодатель говорит: если ты со мной заключишь трудовой договор и будешь что-то требовать, то можешь ехать назад

на свою родину ... В результате он рискует и принимает условия работодателя» (Рига, должностное лицо самоуправления).

Специалисты в сфере политики здравоохранения обещают подкорректировать правовые нормы, чтобы ясно был очерчен минимум медицинских услуг, которые получает каждый человек независимо от его взносов, налогов, это относится также к охране здоровья несовершеннолетних детей иностранных граждан.

«Мы сейчас выработываем закон о здравоохранении. Надо более ясно определить минимум необходимого» (Должностное лицо Министерства здравоохранения).

По заключению экспертов, эффективное средство для приведения сферы здравоохранения в порядок – это международные договоры, которые, основываясь на взносах индивида, либо на социальных налогах, гарантируют медицинские услуги в любой из стран договора. Латвия уже заключила такие договоры с рядом государств, например с Украиной, Канадой, Новой Зеландией.

«Латвия имеет договорные отношения с Канадой, Новой Зеландией, Украиной. Это международные договоры. Например, гражданин Латвии в Канаде получает соответствующие услуги, как и гражданин Канады в Латвии, и необходимые расчеты происходят между государствами. Такого договора между Латвией и Россией нет» (Должностное лицо Министерства здравоохранения).

До сих пор проблемы здравоохранения тяжело ударяют по иностранным студентам: полисы, которые не дают никаких гарантий, дорогие медицинские услуги. По заключению экспертов, эти проблемы должны решаться путем заключения межгосударственных соглашений со странами, из которых приезжают студенты. Ответственность за страхование должна бы ложиться на университеты, так как индивидуальное страхование в Латвии намного дороже, чем страхование через работодателя.

«Можно инициировать международный договор, какой есть с Канадой и Новой Зеландией, например» (Должностное лицо Министерства здравоохранения).

«В нашей стране работодателю намного легче застраховать работника, чем работнику самого себя. Из нескольких компаний страхования только одна оказывает услуги физическим лицам. Но работодатель своих работников может страховать во всех компаниях» (Должностное лицо Министерства здравоохранения).

Эксперты признают, что до сих пор детям иностранных граждан, невзирая на вид на жительство их родителей, трудовые договоры и уплату налогов, не доступно бесплатное образование. Сейчас рассматриваются законопроекты, цель которых – предоставить бесплатное образование как в ситуациях, когда у родителей есть вид на жительство, так и в случаях, когда вопрос пребывания родителей только решается.

«Тем, кто приехал с детьми и у кого есть вид на жительство, образование определено за плату. Об этом нужно договариваться с образовательным учреждением самоуправления, нужно заключить договор и тогда платить за обучение. В новых изменениях закона об образовании, которые поданы в Сейм на рассмотрение, определено, что все равны и за образование платить не нужно» (Должностное лицо Министерства образования и науки).

По словам экспертов, школы постепенно готовятся для работы с детьми иммигрантов, составляются соответствующие программы обучения. Понятно, что такие школы будут не во всей Латвии.

«Уже есть школы, которые работают с претендентами на статус беженца и беженцами. Дополнительно заключается договор с Министерством образования и науки о поддержке педагогов и о приобретении учебных пособий и материалов. Тогда возможно год обеспечивать адаптацию» (Должностное лицо Министерства образования и науки).

«Я сказал бы так – образование, может быть, является препятствием для переезда иммигрантов с семьями. Тогда они сами переправляются, им надо как-то организовать возможность обучения детей. В Риге, в Юрмале есть возможности дать детям образование на английском языке. В Лиенае, к сожалению, пока нет» (Лиепая, должностное лицо самоуправления).

Как признает работник самоуправления, именно образование для детей иммигрантов – самая большая проблема интеграции иностранных граждан.

«Я думаю, что иммигранты смогли бы сами разобраться и с местом для проживания, и с местом работы, и со здравоохранением и другими какими-то услугами со стороны города, кроме именно вопросов образования, его доступности» (Лиепая, должностное лицо самоуправления).

Ограниченное знание иностранных языков педагогами школ пока позволяет легче решать вопросы образования лишь для детей, родной язык которых русский. Планы Министерства образования и науки предусматривают для учителей освоение языков ЕС, что значительно улучшило бы возможности коммуникации преподавателей с детьми разного этнического происхождения.

«Проблема с людьми, которые не говорят ни на латышском, ни на русском языке. Мы планируем обеспечить для педагогов освоение иностранных языков на соответствующем уровне до B2 из Европейского классификатора основных умений. Тогда можно было бы создавать такие двуязычные программы или определять содержание уроков на языках государств ЕС» (Должностное лицо Министерства образования и науки).

Должностное лицо МВД подчеркивает, что «система одного окна» значительно облегчит оформление документов для получения срочного вида на жительство, а уменьшение пошлины для получения разрешения на работу уже увеличило конкурентоспособность работодателей.

«Предусмотрено внедрение принципа “система одного окна”. Сейчас это достигнуто и сделаны изменения в законе об иммиграции. Они предусматривают, что иностранцу уже не нужно обращаться в два учреждения для подачи документов, чтобы получить разрешение на работу и на пребывание. Он это получает в одном учреждении – Управлении по делам гражданства и миграции» (Должностное лицо Министерства внутренних дел).

По мнению государственных должностных лиц, интеграции иностранных граждан в Латвии, получению ими полагающихся услуг нередко препятствует то, что иммигранты недостаточно информированы о своих правах и обязанностях. Эксперты выражают надежду, что Национальный центр интеграции, созданный на средства проектов ЕС, обеспечит получение информации, и это в значительной степени будет способствовать росту качества услуг для иностранных граждан в Латвии.

«Я думаю, что проблема в недостатке информации. У нас процесс принятия иностранца не разработан так детально, не предусмотрено и какое-то предварительное информирование перед приездом о его правах, обязанностях в Латвийском государстве» (Должностное лицо Министерства юстиции).

«Для интеграции иммигрантов в рамках проекта Министерства юстиции организуется Национальный центр интеграции, в котором иностранный гражданин может получить всю инфор-

мацию о социальной помощи, курсах языка, здравоохранении и по всем другим вопросам. И перевод информационных материалов на языки стран, которые не входят в состав ЕС» (Должностное лицо Министерства юстиции).

Должностные лица признают, что языковой барьер – особый вопрос в деле информирования иностранных граждан, так как образовалась ситуация, что для значительной части иммигрантов родным языком является русский или иной язык, который не является языком ЕС. Информационные же материалы преимущественно доступны только на языках ЕС. Поэтому полезны были бы проекты, в рамках которых информационные материалы можно было бы перевести также на языки, которые распространены вне ЕС.

«Один проект можно сделать и издать такие материалы на русском языке, может быть, и на китайский язык перевести какую-то одну версию, английскую. У нас теперь такая ситуация, что на английском и латышском языках информация более доступна, чем на русском языке» (Должностное лицо Министерства благосостояния).

Точка зрения должностных лиц самоуправления по вопросу участия иностранных граждан с правом постоянного проживания в выборах местного самоуправления более сдержанная. По их мнению, нужно хорошо узнать страну, где находишься.

По мнению должностных лиц самоуправления, у самоуправлений есть большие возможности в плане интеграции общества, в том числе интеграции иммигрантов. Особенно эффективными могли бы стать центры информации и коммуникации.

«В Риге нужно создать дом единения народов, где может быть библиотека, фонотека, где могут проводиться конференции, семинары. Это может быть место для обществ меньшинств, где происходит гражданское просвещение» (Рига, должностное лицо самоуправления).

«Роль самоуправления в такой ситуации должна быть большой. Национальная интеграция очень важна, особенно, если мы думаем не только про взаимные контакты, не только про общение во время работы, на рабочем месте, но также говорим про молодое поколение, про детей, про их включение в жизнь государства» (Должностное лицо самоуправления).

Должностные лица самоуправления признают, что к иностранным гражданам из разных регионов необходим различный подход и для них нужны разные программы интеграции. Им кажется, что более «удобны» иностранные граждане, приезжающие из государств СНГ, пребывающие в Латвии ограниченное время.

Особое внимание нужно уделять иммигрантам, которые представляют сильно отличающиеся культуры, религии.

«Нам ментально ближе и понятнее белорусы, украинцы, русские» (Должностное лицо самоуправления).

«Политика интеграции должна быть разной. Что хорошо для граждан СНГ, не пригодно для гражданина иного государства, особенно с религиозными особенностями» (Должностное лицо Министерства внутренних дел).

Сказанное государственными должностными лицами и должностными лицами самоуправлений раскрывает различные, даже конфликтующие дискурсы относительно иммиграционной политики и иммиграции в Латвии. Формированию иммиграционной политики государства препятствует широко распространенный в обществе (в том числе среди государственных должностных лиц) *политический дискурс*, который констатирует отрицательное отношение к иностранцам. Это коренится в исторической памяти, в страхе потерять латышскую идентичность, и это широко распространено в обществе. Для политиков удобнее подчиниться этому дискурсу и уклониться от принятия *рискованных* решений, касающихся иммиграционной политики, что может уменьшить поддержку избирателей. В то же время государственные должностные лица, которые в своих действиях обязаны опираться на данные экспертиз, считаться с демографическим, экономическим и социальным развитием государства, а также директивами ЕС, обязаны функционировать в конструктивном русле *дискурса улучшений и перемен*. Наблюдаемое среди чиновников негативное отношение к иммигрантам раскрывает наличие этих конфликтующих дискурсов и их двоякое влияние на выполнение государственными должностными лицами своих функций. В свою очередь, позицию должностных лиц самоуправлений обуславливает прагматический дискурс – желание добиться роста своего города, региона, которое опирается на оценку экономических и демографических процессов.

¹ Carens J.H. The integration of Immigrants // Journal of Moral Philosophy. Vol. 2. 2005. № 1.

² Borkert M., Caponio T. The local dimension of migration policy-making. Amsterdam University Press, 2010.

³ В соответствии с изменениями в Законе об иммиграции (2011) вид на жительство в Латвии и, с оговорками, на всей остальной территории ЕС (на пять лет) могут получить граждане третьих стран, которые приобрели недвижимость за 100 тыс. лат в Риге или 50 тыс. лат в регионах Латвии или сделали инвестиции в банке или в бизнес. Одним из наиболее популярных способов получения вида на жительство стала покупка недвижимости.

РОССИЙСКАЯ НАУКА ОБ ЭТНОПОЛИТИКЕ СТРАН БАЛТИИ

А.П. Бердников, Д.А. Ханов

Анализ этнополитики в странах Балтии в рамках российского академического дискурса является привлекательным не только из-за множественных связей России и стран Балтии в рамках регионального балтийского политического и экономического сотрудничества, несущего в себе влияние трансформаций начала 1990-х годов, расширения НАТО и Евросоюза на восток в 2004 г., эволюции российско-американских взаимоотношений¹: российский академический дискурс является и пространством конструирования представлений о соседних государствах. В этом процессе участвуют авторы и институции, которые изучают развитие этнополитики в трех странах Балтии. Согласно Пьеру Бурдьё научный дискурс, наряду с политическим, является выражением взаимоотношений структур власти в обществе².

Когда речь идет о этнополитике в странах Балтии, этот тезис применим с полным основанием – политика по отношению к национальным меньшинствам на протяжении всего периода после восстановления независимости Эстонии, Латвии и Литвы в 1991 г. была тесно связана с представлениями о развитии институтов государственности, даже независимости как таковой³. Кроме того, в политических дискурсах стран Балтии она является до сих пор индикатором качества внешней политики и как таковая воспринимается и существует также в российском политическом пространстве⁴. МИД России традиционно включает темы национальных меньшинств в публичные элементы коммуникации, а политические лидеры и соответствующие структуры российской Государственной думы определяют права национальных меньшинств в странах Балтии в качестве индикатора развития межправительственных отношений⁵. И критика, и успехи стран Балтии в этой области в международном контексте прав человека превратили этот аспект политики стран Балтии, благодаря активной позиции России в Совете Европы и действиям отдельных

депутатов от Латвии в Европарламенте, в составную часть внутривосточных баталлий между мейнстримными и так называемыми русскими партиями, особенно это касается политических процессов в Латвии.

Феномен истории как интерпретации прошлого заметно влияет на динамику российско-балтийских отношений. Это касается не только официального политического дискурса, но даже в большей степени историографии, исследований в области культурной антропологии, этнографии, политологии⁶. История советского периода чаще, чем история предшествующих двух столетий российского политического доминирования в странах Балтии, проникает в актуальные политические дебаты о правах национальных меньшинств, особенно в контексте сохранения коллективной памяти и исторических артефактов советского периода. Можно вспомнить, например, реакцию со стороны российских властей, политиков и части СМИ на ежегодные мероприятия по актуализации памяти об участии латышских солдат в легионе СС, проходящие 16 марта в центре Риги, или на «памятные мероприятия» бывших эстонских легионеров в Синимяэ – они воспринимаются в контексте антифашистского дискурса. Можно также упомянуть резкое осуждение переноса из центра Таллина памятника советскому солдату («Бронзового солдата») в апреле 2007 г.⁷

Различные интерпретации итогов Второй мировой войны и история советского периода заняли доминирующее положение в спектре тем научной деятельности российских исследователей региона, вытеснив другие периоды, например историю взаимного восприятия четырех стран в середине 1930-х годов. Лишь в 2012 г. ряд статей в междисциплинарном сборнике «Образ другого»⁸ расширил тематический спектр исторического анализа. То, что научная интерпретация истории СССР включает положение национальных меньшинств в современных обществах стран Балтии, очевидно не только для ряда российских ученых, связывающих события довоенной истории и политическое участие в них нацменьшинств. Западноевропейская антропологическая традиция использует тему интерпретации советского периода в странах Балтии в качестве иллюстрации к процессам реставрации желаемой версии истории в сослагательном наклонении – так швейцарский антрополог К. Джордано интерпретирует закон о гражданстве в Латвии, в котором для решения о присуждении гражданства или статуса негражданина⁹ применяется символический день оккупации Латвии в 1940 г., как тактику политической элиты по восстановлению прерванной версии истории и желание символически исключить советский период как никогда не су-

ществовавший. Эту тенденцию он констатирует во всем регионе Восточной Европы¹⁰. Среди российских ученых С. Рыжакова занимает последовательную антропологическую позицию, реконструируя в своей диссертации процессы культурного реферирования латышей в период так называемого «третьего пробуждения» (национального движения конца 1980-х годов, которое подготовило восстановление независимости и в какой-то степени реставрацию политической культуры страны межвоенного периода) в контексте межэтнической коммуникации, в которой создавались и развивались образы «другого», образы национальных меньшинств¹¹.

В рамках иной стратегии научной рефлексии о национальных меньшинствах происходит отход от политически «горячих тем», включая проблематику политики памяти, и концентрация на вопросах социологического плана – структуры и трансформаций групп, объединенных терминами «диаспора» (Симонян)¹², «этнолингвистические группы» (Устинова)¹³, «русскоязычные меньшинства» (Попова)¹⁴ или на абстрактном и менее инклюзивном понятии «балтийские русские» (Фурман)¹⁵. Основной акцент в работах, отнесенных авторами данной статьи к вышеупомянутой «социологической» группе исследований, делается на развитии структур гражданского общества и включении в эти структуры национальных меньшинств. Анализ государственной политики становится центральным объектом в рамках этой условной группы и касается политического дискурса и дискурса СМИ, которые, согласно Ю. Хабермасу, все более объединяются в современной Европе¹⁶, а также программ интеграции, бюджетной поддержки неправительственных организаций (НПО) нацменьшинств и т.д.

Ограниченный объем данной статьи определил во многом методологические рамки анализа академических исследований российских ученых: он будет проведен с позиций междисциплинарного сотрудничества социальных и гуманитарных наук, исходя из тезиса о том, что целевыми группами этнополитики являются не только нацменьшинства, но и представители этнического большинства. Так как этнополитика конкретного государства влияет на правовые вопросы, общие экономические показатели и степень участия в гражданском обществе представителей нацменьшинств, вначале будут рассмотрены исследования, связанные с актуальными политическими процессами и затрагивающие структурные элементы меньшинственного населения стран Балтии; затем – работы по проблемам политики памяти, которая, согласно представлениям Д. Бахман Медик о так называемом мнемоническом повороте (*mnemonic turn*), привлекает внимание все большего числа

ученых, претендующих на обновление аналитических категорий и создание новых парадигм коллективной памяти¹⁷. Под термином «коллективная память» авторы подразумевают различные дискурсы, нацеленные на воссоздание определенных структур и выражение коллективных эмоций, исторического опыта, которые создателями этих структур воспринимаются как основополагающие для конкретной группы.

Данная статья может стать для авторов интересным и редким опытом рефлексии о развитии академического дискурса российских коллег, касающегося вопросов развития политической культура стран Балтии, а значит, и идентичности самих авторов. Поэтому начатая авторами разработка темы непременно должна быть продолжена, ибо академический дискурс изменчив и ускоряется вместе с процессами глобальной политики коллективных идентичностей в условиях постмодернистской дискурсивной полифонии.

В рамках данного обзора мы решили считать вступление стран Балтии в Европейский союз (май 2004 г.) хронологически отправной точкой. Этому есть не только символическое, но и содержательное основание – период непосредственно перед вступлением в ЕС ознаменовался кратковременной активизацией политики интеграции и диалогом власти с национальными меньшинствами. Хотя ряд работ несколько выходит за границы установленной хронологии, авторы сочли их важными для отображения общей ситуации.

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

В этой части представлены аспекты исследований российских ученых, строящиеся вокруг или отходящие от политически актуальных вопросов и тем. Здесь может быть выделено два основных подхода. Первый касается взаимоотношений между этническими или лингвистическими группами внутри стран Балтии, вне зависимости от влияния этих взаимоотношений на национальные интересы России. Второй подход состоит в том, что этнические факторы в Балтийских странах рассматриваются с точки зрения их потенциального влияния на отношения между этими странами и Российской Федерацией.

В случае первого подхода русские и русскоязычные группы характеризуются прежде всего как этнические или национальные меньшинства в государствах проживания. При этом нередко критикуется власть соответствующих Балтийских государств, отме-

чается притесняющая или даже дискриминационная официальная политика в отношении русскоязычного населения.

С точки зрения второго подхода русские и русскоязычные группы в Балтии являются не меньшинствами соответствующих стран, а, скорее, российскими диаспорами, соотечественниками, живущими за пределами Российской Федерации. В этом случае критика направлена уже не на правящие круги Балтийских государств, а обращена к российскому руководству за недостаточное использование своих диаспор в целях продвижения национальных интересов России за рубежом.

Как уже было сказано, в рамках первого подхода рассматриваются взаимоотношения между этническими или лингвистическими группами в странах Балтии, основное внимание, по понятным причинам, уделяется отношениям между «титულными нациями» и «русскими общинами». Эти отношения могут варьироваться и приобретать разнообразные формы, нередко в зависимости от специфики конкретной группы внутри «титулного» или русскоязычного населения. Возможно, наиболее детальную классификацию русских и русскоязычных жителей Балтийских стран предложил главный научный сотрудник Института социологии РАН и Института экономики РАН Р. Симонян.

Первая группа в классификации Симоняна – это так называемые традиционные меньшинства. К ним в Балтийских государствах относят те меньшинства, которые населяли Балтию до событий 1940 г., например староверы, преимущественно представленные староверами-беспоповцами поморского согласия. Вторую группу, по мнению ученого, составляет небольшая, но авторитетная группа русской творческой интеллигенции, перебравшаяся в Балтию после Второй мировой войны по причине более либерального политического климата в сравнении с другими республиками Советского Союза. Третья группа объединяет инженеров, докторов, учителей, журналистов, научных и театральных работников, которая во многом сформировалась в результате распределения специалистов по окончании высших учебных заведений СССР. Четвертая группа – это представители высококвалифицированной рабочей силы, оказавшиеся на территории Балтии по причине имеющегося когда-то здесь индустриального спроса и в основном привлекаемые для работы с новыми технологиями на крупных предприятиях. Пятая, шестая и седьмая группы объединяют разные сегменты бывших советских военнослужащих – офицеров, отставных офицеров и бывших солдат-срочников, проходивших службу на территории балтийских республик и по разным соображениям выбравших эти республики для своего

дальнейшего проживания. К восьмой группе, являющейся наиболее многочисленной, Симонян причисляет рабочих, в бытность СССР занятых в сфере строительства, которые, нередко на основании квот, приглашались для возведения предприятий национального уровня¹⁸.

По мнению Симоняна, каждая из упомянутых групп имеет свои психологические особенности. Также отличается отношение «коренного населения» к каждой из этих групп. Указывая на очевидные проблемы в отношениях между разными сегментами русской общины и «титულным» большинством, Симонян старается быть беспристрастным, избегая чрезмерно жесткой критики в адрес правительств и правящих партий Балтийских государств. Это отличает его подход от позиции другого российского эксперта – Б. Кагарлицкого, который, например, в отношении Латвии прямо заявляет, что нерешенные «русские вопросы» – это способ контроля властей над этническими пропорциями населения Латвийского государства¹⁹.

В конце XX в. как отдельное научное направление в мире популярность приобрели диаспоры (*Diaspora Studies*). В этой связи некоторые российские ученые начали использовать концептуальный инструментарий теорий диаспор. Так в российской научной среде заявил о себе второй подход к изучению русских общин в Балтийских государствах.

Ярким представителем этого подхода является президент международной общественной организации Фонд «ОКА», в прошлом руководитель аналитического центра фонда «Россияне» и заместитель директора Института современных диаспор Т. Полоскова. В своей книге «Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты» автор причисляет русских, живущих в Балтии, к новым российским диаспорам и рассматривает их с точки зрения роли и места, занимаемого ими в системе межгосударственных отношений.

По мнению Полосковой, новые диаспоры стран Балтии и СНГ можно типологизировать следующим образом: (1) диаспоры, влияющие либо способные повлиять на развитие ситуации на постсоветском пространстве в целом; (2) диаспоры, чья роль в основном ограничивается влиянием на отношения между двумя государствами или группой стран. Как видно из этой типологии, Полоскову прежде всего интересуют не отношения русских и русскоязычных сообществ Балтии с «коренным населением» или «титулными» народами, а влияние – как уже имеющееся, так и потенциальное – этих сообществ на международной арене, в том числе на отношения между странами Балтии и Российской Федерацией.

Полоскова уделяет особое внимание политическому, финансово-экономическому и культурному потенциалу российских диаспор в странах Балтии, а также проблематике лоббизма интересов России в этом регионе²⁰. Такой подход объясняется концептуальными и где-то нормативными взглядами ученой на проблемы взаимоотношений стран, в том числе России, с соотечественниками, живущими за рубежом. Автор не скрывает нормативности своего видения сегодняшних проблем взаимодействия между государствами и их диаспорами. Так, говоря о методах работы с диаспорами в современной мировой практике, она выделяет три модели. Первая – репатриационная, в рамках которой страны просто практикуют возвращение на родину своих соотечественников (репатриацию). Вторая модель делает упор на защиту прав и свобод своих диаспор за рубежом. И, наконец, третья модель, которая, как считает Полоскова, сегодня выходит на передний план, ориентируется на использование потенциала диаспор для защиты национальных интересов и развития межгосударственных отношений.

В контексте отношений между Российской Федерацией и Балтийскими странами, по мнению Полосковой, для России политика репатриации была бы просто бедствием, поскольку русские, которые живут за границей, например в Эстонии, уже не совсем «русские», у них другие привычки и взгляды. Кроме того, эти люди с трудом адаптируются в России и их плохо в ней принимают. Полоскова полагает, что Российской Федерации также нужно отказываться от приоритета политики «защиты», ибо многие соотечественники вовсе не хотят, чтобы их защищали. Ученая подчеркивает, что России нужно развивать именно третью модель взаимоотношений со своими диаспорами. Другими словами, отношения с российскими диаспорами в Балтии должны осознаться на уровне руководства России как важное направление ее внешней политики, притом с упором на политическую и экономическую поддержку исторической родины со стороны соотечественников.

Необходимо отметить, что все эти идеи Полоскова выдвигала в 1999 г. За это время на официальном уровне и в науке произошел сдвиг к большей открытости к идеям «репатриации». Полоскова была не единственная, кто разрабатывал теорию диаспор в последние годы. Например, старший научный сотрудник отдела Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН Н. Космарская не так давно посвятила этой теме большую монографию²¹. Также в России уже много лет издается научный журнал «Диаспоры».

Проблематика участия в гражданском обществе современных стран Балтии имеет не только гражданско-правовую основу. Правовые дискурсы, как уже упоминалось в тезисе Джордано, имеют коллективную имагинарную подоплеку, которую, начиная с ренессанса М. Хальбвакса (Maurice Halbwachs), западноевропейская научная традиция анализирует в рамках «метапространства» (Беме²²) культурного исследования, связывающего культурологию, антропологию и литературоведение²³. Коллективная память и ее проявления в политических дискурсах анализируются с учетом опыта, накопленного в рамках перформативного (Баба) и постколониального (Саид) «поворотов». Главной связующей обоих аналитических парадигм в рамках исследования коллективной памяти национальных меньшинств, живущих в Балтийских государствах, может стать тезис о необходимости рассматривать процессы развития идентичностей нацменьшинств как интеракцию коллективных представлений большинства и меньшинств о прошлом государства и общества в странах Балтии. Категория прошлого становится пространством, где формулируются идеи и задачи, дефициты и риски современного общества, производятся образы «другого» и «мы» – группы, создаются и модифицируются представления о власти и иерархиях дискурсов и групп. Ретроспективное воссоздание прошлого, его интерпретация являются средством рефлексии о настоящем и проекцией в пространство «горизонта ожиданий» (Erwartungshorizont – термин Р. Козелека²⁴). Иными словами, прошлое воспроизводится в настоящем посредством ряда перформативных практик, которые могут отображать борьбу за придание значения, т.е. «правильного» значения, которое генерируется в официальном дискурсе, который, в свою очередь, может быть подвергнут сомнению или отвергнут альтернативными дискурсами, содержащими «еретические» интерпретации прошлого восстановленного национального государства.

Таким образом исследование представлений о прошлом стран Балтии – это еще и анализ мнемонического нарратива балтийских обществ, которые в течение последних 20 лет «пересматривают» свои истории, проводят «аудит» коллективной памяти и при этом генерируют новые дискурсы власти в коллективных процессах памяти – праздниках, днях поминовения, памятниках, биографиях. Именно этой теме посвящен фундаментальный труд сотрудника Института этнологии и антропологии РАН, доктора исторических наук С. Рыжаковой «Historica Lettica: национальная история и этническая идентичность. О конструировании и культурном ре-

ферировании прошлого латышей». Надо отметить, что исследование выделяется не только своей обширностью, включая историю латышей, национальных меньшинств и Латвии с «древнейшего периода» как элемента конструирования идентичности латышей до вступления Латвии в ЕС, но и тем, что автор, в совершенстве владея латышским языком, постоянно участвует в академической жизни Латвии. Ею привлечены качественные и многообразные источники. Глава «Третья атмосфера» охватывает период с середины 1980-х годов и до 2004 г., и среди основных тенденций, важных в восприятии национальных меньшинств представителями этнического большинства, автор отметила существование двух параллельных тенденций – усиление национального дискурса и либерализация экономики, которую в Латвии не удалось «национализировать», т.е. структурально превратить в элемент доминанты этнического большинства²⁵.

В рамках исследования этнополитика не начинается с юридических и правовых норм, а является результатом процесса строительства идентичности латышского населения, своего рода побочным продуктом. Так, мир коллективных представлений латышей о «другом», связанных с негативными коннотациями атрибутов «другого», многое объясняет в трансформации эмоций и памяти в нормативные акты. Представления о «чужой власти», созданные в фольклорном наследии и литературе XIX в., согласно автору, вновь находят свое место в материалах современных латышскоязычных СМИ²⁶. Заслуживает внимания тезис автора о причинах ассоциирования идей «левых» с русскоязычными политиками. Рыжакова, не артикулируя этого четко, подразумевает соединение меньшинственных политиков с левыми идеями в конце 1990-х годов по причинам резкого падения популярности идей социал-демократии в латышском электорате²⁷. Маргинализация политического течения увязывается с тем, что национальные меньшинства, как не принадлежащие политической элите (в том числе и в правительстве, и на уровне партий), «подобрали» левые идеи и сделали их элементами политического дискурса о правах человека. Рыжакова считает, что в современной Латвии именно в дискурсах СМИ и политическом дискурсе сохраняется разделение понятия «нации» на латышей и русскоязычных²⁸. Параллельно Рыжакова видит и ряд позитивных тенденций, выдвигая в качестве идеальной модели общества концепцию политической нации с сохранением пространства для развития собственно этнических идентичностей. Автор, следуя концепции коллективной памяти П. Нора²⁹, в качестве объяснения витальности этнического национализма и концепции «латышской Латвии» вы-

двигает стремительность общественно-политических событий и процессов трансформации латвийского общества. Исследование Рыжаковой, если следовать тезису «интерпретационного поворота» (прежде всего К. Гирца – С. Geertz), является опытом анализа политических трансформаций и ренессанса этнического национализма в Латвии через призму интерпретации смыслов и значений, которые культурная элита и массы этнического большинства страны придают истории «другого» в рамках истории этнической нации.

Элементы анализа культурных практик и интерпретации символических значений мест памяти в этнополитике Эстонии присутствуют в статье А. Макарычева «Communication and dislocations: Normative Disagreements between Russia and the EU», опубликованной в рамках проекта фонда им. Эберта «Constructing Identities in Europe. German and Russian Perspective» в 2011 г. Автор, следуя тезису А. Астрова об изменениях содержания публичного пространства в Эстонии, в традиции Хабермаса интерпретировал перенос памятника советскому солдату в рамках конкурирующих нарративов интерпретации истории XX в., которые, по мнению автора, являются основой сложных взаимоотношений России и стран Балтии³⁰. Тем самым автор статьи иллюстрирует общий для всех трех стран Балтии и России фактор присутствия истории в дебатах о политике безопасности в регионе. Доминанта истории как интерпретационной основы для создания дискурсов о будущем российско-балтийских отношений не только свидетельствует об особенностях регионального постсоветского характера (где история становится предметом возвращения, освоения и «открытия» ранее прерванных и запрещенных идентичностей и интерпретаций), но также иллюстрирует общий для постмодернистской Европы интерес к конструированию идентичностей, мнемоническим конструкциям и коллективному мифотворчеству, которое служит «воссозданию» старых и появлению новых групп как «общин памяти».

Сотрудник Института этнологии и антропологии РАН М. Устинова имеет уникальный опыт, будучи латышкой, давно занимающейся научной деятельностью в России. Она близка в методологическом плане С. Рыжаковой и в то же время отличается в том, что делает акцент на анализе политических документов в области интеграции. Ее исследования являются примером междисциплинарного эклектизма – этнограф становится политологом, исследуя влияние политики интеграции на процессы развития идентичностей национальных меньшинств. Результаты полевых работ М. Устиновой в Латвии с целью изучения политики интеграции

были обобщены в статье «Проблемы этнокультурной интеграции гражданского общества в Латвийской Республике»³¹.

В рамках исследования, проводившегося в различных городах Латвии в 2006 г., автор рассматривала фактор развития гражданского общества как элемент интеграционной политики Латвии, констатируя позитивную роль появления межэтнических тем в рамках гражданского общества, роль НПО «Гражданский Альянс» в поддержке политики интеграции. Автор концентрирует внимание на символических перформативных акциях латышского большинства как пространства для расширения рамок принадлежности к латышской культуре. Так, регулярно проводимый в Латвии Праздник песни и танца³² в 2008 г., по мнению Устиновой, стал примером содействия процессам интеграции, так как один из дней праздника был посвящен только выступлениям национальных меньшинств. Авторы данного обзора не склонны разделять оптимизм исследователя и считают праздник, скорее, примером символического отделения национальных меньшинств пусть и в пространстве общего праздника, несмотря на общее шествие во время открытия праздника. Тональность экзотического, «ориенталистского», ограждающего дискурса (в критическом понимании Саида в качестве «благодарности белому человеку» за присутствие в доминирующем культурном пространстве³³), по мнению авторов, присутствовала и в пространственных элементах праздника и в его репертуаре.

Празднику песни как элементу «массовой» перформативной этнополитики была посвящена и статья С. Рыжаковой «Латышский праздник песни и танца: о национальных особенностях одной культурной традиции»³⁴. На примере роли праздника песни и танца как элемента консолидации этнической идентичности латышей с середины XIX в. вплоть до 2008 г. автор прослеживает представления о этнически «другом» в рамках праздника. Трактую подготовку праздника и его проведение как символическую многослойную деятельность по актуализации основополагающих постулатов этнической нации, Рыжакова переключается с пониманием праздника 2008 г. Устиновой как примера расширения пространства принадлежности если не к латышской этнонации (включение элементов политической нации не констатируется), то по крайней мере к признанию культурного многообразия в публичном пространстве вокруг этнической нации³⁵. Автор критически оценивает праздник песни как коллективный ритуал, который и становится актом циклического воспроизведения представления о гомогенности латышской нации. Деконструкция ритуала нации в работе Рыжаковой становится ключом к пониманию про-

цесса создания и анатомии межэтнических стереотипов в СМИ страны – на примере реакций латышских СМИ на карикатуры на праздник в русской прессе автор иллюстрирует роль культурных артефактов в культурных противостояниях и конструкциях «другого»³⁶. Исследование носит характер сравнительного анализа национального коллективного праздника песни и танца – представлена детальная информация о развитии и эволюции праздника в Эстонии.

В своей статье «Латвийская Республика после восстановления государственной независимости: проблемы национальной интеграции» М. Устинова расширяет поле интерпретации процессов этнополитики, включая не только политические документы, что являлось традиционным источником эмпирического материала в других ее трудах, но и формы коллективной памяти и коллективных эмоций «неграждан Латвии», которые, согласно Устиновой, отчуждены от институтов власти. Автор оперирует понятиями «чувство обиды» и примеряет его как коллективную категорию к процессам создания мотивации для получения гражданства. Этой же категорией автор объясняет низкий престиж латвийского гражданства³⁷.

Надо отметить, что М. Устинова проводила исследования в период, предшествовавший резкому снижению интереса к процессам интеграции в рамках политического дискурса Латвии, что выразилось, в частности, в ликвидации³⁸ Секретариата министра по особым поручениям по делам общественной интеграции³⁹, сокращении дотаций НПО национальных меньшинств⁴⁰ и принятии в 2011 г. иерархичной программы интеграции Латвии, пришедшей на смену предыдущей программе, просуществовавшей в качестве государственного политического документа в области интеграции более десяти лет. Новая программа, по мнению авторов, утверждает иерархию участия в процессе интеграции и в развитии гражданского общества, вводя целый ряд проблематичных понятий, как то: «новые иммигранты», «государственная нация», подразумевая под этим этнических латышей, и целый ряд других концептуальных противоречий. Стоит отметить, что параллельно с этими понятиями текст программы содержит и ряд включающих понятий, например идею, что латышом можно стать, а не только быть. Скорее всего, программу можно охарактеризовать как противоречивую, пытающуюся объединить концепцию этнической нации с элементами нации как общности всех жителей страны⁴¹. В связи с этими изменениями работа М. Устиновой требует актуализации и привнесения нового эмпирического материала, включая опыт участия представителей НПО меньшинств в политике

интеграции в период сокращения государственной поддержки. При этом важным объектом изучения должны стать и перформативные массовые акции представителей нацменьшинств в 2011 и 2012 гг. в рамках социального активизма в интернет-пространстве (акции по сбору подписей за проведение референдума о госязыке в ноябре 2011 г., акция «Aliens are coming»⁴² весной 2012 г. за предоставление гражданства «негражданам Латвии»). По мнению авторов данного обзора, в рамках перформативной символической политики конструкции идентичностей и политического участия стремительно расширяется понятие «политической активности нацменьшинств», что должно стать объектом исследования российских коллег, подталкивая их на поиск новых адекватных методов и аналитических категорий.

ВЫВОДЫ – ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СТРАНАХ БАЛТИИ

В рамках данного обзора была предпринята попытка показать содержание современного российского академического дискурса о процессах этнических идентичностей в рамках обобщенного понятия этнополитики на примере избранного количества наиболее актуальных, на наш взгляд, работ, ставших основой для ряда нижеприведенных тезисов о состоянии исследовательского пространства, в центре которого находятся разнообразные аспекты развития этнополитики:

– В современной России ситуация в странах Балтии обычно рассматривается в рамках институционализированного академического дискурса различных институтов РАН, Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов, а также международных исследовательских проектов и академических изданий стран Балтии и Западной Европы;

– Междисциплинарный подход в основном присутствует в антропологических исследованиях, которые включают в себя опыт деконструкции символических значений феноменов, являющихся для отдельных групп населения стран Балтии (большинство и меньшинства) элементами построения собственных идентичностей или создания образов «другого», который предстает зачастую в этнической ипостаси. К этим категориям, согласно анализу имеющихся трудов, присоединяются ряд дополнительных идентичностей – конструкция политически «другого» (например, «левые» или «русские» партии в Латвии), социального «другого». Подобные атрибуты «другого», по мнению ряда российских

ученых, способствуют продолжительности разрозненного общества в странах Балтии и сохраняют этническую основу концепции нации;

– Коллективная память населения стран Балтии является объектом исследования российских ученых в упомянутых в обзоре работах через призму исследования конструкции исторического опыта «титულных наций» и меньшинств. Таким образом, методология и теоретические рамки «мнемонического поворота» применяются как интерпретационные инструменты для разъяснения роли символических структур и мест памяти в современных политических дискурсах и дискурсах СМИ стран Балтии;

– В российском научном анализе межэтнических процессов в странах Балтии можно выделить как фундаментальные труды, к которым в большой степени можно отнести посвященные политике памяти, так и прикладные, в том числе ищущие решения социально-практических проблем. В области прикладных исследований просматриваются как минимум два подхода. Первый концентрируется на взаимоотношениях между этническими или лингвистическими сообществами внутри стран Балтии, вне зависимости от влияния этих взаимоотношений на национальные интересы России. В случае второго подхода русские общины на постсоветском пространстве рассматриваются как российские диаспоры, и соответственно особое внимание обращается на факторы влияния этих диаспор на отношения между Балтийскими странами и Российской Федерацией;

– Российскую научную практику, направленную на изучение процессов в странах Балтии, возможно также классифицировать по принципу степени нейтральности позиций ученых по отношению к анализируемым процессам. С одной стороны, здесь существуют сугубо академические, по возможности беспристрастные подходы, в рамках которых избегают давать какие-либо прямые оценки межэтническим отношениям в Балтийских странах. С другой стороны, в дополнение, и отчасти в противовес к нейтральным, аполитичным и «объективным» видам исследований, в российской научной мысли встречаются и «соучаствующие» исследования, предлагающие нормативные видения решений этнических проблем в Балтии и не чуждающиеся давать конкретные политические рекомендации. Отдельные ученые и эксперты достаточно жестко критикуют политическое руководство Балтийских государств. Все это делает российский анализ этнополитики в странах Балтии более разнообразным и интересным.

¹ Критический анализ понятия Балтии в политических дискурсах Эстонии, Латвии и Литвы см.: *Jurkynas M.* How deep is your Love? The Baltic Brotherhood Re-examined. Vilnius, 2007.

² *Bourdieu P.* Social Space and Symbolic Power // *Sociological Theory*. Vol. 7. N 1. 1989. P. 21.

³ *Rozenvalds J.* The Soviet Heritage and Integration Policy Development Since the Restoration of Independence // How Integrated is Latvian Society? / Ed. N. Muižnieks. Riga. P. 33–59.

⁴ *Muižnieks N.* Latvian-Russian Relations: Dynamics Since Latvia's Accession to the EU and NATO. Riga, 2011. P. 30; *Stadnikov S.* Die Nationalitätenfrage in Estland // *Cultural Diversity in the Baltic Sea Region* / Eds. I. Sooman, E. Uhrmann. Universität Wien, 2001. S. 58; *Jurkynas M.* Op. cit. P. 75.

⁵ Анализ российского дискурса о правах национальных, который иллюстрирует влияние актуальных политических дискурсов на академический персонал экспертных центров, см.: *Russian Human Rights Practice, Comparison* // The «Humanitarian Dimension» of Russian Foreign Policy towards Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States / Ed. G. Pelnēns. Riga, 2009. P. 296–298.

⁶ Панорамная статья о Латвии и странах Балтии в российской историографии см.: *Zelče V.* Latvia and the Baltic in Russian Historiography // *The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations* / Ed. N. Muižnieks. Riga, 2011. P. 31–58. Ценным источником информации для исследователей стран Балтии может стать журнал «Ethnicity», который издается с 2009 г. Электронная версия журнала за 2009–2011 гг. доступна на странице университета Даугавпилса (www.du.lv).

⁷ Детальный анализ акции протеста против переноса памятника см.: *Brüggemann K.* Denkmäler des Grolls. Estland und die Kriege des 20 Jahrhunderts // *Osteuropa*. 58. Juni 2008. S. 129–146. В этом же томе статьи о политике исторической памяти в Латвии и Литве: *Nollendorfs V.* Achse der Erinnerung. Krieg und Okkupation in lettischen Denkmälern // *Ibid.* S. 267–284; *Nikžentaitis A.* Die Epoche der Diktaturen. Erinnerungskonkurrenz in Litauen // *Ibid.* S. 159–166. В российских научных журналах история конфликта отражена, например, в статье: *Полещук В.* Война памятников в Эстонии: этнический аспект // *Этнографическое обозрение*. М. 2008. № 3. С. 103–118.

⁸ Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной / Сост. Р. Крумм, Н. Ломагин, Д. Ханов. М., 2012.

⁹ Статус негражданина присуждается тем жителям Латвии, кто является потомком советских граждан, которые приехали в Латвию после 17 июня 1940 г. Этот статус не позволяет участвовать в выборах самоуправлений и в выборах парламента страны. Статус негражданина определен особым законом от 12 апреля 1995 г.

¹⁰ *Giordano Ch.* The Past in the Present: Actualized History in the Social Construction of Reality // *Critical Junctions. Anthropology and History beyond the Cultural Turn* / Eds. H. Tak, D. Kalb. Oxford, 2004. P. 66.

¹¹ *Рыжаскова С.* *Historica Lettica: национальная история и этническая идентичность: о конструировании и культурном реферировании прошлого латышей*. М., 2010. С. 444.

¹² *Simonian R.* The Russian Diaspora in the Baltic Countries // *Russian Politics and Law*. Vol. 42. N 4. July–August. 2004. P. 67–88.

¹³ *Ustinova M.* The Integration of Latvian Society: Common and Different Interests of Ethno-Linguistic Groups // *Ethnicity*. 2011. N 5. P. 4–23.

¹⁴ *Popova O.* Political Science in the Russian Federation: Scientific Researches On Russian-Speaking Minorities in the Baltic States // *Ethnicity*. 2010. N 3. P. 111–127.

- ¹⁵ Фурман Д. Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 461.
- ¹⁶ Habermas J. Zur Verfassung Europas: Ein Essay. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch. 2011. S. 70, 75–80.
- ¹⁷ Medick Bachmann D. Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Hamburg, 2007. S. 381–384.
- ¹⁸ Simonian R. The Russian Diaspora in the Baltic Countries... P. 67–88.
- ¹⁹ Ватолин И. Кагарлицкий: проект «Латвия» не состоялся (<http://rus.delfi.lv>)
- ²⁰ Полоскова Т. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М., 1999.
- ²¹ Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии. М., 2006.
- ²² Scherpe K.R., Böhme H. Zur Einführung // Literatur und Kulturwissenschaften. Positionen, Theorien, Modelle. Rowohlt / Hrsg. K.R. Scherpe, H. Böhme. Hamburg, 1996. S. 12.
- ²³ О антропологическом повороте см.: Медик-Бахман Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы. От «антропологического поворота к «cultural turns». Электронная версия журнала «Новое литературное обозрение». 14.05.2012 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/do5-pr.html>).
- ²⁴ Термин разъяснен Козелеком как конструирование представлений о будущем на основе коллективного опыта в его работе: Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1988.
- ²⁵ Рыжакова С. Указ. соч. С. 442.
- ²⁶ Там же. С. 445.
- ²⁷ Там же. С. 445.
- ²⁸ Там же. С. 447.
- ²⁹ Нора объяснял феномен популярности этнического прошлого, фольклора и его хранилища – музеев стремительной индустриализацией и исчезновением традиционного аграрного быта: Nora P. Zwischen Geschichte und Gedächtnis. Frankfurt am Main, 1998. S. 13.
- ³⁰ Makarychev A. Communication and Dislocation: Normative Disagreements between Russia and the EU // Constructing Identities in Europe. German and Russian Perspectives / Eds. R. Krumm, S. Medvedev, H.-H. Schröder. Baden-Baden, 2012. P. 57.
- ³¹ Устинова М. Проблемы этнокультурной интеграции гражданского общества в Латвийской Республике // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2009. № 4 (57). С. 202–208.
- ³² Праздник песни и танца является крупномасштабным регулярно проводимым фольклорным мероприятием, во время которого проводятся смотры региональных хоров и танцевальных групп, проводятся состязания или так называемые битвы хоров и танцевальных коллективов. Этот праздник зародился в Остзейских губерниях Российской империи во второй половине XIX в., вобрав в себя и местную немецкую традицию Sängereisen, которая, в свою очередь, уходит корнями в 1830-е годы в Германии. Этот праздник стал выражением культурной политики национальных элит в странах Балтии в период до и после восстановления независимости в конце XX в.
- ³³ Varela M., Dhawan N. Postkoloniale Theorie. Eine kritische Einführung. Bielefeld, 2005. P. 50. О эксклюзивном характере процесса создания идентичностей см.: Hall S. Ideologie, Identität, Repräsentation. Ausgewählte Schriften. 4. Argument Verlag, Hamburg, 2004. S. 171–172.

- ³⁴ Рыжакова С. Латышский праздник песни и танца: о национальных особенностях одной культурной традиции // Европейская интеграция и культурное многообразие. Ч. 3. Традиционные ценности и новые ориентиры / Ред. М.Ю. Мартынова. М., 2009. С. 55–105.
- ³⁵ Там же. С. 69–71.
- ³⁶ Там же. С. 71.
- ³⁷ Устинова М. Латвийская Республика после восстановления государственной независимости: проблемы национальной интеграции // Европейская интеграция и культурное многообразие. Ч. 2. Европейский образ жизни / Ред. М.Ю. Мартынова. М., 2009. С. 162.
- ³⁸ См. 2008.gada 29.oktobra Ministru kabineta rīkojums Nr.650 «Par Īpašu uzdevumu ministra sabiedrības integrācijas lietas sekretariāta reorganizāciju» (LV, 169(3953), 30.10.2008).
- ³⁹ Оригинальное название на латышском: Īpašu uzdevumu ministra sabiedrības integrācijas lietas sekretariāts (приемником Секретариата стало в 2009 г. Министерство по делам семьи и детей, после его закрытия в 2010 г. – Министерство юстиции ЛР, а в 2011 г. – Министерство культуры ЛР переняло тему интеграции, создав отдел общественной интеграции (www.km.gov.lv).
- ⁴⁰ Интервью с руководителем фонда интеграции Латвии Айяй Бауэре (Aija Bauere) см: <http://www.lvportals.lv/print.php?id=225750>.
- ⁴¹ Анализ новой программы интеграции см.: Hanov D. What should be done with the Other? Ethnic Diversity of Integration in Latvia // Ethnicity, 2011. № 4. P. 33–54. Анализ предыдущей программы был блестяще проведен в статье: Agarin T. Cooptation as Integration? National Programme «Integration of Society in Latvia» on Minority Participation // Minority Integration in Central Eastern Europe: Between Diversity and Equality / Ed. T. Agarin, M. Brosig. Amsterdam, 2009. P. 199–223.
- ⁴² Детали информационной кампании см. на странице акции «За равные права» (<http://zaravnieprava.lv>).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России проблемы русского и русскоязычного населения стран Балтии и проводимая этими странами этническая политика довольно часто поднимаются официальными лицами, особенно руководителями внешнеполитического ведомства, политиками и журналистами. Однако в научных кругах они занимают пока маргинальное место, статей и монографий на эти темы выходит совсем немного. Авторы данной книги предприняли попытку заполнить имеющиеся в российской науке лакуны, предложив описание, анализ и оценки этнополитической ситуации в странах Балтии в самых разных областях и в различных аспектах.

В.В. Полещук представил общую картину для восприятия русских меньшинств в общественно-политическом дискурсе стран Балтии. Для всех трех стран характерно проведение четких этнических и языковых демаркационных линий между «титულным» и «нетитулным» населением. Повсеместно это ранее также сопровождалось нежеланием признавать наличие языковых меньшинств, что было обусловлено стремлением к расщеплению «нетитулных» общин в рамках проектов по реэтнификации. В Латвии и Эстонии, где доля меньшинств особенно велика, наблюдается проблема разделенного общества, разные сегменты которого не могут претендовать на равное и одинаково уважительное отношение к себе со стороны государства.

Национальное/этническое в политике стран Балтии играет чрезвычайно важную роль. При этом вопрос о природе «национального» здесь не отрефлексирован. Нет сомнений, что в экспертной и научной среде господствует примордиализм; он же лежит в основе популярных этнонационалистических концепций. Ссылки на гражданскую нацию в официальных документах редки и на практике какого-либо значения не имеют. Нации определяются прежде всего в этнических терминах, либо используется концепция, получившая на Западе название «культурный национализм».

Во многом трепетное отношение к «национальному» связано с последствиями советской национальной политики, как показы-

вает в своей статье **П. Ярве**. Советская политика была причудливой смесью продвижения идей гражданской нации (советского народа), связанной с языковой унификацией на основе русского языка, и позитивной дискриминации «титулного» населения на их традиционной территории. Возвращенные в рамках послевоенной коренизации «национальные кадры» советской и партийной номенклатуры стали могильщиками советского строя и влились в ряды «новой элиты», которая вела борьбу уже за выход из состава СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов. При этом надо учитывать, что эти элиты также поддерживались населением, которое в условиях значительной миграции из других союзных республик испытывало опасения по поводу будущего родного языка и культуры.

Крайне жесткая политика, особенно в отношении языка (а в Латвии и Эстонии также и гражданства), принесла свои плоды: демографические показатели изменились в пользу коренных наций, государственные языки и их носители заняли главенствующие позиции в публичной сфере, а школы для меньшинств подверглись реформе, и теперь основное преподавание в выпускных классах ведется на государственном языке.

Очевидно, что этническая политика стран Балтии, особенно в Латвии и Эстонии, не вполне соответствовала международно-признанным стандартам. Балтийские политики активно использовали тему оккупации, гонений и уникальной истории, дабы оправдать политику своих стран в глазах Запада. И во многом им это удалось, хотя ситуация массового безгражданства вызывала «смущение» и привела к появлению многочисленных рекомендаций по «ускорению» решения проблемы. Тем не менее Запад и контролируемые им международные институты не были склонны поддерживать российскую критику местной этнополитики. На этом фоне весьма примечательны острые противоречия, обозначившиеся ныне между Польшей и Литвой по поводу польского меньшинства в Литве. Обе страны являются членами ЕС и НАТО, и их конфликт по сути стал внутриевропейским делом, который привлекает внимание западных партнеров Балтийских стран к «непростой» ситуации местных меньшинств.

Исследования последних лет также показывают, что правовая и языковая ситуация, в которой оказались русскоязычные жители в Латвии и Эстонии, способствует появлению у них проблем в социальной и политической жизни, ограничивая их доступ к верхним ступеням социальной лестницы. Балтийские правительства также убедились, что затягивание решения проблем национальных меньшинств имеет свою цену, которая находит свое отраже-

ние как внутри страны, так и вне ее. И если «внутренняя» цена — это сокращающаяся целостность общества из-за уменьшения этнического доверия и «бегства» представителей меньшинств в другое гражданство, то «внешняя» цена заключается в испорченных отношениях с историческими роинами меньшинств, которые часто выражаются в оценках упущенных экономических возможностей.

При этом надо понимать, как показывают **В.В. Полещук** и **А.С. Димитров**, что в странах Балтии в основе этнополитики лежит политика реституции, опирающаяся на вполне определенные исторические и правовые интерпретации. Советские действия в 1940 г. оцениваются как противоправные, весь советский период как нелегитимный, а довоенные балтийские республики провозглашаются существовавшими весь советский период де-юре, но не де-факто. Эти представления, закрепленные в важных для местной государственности документах, лежат в основе доктрины реституции, т.е. доктрины о восстановлении довоенных Балтийских государств (а не о провозглашении новых независимых государств в начале 1990-х годов). В Латвии и Эстонии, где большинство «нетитульного» населения не было признано гражданами «восстановленных» республик, идеи реституции стали источником легитимности правового оформления местной этнополитики. Использование критерия гражданства помогло ограничить доступ русского населения к правам национальных меньшинств.

Под влиянием легалистской доктрины реституции правовой дискурс играет в латвийской и эстонской этнополитике исключительно важную роль. Политика в отношении меньшинств здесь оформляется и дискутируется на языке права, четко закрепляется в правовых актах, проводится с использованием правовых механизмов. Латвия и Эстония склонны объяснять те или иные свои решения реституцией, которая могла служить оправданием для политики «добровольной репатриации» меньшинств или политики их «политического сдерживания». Однако недавняя либерализация законодательства о гражданстве также вполне вписывается в реституционный дискурс.

С темой реституции непосредственно связана и политика исторической памяти в странах Балтии, направленная прежде всего на легитимацию власти посредством «исторического оправдания», «исторического обоснования», «исторической преемственности». **И.В. Никифоров** показывает, что для стран Балтии характерна традиция системной и целенаправленной политики исторической памяти, когда бы эта политика ни осуществлялась и какие бы формы ни принимала. Особенностью новейшего периода истории

является высокий уровень институционализации политики исторической памяти, создание специальных институтов, комиссий, музеев, негосударственных организаций, не только занимающихся сбором, хранением и исследованием исторической памяти, но и отвечающих на формулируемые политиками и политическими институциями запросы. Образы национальной истории кладутся в основу политики реституции, политики гражданства, языковой политики и политики в сфере образования, опираясь на представление о существующем государстве как национальном выстраданном веками достоянии. Относится это и к древней истории, и к истории новейшей. В рамках этнополитики хорошо организованная и целенаправленная политика исторической памяти позволяет избегать конфликта смыслов между профессиональной историографией и стихийно возникающими фрагментированными историческими мифами.

Для политики исторической памяти Латвии, Литвы и Эстонии характерно, что балтийская историография советского периода и СМИ ассимилировали многие образы национальной истории первой половины XX в. Возникший в конце 1980-х годов «рынок исторических идей» выталкивал на поверхность самые популярные. Включенный в «медийную реальность» исторический образ становился основой исторической политики. Последняя в странах Балтии подчинена прежде всего текущим задачам этнополитики. Повестка дня была сформулирована в период 1988–1991 гг. и с тех пор не претерпела радикальных изменений.

Данные переписей и официальная статистика дают представление о самом объекте сначала советской, а потом независимой балтийской этнополитики, основывающейся на принципах реституции и формирующейся в специфических условиях местной политики исторической памяти. В статье **И.В. Никифорова** и **В.В. Полещука** показано, как изменялись с ходом времени численность и состав русского населения Эстонии. Если на закате Российской империи русское население не превышало 5% и было чрезмерно представлено среди тех, кто занимался интеллектуальным трудом, то в межвоенной Эстонии это было уже преимущественно сельское население, в то время как русскую культурную жизнь в городах во многом определяли беженцы из Советской России — бывшая столичная интеллигенция. Самобытная культурная жизнь русских Эстонии не пережила противоречивых событий 1940-х годов.

Новый этап общинной истории начинается после окончания войны, когда численность русского населения и других неэстонцев начинает быстро увеличиваться, едва не достигнув 40% на

излете советского времени. Русское меньшинство было хорошо образовано, занято преимущественно в промышленности, ориентировано экономически и культурно на общесоюзный уровень и при этом отстранено от принятия решений на республиканском уровне. Сложившаяся в советский период национально-демографическая структура населения ЭССР была сформулирована в перестроечный период политической элитой как проблема. Проблема, в свою очередь, была инструментализирована для достижения политической мобилизации с целью обретения независимости. В независимой Эстонии русское население быстро уменьшается и опережающими темпами стареет. Его считают «политически неблагонадежным», а за его спиной видят тень «недружественной соседней державы». Все это накладывает своеобразный отпечаток на участие русских в местной политической и общественной жизни.

В обзоре по Латвии **В.В. Волков** уделил особое внимание демографическим процессам, которые проходили в стране после распада СССР. В 1990-е годы и в первой половине 2000-х годов для русского населения были характерны более высокие, чем среди латышей, темпы эмиграции. Это было во многом обусловлено особенностями их социальной структуры: русские были хорошо представлены среди работников тех отраслей экономики, которые в наибольшей степени пострадали в результате экономических реформ, а также вследствие официальной языковой политики и политики в сфере гражданства. К середине 2000-х годов удельный вес русских существенно уменьшился во всех административно-территориальных районах Латвии. При этом сейчас наблюдается высокая актуализация символической идентичности русских, что было зафиксировано во время предпоследней переписи населения. Важнейшим институтом поддержания и воспроизводства русской культурной идентичности выступают учебные заведения, предлагающие образование на русском языке или билингвальное образование. Несмотря на миграцию и отрицательный естественный прирост, русские, видимо, сохраняют свой статус второй крупнейшей этнической группы Латвии, в том числе благодаря действующим механизмам воспроизводства особой этнической и лингвистической идентичности.

История русской Литвы на общем балтийском фоне обладает рядом важных особенностей, прежде всего столь массовой, как в Латвии и Эстонии, миграции русского населения из других союзных республик там в советское время не наблюдалось. Как показал **А. Марцинкявичюс**, различные аспекты демографии, социального положения, идентичности русских в советской Литве

изучены пока недостаточно. Хотя основным источником данных о демографических изменениях являются переписи, нужно учитывать, что конструирование этнического состава населения в ходе каждой из них в значительной степени зависело от политики и идеологии государства. В довоенной Литве ни «старожильчское», ни «белоэмигрантское» русское население многочисленным не было. Значительные демографические изменения были связаны с трагическими событиями 1940-х годов. Послевоенная советская национальная политика ставила задачу создать социалистические нации, а в более далеком будущем – внеэтническую идентичность. При этом последствия такой политики отражались на положении и идентичности всего населения страны, включая изменения в содержании «русскости».

В целом в советской Литве русские заняли свою нишу, которая их в значительной степени устраивала. Их социальный статус был сравнительно высоким по сравнению как с «титовым» населением, так и с русскими в РСФСР. Они были заняты в приоритетных отраслях советской экономики. В ходе распада СССР и радикальной трансформации общества прежние социальные ниши оказались разрушены. Впоследствии это стало сказываться на особенностях адаптации русских к новым социальным условиям. Среди прочих факторов, повлиявших и до сих пор влияющих на численность русских, стало вступление Литвы в Евросоюз в 2004 г., а также миграционные процессы, происходящие уже на территории ЕС.

Демографические перемены часто ставят вопрос о подвижности этнической идентичности и о факторах, способствующих ее изменениям. Массовые протесты в Латвии в 2003–2004 гг. против латишизации русского гимназического образования зачастую воспринимаются не только как свидетельство о способности балтийского меньшинственного населения к мобилизации для защиты своих прав, но и о его озабоченности сохранением собственной идентичности. Материал, подготовленный **Т.Б. Богусевич**, предостерегает от каких-либо поспешных выводов. Как показало специальное исследование, политики, СМИ и родители по-разному объясняют причины мобилизации против реформы образования. Родители реагировали не на пламенные призывы, а на практические проблемы, с которыми сталкивались их дети на уроках и при подготовке домашнего задания. Примечательно, что другие политические решения (связанные с языком, гражданством и т.п.), видимо, создали меньше проблем, или эти проблемы были преодолимы. Примечательно, что часть русскоязычного меньшинства была убеждена, что с помощью протестов можно

добиться отмены оспариваемого решения. В демократическом обществе это ценный ресурс. Противники реформы не радикализировались и не перешли к насильственным методам даже когда поняли, что их протест не привел к желаемым результатам. Однако это не означает, что в будущем в схожей ситуации они будут действовать так же.

Проходящие во всех трех Балтийских странах реформы русского образования обычно обосновывают тем, что они помогут уравнивать возможности меньшинств на рынке труда, заметно ограниченные из-за языковых требований. Анализ **Е.К. Хелемяэ** показывает, что в Эстонии у меньшинств по сравнению с эстонцами более скромные перспективы попасть на вершину карьерной лестницы и использовать должным образом полученное образование, даже при наличии знания эстонского языка и эстонского гражданства. По мнению автора, социально-экономическое неравенство, помноженное на ощущение безысходности из-за невозможности влиять на политические решения, чревато в будущем конфликтами.

Проблемы русского и русскоязычного населения не могли не привлекать внимания западной науки, особенно в условиях, когда страны Балтии вскоре после обретения независимости объявили о своем намерении стать членами ЕС и НАТО. **Т.В. Агарин** уделил особое внимание тому, как в западной науке рассматривается роль Европы в интеграционных процессах и какое место она занимает в национальных нарративах в Латвии, Литве и Эстонии. Автор анализирует популярный тезис о том, что ЕС способствовал развитию демократии в регионе, а также рассматривает критику, которой западная наука подвергла этнополитику Балтийских стран. Изучение научной литературы показало, что правительства Балтийских государств систематически критиковались за изолирование этнических меньшинств от процесса принятия политических решений для достижения полного контроля и ограничения влияния меньшинств в политической сфере.

Западные политологи, обычно уклоняясь от прямой критики основ балтийской этнополитики, тем не менее, указывали на потенциальную угрозу политической стабильности, которая может быть связана с недовольством меньшинств. В специфических балтийских условиях институты воспринимаются не как представляющие интересы общества в целом, а как функционирующие прежде всего в интересах «титового» населения. Социологи же утверждали, что культурное и языковое доминирование большинства в странах Балтии, ограничения на использование языков национальных меньшинств и недостаток социальной интеграции

национальных меньшинств подразумевают ограниченное взаимодействие большинства и меньшинств при создании политических институтов, что может стать почвой для социальных конфликтов. В любом случае массовые публичные протесты в Эстонии (2007), Латвии (2004) и продолжающиеся протесты на преимущественно польскоязычном востоке Литвы свидетельствуют, что проблема политического участия меньшинств останется в странах Балтии на повестке дня в ближайшие десятилетия.

Евросоюз уже оказал глубокое воздействие на страны Балтии. Сначала влияние осуществлялось в рамках политики присоединения, когда от стран-кандидатов требовалось продемонстрировать соответствие определенным политическим и экономическим критериям. В настоящее время самое непосредственное влияние на правовые системы стран Балтии оказывает право ЕС. Как показал **Д.В. Коченов**, воздействие Евросоюза имело глубокий системный характер, хотя поспешность принятия решения о соответствии критериям не может не удивлять, особенно с учетом нерешенной до сих пор проблемы массового безгражданства в Латвии и Эстонии. В Евросоюзе национальные идеалы создания эстонского либо латышского большинства на определенной территории будут напрямую противоречить основополагающим постулатам права ЕС. Более того, они противоречат идее уважения Евросоюза по отношению к культуре государств-членов. В целом Европейский союз не поддерживает проведение дискриминационной политики государствами-членами.

Еще до вступления в Евросоюз страны Балтии стремились к членству в Совете Европы, что также оказало заметное влияние на их политику и законодательство. **Б.Л. Цилевич** пришел к выводу, что в целом оценки и рекомендации Совета Европы в меньшей степени связаны с политической конъюнктурой и соображениями безопасности и в значительно большей мере основаны на объективных правовых оценках реальной ситуации, чем оценки других международных организаций. Особенно это справедливо для экспертных органов, заключения которых не должны проходить согласование и утверждение на политическом или дипломатическом уровне (в частности, Европейская комиссия против расизма и нетерпимости). Однако вступление в Совет Европы ряда балканских и кавказских государств было связано с фактическим снижением стандартов. На фоне ситуации в ряде этих государств балтийские проблемы выглядят как заслуживающие меньшего внимания.

Институции Совета Европы, как правило, стремятся формулировать свои оценки и рекомендации в сбалансированной и сдержанной форме, отмечая наряду с недостатками также достижения

и прогресс. Такой формат отражает стремление Совета Европы не «заклеймить», а поддерживать конструктивный диалог для решения проблем. Это может вызвать определенное разочарование, а также создает условия для пропагандистских манипуляций на «внутреннем политическом рынке». Также невозможно точно сказать, насколько позиция Совета Европы практически повлияла на формирование этнополитики в государствах Балтии. Несомненно, что его оценки и рекомендации имели ключевое значение на стадии вступления стран Балтии в Совет Европы, но в дальнейшем эти страны внимательнее относились к позициям Евросоюза и НАТО (до вступления в эти организации в 2004 г.). Однако позиции последних в определенной степени были сформированы под влиянием Совета Европы и ОБСЕ. Роль Совета Европы в международной оценке этнополитики государств Балтии не стоит недооценивать.

Имея нерешенные проблемы, касающиеся положения и интеграции русского населения, страны Балтии сталкиваются с необходимостью проводить какую-то политику и в отношении новых иммигрантских групп. **Б. Зепа** представила данные своего исследования, касающегося основных подходов заинтересованных сторон к вопросам интеграции иммигрантов в Латвии. В полученных интервью с «создателями политики» ясно обрисовывается дискурс желаний: это версия «создателей политики» о том, как должна происходить интеграция иммигрантов в обществе в целом и каков желаемый результат политики интеграции иммигрантов. Рассуждая о политике интеграции мигрантов, должностные лица государства и самоуправлений выражают убеждение, что в государстве, на уровне национальной политики, должна быть ясная позиция относительно вопросов иммиграции. Ее задача в том, чтобы, с одной стороны, контролировать процессы иммиграции, а с другой, следить за тем, чтобы этнические латыши оставались бы в большинстве и формировали бы основу нации.

Исследование показывает, что формированию иммиграционной политики государства препятствует широко распространенный в обществе (в том числе среди должностных лиц) политический дискурс, который раскрывает отрицательное отношение к иностранцам. Это коренится в исторической памяти, в страхе утратить латышскую идентичность. В то же время должностные лица в своих действиях обязаны опираться на данные экспертиз, считаться с демографическим, экономическим и социальным развитием государства, а также с директивами ЕС. Более прагматично настроены были работники самоуправлений. Чиновники были способны определить возможные выгоды от иммиграции, назвать имеющиеся препятствия и предложить свои решения.

И, наконец, **А.П. Бердников** и **Д.А. Ханов** предприняли попытку проанализировать содержание современного российского академического дискурса о процессах этнических идентичностей в рамках обобщенного понятия этнополитики на примере избранного количества наиболее актуальных исследований. В современной России ситуация в странах Балтии обычно рассматривается в рамках институционализированного академического дискурса различных институтов РАН, МГУ и СПбГУ, а также международных исследовательских проектов и академических изданий стран Балтии и Западной Европы. Междисциплинарный подход в основном присутствует в антропологических исследованиях, которые включают в себя опыт деконструкции символических значений феноменов, являющихся для отдельных групп населения стран Балтии (большинства и меньшинства) элементами построения собственных идентичностей или создания образов «другого», который предстает зачастую в этнической ипостаси.

В российском научном анализе межэтнических процессов в странах Балтии можно выделить как фундаментальные исследования, посвященные в большей степени политике памяти, так и прикладные, ищущие, в том числе, решения социально-практических проблем. Российскую научную практику, направленную на изучение процессов в странах Балтии, можно также классифицировать по принципу степени нейтральности позиций ученых по отношению к анализируемым процессам. С одной стороны, здесь существуют сугубо академические, по возможности беспристрастные подходы, избегающие каких-либо прямых оценок этнических отношений в регионе. С другой стороны, в дополнение, и отчасти в противовес, к нейтральным, аполитичным и «объективным» работам в российской научной мысли встречаются и «соучаствующие» исследования, предлагающие нормативные видения решений этнических проблем в Балтии и не чуждающиеся дать конкретные политические рекомендации.

В любом случае российские научные исследования пока немногочисленны. Коллектив авторов данной книги обрисовал возможные проблемные области для исследований российскими коллегами разных аспектов этнической политики стран Балтии. С учетом географического положения этих стран, многочисленности русского населения и актуальности проблем этого населения в российском политическом и общественном дискурсе изучение этнической политики стран Балтии будет в ближайшие годы оставаться на неизменно высоком уровне.

В.В. Полещук

SUMMARY

Ethnic Policies in the Baltic States / Eds. V.V. Poleshchuk and V.V. Stepanov. Moscow, Nauka, 2013. 407 P.

This book provides a systemic overview of ethnic policies in the Baltic States with the emphasis on the challenge posed by the ethnic Russian population. For this purpose, the book highlights the influence of Soviet nationalities policy, impact of state restitution and concepts of historical memory. Demographic trends of the Russian population in the region are assessed on the basis of statistical data. Special attention is granted to the analysis of Baltic ethnic policies by Russian and Western academics, the European Union and the Council of Europe experts. The book also highlights trends in minority labour market participation, policies of immigration and analyses the impact of Baltic language policies on protest mobilisation of minority communities in the region.

The book is first-of-its-kind in the Russian language and brings a set of distinguished experts on Baltic ethnic policies from Estonia, Latvia and Lithuania and the Western European countries. It targets a wide readership: ethnologists, historians, and political scientists in academia, as well as university researchers and students.

Opening Remarks: European Minorities and Politicised Myths in the Baltic context

Valery A. Tishkov, Valery V. Stepanov

Western European political elites have kept the principles of «minority policies» close to their hearts, even as considerable progress was made in many countries to draw upon the rhetoric of multiculturalism and draw up a doctrine of the new minorities, without however recognising them as such. Additionally, the changes and challenges of the geopolitical order at the end of the 20th century have further impact on the European perception of domestic minorities: the collapse of the Soviet Union and the demise of the entire socialist states' system exposed the European community of states to a new set of minorities, new nation states and multicultural societies. New states emerged on political scene where Russians and Russian-speakers alike

found themselves in a position of stateless community, only later recognised in minority status and with no significant support despite longstanding connections through residence and birth to their newly independent states. Until relatively recent time, significant segments of the expert community and much of the domestic political elites in the Baltic States attempted to ensure ethnopolitical development of the three Baltic nations as if they were and will remain monoethnic, in spite of the stark evidence of multicultural diversity to the opposite. However, though ethnic nationalism is a factor endangering the effectiveness of the Baltic governance of ethnically diverse populations, it is a factor difficult to reckon with as rejecting ethnic nationalism would undermine the very concept of Estonia's and Latvia's, and in part Lithuania's statehood. However, should Baltic States opt for the civic – rather than exclusive, ethnic nation-building, potential conflict between the Russian diasporic and Baltic identities would be considerably smaller, developing gradually new community forms, such as a Baltic-Slavic one.

Russians in the Baltic Political Discourse

Vadim Poleshchuk

This introductory chapter describes the general perceptive framework about nationhood that determines the place of Russian minorities in Baltic states and societies. Societies in Estonia, Latvia and Lithuania are often described making extensive use of ethnicity, characterised by clear linguistic identities and easily defined in terms of *titular* and *non-titular* populations. Throughout the region, the reluctance of political and social elites to admit the existence of national and linguistic minorities in the earlier days of political independence has resulted in wedging distinctions between different ethnic groups within *non-titular* and the sustained «ethnic labelling» (re-ethnicisation) of minority groups. Countries with the relatively large numbers of minorities, Estonia and Latvia, have seen the emergence of discourse on divided societies. The perception of differential access to rights and instruments of minority protection is particularly important in the context of ongoing definition of ethno-national identities in Baltic states. With primordialist understandings of ethnicity dominating academic expert and political discourses throughout the region, ethno-national concept of nationhood have said to crowd out civic forms of intergroup interaction and cooperation. Unsurprisingly therefore, links to civil nationhood are sparse in official documents and receive little practical attention while terms of reference to ethnic, linguistic and primordial ties are widespread. All of the above indicate that nation and nationhood are conceived of across the Baltic States in terms of «cultural nationalism».

Priit Järve

This chapter analyses the impact of the Soviet nationalities policy on Baltic States' implementation of European standards in minority protection after the independence. Estonia, Latvia and Lithuania were exposed to around 50 years of Soviet nationalities policy (with the brief exception of Nazi Germany's occupation, 1941–1944), a controversial mix of an American-style «melting pot» based on the Russian language (*aka* Russification), positive discrimination and promotion of the so-called «titular nations», majorities of «their» republican territories. In the Baltic States the Soviet nationalities policy left behind three main legacies – demographic as in increased numbers of minorities in republican population; cultural as in wide-spread use of Russian with Russia-centred interpretation of the recent history of the region; and institutional as in similarity of cultural, educational, media institutions in Russian and titular languages.

All of the above lead titular nationals, Estonians, Latvians and Lithuanians to perceive the increasing visibility of Russian-speaking minorities and Soviet nationalities policy as an encroachment on and the danger for local identities. This is particularly surprising given that the Soviet Union emphasised the primacy of titular nations in access to institutions of culture and education from kindergartens to universities in their mother tongue and thus worked against Russification following the official doctrine of culture as «socialist in content, national in form».

The legacies of the Soviet nationalities policy prevented post-Soviet Baltic elites from the full-scale reinstatement of the pre-war nation-states in their ideal form, where the core ethnic nations would be the ones playing crucial role. When firmly in power in the 1990s, the titular elites sought to counteract these legacies by installing a myriad of laws that shaped public space and discourses sustainably in areas of citizenship, language and public schooling. Hundreds of thousands of Soviet era settlers, particularly Russian-speakers in Estonia and Latvia, were linguistically contained, politically and economically marginalised. The Baltic elites' counteracting the legacies of the Soviet nationalities policy has brought concrete results however. Firstly, the majority/minority ratios have changed in the favour of the majorities; the state languages and their native speakers have obtained dominant positions in the public sphere; market liberalisation have curbed the parallel system of Russian language institutions, reduced the spread of printed media and TV; minority schools have undergone reform and more teaching in state languages has been mandated in all three states allowing tens of thousands of minority individuals to become citizens of Estonia and Latvia through naturalisation. It was a sophisticated state level reaction to the legacies of the Soviet nationalities policy which shaped the implementation of the European standards of minority protection domestically. However, secondly, tens of thousands of Russian-speakers in Estonia and Latvia still remain stateless persons; public school reform is widely perceived as an attempt to assimilate

minority into the majority, challenge the validity of minority cultural identity. These and other issues discussed, have led to public protests and political debates in all three Baltic States.

Political elites aimed not so much at implementing the European standards of minority protection in order to guarantee respect and protection of the resident minority communities, but rather sought to neutralise Soviet legacies by containment of ethnic identities and transforming them into socio-economic differences. As a result, international actors' possibilities to streamline and fine-tune the minority policies in the Baltic States have been duly limited: While some *pro forma* changes were introduced into policies, they have been utterly unsuccessful in shifting the underlying social inequalities between ethnic communities. The failure to resolve issues underlying minority status have imposed considerable costs on all three Baltic States. Internally, feeble societal cohesion has been attested, with the resulting lack of interethnic trust and often resulting in minority members' opting for citizenship of another country. Externally, spoiled political relations with kin-states and lost economic opportunities have also imposed a price tag on countries' development.

Continuity as a Basis for Statehood and Ethnic Policies in Estonia and Latvia

Vadim Poleshchuk and Aleksejs Dimitrovs

The official interpretation of the Soviet period of history is a key to understanding of contemporary Estonian and Latvian statehood. In early 1990s the leadership of pro-independence movements agreed to view Baltic States' incorporation into the USSR in 1940 as illegal; this approach did not change after 1991. The Republic of Estonia and the Republic of Latvia are believed to exist in 1940–1991 *de jure* even if not *de facto*.

The presumed illegality of the Soviet inclusion and cognisant doctrine of state continuity provide the framework for and legitimatisation of national ethnic policies and is reflected throughout the legal acts framing the post-Soviet statehood. The logic of restored statehood is evident in minority policies and is reflected in both «restored» and new state laws, however the «progressive» pre-WWII minority legislation has not been reinstated.

In the eyes of Estonian and Latvian majority as well as the view of Western states and some international organisations restitution ideology compounded the harshness of post-independence ethnic policies. The restitution of Estonian and Latvian citizens' corpus resulted in the ethnic minority individuals' experiencing circumscribed political rights, relegating many of the group to the status of foreigners/stateless people in their country of life-long residence. Given that the access to minority protection mechanisms is limited to individuals with domestic citizenship, post-independence legislation was also crucial for containment of minority political influence throughout the 1990s.

Thus, the ethnic policies are framed and debated in legal terms reflecting restitution principle and all decisions relevant to minority status are made with regard to the logic of state continuity. However, there are considerable differences in approach to similar issues pertaining to domestic minorities across the region. For example, Lithuania's inclusive citizenship does not conflict with the state continuity principle resulting in lack of mass statelessness, attested in cases of Estonia and Latvia. By tracing the processes of liberalisation in Estonia's and Latvia's citizenship policies in the late 1990s we claim that the ethnic policies of early 1990s were not based on restitution *per se*. Rather, the ideology of state continuity was instrumentalised to pursue tangent outcomes, such as «voluntary repatriation» and/or political containment of minorities. This allows us to identify positive changes in citizenship legislation effected by the EU and other international organisations, regardless of the fact that international advisors have not questioned the restitution principle in its own right.

Historical Memory Policies in the Baltics: Experiences of the Past and the Current State of Affairs

Ilja Nikiforov

During the last century all three Baltic States engaged in systemic and purposeful history writing and developed respective policies to enforce their own interpretations of historical events. Today, such policies enjoy the support of a wide range of institutions: museums and non-governmental organisations dealing with collection, preservation and research on and of the historical memory in addition to formulation of politically sound historical doctrines. History policies became one of key elements of Baltic ethnic policies and an effective instrument supporting the ideology of the existing nation-state and consolidation of its political base. Historic memory is regarded as an important component of socialisation, self-identification and preservation across many political and social strata. Although ethnic politics in the Baltic States are cross-fertilised by a range of policies and ideologies, state sponsored interpretations of history legitimise citizenship, language and education legislations and make cognisant sense of surrounding ideological framework. Contemporary historic memory rests upon the official rota of events, calendar commemorations and appropriation of space by «ethicising» place-names and visibility in monuments. All these are carefully tailored to make sense of ethnic policies and avoid conflicting narratives visible in everyday reality: History lessons at school are subordinated to the interest of state policies, official historical discourse is co-founded on the consensus among teachers and ethnic majority intellectuals. Rejection of the Soviet past resulted in restoration of pre-WWII traditions and historical interpretations, culminating in a change in the official calendar of holidays being altered nearly completely for four times over the past century.

Public knowledge of history relies on myths and is heavily influenced by media representations and current political priorities. Yet, professional historiography is not identical to history represented by the media or preferences of the state allowing for a margin interpretation of historical events however limited. Split-level communication of subjects of historical memory is aimed at overcoming contradictions and to ensure correlation between official, media and school histories and popular myths.

The Demography of Estonian Russian Population in the 20th Century

Ilja Nikiforov and Vadim Poleshchuk

In the early 1900s ethnic Russian population of the Estonian and Livonian provinces of the Russian Empire was comparatively small, only about 5% of all inhabitants. Two population censuses were conducted during the period of the first Estonian Republic, in 1922 and 1934. According to these, ethnic majority fielded 88% of the entire population, with Russians making up only about 8%. The patters of Estonian Russian settlement were reflected in their social and professional characteristics: 51% worked on land and 26% in industry, and only 1% of the industrial capital and 3% of trade capital belonged to ethnic Russians. There were about a hundred publicly funded elementary schools and several secondary schools with Russian as a language of instruction. A unique Russian cultural environment flourished in Estonia throughout the period of 1918–1940; yet from 1940, following this country's incorporation into the USSR most of existing Russian cultural institutions were abolished.

During the WWII Estonian population, including local Russians, faced considerable negative demographic change, which continued in the decade after the war. Following Stalin's death in 1953 the so-called indigenisation policies eased the situation and by the early 1960s Estonian political elites were well integrated into the Soviet system. The last Soviet population census of 1989 reports that the share of ethnic Estonians in republican population fell down to 63%, however their share in the republican administration rose to 72%, in science to 67%, culture and art boasted 84% of ethnic Estonians and education professionals were 71% Estonian. Regardless, the rise in numbers of Russian-speakers and the strength of the Russian language have been the focal point of the local political opposition and were also of concern for the Estonian Soviet administration.

The reinstatement of the Estonian independence ushered considerable demographic change. The 2000 population census reports that the numbers of total population dropped from 1.565 million in 1989 to 1.370 million. The preliminary results of the 2011 census state that every second ethnic non-Estonian resident still does not have Estonian citizenship and the total percentage of people with no or undetermined citizenship is at level of 15% of

the entire resident population. With around one fourth of the entire minority population (especially younger people) have left the country in 1990s, compounding the effects of aging on minority community. Ethnic and age structure of the Estonian population in 1989 was perceived as a «demographic problem» and was instrumentalised to promote pro-independence movement among the titular population. While access to citizenship was restricted to exclude Russians and other ethnic minorities in order to secure political resources in hands of the majority, it is largely the legacy of the Soviet nationalities policy that is still exercising the greatest impact on social and demographic composition of the Estonian society. These have been kept in check by means of political power redistribution, but have not been solved yet.

Demographic Composition of the Russian Population in Latvia in the 20th–21st centuries

Vladislav Volkov

The chapter identifies main trends and demographic changes affecting Latvia's Russian population throughout the two past centuries. Starting from the 19th century the group of ethnic Russians is the second largest community in the country after the Latvians. The number of Russians in Latvia reached its peak at the beginning of the 1990s, when more than 900,000 individuals made up around 34% of the population. Since the restoration of independence, the number of Russians was consistently decreasing, reaching 557,000 and making up 27% of the population in 2011. The main reasons for this trend are an increase in emigration, negative population increase ratio, and an overall increase in Latvian population's growth. At the same time, the decrease in the Russian population's numerical decline does not testify for an enhanced cultural and linguistic assimilation into the Latvian ethnic environment. Comparable to trends of the past century, Russians continue to intermarry within their own group and with other Russian-speakers in the country, primarily Belarusians, Ukrainians, Jews, and Poles. The overlap in ethnic and linguistic identity among the Russian populace in Latvia is a peculiar phenomenon: Unlike the 1990s, the early 2000s has not seen a reduction in the interest of the Russians and other Russian-speakers in native (Russian) language education for their children. Thus, the mechanisms of ethnic and linguistic identity reproduction resemble those observed in the 19th century Latvia, creating and sustaining this country's societal and cultural diversity. Therefore, despite the marked trends in emigration and in numerical decrease among the group, the Russian community in Latvia will also remain significant part of society for a foreseeable future.

Ethnic Russians in Independent and Soviet Lithuania: Demography, Social Status and Identity

Andrius Marcinkevičius

The issues pertaining to identity, social status, and demographic composition of the Russian ethnic group in Soviet and post-Soviet Lithuania continue to pose a significant challenge for academic analyses. Prejudice and stereotypes abound among general public and professionals, making the study of Russian cultural activities, including those of Russian intellectuals and religious communes, the dominant research of historians working on the interwar period of Lithuania. Analyses of the history of Soviet Lithuania rarely discuss if at all the situation of Russians, but when examined, they are presented in the light of the processes related to Soviet incorporation, Sovietisation, socioeconomic policies, and deportations. Due attention to the historical experiences of Russians in Lithuania is lesser known, yet, as this chapter suggests, are crucial for revision of prejudiced views, for discussion of issues of demographic and social nature facing this ethnic group today, and for effectively constructing this group's identity.

Much of the information on demographic characteristics of the Russian ethnic group can be drawn from population censuses. Comparison of statistics from different periods in history provides a very superficial understanding of relevant social processes, as these tend to reflect state ideology and official policies towards non-dominant ethnic groups. The interwar Lithuania promoted the interests of its majority population above all and sought to minimise the visibility of ethnic minorities' residents in the State of Lithuanians. During this period, ethnic Russians were presented in all social, economic, and political strata, and as a result, did not have a shared identity. Later, Soviet nationalities' policy promoted the creation of a «socialist nation» and inspired a concomitant non-ethnic type of civic identity to emerge in the future, influencing the whole of the Lithuanian population. During this time and like many other ethnic groups in Lithuania, local ethnic Russians were also affected by repressions and deportations as a result of their social status and due to their social and political activism in interwar Lithuania.

The internal migration flows within the Soviet Union brought a new group of Russian settlers to Lithuania. This new group, socially mobile and bigger in numbers, altered ethnic and social structure in Lithuanian large cities Vilnius, Klaipėda, Kaunas and many others. Throughout the 1970s and 1980s, industrialisation projects implemented in Lithuania required migration of experts and workers from other territories of the USSR, making some sectors of the local economy «Russian-speaking». With the exception of Sniečkus (now the city of Visaginas) where the construction of a nuclear power station started in mid 1970s and where Russians made up about 1/3 of the population, migration to Lithuania did not result in the emergence of cities or regions where Russian-speakers dominated. Employed in

priority sectors of the Soviet economy and, as a result, granted considerable privileges in Soviet Lithuania, ethnic Russians have enjoyed a relatively high social status, both compared to the local «titulars» and Russians in the Russian Soviet Federal Socialist Republic. Unsurprisingly, following the demise of the USSR, social and economic transformations hit Russian ethnic group of Lithuania hard, and for most, demoted their higher economic status, destroyed their social networks, and impacted their group. All of that had an effect on the adaptation of Russians to new political, economic and social processes. Many qualified workers and intellectuals migrated from Lithuania. Following Lithuanian accession to the EU, Lithuania's Russian ethnic group has partaken in pan-European migration flows into Western European states in search of better employment opportunities; currently, many citizens of the Russian Federation arrive to undertake employment in Lithuania.

Social-economic Transformations in Estonia

Jelena Helemäe

Estonia is often treated as a laboratory for social experiments. During the Soviet period, several Soviet economic reforms were tested in Estonia from the 1950s until the very demise of the Soviet Union. Furthermore, Estonia's post-independence market liberalisation and economic reforms are regarded as the most radical among post-socialist countries, its highly liberal economic principles and retreat of the state from regulation were in line with the recommendations of the World Bank. Domestic labour market policies leave employers free hand decide the fates and fortunes of their employees: Flexibility, low wages, unregulated working conditions and employees' docility are seen as key features of the Estonian labour market.

Since Estonia has undertaken a mass restructuring of the economy in the early 1990s away from industry and agriculture to increase service provisions, the country experienced a «passive» structural change: practically stable number of employees in services constituted constantly increasing share among the decreasing total amount of employed persons resulting from an unprecedented shrinkage of primary and secondary sectors. Profoundly changing the areas and the amount of demand for labour altered the economic basis of ethnic stratification carried over from the socialist centrally planned economy: in the Soviet Estonia the economy was sub-divided into so-called «all-union» and «local» segments, subordinating these to ministries of the Union and Republic respectively. As a result, labour force reflected the similar segmented structure and was visibly reproduced along ethnic lines. The Union-subordinated labour force employed mainly Russian-speakers and was closely linked to the defence and military industry. Ethnic Estonians were concentrated in agriculture, but also in the social services. Given that so-called all-union enterprises were concentrated either in the city of Tallinn or in North-Eastern Estonia, economic segregation not only lead to

ethnic differentiation in employment but also went in hand with residential segregation.

Yet, concentration of Russian-speakers among the industry workers and in all-union enterprises located in distinct geographical areas tells only a half of the story about the origin of contemporary ethnic inequalities in the contemporary Estonian labour market. Labour market disadvantage of non-Estonians has been enhanced by legislations framing the ethnic Estonian character of the state by means of citizenship and strict Estonian language proficiency requirements. However, the results of current study support conclusions of previous research that poorer chances of non-Estonians to reach the higher positions in the occupational hierarchy and make use of their high general human capital (i.e. high level of education) cannot be explained by low amounts of their country-specific human capital (i.e. poor Estonian language skills or not being an Estonian citizen).

On average, ethnic non-Estonians are less likely to work in a managerial or professional position compared to Estonians with same levels of human capital, however, we could expect that those in possession of country-specific human capital (e.g. good Estonian language skills, citizenship of Estonia) are better placed to compete with Estonians in an open labour market situation. The data shows that the chances of such resource-rich non-Estonians to attain high occupational position are only compatible with those chances of Estonians if non-Estonians have higher level of education than Estonians. The same holds for those in jobs demanding levels of education lower than workers actually have: compared with ethnic Estonians non-Estonians are more likely to find themselves over-qualified, even when their other circumstances are the same as those of Estonians such as level of education, place of residence, employment sector, age. This situation is fit into the definition of the so-called glass ceiling phenomenon: ethnic inequality in access to the advantageous labour market positions cannot be explained neither by job-relevant characteristics of employee nor by ethnic segmentation of labour market. Belonging to «wrong» ethnic group works as a significant barrier to attain better standing in the highly deregulated and liberalised labour market.

Protest Mobilisation of the Russian-speaking Minority in Latvia

Tatyana Bogushevitch

After the re-establishment of independence in 1991, the Latvian government has installed policies in the field of language use and citizenship to strengthen the positions of ethnic Latvians. These have limited opportunities for the Russian-speaking population to participate in political process in comparison with the period when Latvia was a part of the Soviet Union. Noting that in 1989–1990 a considerable part of Russian-speakers were in favour of independence of Latvia, the respective policy changes should be

viewed as a tool to enhance relative deprivation of the group as a whole. Social mobilisation theories suggest that groups targeted by such policies would inevitably undergo mobilisation and effectuate collective action in order to protect their interests. Yet, no public protest movements against the policies emerged in the Latvian case. The adaptation of Education Law in 1998 provided for gradual shift in all publicly funded schools with a minority language of instruction to the state language. To protest against it, the Russian-speaking minority has created a broad social movement and sustained it for three years. This confronts us with an empirical puzzle. Why minority that did not protest against policies directly affecting their life-chances, such as citizenship and language policies, have opted in for a protest activity against policies that were officially designed to improve their competitiveness?

The chapter presents the results of a research that uses two types of data to explain the emergence of the protest movement. Firstly, it relies on primary data collected in fifty in-depth semi-structured interviews with the leaders of the movement, its participants as well as those who bore considerable mobilisation potential, but did not participate actively, such as parents, pupils and teachers. The respondents represent different publicly funded schools with the Russian language of instruction that do *not* implement minority education programs. The interviews were analysed using the narrative analysis method along with axial coding was used to distil respondents' arguments and discursive strategies, as well as their interpretation of events, over the frequency of the views expressed or individual behavioural patterns. Secondly, the chapter peruses documents in public domain, such as articles and press clippings, survey data, chronologies of events, other research digests, to amend the original information from the primary sources (e.g. to reconstruct the chronology of events or to support a statement with more representative data).

The conclusion drawn is that two factors combined have determined the mobilisation outcome in the case of the education reform in Latvia: the density of social networks and perceived costs of inaction. Unlike in the cases of citizenship and language policy, institutions with dense social networks and connective structures have become mobilisation spots for participants sharing personal stakes regarding the outcome of the education reform: Information dissemination, recruiting, accumulation of resources took place in schools; Media informed individuals on the content of reform, framed these as discriminatory and humiliating political gesture aiming at the exclusion of minority as a group. However, this interpretation is not shared among the movement's participants: Parents and teachers alike aimed at preserving native language education, believing that the quality of education would be diminished otherwise. Additionally, the benefits of participation were perceived to exceed the cost of inaction should policy implementation proceed, unlike in the case of the language and citizenship policy. Believing that the collective protest would be effective if a considerable number of people took part, parents mobilised only when they encountered the real-life

effects of the reform on their children's cost of adapting to new circumstances. Both these factors also explain the decline in protest movement: as these failed to achieve tangible results mass participation subsided and dissipated.

From One Union to Another: Western Academia on Baltic Ethnic Policies on the Threshold of the EU

Timofey Agarin

After the demise of the Soviet Union in the 1991, Baltic States re-emerged on the international arena as sovereign countries, setting out EU membership as their primary foreign policy priority. As such, Baltic States were exposed and had to comply with the central value for the EU since its inception: peace and stability in and around the EU, ensured by democratic design of domestic political structures and supported by effective implementation of the rule of law. This chapter discusses criticisms found in the Western scholarship about the national governments' decisions to sanitise political space from minority participation and what challenges were identified in the scholarship for successful, that is conflict-free, political, economic, social, demographic and linguistic developments after Baltic States would join the EU. Although similar issues can be found in the Russian language literature on the issue, Western scholarship on Baltic studies has predominately focused on consequences of nation-state building in the region, home to multi-ethnic citizenries and residents. As this chapter argues, these criticisms reflect Western scholarship's commitment to look into the root cause rather than to focus on more up-to-date political and social problems faced by Baltic populations in the run-up to EU membership. The analyses in this paper points out that the key issue of interest for Western scholarship was and remains related to state capacity to design and implement policies that would reduce the likelihood of conflict, something that the institutional design of Estonia, Latvia and Lithuania has failed to deliver.

Much of the scholarship on the Baltic States has focused on these states effective transition from Soviet republics to EU member-states, overcoming the institutional and experiential legacies of Soviet inclusion. Much of this literature regards Baltic transitions from perspective of regaining national sovereignty over political decision-making domestically with the end of securing peace and stability domestically and with relation to their neighbours. Scholars observing the dynamics of regional development in the course of the EU accession have emphasised the central role democratic institutions, rule of law and accountability of policymakers to those they govern. Yet although European integration of Estonia, Latvia and Lithuania were pursued for their intrinsic value of promoting democracy in the European neighbourhood, a broad range of other goals were also advanced as a result of the European

integration process. Efforts to encourage democratisation were pursued more systematically across post-socialist Europe and Baltic States specifically because a fixed set of international agreements was already in place: Helsinki agreement among others. Crucially, as this chapter outlines, much attention has been granted to political elites' disavowing the violation of human rights in the region, while a more central goal of Helsinki agreement was promoted in the course of the EU integration: state sovereignty over domestic policy making. This chapter argues that much of European scholarship focused on issues of domestic sovereignty over policy-making and as such consistently criticised the limits present in all three states for minority participation in political process. The large interest in Baltic States from all social science perspectives has resulted also in sharp criticism of democratic accountability across the region: disapproval mounted when domestic ethnopolitical developments were analysed in terms of security and stability in the Eastern Baltic region.

Reviewing the large corpus of literature on postcommunist ethnic politics and Baltic ethnopolitics specifically, the chapter reflects on the implication the penultimate foreign policy achievement of the Baltic States – the EU integration – for domestic minority communities. It concludes that the Western scholarship has a few crisp answers. Political scientists claim that EU accession allowed Baltic States to join-in the normative space where objectives of the majority override the needs of the minority for equal participation. This, in the context of scholarship on international relations, is seen as the only viable tool for ensuring domestic stability and state functionality. Social scientists have a much more concise answer: political institutions frame societies, mediate conflicts and avail of opportunities to prevent social discord by exercising social cohesion. All of these have had differential effect on minority and majority in each Baltic country. The visible marginality of minority representatives among political elites and in key positions in the social structure are likely to press non-titulars to develop parallel social structures, separate from titular groups, but also to develop patterns of behaviour distinct from their kin-folks in e.g. Russia, Ukraine and for that matter other Baltic States.

Social scientists indicated that whilst unconstrained cultural life of majority was the rule in Baltic, as is in the EU states, the dominance of the state language, limited use of minority languages and lack of minority support for social integration reflect limited preparedness of the majority to cooperate and even acknowledge minorities' different needs and opinions. Comparative political studies across postcommunist Europe have long identified mismanagement of popular discontent by political institutions as a potential threat for domestic and regional stability even after the EU accession. This chapter suggests that Western scholarship has long chimed about similar problems with the Baltic political institutions that continue to hamper intergroup dialogue and effective democratic transition.

The EU and Ethnic Policies: the Case of Latvia and Estonia

Dimitry Kochenov

This chapter traces the involvement of European integration in the protection of the Russian-speaking minority in the Baltic States of Latvia and Estonia. Two main aspects of such involvement are scrutinised, including the pre-accession involvement of the European Union in the promotion of change in the two Baltic republics; and the analysis of the systemic influence of European integration as such on the development of minority policies in the Baltic States in the near- to medium-term future.

The first aspect is concerned with the EU's involvement with the Baltic States in the pre-accession context, where the principle of conditionality was deployed. Although the European Commission – the Institution of the Union largely responsible for the practical implementation of the principle – can be criticised for failing to promote serious change, some important results have been achieved. Crucially, the Commission insisted, on behalf of the European Union, that the national definition of an «ethnic minority» adopted or used in the two countries in question was deficient, since it paid too much attention to the citizenship of the persons belonging to minorities, threatening to exclude the majority of those in need of protection. This became the first fundamental step towards the formulation of the EU's approach to minority protection. Moreover, the very fact that minority protection was included among the areas where pre-accession compliance had to be tested eventually led to the incorporation of «minority protection» among the objectives of the Union by the Treaty of Lisbon.

The second aspect evolved around three crucial areas of Union's involvement: its promotion of free movement of EU citizens around the whole territory of the Union coupled with a quasi-absolute guarantee of non-discrimination on the basis of nationality; the respect by the Union of the culture, languages, and traditions of the Member States; and the Union's nascent and mostly weak minority protection policy. As a combination, the trio functions in a liberating vein, since it limits the ability of the Member States to intervene in the ordinary lives lived by EU citizens, pushing States to accept EU citizens as they are. In other words, the very essence of the EU integration project leaves no place to valid «ethnicity» or «nationality» considerations, prohibiting discrimination and thus profoundly disturbing ethno-nationalist projects fancied by some Member States. In this context the style of minority-majority relations in the Baltic States is bound to be changed profoundly, if not entirely, under the influence of European integration. This will potentially open up the way to a new Latvia and a new Estonia of the future, once the liberating ideology of the European integration project comes to be fully realised and harkened in both Member States concerned.

Impact of the Council of Europe on Ethnopolitical Issues in Latvia, Lithuania and Estonia

Boriss Cilevics

The position of international organisations was one of the main factors to define the ethnic policies of the Baltic States after the restoration of independence. This factor was of particular importance during the periods of political conditionality, when Estonia, Latvia and Lithuania were aspiring to join international organisations (the Council of Europe, EU, NATO) and thus were obliged to comply with criteria for membership. The role of the OSCE and EU was analysed in-depth in a number of publications. Much less attention was paid to an array of assessments and recommendations of the Council of Europe, though the latter's influence was essential. It is often neglected that unlike the Baltic States «block» accession to the EU and NATO, Estonia, Latvia and Lithuania were accepted to the Council of Europe at different times. Arguably this is due to substantial differences in the development of legal framework relevant to human and minority rights in each specific state in question.

The paper examines evaluations, conclusions and recommendations included in the Council of Europe documentation at different stages when the Baltic States' applications were considered for joining the organisation, honouring of their obligations and commitments undertaken upon accession was monitored, as well as when these states were assessed with regard to implementation of relevant European instruments. In order to provide a complete picture of evaluation, the chapter provides an overview of relevant decisions of the European Court of Human Rights with regard to Baltic States. On the whole, Council of Europe's, in contrast to other intergovernmental organisations', assessments and recommendations are less pronounced in their political and/or security considerations. They are rather legalistic analyses of real-life situations and thus of necessity «dry» deterring a minute analyses by lay-reader. This is particularly true for the expert bodies whose conclusions are not subject to political or diplomatic approval (e.g. ECRI). In the meantime, main organs of the Council of Europe, i.e. the Parliamentary Assembly and the Committee of Ministers, are political qua their nature and are thus not entirely devoid of political considerations: The position of the Assembly is determined by both national and political affiliation of its members and Committee of Ministers is reflecting on dynamics of the governments of its member states. Bodies of the Council of Europe, as a rule, seek to formulate their conclusions in a balanced and restrained way, so that not to condemn but maintain a constructive dialogue. Sometimes this style may cause dissatisfaction or offer a lee-way for manipulations in domestic reinterpretation of decisions. Overall, this makes it difficult to assess the impact of each individual action upon any specific issue at the core of dispute. However, it remains clear that the Council of Europe played a crucial role in prioritising certain ethnopolitical issues over others. For example, the need to facilitate and speed up naturalisation in Estonia or to grant voting rights in municipal elections to non-citizens in Latvia featured most prominently domestically, and in the long run, shaped the EU agenda.

More recent changes in the European political landscape, specifically the weakening of left-wing parties, have all been reflected in Council's statements on the ethnopolitical issues in the Baltic States. Accession of states from Southern Caucasus and Western Balkan to the Council of Europe has factually watered down the membership standards and in effect, saved Baltic States and ethnic politics in the region from more severe criticism from the organisation.

Discourse of Formation of the Migration Policies in Latvia

Berigita Zepa

Integration takes place in all social groups at all levels. Therefore relevant analysis of social integration processes should focus upon and cover several interlinked levels and approaches. The chapter is based on the theory of immigrant's integration by Joseph H. Carens and uses interviews with political elites, state and municipal public officials to investigate competing discourses about immigration policies accompanying Latvian policy making. The prevalent discourse among the general public and officialdom alike questions the feasibility of a comprehensive approach to and development of policies regulating migration. As a result, political elites follow the dominant discourse rather than engage in shaping and revising policies by means of making unpopular decisions. In practical terms negative attitudes towards foreigners prevail across all levels of society and are thrown back to received street wisdom of largely negative historical experiences, feeding off the fears for coherence of identity of the (ethnic) Latvian people. The data demonstrates, however, that state officials have to draw on expert opinions of demographic, social and economic changes in society while considering state obligations *vis-à-vis* the EU law to ensure their short-term political gains. On the other hand, the municipal officials are often more pragmatic and forthcoming in hand-on solutions to migration, giving due consideration of social, economic needs of communities under their jurisdiction. The chapter claims that national level political elites disengage from tackling pressing issues of migration, while municipal elites engage constructive solutions for the sake of the better future in their cities and districts.

Academic Discourse in Russia on Ethnic Politics in the Baltic States

Andrey Berdnikov and Deniss Hanovs

The chapter analyses Russian Federation's academic work dealing with issues of ethnic and identity politics in the Baltic States. The chapter starts by looking into recurrent themes in the applied research, focusing primarily on political issues in the area of ethnic relations in the Baltic States,

identifying two main trends here. First, the relations between different ethnic and linguistic groups in the Baltic States *per se*, that is detached from the impact domestic politics in the Baltic countries might have on Russia's interests in the region. This scholarship focuses particularly on the relationships between titular populations and domestic Russian-speaking communities, largely dependent upon specific characteristics projected upon the majority and/or minority groups by the researcher. Renald Simonian is singled out as the most prominent representative of such scholarship. Second is the preoccupation with international implications of unresolved domestic stand-off. Russian scholars working in this framework tend to view the Russian-speaking community in the Baltic States as «Russian Federation's diaspora» rather than as different minorities in their respective countries of residence. Exemplarily, Tatiana Poloskova pays attention to political, economic and cultural resources to be found within the «Russian diaspora» in the Baltic States and links these with opportunity for extending Russia's interests into the Baltic region. The chapter finds three models of the interaction between states and their diasporas in this context, deploying utilitarian logic over realistic considerations. «Repatriation approach» is advocated to return persons to their «place of origin», «protection approach» focuses cultural and political rights of compatriots, and Poloskova's preferred «diasporic potential approach» aims at pushing national interests and intergovernmental relations by gauging compatriots in the Baltic States.

In the second part, the chapter examines the analyses of memory politics in the Baltic States in terms of performative and postcolonial approaches. Since the collapse of the Soviet Union, the contrasting memories of the historical events have shaped the attitudes of different ethnic and linguistic groups towards each other and as a result identity politics promoted by the ruling elites. Studies in collective memories of ethnic minorities in the Baltics, both analytical paradigms can be found interchangeably to account for interaction between minorities and majorities' views of the past. As is often the case, the past becomes an area where different interpretations of social risks and societal ideals compete with one another, build up and sustain us-them dichotomies, justify and perpetuate social hierarchies. Such research on collective memories often overlaps with the narration of the Baltic political history of the last twenty years: during this period both politicians and societies have rehashed their views of history, created collective meanings and auctioned for symbols of political power in ceremonies, public holidays, monuments, biographies etc. Bearing in mind the protracted situation of the day, the chapter highlights different aspects found in the Russian Federation's scholarly discourse on the construction of Baltic States' «otherness».

The research on Baltic ethnic politics being an extremely dynamic and persistently evolving research area, the chapter provides but a cursory introduction into major themes and trends in Russian Federation's Baltic Studies landscape.

Conclusion

Vadim Poleshchuk

The book offered an overview of ethnic policies in the Baltic States with the emphasis on the challenge posed by the presence of the ethnic Russian population in the region. The book has highlighted the long shade of the Soviet nationalities policy, the impact of state restitution and role of the historical memory in contemporary political and social processes across the region. Throughout the volume, authors granted special attention to the analysis of Baltic ethnic and identity policies by academic observers, the European Union and the Council of Europe experts. The book also, highlighted trends in minority labour market participation, policies of immigration and analysed the impact of Baltic language policies on protest mobilisation of minority communities in the region to assess potential long term impact of post-Soviet and contemporary ethnopolitical developments in Estonia, Latvia and Lithuania.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агарин Тимофей Владимирович – доктор философии (Университет Абердина, Шотландия) в настоящий момент преподает в Королевском университете Белфаста (Северная Ирландия). Докторская работа, посвященная проблемам участия балтийских меньшинств в процессах демократизации, была опубликована в издательстве «Rodopi Press» как книга под названием «A Cat's Lick. Democratisation and Minority Communities in the post-Soviet Baltic». Его перу принадлежат десятки научных публикаций и исследований по сравнительной политике и этническим конфликтам.

Бердников Андрей Петрович – доктор социальных наук в области политологии (Латвийский университет, Рига). Защитил докторскую диссертацию на тему «Влияние новых информационных и коммуникационных технологий на деятельность протестных движений». В настоящее время является ведущим научным сотрудником Института социальных и политических исследований Латвийского университета.

Богушевич Татьяна Борисовна – доктор социальных наук в области политологии (Латвийский университет, Рига). Специализация – социальные движения и этнические конфликты. Преподает в Видземской высшей школе (Валмиера, Латвия). Директор частного учебного центра. Работала в Сейме (парламенте) Латвийской Республики и в исследовательских институтах. Автор публикаций о предотвращении этнических конфликтов, положении этнических меньшинств и концепции «мягкой безопасности».

Волков Владислав Викторович – кандидат философских наук (Уральский государственный университет), доктор социологии (АН Латвийской Республики). С 1989 г. работает в различных университетах Латвии и одновременно с 1992 г. в Институте философии и социологии Латвийского университета. Основная научная специализация – социологический анализ положения русского этнического меньшинства Латвии.

Димитров Алексей Сергеевич – магистр права (Латвийский университет, Рига). Советник фракции Зеленых/ЕСА в Европейском парламенте. Член правления Европейской ассоциации по правам человека (Брюссель, Бельгия). Член Латвийского комитета по правам человека. Ранее работал фракционным советником в Сейме (парламенте) Латвии, а также начальником юридического отдела в Секретариате министра по делам интеграции общества Латвии. Имеет опыт участия в судебных процессах, в том числе на уровне Европейского суда по правам челове-

ка. Неоднократно являлся соавтором официальных и теневых докладов по меньшинственной тематике в Латвии. Специализируется на международном и европейском праве.

Зепа Бригита – доктор социологии (Институт философии и социологии Латвийской академии наук). Профессор, факультет социальных наук, Латвийский университет (Рига). Директор Балтийского института социальных исследований. Автор десятков публикаций по этнополитике Латвии. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Коченов Дмитрий Владимирович – магистр права (Центрально-Европейский университет, Будапешт), доктор права (Гронингенский университет). Профессор конституционного права ЕС Гронингенского университета (Нидерланды). Специализируется на вопросах права ЕС в следующих областях: общее гражданство; защита меньшинств, равенство и недискриминация; расширение и зарубежное сотрудничество ЕС; правовое государство, демократия и основы европейского правового порядка и др. Автор нескольких монографий и десятков научных статей.

Марцинквичюс Андриус – доктор гуманитарных наук в области истории (Вильнюсский университет). Директор и старший научный сотрудник Института этнических исследований в Литовском центре социальных исследований (Вильнюс). Основные научные интересы: этническая структура общества в историческом измерении, социальная и культурная история этнических меньшинств, идентичность русских в Литве в XX в. Автор двух монографий и ряда статей по вопросам истории социального положения русских и Православной церкви в Литве.

Никифоров Илья Владимирович – закончил философский факультет Уральского государственного университета (Свердловск) и аспирантуру на кафедре естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «история и методология естествознания». В 1987–1993 гг. работал в Тартуском университете, затем корреспондентом и обозревателем в «Независимой газете» и газете «Эстония». В 2002–2008 гг. занимал должность главного редактора газеты «Молодежь Эстонии». Автор и соавтор пяти книг, ряда кинематографических и театральных сценариев. Область научных интересов: история и социология СМИ, новая и новейшая история стран Балтии, защита прав меньшинств.

Полещук Вадим Владимирович – магистр права (Университет Аудентес, Таллин). Докторант Гронингенского университета (Нидерланды). Ведущий сотрудник Центра информации по правам человека (Таллин, Эстония). В 2004–2010 гг. возглавлял эстонскую фокус-группу сети RAXEN Агентства ЕС по фундаментальным правам. Эксперт Сети европейских экспертов по правовым вопросам недискриминации и Сети экспертов по социально-экономическим аспектам дискриминации (SEN). Обе сети созданы по инициативе и для информирования Европейской комиссии. Активный член Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Автор десятков научных публикаций по вопросам этнополитики в Эстонии и Латвии (политика

в области миграции и гражданства, языка, образования, борьба с дискриминацией).

Степанов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Москва). Является автором более 200 опубликованных научных работ, посвященных проблемам этнической политики и законодательства, этнической экологии, миграции, этнической демографии, вопросам этнологии этнического картографирования и создания статистических баз данных. Эксперт Комитета по делам национальностей Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Тишков Валерий Александрович – российский этнолог, историк, социальный антрополог. Академик РАН. Профессор. С 1989 г. – директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая и Центра социальной антропологии РГГУ (с 2000 г.). С 1993 г. директор общественной научно-исследовательской организации Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук.

Ханов Денис Александрович – доктор гуманитарных наук. В докторской диссертации (Академия культуры) анализировал дискурс о нации и коллективной памяти в латышских СМИ и о праздниках второй половины XIX в. Профессор факультета коммуникации Рижского университета им. Паула Страдина и научный сотрудник Научного института регионалистики Резекненской Высшей школы (REGI). Имеет ряд публикаций по вопросам этнополитики Латвии.

Хелемяэ Елена Карловна – кандидат философских наук (Институт философии, социологии и права Литовской АН, Вильнюс). Старший научный сотрудник Института международных и социальных исследований Таллинского университета. В центре ее научных интересов – проблемы стратификации и сегрегация меньшинств на рынке труда. Автор десятков научных публикаций.

Цилевич Борис Леонидович – магистр физики (Латвийский университет, Рига). Депутат Сейма (парламента) Латвии с 1998 г., заместитель председателя комиссии по правам человека и общественным делам. Член Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), автор 15 докладов ассамблеи. Был председателем Подкомитета по правам меньшинств и Подкомитета по выборам судей Европейского суда по правам человека. Постоянный наблюдатель ПАСЕ при Европейской комиссии против расизма и нетерпимости (ECRI). До избрания в Сейм возглавлял неправительственную правозащитную организацию, участвовал в ряде международных проектов. Автор более 30 публикаций по проблемам прав национальных меньшинств, этноконфликтологии, демократии в многокультурных обществах. В 1990-е годы являлся экспертом Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Ярве Прийт – кандидат философских наук (Институт философии АН СССР). Работал в АН Эстонии, в том числе директором Института международных и социальных исследований. Был редактором эстонских докладов о человеческом развитии в 1995, 1996 и 1997 гг. В 1997–2004 гг. работал ведущим экспертом и исполняющим обязанности замдиректора Европейского центра по вопросам меньшинств (Фленсбург, Германия), где курировал проекты по Молдове, Украине, Эстонии, Латвии и Калининградской области РФ. Имеет многочисленные публикации по вопросам демократизации обществ переходного периода, по языковой политике, этническим отношениям и этнической демократии на постсоветском пространстве. С 2004 г. – независимый исследователь.

**Файл данной книги только для рецензентов.
Не для свободного распространения!**

Научное издание

**ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
В СТРАНАХ БАЛТИИ**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Редактор *В.М. Черемных*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова,
Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 18.10.2013
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 25,5. Усл. кр.-отг. 25,5. Уч.-изд.л. 29,8
Тираж 590 экз. (РГНФ – 300 экз.) Тип. зак. 4563

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-038044-8

9"785020 "380448 "